БОРИСЕНКО

ОВЕТСКИЕ РЕСПУБЛИКИ
А СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В 1918 ГОДУ

I

„СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ"
РОСТОВ н-Д. 1930

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ КРАЙИСТПАРТ

И. БОРИСЕНКО

СОВЕТСКИЕ РЕСПУБЛИКИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В 1918 ГОДУ

ТОМ I

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ РЕСПУБЛИК

(ПОД РЕД. Н. ЛИХНИЦКОГО)

Северо-Кавказск. Краевым Методическим Советом допущено в качестве учебного пособия для учащих и учащихся ВУЗ'ов, технихумов и школ повышен. типа Края.

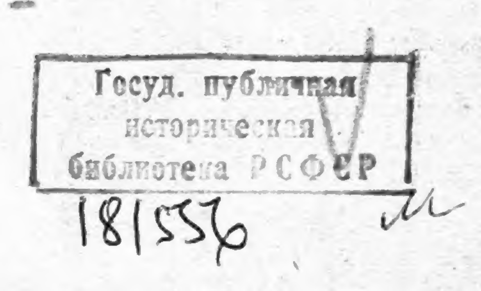

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ"

РОСТОВ Н-Д. 1930

№ 452
II. 30

Стф. ОСТ А5 148×210

Кубокрлит № 111. Заказ № 2901. Тираж 2.000 экз.
Типография им. т. А. Лиманского Севкавполиграфтреста, Краснодар, ул. Гоголя, 54

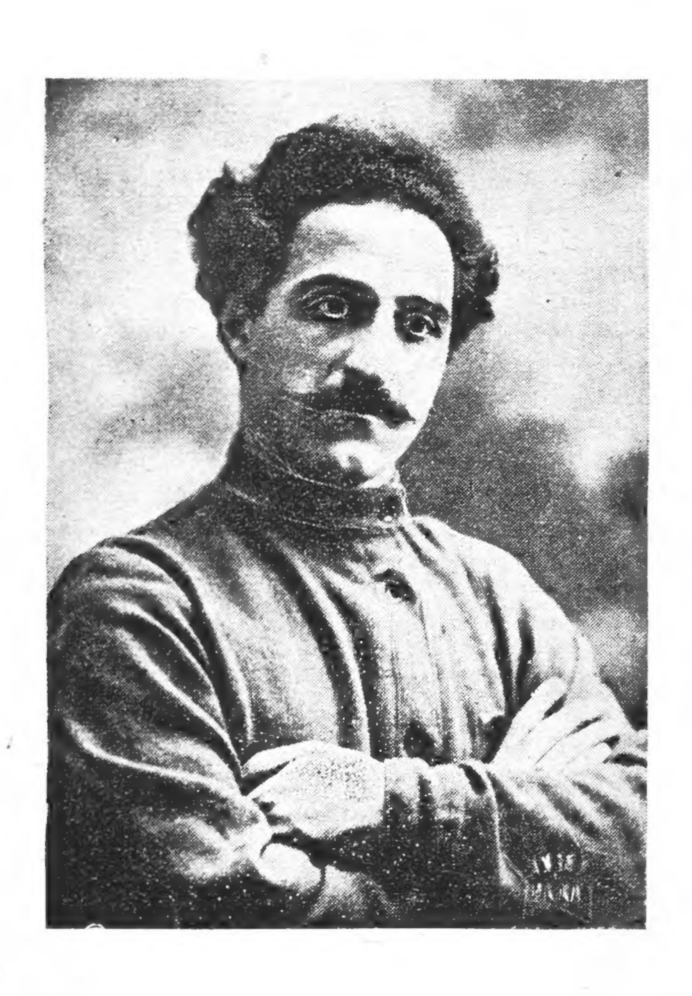
Вождю и соратнику,

уполномоченному ЦК ВКП(б) на Юге России,
непосредственному руководителю Октябрьскими боями
на Северном Кавказе

Серго Орджоникидзе и славной гвардии коммунистов

Северо-Кавказской организации 1918 года, боровшимся
с южной контр-революцией в чрезвычайно тяжелых
условиях, — посвящаю эту работу.

Автор.

...Сотни лет государства строились по буржуазному типу и впервые была найдена форма государства небуржуазного. Может быть наш аппарат и плох, но говорят, что первая паровая машина, которая была изобретена, была тоже плоха и даже неизвестно — работала ли она? Но не в том дело, а дело в том, что изобретение было сделано. Пускай первая паровая машина по своей форме и была непригодна, но зато теперь мы имеем паровоз. Пусть наш государственный аппарат из рук вон плох, но все-таки он создан, величайшее историческое изобретение сделано и государство пролетарского типа создано, и поэтому пусть вся Европа, тысячи буржуазных газет повествуют о том, какие у нас безобразия и нищета, все-таки во всем мире все рабочие к Советскому государству тяготеют...

Ленин.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Марксистская историческая наука делает только первые просеки по пути создания действительно Ленинской истории Октябрьской революции. То, что сделано в этом отношении в центре, где собраны крупные, наиболее научно-подготовленные, силы и имеется сосредоточие богатейших архивных материалов, дает описание и анализ процесса, протекавшего главным образом в столицах и крупнейших промышленных районах. Эти работы дают только начало разработки марксистской истории революции 1917 г., ее первые эскизы, ибо слишком сложен и многообразен был процесс развертывания и хода ее на громадной территории бывшей царской России, чтобы он смог быть изучен в такой короткий срок, который имели до сего времени в своем распоряжении наши молодые, еще немногочисленные, кадры историков.

Социальное содержание и основная схема развития революции вскрыты в работах Ленина, и с историка, по выражению Покровского, „снимается эта трудная, хотя и весьма почетная, обязанность".

Но это обстоятельство нисколько не снимает другой, не менее трудной задачи, — „провести марксистский анализ, в схеме заложенный лишь в самых общих чертах, во все детали конкретного исторического процесса... Тут нужно показать, как преломлялась эта схема во всех отдельных уголках исторического процесса, как и почему, при бесконечном разнообразии сил, участвовавших в этом процессе, в общем и целом получались итоги, вполне соответствовавшие марксистским заданиям — Ленинским заданиям"... Так формулирует М. Н. Покровский основную задачу и смысл исторических изысканий тех большевиков-ленинцев, которые призваны партией участвовать, так или иначе, в писании истории Октября.

Каков основной стержень в этой схеме нашей революции, которую оставил нам Ленин и которая была полностью подтверждена всем ходом событий?

Это — соотношение и переплетение буржуазно-демократической революции с пролетарской, такое соединение, при котором „первая перерастает во вторую, вторая мимоходом решает задачи первой". Именно перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую, начавшееся при гегемонии пролетариата в движении после февраля и заканчивавшееся в ряде окраин уже при диктатуре его в центре, установленной Октябрем, является главным стержнем всего революционного процесса 1917-18 г.г. Воспроизвести

во всех деталях этот процесс, показать, „как преломлялась эта схема во всех отдельных уголках исторического процесса“, является главным заданием, исходя из которого должна писаться Ленинская история революции всеми, кто берется изучать даже небольшие детали этого великого процесса в каком бы то ни было районе России.

В свете такого подхода к марксистской исследовательской работе над Октябрьской революцией приобретает особенно важное значение изучение истории Октября на „Российской периферии“.

Те первые опыты, которые до сего времени сделаны, как напр.: „Очерки по истории Октябрьской революции“ под редакцией М. Н. Покровского, дают конкретное воплощение Ленинской схемы, главным образом на анализе решающих центральных событий доведением пока до осени 1917 г. И если даже и здесь мы имеем только „первые эскизы“, то что касается провинции, и особенно окраин, то там и до подобных „эскизов“ еще далеко.

А между тем совершенно ясно, что все разнообразие сил и конкретного сцепления событий вокруг основного стержня не может быть дано без „окраинного материала“.

Мы бы сказали, что уже сейчас историки Октябрьской революции подходят к тому, что без изучения революционного процесса на периферии и особенно на окраинах дальше продвигать марксистское изучение истории Октября очень трудно. Все своеобразие перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую, переплетение последней с первой и завершение этого процесса проходило в огне гражданской войны с окраинными контр-революционными образованиями.

Российские помещики и буржуазия, разбитые в центре, международный империализм, не могший не приложить свою руку к первым шагам контр-революции, концентрировались и накоплялись на окраинах, стремясь отсюда начать реванш за октябрьские поражения. зацепившись здесь за большую слабость пролетарского руководства „крестьянской войной“ и национально-демократическим освободительным движением. Именно здесь имелось наиболее сложное, многообразное и подчас запутанное сцепление форм того же самого основного содержания нашей революции, получившего классическую Ленинскую формулировку; здесь наблюдалось и запоздание процесса, отставание его от центра и наличие ряда таких „переходных ступеней“, которые в центральных районах часто совсем не имели место.

И если бесспорно первой стадией изучения Октября, без которой нельзя было просто приступить к созданию марксистской истории революции, являлись работы, освещающие и анализирующие ленинградские и московские события, то второй стадией, в которую историческая наука уже вступает, является разведка и освоение колоссального провинциального и окраинного материала богатейших событий 1917-18 г.г.

Вместо „Истории России“ I Всесоюзная конференция историков марксистов декларировала „Историю Народов СССР“, как

единственно верный подход к изучению прошлого быв. России. Тем паче история Октябрьской революции есть история героической борьбы не только великорусского пролетариата и крестьянства. Не только написать такую историю, но даже сделать „Первые эскизы“ в центре почти невозможно. Здесь на помощь исследователям Москвы и Ленинграда должны притти провинциальные историки, которым ближе и доступнее местные материалы, которые в первую очередь призваны к освоению „своих архивов“.

Две опасности стоят перед ними в их работе, которые должны быть заранее учтены и преодолены.

С одной стороны, они легко могут скатиться к копировке цепи центральных событий, к такому подгонянию к ним местного процесса, которое выльется в „простое нанизывание конкретных исторических фактов“ на центральную схему, и упустить главное—своеобразие местного процесса; с другой—перед ними лежит опасность потонуть в местном материале, запровинциалиться, оторваться от связи „их“ процесса с центром. Конечно, самое трудное — суметь обойти эти опасности правильным сочетанием своеобразия местного процесса во всех его конкретных проявлениях с основным решающим потоком событий в общерусском масштабе, увязкой исследования проблем местной истории с общесоюзными проблемами. Иначе эту мысль можно формулировать так: необходимо сочетать конкретно-описательное изучение массы фактического материала с достаточно глубоким Ленинским анализом и обобщением цепи местных событий и фактов, вытекающим из основной концепции великой Октябрьской революции, и, с другой стороны, обосновывающим ее местным материалом. Проблема соотношения между буржуазно-демократической и пролетарской революцией, перерастание первой во вторую, решения „мимоходом“ задачи первой пролетариатом, взявшим власть в области конкретно-исторического исследования, может быть достаточно глубоко раскрыта и развернута дальше главным образом путем разработки истории революции на бывших колониальных окраинах России, где имелось наибольшее разнообразие соц.-экономических укладов и где доделывание задач демократической революции имело наибольшее место, где мы имели конкретный стык пролетарской революции с освободительно-национальным движением, переплетавшимся в едином революционном потоке.

И с этой точки зрения, в едином плане составления „действительно Ленинской истории Октябрьской революции“, сейчас уже одним из главных звеньев, за которое должны уцепиться историки-марксисты, является изучение Октября на колониальных окраинах.

Северный Кавказ является одной из наших окраин, где имелось чрезвычайно интересное, имеющее не только местное значение, сцепление событий, фактов революционного потока 1917-18 г.г. До последнего времени при подходе к изучению революции в отдельных областях Сев. Кавказа, главным образом исходили из того

факта, что они были плацдармом для развития контр-революции. Крылатая фраза о русской Вандее, как-бы заслоняла исследование второй, особенно важной стороны проблемы — изучение внутренних движущихся сил революции. Дон, Кубань и Терек были не только „Русской Вандеей", но и огромным очагом „крестьянской войны", направленной в первую очередь на ликвидацию особенно сильных здесь пережитков дворянско-сословного строя и хищнической торгово-капиталистической колониальной эксплоатации не только горцев и „иногородних", но и больших массивов иногороднего крестьянства; эта „крестьянская война" после расщепления единого общекрестьянского фронта дала достаточно мощные массы бедноты и середнячества в качестве союзника пролетариата и на второй стадии революции. Из цифр, свидетельствовавших о большом наличии здесь сословных пережитков прежде всего в аграрном вопросе, которые (пережитки) нельзя ни в коем случае недоучитывать, казаки трех областей: Донской, Кубанской и Терской имели в среднем около $7\frac{1}{2}$ д. на душу, а крестьяне — около $1\frac{1}{2}$ д.— главный упор обыкновенно делали на казачий земельный фонд, как на основу казачьей контреволюционности, оставляя в тени другую половину - фонд иногородних, размеры которого были экономической основой революционности этой чрезвычайно мощной группы, особенно если принять во внимание тот факт, что классовая дифференциация внутри казачества достигла к революции значительных размеров, что не могло не увеличивать здесь сил революции. Если еще принять во внимание освободительное движение горских масс, являвшихся тоже мощным союзником пролетариата, революционного крестьянства и части казачества, то нужно будет именование Сев. Кавказа „русской Вандеей" понимать в условном смысле.

Нельзя недоучитывать и степени влияния и руководящей роли Северо-Кавказского пролетариата, этого подлинного вождя революции не только в „большевистских декларациях", но и в действительности, ибо всетаки организующим ядром был он и на Северном Кавказе, несмотря на относительную малочисленность его на этой окраине.

И нам кажется, что первой задачей, которой должны заняться историки революции на Сев. Кавказе, является как раз такое изучение процесса ее развития здесь, которое вскрыло бы внутренние местные движущие силы революции к концу 1917 г. и в 1918 г. и объяснило бы факт образования в результате революционного натиска ряда Советских Республик 1918 г., так сказать, на местном революционном корне. Иначе эта проблема может быть поставлена так: чем объяснить, что на территории „русской Вандеи", прежде чем она стала „Вандеей", мы имели наличие советских образований, в создании которых принимали участие и большие слои казачества? Решающей ли помощью внешних, т. е. российских революционных сил, или же мощью местного революционного потока конца 1917 г. и начала 1918 г.? Очевидно, именно на Сев.-

Кавказском материале должно быть показано все реальное значение Ленинской формулы о соединении пролетарской революции с „крестьянской войной“, как одном из основных условий, которое дало триумфальное шествие Октябрьской революции в конце 1917 и начале 1918 г. даже на таких окраинах России, как Северный Кавказ. Отсюда вырисовывается колоссальное значение изучения всех конкретных форм, ступеней и переходов нашей пролетарской революции, завершавшей буржуазно-демократическую революцию именно на тщательном анализе условий и деятельности первых советских образований на окраинах, и в том числе и в особенности на Северном Кавказе.

Изучение другой проблемы, тесно связанной с первой, должно дать ответ на вопрос, как произошла здесь такая консолидация контр-революционных сил, которая привела к гибели первых советских образований „героического периода Русской революции“ к концу 1918 г., которая и дала основание для окрещения Дона и Кубани „русской Вандеей“.

Являлся ли такой итог неизбежным результатом внутренней местной социально-экономической борьбы, в которой местные силы контр-революции были заранее даны более сильной стороной, чем революционный массив, или же такой итог определился вмешательством внешних сил?

Было ли пролетарское руководство здесь настолько слабо по объективным причинам, (во всей России в довоенное время в фабр.-зав. промышленности было занято 1,4% жителей, а на Сев. Кавказе 0,4%), что оно не могло в 1918 г. справиться с местной контр-революцией без решающей поддержки пролетарских центров России, или же это руководство было взорвано главным образом другими факторами, пришедшими в Край по линии внешней контр-революции? Наконец, может быть разгром революции определился здесь общим балансом борьбы с контр-революцией в обще-русском масштабе в 1918 г.

Совершенно ясно, что разработка этой проблемы не может быть удовлетворительна по своим результатам, если историк отвлечется в своих изысканиях от таких фактов, как развитие Всероссийской контр-революции и ее роли в „Северо-Кавказской Вандее“, как участие и роль международного империализма в гражданской войне 1918 г., как процесс развертывания революции по всей стране за этот период и т. д.

Предложенная читателю работа о Советских Республиках на Сев. Кавказе в 1918 г. и представляет из себя попытку изучения Октябрьской революции под указанным углом зрения. Выпускаемая книга представляет первую часть работы, разбивающейся на три части в следующем порядке:

а) Первая часть (два тома) содержит главным образом описание основной цепи событий 1917-18 г.г. по отдельным областям и губерниям с гораздо меньшим упором в сторону анализа и обобщений.

б) Во второй части будет дан анализ советского строительства Республик не по отдельным областям и губерниям, а в горизонтальном

разрезе, т. е. рабочий, аграрный, продовольственный, военный вопросы и прочие будут разбираться в целом по всем республикам, что даст возможность более глубоко обосновать те обобщения, которые разбросаны в первой части по отдельным главам, и воспроизвести целостную картину социально-экономической политики и преобразований, которые были проделаны революцией на Сев. Кавказе в 1918 г.

в) Третью часть предполагается посвятить специально истории Сев.-Кавказской контр-революции 1918-20 г.г.

Как явствует из этого плана, выпускаемая часть, будучи законченным целым, в то же время является как бы введением ко 2-й основной части—„Советское строительство", и поэтому, хотя в ней и даны основные обобщения, характеризующие точку зрения составителя на особенности революции на Сев. Кавказе, но центр тяжести ее не в анализе событий, а в описании хода их.

Это обстоятельство просим помнить, чтобы иметь правильное представление о „замысле автора", о сущности того разделения материала между двумя частями единой работы, без уяснения чего может иметь место не совсем правильный подход к критике книги.

В соответствии с таким планом, совершенно естественно и разделение источников и материалов, на которых базируется составление первой и второй части. Первая часть гораздо в большей степени, чем вторая, опирается на уже изданные печатные работы, охватывающие как отдельные области и губернии, так и Край в целом, вторая же пишется главным образом по еще неизданным архивным материалам и документам.

Данная работа в ее первой части является второй попыткой дать историю революции на Сев. Кавказе в краевом масштабе. Работа Н. Янчевского „Гражданская борьба на Северном Кавказе" ч. I и II—была первым опытом. Но между ними есть и существенная разница, определяемая прежде всего хронологическим охватом темы. В то время, как Янчевский взял период с революции 1905 г. по 1920 г.— до ликвидации деникинщины включительно, предлагаемая работа освещает более узкий, но самый интересный с точки зрения особенностей революции на Сев. Кавказе, период—1917 и 1918 годы. Но и в этом объеме центр тяжести исследования лежит на 1918 г., когда здесь был образован ряд Советских Республик, объединившихся с июля в единую Сев.-Кавказскую Республику; предпосылки революции и события от Февраля к Октябрю получили беглое освещение, поскольку это было необходимо для уяснения логики борьбы в 1918 году. Затем автор счел более удобным давать в первой выпускаемой части описание и характеристику процесса по отдельным областям и губерниям, в то время как Янчевский по всем главам своей работы выдерживает краевой масштаб. Наш подход к расположению материала дает возможность более четко оттенить своеобразие и многообразие форм движения, значительно варьировавших и внутри Края, и в то же время естественнее подойти к общим выводам в последней главе, охватывающей

последний период, когда произошло объединение Республик в одну (кроме Донской, погибшей в мае 1918 г.).

Что касается других печатных изданий, на которые опирается настоящая работа, то им нужно дать след. краткую характеристику.

В отношении уже изданных документов в наиболее лучшем положении оказался Дон, который освещен в литературе четырьмя сборниками „Пролетарская революция на Дону“, изданными еще в 1922-24 г. и содержащими богатые материалы—и мемуарные и, что особенно важно, документальные по Октябрю и калединщине, мимо которых не может пройти ни один историк, изучающий гражданскую войну. Но, к сожалению, эти сборники являются своего рода „уникумом“ в области разработки истории на Сев. Кавказе—ничего подобного мы не имеем до сего времени ни по Дону, в качестве продолжения их, ни по другим областям и губерниям. В отношении общих работ положение Дона хуже, здесь мы имеем обратное соотношение. Ставрополь и Кубань несколько обогнали его. В то время, как Дон не имеет ни одной обобщающей работы, если не считать довольно богатой мемуарной советской и белогвардейской литературы, Антонова-Овсеенко—„Записки о гражданской войне“, Деникина—„Очерки русской смуты“, Краснова—„Всевеликое войско Донское“, Денисова—„Записки“, полубеллетристического произведения Калинина—„Русская Вандея“, Френкеля—„Орлы революции“ (газетно-публицистический очерк о Кривомышлыкове и Подтелкове), нескольких брошюрок с воспоминаниями Таганрогского Истпарта, меньшевистской брошюрки Локкермана—„74 дня“—Красному Ставрополью посвящены две книги Головенченко и Емельянова, основанные на изучении местных архивных материалов—„1917 г. в Ставрополе“ и „Гражд. война в Ставроп. губ.“.

Кроме книг Янчевского, последняя работа Головенченко и Емельянова представляет из себя единственную, во всей истпартовской литературе, написанную по неизданным местным архивным материалам. Но кроме этой сильной стороны, она имеет и слабую—по части „концепций“; давая много фактического материала, эта книга слаба по части анализа и именно в части особенно важной для правильного понимания развития резолюции в этой мещанско-крестьянской губернии,—мы имеем ввиду разбор напр. правой и левой эсеровщины, сыгравшей большую роль в Ставрополе в 1918 г. и не получившей должной оценки, слабо оттененной Головенченко и Емельяновым. Нужно отметить еще белогвардейский пасквиль на революционное Ставрополье, в брошюре Сургучева „Большевики в Ставрополе“.

Кубань и Черноморье представлены в литературе, кроме комплекта журналов, издававшихся в 1921-23 г.г. „Известия Куб. Черн. Облкома РКП (б)“ и „Путь коммунизма“, сборник „Октябрь на Кубани и Черноморьи“ содержащих воспоминания, двумя брошюрами; Гольдентул—„Земельное отношение на Кубани“ и Ладоха—„Очерки гражданской борьбы на Кубани“. Работа Гольдентула, являясь в общем удачным кратким очерком истории аграрного вопроса,

представляет в этой области пока единственную марксисткую работу вообще по всему Сев. Кавказу. если не считать соответствующей главы в первой части книги Янчевского. Но к сожалению, в ней развитию аграрных отношений в 1917 г. посвящено только 14 стр., а советскому периоду 1918 г. всего 1 1/2 стр. Поэтому, приходится признать, что главная ее ценность заключается в освещении дореволюционных отношений и периода по окончании гражданской войны (1920-23 г.г.). Однако, следует отметить, что в характеристике социальных отношений довоенного периода у Гольдентула имеется крупный недостаток, суть которого ясна из следующего итогового заключения автора. „Таким образом, кроме наличия двух главных классов (!) казаков и иногородних, самого крупного расслоения, между которыми происходит резкая грань, есть еще расслоение территориальное: жители богатых станиц и жители обездоленных“... Превратив казаков и иногородних „в два главных класса“, что неверно, ибо здесь ставится знак полного равенства между сословными и классовыми отношениями и смешиваются сословные и классовые противоречия, автор фактически обошел вопрос о классовом расслоении внутри казачества и иногородних, анализ чего имеет чрезвычайно важное значение для учета движущих сил революции. Вторым недостатком является сосредоточие исключительного внимания на разборе аграрной политики верхов казачества—Рады в 1917-18 г.г. в ущерб анализу соответствующей конкретной деятельности Советов за этот период. Что касается Ладохи, то хронологические рамки его брошюры охватывают тотже период, что и предлагаемая читателю работа, но явившаяся в свое время „первой ласточкой“ и в этом смысле сыгравшая свою положительную роль, эта брошюра к настоящему времени устарела в ряде моментов и дает слишком мало материалов по особенно важному периоду с июля 1918 г., когда была образована Сев.-Кавк. Республика. Основанная, как и работа Головенченко и Емельянова на изучении местных архивных материалов, она вместе с нею разделяет общий недостаток — отсутствие увязки местного процесса с краевым и общероссийским, без чего не может быть правильно понята вся связь и последовательность событий, и результаты процесса революции в 1918 г. и на Кубани в том числе. Именно поэтому очевидно Ладоха пришел в заключении к не совсем верному выводу, что основной и решающей причиной поражения Советов на Кубани была слабость местных внутренних сил революции („слабость пролетариата на Кубани“), одновременно правильно отмечая „местный сепаративизм“, как одну из причин поражения. Это доказывает, что при попытке дать обобщающую весь революционный процесс работу, хотя бы даже и по какой-нибудь отдельной области Края, при всем его разнообразии нельзя отвлечься от общих краевых условий — это чревато неверными общими выводами.

Упоминаем еще брошюру „За 25 лет“, составленную Архангельским. Она представляет единственную сводную работу по истории

одного из отрядов Кубанского пролетариата—печатников и в этом смысле как первая работа подобного рода заслуживает внимания, тем паче, что в ней приведен ряд документов, характеризующих политическую и экономическую борьбу Кубанских печатников.

По Тереку обобщающих работ нет, хотя наибольшее своеобразие развертывания революции по сравнению с остальными областями края, мы имели именно здесь. Горская проблема—основное в Терской революции. требует к себе особо пристального внимания историков. До сего времени мы имеем только три брошюры, неодинаковые по размеру, но все популярно освещающие революционные события в отдельных горских областях: Раенко-Туранского „Адыге до и после Октября“, Умар-Алиева „Карачай“ и Ошаева „Очерк революционного движения в Чечне“. Первые две работы касаются истории народов, не входивших в быв. Терскую область и не занимавших главную арену горской революции. К тому-же Раенко-Туранский истории самой революции 17-18 г.г. уделил не более одной четверти работы, т. к. главной своей целью ставил дачу общего очерка истории Адыгов со времени покорения Кавказа и до последних лет Советского строительства (1920-27 г.г.), книга же Алиева, имея подзаголовок „историко-этнологический и культурно-экономический очерк“ освещает развитие революции на Тереке беглыми общими штрихами, благодаря чему она дает для нашей темы еще меньше материала, чем работа Раенко.

Ошаевская брошюрка представляет из себя, написанный по материалам воспоминаний, самый краткий очерк революции в очень важном и интересном районе—в Чечне; при большом захвате темы (с 70 г.г. XIX в. до 1920 г.) она конечно носит конспектный характер, содержит немного фактического материал, дает основную схему развития революции в Чечне, особенно ярко, при кратком изложении, рисуя облик и линию поведения нарождавшейся чеченской буржуазии. Но к сожалению приходится констатировать, что автор этой брошюры не смог, дав неплохую характеристику нарождения чеченской буржуазии в XX в., выдержать четкую классовую линию в оценке всего хода революции в Чечне, т. к. он переоценил силу и мощь родовых отношений в этой области. В результате получилось некоторое смазывание расслоения Чечни, которое безусловно имело место и дало такую яркую фигуру горского революционера, как Асланбек Шерипов.

Известная работа А. Тахо-Годи „Революция и контр-революция в Дагестане“ дает немного материала по терской революции (гл. „Положение на Тереке“—10 стран.). Но и этот материал в части анализа может ввести исследователя во вредное заблуждение. Тахо-Гади тоже сбивается с рельс классового анализа, рисуя полотно сплошной национальной борьбы. Такие необдуманно-публицистические мысли, как „на Чеченской земле показалась нефть“, „Чечня и Чермоев слились воедино“, „дела пошли на поправку, а тут революция“—свидетельствует об отсутствии правильной марксистской оценки движущих сил революции. В главе о Тереке это особенно

ярко сказалось,— мы здесь имеем подчас весьма поверхностный и неверный анализ событий, искажающий действительное развитие революции. Для примера приведем такую цитату - „Августовские события (1918 г. ред.) знаменовали поворотный момент в политике партии и власти на Тереке. После августа уже не сговаривались, не нянчились с каждой национальностью, а воздавали только должное". Здесь имеется грубая подмена классовой борьбой (развертывание которой было основой эволюции тактики большевиков на Тереке) национальной борьбы, в которой были сплошные советские и антисоветские народности. Конечно было бы большой ошибкой игнорировать и недоучитывать роль и место национальной борьбы в горской революции, ибо перешествие национальных и классовых моментов и явилось главной причиной ряда особенностей в тактике местных большевиков, но не меньшей ошибкой является и забвение роли классовой борьбы во имя национальных особенностей, а на эту позицию как раз и скатывается анализ Тахо-Годи. В итоге данная работа должна рассматриваться, как то же полумемуарное произведение с неудачными экскурсиями в области анализа событий и намечения правильной схемы движения. Книга Тахо-Годи сигнализирует те опасности, которые стоят перед пишущими историю из непосредственных участников ее.

Особо следует указать на сборник статей, воспоминаний и материалов „История революционного движения на Тереке" (пятигорское издание), как на образец „местной" работы, отражающей те сепаратисткие тенденции, которыми страдали ряд организаций в 1918 г. и в том числе Пятигорская. Освещая революцию в казачьей части области (главным образом Пятигорский район) составители сборника решили реабилитировать целиком тактику пятигорцев 1918 г., которая, как известно, страдала левизной и недооценивала национальные моменты в развитии терской революции. В стремлении реабилитировать Анджиевского, у которого были разногласия с Владикавказцами (этот пламенный революционер, несмотря на его ошибки, является крупной и яркой фигурой), писавшие сборник увлеклись, пересолили и исказили ряд моментов терской революции. Поэтому это издание Тергубкома 1924 г. должно использоваться историком с осторожностью и сугубо критическим подходом.

Даже в области мемуарной литературы мы имеем чрезвычайную бедность по Тереку. Исключая небольшого сборника воспоминаний „Октябрь во Владикавказе", большой статьи Симона Такоева „К истории революционного движения на Тереке", (по личным воспоминаниям), помещенной в „Известиях Осетин. науч.-исследоват. института краеведения", и освещающей главным образом события в Сев. Осетии с 1902 по 1920 год, соответствующих глав в Деникинских „Очерках смуты", „Отчета Долгата о первом горском съезде 1917 г." в литературе собственно ничего нет по этому интереснейшему и колоритнейшему углу Сев. Кавказа, где именно и происходило сплетение нац.-освободительного движения с пролетарской революцией.

В особую группу печатных работ должна быть отнесена литература по военной истории гражданской войны на Северном Кавказе. Пожалуй, эта сторона — описание военных событий — сравнительно наиболее полно отражена в литературе, подчас в ущерб характеристике социально-экономического содержания процесса гражданской борьбы. Уже упоминавшиеся „Записки“ Антонова-Авсеенко дают много материала по истории Красной армии на Дону, работы Батурина и Ковтюха о Таманской армии содержат связную краткую картину истории образования и борьбы этого славнейшего отряда Красной армии, главным образом по личным воспоминаниям авторов, являвшихся руководителями таманцев, что конечно наложило свою печать на их очерки. Наконец, сводная работа Свечникова „Борьба Красной армии на Северном Кавказе“, которая представляет пока самый солидный труд по краевой военной истории, с большим использованием архивных материалов и приложением ценных документов, но, к сожалению, интересующий нас период—1918 г. освещен в книге Свечникова наиболее неполно и, главным образом, по докладам и воспоминаниям руководителей красноармейских частей, что, конечно, умаляет научное значение этого раздела работы и приводит к ряду нескольких неточностей и не совсем верных мыслей и заключений.

Большее количество работ и воспоминаний белогвардейских генералов дает материал по освещению тоже главным образом военной истории. На первом месте здесь бесспорно должны быть поставлены обширные „Очерки Русской смуты“ Денинина, уже упоминавшиеся нами и дающие большое количество фактического материала по истории белогвардейщины на всем Сев. Кавказе в 1917-18 г.г. Мимо этой основной белогвардейской работы не может пройти ни один историк революции на Северном Кавказе—разбор ее значения и места в интересующей нас литературе достаточно полно представлен в нашей периодической печати. Также много материала дают многочисленные тома Гессенского „Архива Русской революции“, выпускаемого в Берлине, вышедшего уже отдельными томами в нескольких изданиях, и представляющего по существу основное „истпартовское“ белогвардейское издание. Кроме широко известных, по нашим Советским переизданиям, воспоминаний Краснова, Лукомского и др., в отдельных томах „Архива“ попадаются публикации донументов и по нашей теме, как напр. в т. XIV собрание документов по истории Черноморского флота весной и летом 1918 г.

Ценным первоисточником по разбираемому нашему периоду являются комплекты газет за 1917-18 г.г., и журнала „Донская волна“, издававшегося в Ростове при Краснове. По некоторым периодам и моментам тогдашняя местная ежедневная пресса является главным источником, без которого при соблюдении необходимого критического подхода к нему, нельзя писать историю, т. к. архивных материалов сохранилось очень мало. Ростовские, Краснодарские и Ставропольские газеты, как большевистские, так и

других партий, за 1917 г. и первую половину 1918 г. представляют довольно богатый материал, в котором публиковалось много воззваний, распоряжений и приказов органов власти, в подлиннике не сохранившихся. При настоящем состоянии архивов в крае даже такие события, как напр., Областной съезд Советов Дона, 1-й Сев.-Кавк. съезд Советов, могут быть осовещены только по газетным отчетам и помещенным в них резолюциях, т. к. протоколы съездов к сожалению в архивах отсутствуют. Кроме листовок, воззвавний, приказов и неполных протоколов советских органов тогдашнего времени, собранных Крайистпартом, часть которых печатается в приложениях к данной работе, в местных архивных бюро главным образом Краснодарском и Ставропольском, имеется значительное количество материалов освещающих работу главных советских органов первой половины 1918 г. Что же касается второй половины этого года, когда началось отступление под ударами Добровольии. (с конца августа на Кубани), затем советского Донского архива начала 18 года, то они почти не сохранились –или были сожжены, как напр. Ростовские, или же, очевидно, затеряны, как Терские и органов Сев.-Кавк. Республики.

Показателем степени сохранения советских архивов Сев. Кавказа за изучаемый нами период является хотя бы такой факт: в сборнике документов „Советы в Октябре“ (изд. 1928 г.), подготовленном комиссией при институте Советского строительства, Комакадемии, использовавшей архивы Наркомвнудела, АОРА, и давшей большое количество документов по первым шагам Советского строительства в провинции, Сев. Кавказ представлен только одним документом по Ставрополью. Почти нет документов и материалов о рабете ВРК и Советов станичных, сельских и аульных, а между тем, материалы этой низовой периферии представляют чрезвычайный интерес и важность для детального изучения процессов, которые происходили в глубинах крестьянских, казачьих и горских масс и тех организационных форм, в которые облекалась „власть на местах“, в период импровизированного строительства.

Но наиболее скверно дело обстоит с партийными архивами того периода, имеющими колоссальное историческое значение и к сожалению наиболее пострадавшими. По некоторым чрезвычайно важным страницам партийной истории тоже главным источником является тогдашняя большевистская пресса, как напр. по 1-му С.-К. Краевому партсъезду, или же по работе низовой партийной периферии, от которой в газетах главным образом остались резолюции „по текущему моменту“.

Что касается мемуаров, опубликованных и неизданных еще (таких в Крайистпарте хранится довольно много), то хотя они представлены и в достаточном количестве, но мы и здесь почти не имеем воспоминаний руководящих работников, из которых одни погибли в 1918 г., а другие до сего времени еще не смогли написать, как напр. т. Орджоникидзе, бывший почти весь 1918 г. чрезвычайным комиссаром ВЦИК'а на Сев. Кавказе и находившийся

тогда в фокусе местных событий и, что особенно важно, державший в своих руках нити связи с Москвой.

Имеющаяся груда мемуаров на 70% иллюстрирует историю военной борьбы, т.-к. больше всего оставлено воспоминаний участниками Красной армии. Сейчас у нас несколько охладели к писанию воспоминаний, что отражает факт перехода к более углубленной научной работе в наших исторических органах. Вместо всеобщего увлечения изданием воспоминаний,— сейчас иногда наблюдается слишком огульно-отрицательный подход к ним, как источнику и материалу для исторического исследования. Бесспорно, что мемуары крайне субъективны, неточны по части фактов и дат и требуют при использовании тщательной проверки и критического подхода. Но при всем этом, они являются материалом, мимо которого пройти совершенно невозможно и не только потому, что у нас сохранилось мало архивных документов, а и вследствие того, что этот тип материалов является совершенно незаменимым в определенном смысле. Как иллюстративный и описательный материал воспоминания, конечно при критическом использовании их, чрезвычайно важны. То, что называется, „колоритом эпохи“, воспроизведением борьбы живых людей, „которые делают историю“, без мемуаров дать очень трудно. У нас большим недостатком исторических работ является их сухость, схематичность и „цифирность“, благодаря чему мы не умеем соблюсти должную пропорцию между анализом и изображением процесса, который делали определенные живые лица. Недаром сухость преподавания истории в наших школах общеизвестна и определяется она в значительной степени теми историческими работами, которые используются, как учебники. И воспоминания для преодоления этого недостатка должны быть обязательно вовлечены в круг исследования. В предлагаемой работе мы как раз исходили из рассмотренного заключения о значении и роли мемуаров и довольно широко использовали их как иллюстративно-описательный материал. По отдельным, особенно важным событиям, как напр. бои под Краснодаром с Корниловым, Каменский съезд революционных казаков, Пятигорский съезд горских народов и т. д., сознательно даны большие цитаты из соответствующих воспоминаний, что наполняет работу „живым изображением тогдашней эпохи и лиц, активно боровшихся“.

Нами использовано значительное количество еще неизданных воспоминаний, хранящихся в Крайистпарте, среди которых большой интерес представляют мемуары Кочергина, Гуменного, Борисенко, Самсонова, а также ген. Слащева и, в особенности, сохранившийся дневник ген. Эрдели, сподвижника Деникина, оставившего нам очень колоритный документ по истории Доброволии, широко использованный в настоящей работе.

Отдельные места главы „Сев.-Кав. ССР“ дополнены Н. Лихницким и им же написан вводный раздел к главе „Терская Советская Народная Республика“ — „Терек — колониальная окраина России“.

В заключение остается напомнить читателю, что данная работа является первой попыткой, „эскизом“ работы, специально освещающей историю 1918 г. в развитии гражданской борьбы на Сев. Кавказе, что конечно, определяет ряд недостатков и, может быть промахов, которые может он встретить в книге. Мы считаем необходимым оговорить заранее один очень важдый недостаток, определившийся наличием тех материалов, которые могли быть найдены и вовлечены в круг изучения при современном состоянии няших краевых архивов. Это неполнота освещения и разбора внутрипартийной деятельности большевистских организаций во всей книге, и по Дону и Кубани в особенности. К нашему величайшему сожалению как уже указывалось, архивные материалы по партийной истории в большом количестве погибли. Этот недостаток может быть ликвидирован только после значительных дополнительных изысканий по розыску и сбору партийных документов прошлого и углубленному специальному изучению партийной истории, сначала по отдельным проблемам, (напр. вопрос о борьбе „правых“ и „левых“ внутри большевистских организаций, имевшей место во всех Республиках Сев. Кавказа, несомненно связанной с разногласиями между левыми коммунистами и партией по вопросу о Брестском мире, но имевшей и свои местные особенности). Задача разработки истории большевиков на Сев. Кавказе, особенно за период 1917-18 г., должна быть поставлена в центре внимания Крайистпарта, она является основным и важнейшим звеном в его исследовательской работе, за которые мы еще не смогли как следует уцепиться, но должны во что бы то ни стало крепко взяться.

Также приходится констатировать слабость разработки у нас другой, тесно связанной с первой, проблемы истории развития и детального освещения роли Сев.-Кавказского пролетариата в революции, что также нашло свое отражение в „Советских Республиках“ по линии недостатков работы. Специальное изучение и этой проблемы должно быть поставлено в единый ряд срочных и первоочередных задач Крайистпарта, совместно с Истпрофом.

Наконец, должны быть особенно выделены вопросы углубленного изучения революции в горских областях — здесь также еще непочатый край работы для марксиста-исследователя.

Нелишне констатировать еще раз факт, который был особенно отмечен 1-ой Всесоюзной конференцией и историков-марксистов — „наши молодые, только начинающие марксисты-исследователи еще недостаточно овладели техникой исторического исследования.“ Это должно быть отнесено и к составителю настоящей работы, только начинающему историку. Поэтому, если встретится недостаточно опытное использование некоторых документов в работе, то просьба учесть наше замечание и тот факт, что мы только начинаем выпестывать кадры наших историков из рабоче-крестьянской среды, делающих только первые шаги в области научной работы.

С.-К. Крайистпарт.

5-го июня 1929 г.

ДОНСКАЯ С. С. Р.

ГРУППА РАБОТНИКОВ СОВЕТСКОГО ДОНА

1. Сырцов, 2. Подтелков, 3. Васильченко, 4. Полякова, 5. Ченцов, 6. Зявкин, 7. Кривошлыков, 8. Равикович, 9. Христенко.

ДОН ДО ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ.

Колонизация Юго-Востока России и особенности социальных отношений. Характеристика социально-экономических отношений накануне войны—казачество, иногородние и „инородцы". Экономические и правовые преимущества казаков и классовая диференциация внутри их. Донское дворянство. Промышленность и пролетариат. Ростов и Новочеркасск. Разрушение хозяйства области во время войны. Классовые отношения накануне февраля.

На огромных степных пространствах юго-востока России от Азовского моря и до Волги на территории 165 тысяч квадратных километров раскинулась бывшая Область Войска Донского

Советские публицисты и историки окрестили эту область „Русской Вандеей" за ту роль, которую она сыграла в гражданской войне 1917-20 г.г.

Эта печальная роль выпавшая на долю Дона явилась следствием тех особенностей социальных отношений, которые сложились в области, в результате целого комплекса исторических условий, связанных прежде всего с процессом колонизации всего юго-восточного края европейской России, великорусским торговым капиталом, начиная с средины XVI века. Развитие крепостнических отношений „в ядре Московского царства" и агресивная внешняя политика великорусского торгового капитала, боровшегося за овладение восточными торговыми путями, были основными причинами, которые развернули на целые столетия процесс стихийной и военной колонизации юго-востока и Северного Кавказа. Этот процесс столкнул „вольных колонистов" и военные отряды царского самодержавия с рядом сначала степных, а затем горских народов и завязал тот узел сложных социальных и национальных отношений, который с таким трудом и осложнениями пришлось распутывать революции 1917 года. Первой особенностью, исторически сложившейся, с которой столкнулась пролетарская революция, было наличие на Дону, и в других областях Северного Кавказа, специфической социальной группы деревенской „Руси", называвшейся казачеством.

В нашу задачу не входит рассмотрение анализа происхождения и исторического развития казачества вообще и войска Донского, являвшегося основным и наиболее „заслуженным" в частности.[1]

[1] Этому вопросу в старой буржуазной историографии была посвящена довольно большая литература. Кроме разбросанных указаний и обобщений в общих курсах по истории России Соловьева и Ключевского имелись небольшие специальные работы о происхождении казачества, группы присяжных донских историков.

Здесь же, в начале работы, для нас важно констатировать, что исторически сложившиеся специфические черты казачества, несмотря на большую разлагавшую работу развивавшегося в России промышленного капитализма в XIX веке, не „выветрились“ целиком вплоть до 1917 года, и сыграли свою роль в усложнении процесса гражданской войны, как на Сев. Кавказе в целом, так и на Дону в частности. Именно остатки особого положения казачества были реальным основанием той политики по отношению к нему, которую не без успеха проводили в одно время донское дворянство и буржуазия и которая была одним из делегатов первого Большого Круга на Дону, открывшегося в начале июня 1917 года, сформулирована так; „мы можем и должны на Учредительном собрании бряцать священными бумагами, такими древними, что они слежались как камень. Учредительное Собрание не может смотреть на казаков, как на Московских холопов, бежавших на Дон. Донские казаки были уже тогда самобытны, кога Москва еще не была сорганизовавшимся царством. Тогда собрание не посягнет на нашу самобытность, а если посягнет, то у нас будет право принять свои меры“.[2]

Попытаемся дать краткую, социально-экономическую характеристику Области Войска Донского к моменту войны 1914 года и

Укажем хотя бы на небольшую, но тщательно сделанную брошюрку П. П. Сахарова „Происхождение Донского казачества“ (Ростов н Дону 1914 г.), в которой дан „Обзор прежних мнений о первоначальном происхождении донцов“ и развивается казакоманская точка зрения на этот предмет самого автора, преувеличивавшего самостоятельность донцов XVI XVII в. в. по отношению к Москве. Затем упомянем статью Х. И. Попова „Краткий очерк прошлого донского казачества“, помещенный в VIII выпуске „Сборника Областного Войска Донского, статистического комитета“ (вышел и отдельным оттиском под тем же названием—Новочеркасск 1907 г.) в котором автор пытается доказать, что „действительное“ казачество „великого и верного войска донского“ всегда было верно царю и его нельзя смешивать с „воровским“ казачеством из которого выделились такие личности, как Разин и Пугачев“.

Марксистских работ по данной проблеме нет, если не считать общих замечаний в четырех-томнике и сжатом очерке М. Н. Покровского.

Сейчас подготовляется к печати исследование научного сотрудника С.-К. Крайиспарта Н. Л. Янчевского „Аграрный вопрос на Дону в связи с историей колонизации“ в котором автор между прочим обосновывает следующую концепцию происхождения донского казачества: „Донского казачье войско. как и другие казачьи войска, расположенные вокруг Каспийского моря, возникло в процессе борьбы торгового капитала за рынки и торговые пути. Оно представляло из себя в течение XVI и до конца XVII века отряд по тому времени обычных наемных войск, набранных из самых разнообразных элементов с переменным составом численностью в течение XVII века в несколько тысяч человек Этот отряд пополнялся по мере необходимости „вольными“ людьми (от братьев-братьями, от дядей-племянниками и т. д.), а за тем войсками иноземного строя. История этого отряда с текучим переменным составом, не имеет самодавлеющего значения“.

Подробное развитие этой точки зрения смотри в ст. Янчевского —„Легенды и фальсификация“ ж. Ленинский путь № 1-й 1929 г. орг. Крайкома С.К. ВКП(б).

Янчевской. Гражданская борьба на Сев. Кавказе. Севкавкнига 1927 г. ч. I.

[2] Донархбюро. Ф. канц. Войск. Пр. № 141 связка 11 Д. № 20. Стенограф. отчеты Донского Войскового Круга 26 мая — 18 июня 1917 г. Заседание 29 мая. Речь Пузанова по докладу о казачьем союзе Л. Л. 137—138.

во время ее, что послужит введением к рассмотрению нами процесса классовой борьбы здесь в 1917-18 г. г.

Три исторически обособившиеся группы населения встречаем мы на Дону в начале XX столетия — это казаки, иногородние и туземцы (калмыки).) Но это обычное деление основано на сословных и национальных признаках, классовый же переплет, который несколько затушевывался сословно-национальными перегородками, был сложнее и в то же время дробнее. Если в конце концов исход гражданской войны определился классовым расслоением этих групп и твердым пролетарским руководством, то на определенных этапах именно деление на указанные три группировки чрезвычайно усложняло борьбу, являясь орудием, которым подчас ловко пользовались классовые верхи — казачье дворянство, буржуазия и поместно-феодальная знать туземцев.

Так как Дон был деревенской областью — (из 3.826.000 населения к 1914 году, на сельское падало 83%, а на городское 17%),— то вопросы сельского хозяйства, аграрная проблема, были основной базой на которой развертывалась картина социальных отношений отмеченных трех групп между собой и внутри каждой из них. И в этой связи прежде всего нужно будет привести цифры соотношения населения казачьего, иногороднего и туземного и затем распределения земли между ними, чобы сразу ясен был основной источник всех „сословных зол“, которые сыграли такую роль в революции. Если из общего количества населения на казачество падало 49%, на иногородних 48%, на туземцев 3%, то из 100% годной для обработки земли имелось у первых 70%, у вторых 10% и у третьих 3%. Осюда ясно почему было такое несоответствие, по данным 1914 г., в средних паевых наделах у казаков — 10 дес. и у иногороднего — $1^1/_3$ дес. у туземцев 22 дес. (это, по сравнению с казаками, не должно нас смущать, так как последние занимались исключительно скотоводством).

В этом несоответствии в распределении земли и коренились большие экономические преимущества казачества над иногородними, благодаря которым казаки имели возможность, путем аренды как со стороны станиц, так и отдельных хозяев, ставить в большую, экономическую зависимость от себя иногородних. Вот цифры о месте аренды в хозяйствах казачьих и иногородних по данным 1912 г., прекрасно иллюстрирующие результаты показанного нами несоответствия. Из 120.000 казачьих хозяйств только 2.600 приарендовывали себе землю, в то время как у иногородних на своей земле работало 3.000 хоз., на арендованной же 57.000 хоз.

Но большое экономическое несоответствие во владении землей усугублялось еще рядом тягот и повинностей, которые должны были нести иногородние по отношению к казачеству как „пришлое“ население, не имевшее одинаковых прав в податном отношении и за то, что оно сидело на казачьих землях.

Примером таких повинностей могут служить — „посаженная плата“ от величины двора за право иметь усадьбу на станичном юрте,

плата за скот с головы до нормы и с головы выше нормы, плата за угодья для скота, плата за обучение детей в школе и т. д.

Нужно заметить, что все эти повинности не избавляли иногороднее население и от обще-государственных повинностей.

Все это вместе взятое ложилось дополнительным тяжелым бременем на иногородних, а тут еще с каждым годом стоимость аренды все повышалась—в 1910-14 г. г. десятина аренды дошла до 40—50 рублей:

в 1913 г. иногородние заплатили арендных денег—	
за аренду юртовых земель	1.628.071 р.
„ „ войсковых земель	622.356 р.
„ „ калмыкам	384.726 р.
а посаженной платы в этом году поступило в кассу казачьих станиц по области	144.645 р.[1]

Ко всему этому экономическому различию присоединилось еще бесправие иногородних—они даже не пользовались правом голоса на станичных сборах.

К данной характеристике сословно-экономических различий необходимо добавить упоминание о том, что вплоть до 1917 года Донское казаье войско, как и все казачество было выделено из министерства внутренних дел и подчинено военному, в соответствии с чем все административное управление строилось по типу военной организации—войсковой атаман,—высшая власть и ниже окружные атаманы и окружные начальники (в крестьянских округах Таганрогском и Ростовском) и, наконец, проводилось разделение по округам на казачьи земли — юрты и крестьянские волости.

Все это выделяло казаков и проводило грань между ними, имевшими „привеллегии" и остальным населением. Конечно, при таких условиях иногороднее население в большинстве не имеющее паевой земли (около 27% его имело паевую землю) вынуждено было очень часто не вести своего хозяйства, а наниматься в качестве батраков или уходить в города искать работу, отсюда понятно, что в местную промышленность наибольшее количество рабочих дало иногороднее население области, с которым и был теснее связан, чем с казаками пролетариат Ростова и других промышленных центров.

Нам остается, в сравнительной характеристике трех групп населения, остановиться на положении туземцев-калмыков, занимавшихся исключительно скотоводством и потому находившихся в особых условиях. Хотя они жили на довольно больших пространствах донских степей, считались коренным населением, не платили никаких особых повинностей казачеству и как могло показаться из цифр среднего, паевого надела, (22 десятины) имели большой земельный простор, но фактически землей пользовались князьки и духовенство, имевшие огромные стада скота, которые выпасывала беднота не владевшая своим скотом и поэтому не могшая использовать свою землю. Таким образом, чрезвычайная отсталость этого народа, не вышедшего еще из стадии родового строя, делала инорододцев слепым орудием в руках своих князей и духовенства,

которые в свою очередь были прислужниками донского дворянства и буржуазии.

На этом можно закончить краткий анализ того клубка противоречий, который вытекал из сословно-национальных различий основных трех групп населения бывшей Донской Области.

Мы видели огромное преимущество казаков перед остальным населением, когда разбирали его „привилегии" как обособленной группы в целом. Но было бы полным искажением действительной картины если-бы мы обошли анализ классовой диференциации внутри его и не учли бы в конечном результате первенствующего значения именно этого факта в развертывании гражданской войны. С точки зрения классовой характеристики казачества мы должны видеть внутри его прежде всего социальные отношения, аналогичные тем, которые имелись между помещиками и крестьянами,—мы имеем в виду донское дворянство (так называемая донская войсковая старшина), чиновничество, приравнивавшееся к дворянству с одной стороны, и рядовое казачество, с другой. По сути дела отнесение донского дворянства к казачеству может быть признано только по чисто-формальному моменту, ибо конечно если мы должны рассматривать массу казачества как особую, специфическую часть крестьянства вообще, то войсковое дворянство должно считаться частью класса помещиков полу-крепостников, которые определяли социальную сущность самодержавия вплоть до революции 1917 г. Господствующее положение дворянства, как класса землевладельцев характеризуется следующими цифрами: из 1.400.000 всего казачьего населения к 1913 г. дворян было 30 тыс., а владели они из $12\frac{1}{2}$ мил. дес. казачьей земли $3\frac{1}{2}$ мил. дес.

Таким образом, в распоряжении дворянства находились огромные, давно ими расхищенные земли, леса, степи, реки и озера, они имели лучшие хозяйства и владели еще большими стадами скота.

Все казачье офицерство поставлялось этой группой, административная власть тоже была в ее руках. Словом, если правильно считать, что в бывшей Российской империи власть находилась в руках помещиков, то в отношении Дона нужно констатировать, что эта специальная сущность дореволюционной власти здесь особенно ярко выступала. Кстати следует отметить, что в XX веке донское дворянство начало обуржуазиваться, стремясь проникнуть и в промышленность, (так, например маслобойная местная промышленность была, главным образом, в руках дворянства, но этот процесс не зашел очень далеко).

Вот почему донскому дворянству, имевшему в своих руках экономическую силу, хотя и удавалось временами тащить за собой массы донцов, используя сословные привилегии всего казачества, но в конце концов оно (дворянство) должно было разделить судьбу всего помещичьего класса бывшей России и его союзника буржуазии.

Под влиянием развивавшегося капитализма в дореформенный период казачество начало разлагаться как „сословие" и если процесс „расказачивания" как мы указывали выше не дошел к 1917 г.

до полного уничтожения всех „привилегий“, то он во всяком случае неуклонно развиваясь достиг такой степени, что к революции социальная диференциация казачества была уже налицо и сыграла свою роль.

Общеизвестно, что царское правительство было очень обеспокоено этим процессом, так как он грозил подорвать основу, на которой держалось казачество, как воеенно-полицейская сила. Создавались специальные комиссии, которые должны были разрабатывать мероприятия по поднятию „экономического благосостояния войска донского“, но конечно остановить объективно неизбежный процесс не могли никакие силы. Следует заметит, что умные представители дворянской России отдавали себе отчет в этом и трезво учитывали действительные причины разложения казачества. Так, один из них генерал Маслаковец дал следующее объяснение этих причин—„разлагают хозяйственный быт казаков не тяжести военной службы и уменьшение наделов, а близость торговых пунктов и доступность легкого способа существования, разлагают высокие арендные цены“.

Уже к концу XIX века значительная часть донского казачтва не занимается обработкой земли, значительный процент их втягивается в промышленность и торговлю и не только в качестве предпринимателей, но и рабочих, что означало наличие процесса пролетаризации.

Снижение экономической мощи массы казачьих хозяйств может иллюстрироваться хотя бы цифрами, показывающими количество скота, падавшего на один двор в середине 70-х г.г. и к концу 90-х г.г.: если в 1873 г. на каждый двор приходилось—2,2 лошади, 10,9 рогатого скота и 12,2 овец и коз, то в 1898 г. на двор падало—1,6 л., 7,1 рогатого скота и 5,2 овец и коз 1.

Обеднение казачества видно также из сокращения казачьего земельного пая—в 1835 г. в среднем 30 дес., в 1869 г.—20 дес. и в 1898 г.—11 дес.[1]

Этот упадок казачьего хозяйства должен быть связан нами с процессом разложения его, с усиливавшейся внутри казачества классовой диференциацией, в результате которой разорялся бедняцкий слой. Так, по 9 станицам (Кременская, Распопинская, Еланская, Вешенская, Мигулинская, Кашенская, Павловская, Урюпинская, Добринская), Усть-Медведицкого, Донецкого и Хоперского округов 40% общего количества казаков-домохозяев имели хозяйства, которые клонились к упадку, 10% совсем не имели скота, 5% вовсе не занимались земледелием.

Нужно отметить, что разложение казачества шло не одинаково по всей области и если в западных округах более мощных

[1] Цифры взяты из статьи В. И. Писарева „Классовое расслоение Донской станицы в последней четверти XIX в.“, помещенной в сборнике „Вопросы экономики и культуры“ изд. С.-К. Ассоциации Научно-Исследовательских Институтов. Ростов н/Дону 1928 г., стр 63 — 64.

[2] Там же.

экономически и связанных с промышленными и торговыми центрами, казачество диференцировалось на буржуазию и пролетариат, то в северо-восточных, отдаленных от железнодорожных путей, казачество в массе просто беднело и сливалось с крестьянством.

В начале XX века хозяйство рядового казака особенно в северо-восточных округах стало заходить в тупик. Ограниченный земельный надел, мельчавший с каждым годом, не давал возможности даже казаку-середняку исправно нести тяготы в отношении государства без еще большего подрыва своего хозяйства. Служить на коне для казака не представляло трудностей прежде, когда в условиях натурального хозяйства в каждом дворе были свои лошади, справлялась одежда „из домашнего сукна", или полотна, словом, когда все, что требовалось для службы, казак брал у себя в хозяйстве.

В XX веке картина изменилась. В условиях товарного хозяйства бедневшие казаки должны были к дням службы купить лошадь, „казачью форму", одежду и проч. Словом „справить на службу" казака означало большое экономическое напряжение и подчас подрыв индивидуального хозяйства, ибо эта военная повинность на деле превращалась прежде всего в денежную повинность. В результате эта служба стала одним из факторов пролетаризации казачества, так как маломощные казаки вынуждены были снаряжаться в долг, за счет станиц, которые за это сдавали в аренду их паи до тех пор, пока не покрывали данной в долг суммы.[1]

Сильно интересовавшееся положением казачества царское правительство видало этот процесс разложения и понимало необходимость принятия каких-то мер, которые бы разрешили прежде всего земельный вопрос. В предвоенные годы правительство было усиленно занято разработкой применения Столыпинского проэкта к казачьему хозяйству, тем более, что опыт применения Столыпинской реформы на Дону имел место в Таганрогском районе по отношению к хозяйству иногородних и дал там определенные результаты. В 1916 г. правительство вынуждено было сделать шаг по проведению реформы и среди казачества, но революция помешала осуществлению этого плана.

К сожалению, еще не имеется специальных работ, в которых был бы дан подробный цифровой анализ разбираемого нами

---

[1] „Долги казаков-бедняков за снаряжение на военную службу иногда достигали огромных сумм. Например:

№№	Название станицы	Округа	Сумма задолжен.	
			Руб.	Коп.
1.	Каменская	Донецкого	28.582	71
2.	Вешенская	„	15.012	—
3.	Павловская . .	Хоперского	1.647	35
4.	Раздорская	Усть-Медвед.	6.394	80
5.	Островская . . .	„	6.628	48
6.	Кременская	„	22.146	24

(Там же, стр. 66).

процесса классовой диференциации казачества в XX в. Поэтому общие линии этого процесса, зарисованные нами не могут быть обоснованы тщательным исследованием, но во всяком случае из сказанного ясно, что эта диференциация не могла не сказаться на поведении разных групп казаков в революции. И действительно, именно расслоение казачества дало основу для того политического раскола внутри него, который мы будем наблюдать,—который шел по линии более „лойяльных“ отношений „левых“ к иногородним, особенно в северных округах, по линии „демократизма“ и мелко-буржуазной революционности одних и реакционной крепкой связи с дворянскими верхами других.

Рассматриваемый процесс деференциации выявился конечно резче и зашел глубже среди иногороднего населения по сравнению с казачеством к кануну войны, но именно известная сословная замкнутость последнего обусловила образование единого фронта иногородних против казаков в гражданской войне. Только небольшой слой кулачества из так называемого „коренного“ крестьянства сразу выступил союзником казачества в борьбе с Октябрем, вообще же иногороднее кулачество активно выступило за Советскую власть, ибо оно вынуждено было до революции платить большие деньги казачеству за аренду войсковых земель.

Хотя в целом Донская область и должна быть отнесена в основном к с.-х. районам, но по сравнению с другими областями, входящими теперь в Северо-Кавказский край, как Кубанская и Ставрополье, она имела больше промышленности и следовательно более мощную местную буржуазию и пролетариат.[1]

[1] Приведем следующие данные, характеризующие Донскую промышленость накануне войны:

За 1913 год на заводах Дона было выплавлено:

Чугуна	415 тыс.	тонн
Железа и стали	450 тыс.	„

За 1914 год было выплавлено:

Чугуна	415 тыс.	тонн
Железа и стали	415 тыс.	„
Полуфабрикатов было выпущено на	40.000.000	рублей
Сельско-хозяйст. машин было выпущено на	2.000.000	„
За 1914 год добыто каменного угля	1.080 тыс.	тонн
За 1915 год „ „ „	1.050 тыс.	„

Количество рабочих в шахтах Донской области на:

1914 год	83.000	человек
1915 „	106.000	„
Из предприятий промышленности обрабатывающей в первую очередь необходимо отметить мельницы, из которых товарн. было	22	шт.
Маслобойных заводов было	9	„
Рабочих на мельнице было	879	человек
На маслобойных заводах было	500	„

На фабриках по обработке табака, которых в Ростове было 6, работали тысячи рабочих; фабрики в течение года пропускали до 3.270 тонн табаку.

Должна быть отмечена одна особенность развития промышленности на Дону, сыгравшая свою роль в революции: промышленность не была тесно связана со всей областью и, будучи территориально обособленной, представляла из себя нечто в роде островов среди моря казачье-крестьянского „царства". Три промышленных центра на Дону являлись основными — Шахтинский район в западном углу области, представлявший одну треть Донбасса, город Ростов, который был выделен и в административном отношении из области в особое градоначальство, что связано с политикой изоляции пролетариата от казачества, и город Таганрог с его металлургическими заводами. В них был сосредоточен довольно большой пролетарский кулак — к 1914 г. в Шахтинском — 83 тыс., в Ростове около 40 тыс. и в Таганроге до 15 тыс.,— который явился основной базой революции на Дону.

Эта известная изоляция пролетариата от остальной области может быть прекрасно иллюстрирована хотя бы на таком факте.

Дон имел два центра, находившиеся территориально близко друг к другу — Ростов и Новочеркасск. Первый был экономическим центром, второй главным образом административным, первый представляя торговлю, промышленность, пролетариат, второй станицу и село, казачество. Ростов стал сердцем революции, Новочеркасск — организующим ядром не только местной казачьей, но и всероссийской контр-революции.

Необходимо немного остановиться на характеристике донской буржуазии, явившейся крепким союзником донского дворянства в гражданской войне. Ее развитие на Дону тесно связано с проникновением сюда иностранного капитала, который уже к началу XX в. занял по существу все основные экономические позиции в промышленности и торговле. Он, жадно устремившись в Донскую область, монополизировал здесь хлебную торговлю, сделался поставщиком с.-х. орудий и через хлеб и машины вторгся в область земельных отношений и, наконец, через участие в угольной промышленности, прибрал к своим рукам Шахтинский район.[1] Таким образом, западно-европейская буржуазия с одной стороны и казачье дворянство с другой—вот те две силы, которые сделали местную донскую буржуазию несамостоятельной экономически и политически — она в революции явилась только второстепенным, но преданным участником поместной контр-революции и иностранной интервенции. Зато в противоположность ей именно ростовский и шахтинский пролетариат сыграл роль гегемона в лагере революционных сил, будучи связанным с иногородним крестьянством и казачьей беднотой, которой он пытался руководить с первых шагов гражданской борьбы.

---

[1] Именно деятельности иностранного капитала обязаны своим возникновением мощные хлебные фабрики, выросшие в начале XX века в Сальских степях под названием „коннозаводств".

На деле коннозаводства были огромным резервуаром, из которого черпался хлеб для заграничного рынка.

С наступлением имериалистической войны 1914 г., потребовавшей величайшего напряжения всех сил населения страны, хозяйство области начинает рушиться. В первую очередь подвергаются распаду мелкие крестьянские хозяйства, маломощные, лишенные рабочих рук. Крепкие хозяйства, где были рабочие руки, за время войны не только не упали, но и выросли, сбывая свою продукцию по довольно высоким ценам военного времени.

Так же, как и с. х., падала и промышленность. Одна ее часть была переделана и приспособлена к обслуживанию военных нужд, другая за неимением рабочих рук, за трудностью добывания сырья и проч. вынуждена была сокращаться. Сравнительные данные за 1913-16 г.г. дают заметную картину падения хозяйств.

	1913 г.	1916 г.
Всего собрано хлеба	280 м. пуд.	78 м. пуд.
Урожаи	„Сам—10“	„Сам—15“
Скота крупного	3320 т. г.	3140 т. г.
Сельско-хоз. машин	1151 т. ш.	1050 т. ш.
Собрано хлеба на душу . . .	81 пуд.	26 пуд.

Война всей тяжестью придавила в первую очередь беднейшее население области. Поэтому понятно стремление иногородних и бедняцкого казачества поправить свое хозяйство с начала революции.

К дням Февральского переворота соотношение классовых сил на Дону представляло следующую картину.

Победа на фронтах должна была принести укрепление российской буржуазии, а вместе с этим должны были бы сильнее затянуться цепи рабства на шее рабочего класса. С другой стороны, фронты имериалистической войны вырывали все большее и большее количество рабочей молодежи. Вот то, что несла империалистическая война рабочему классу. Пролетариат области был против войны, против самодержавия, но он еще недостаточно понимал необходимость решительной борьбы с буржуазией и свержения ее, как необходимого условия для окончания империалистической бойни.

Следующей социальной группой, недовольной войной, необходимо считать иногороднее крестьянское население, которого в области насчитывалось свыше 40%. Ему империалистическая война также ничего не несла, кроме бедствий. Победоносная война ни в малейшей степени не несла основного и главного, в чем нуждалась эта категория населения — земли. Наоборот, победа на империалистических фронтах должна была сделать российскую земельную буржуазию и помещиков еще более „несговорчивыми“ и надеяться тогда на земельную реформу было почти невозможно. Поэтому иногороднее крестьянство было недовольно войной и самодержавным строем. Крепкое кулачество, наживавшееся от войны, было вполне удовлетворено существующим положением вещей и являлось поэтому союзником городской буржуазии.

Массы рядового казачества, живя в общем и целом в лучших экономических условиях, чем иногородние, также от войны особых благ не приобретали, но она отражалась отрицательным образом на хозяйстве их. Усталость от трехлетней войны, падение хозяйства — все это создало настроение против войны, против существующего царского строя и у них. К февралю в рядах казачества индифферентное отношение к царизму достигло такой степени, что рассчитывать на него, как защитника, было совершенно нельзя.

Туземцы-калмыки были целиком, как мы уже упоминали, в руках владетельных феодалов, князей и духовных лиц. Порабощенные и и духовно и физически, они умели только страдать от тягот войны и общего положения, в какое попали, очутившись в руках царского строя.

Владетельные калмыцкие феодальные рода пошли за калмыцким князем Тундутовым, связавшим свою судьбу с донским дво-дворянством, и потянули за собой рядовые массы калмыков на фронты гражданской войны. Когда белогвардейская армия проиграв войну, отступала, направляясь к Черному морю и дальше, вместе с нею отступали и князья Тундутовы, потащив за собою темный калмыцкий народ со всем его скарбом к морю, к Кавказским горам. Там брошенный своими владыками, уехавшими заграницу, этот темный народ-труженик в непривычных общих тяжелых условиях на $^{9}/_{10}$ нашел свою смерть.

Донская буржуазия была одним из активнейших отрядов в рядах Российской буржуазии, ратовавшей за победоносное окончание войны. Русская буржуазия была оппозиционно настроена к монархии Николая II, не сумевшей организовать победу на фронтах, но одновременно она боялась революции снизу, стремясь „дворцовым переворотом“ исправить общее положение и предотвратить массовое выступление низов. Так же как и во всей России, на Дону после Февральского переворота у власти стала она в союзе с помещиком.

На крайнем правом фланге стояло поместно-казачье дворянство — довольно многочисленная, экономически самая сильная группа. Она не желая никаких изменений была фактическим хозяином области.

Каждая из этих социальных групп населения области имела и свое политруководство в лице определенных партийных организаций.

Партией, имевшей наибольшее влияние на пролетариат, были социал-демократы меньшевики; большевики же очень малочисленные, имели слабую связь и влияние на рабочих.

Интересы крестьянства в целом пыталась отражать партия социалистов-революционер., быстро количественно возраставшая в области.

Буржуазия и дворянство были представлены в основном партией кадетов. Но крупная буржуазия и высшие слои дворянства руководились монархистами, которые, усиливаясь на Дону в период империалистической войны, как бы сигнализировали этим роль Дона в будущей гражданской борьбе.

ФЕВРАЛЬ И ОКТЯБРЬ НА ДОНУ.

Февраль на Дону. Калединщина. Контр-революционные организации Дона и первая вылазка их. Дооктябрьские Советы в области. Начало Доброармии. Калединщина в борьбе с растущими силами Октября. Съезд делегатов иногороднего населения. Коалиция поневоле. Измена мелкобуржуазных партий.

Февраль 1917 года принес падение царизма и крах чиновно-бюрократическо-помещичьего строя. „Шли свободы" и они должны были нести облегчение тяжелого положения и иногороднего населения области и казачьей бедноты. Первой и основной мерой этого облегчения для иногородних должно было быть — земля и равноправие с казачеством.

А между тем декларация Временного Правительства по аграрному вопросу от 17-го марта 1917 года предлагает с разрешением земельного вопроса не спешить, а провести длительную подготовку и „собирание материалов" к Учредительному Собранию, которое и наметит пути земельных реформ. Вот основные пункты этой декларации:

„... Первейшим из первых вопросов является земельный вопрос, решение которого составляет самую серьезную социально-экономическую задачу переживаемого ныне исторического момента. Заветная мечта многих поколений всего земледельческого населения страны, земельная реформа составляет основное требование программ всех демократических партий. Она, несомненно, станет на очередь в предстоящем Учредительном Собрании.

Земельный вопрос не может быть проведен в жизнь путем какого-либо захвата. Насилие и грабеж самое дурное и самое опасное средство в области экономических отношений. Только враги народа могут толкать его на такой гибельный путь, на котором не может быть никакого разумного исхода. Земельный вопрос должен быть решен путем закона, принятого народным представительством.

Правильное рассмотрение и принятие закона о земле невозможно без серьезной подготовительной работы, собирания материалов, учета земельных запасов, распределения земельной собственности, выяснения условий и видов землепользования и т. д."

Под видом „серьезной" подготовки к Учредительному Собранию разрешение земельного вопроса намеренно затягивали.

Но подходила осень, нужно было пахать и население на местах само начинает разрешать земельный вопрос, совсем не по декларации Временного Правительства. Оно захватывает самочинно земли помещиков, казачьего дворянства, войсковые и прочие, и запахивает их. Власть принимает всяческие меры против земельной „анархии". На это население отвечает аграрными беспорядками, разграбляются и сжигаются экономии, разбирается инвентарь, скот, напуганные помещики бегут.

Политика центра приводит к тому, что настроения против Временного Правительства растут все больше и больше, авторитет и влияние эсеров падает и симпатии бедняцкого сельского населения с каждым днем все больше склоняются на сторону большевиков, ибо только они разрешение аграрного вопроса ставят так, как то нужно трудовому крестьянству.

„... Партия пролетариата борется всеми силами за немедленную и полную конфискацию всех помещичьих земель в России (а также удельных, церковных, кабинетских и проч и проч.).

Партия решительно выступает за немедленный переход всех земель в руки крестьянства, организованного в Советы крестьянских депутатов или в другие, действительно, вполне демократически выбранные и вполне независимые от помещиков и чиновников, органов местного самоуправления.

Партия пролетариата требует национализации всех земель в государстве, означая передачу права собственности на все земли в руки государства, национализация передает право распоряжения землей в руки местных демократических учреждений.

Партия должна решительно бороться, как против Временного Правительства, которое и устами Шингарева и коллективными своими выступлениями навязывает крестьянам „добровольное соглашение с помещиками". т.-е. на деле помещичий характер реформы и грозит крестьянам карами за „самоуправство", т. е. переходом к насилию со стороны меньшинства населения (помещиков и капиталистов) против большинства, — так и против мелко-буржуазных колебаний большинства народников и меньшевиков с.-д., советующих крестьянам не брать земли до Учредительного Собрания.

Партия советует крестьянам брать землю организованно, отнюдь не допуская ни малейшей порчи имущества и заботясь об увеличении производства..."

Эта программа отвечала требованиям крестьянства и оно землю „брало".

Согласно директив Временного Правительства на местах должны были организоваться земельные комитеты для того, чтобы избежать земельной анархии.

Временное Правительство полагало сделать эти земельные комитеты своим орудием торможения земельного вопроса до Учредительного Собрания, на деле же земельные комитеты под напором нужд безземельного крестьянства стали боевым органом этого крестьянства. Земельные комитеты брали на свою ответственость захват помещичьих земель, наделяли землей безземельное иногороднее население, созывали земельные съезды, где разрешались вопросы овладения землей.

Так районный Александро-Грушевский земельный съезд заявил:

... Учредительное Собрание должно наделить всех землей, кто желает на ней трудиться. На землю должна быть уничтожена частная собственность. Необходимо конфисковать угодья, церковные, монастырские и кабинетские земли. Землею могут пользоваться все желающие обрабатывать ее своим собственным трудом. Недра земли, водные и лесные пространства передаются в распоряжение государственной власти".

Вскоре (20 мая) состоявшийся Донской Областной Съезд иногороднего населения по земельному вопросу постановил:

„... Все земли общинного и общественного пользования, как надельные, так и юртовые составляют составную часть общего народного земельного фонда.

Все частновладельческие земли — банковские, дворянские, казачьи и помещичьи — поступают в общий земельный фонд области

В тот же фонд поступают все государственные, казенные и войсковые земли.

Право пользования землей в Донской области в первую очередь принадлежит местным жителям, казакам и иногородним, при чем преимущество предоставляется тем, кто жил на этой земле...“

Не совсем по большевистски съезд разрешает вопрос, соглашательствует, но основное все же сказано.

Нельзя не отметить особо решительного поведения кулаков иногородних из некоренного населения на этом этапе борьбы. Кулаки-иногородние Таганрогского и Сальского районов проявили необыкновенно большую энергию в борьбе за Советы, которые для них были знаменем борьбы за землю в первую очередь. Эта группа руководилась в борьбе не интересами пролетарской революции, а своими частно-собственническими интересами. Вот почему кулак в борьбе за землю был беспощаден. Зачастую, идя во главе движения, в данном месте, кулак был причиной того, что гражданская война в этом селе и районе быстро сбивалась с классовых рельс, принимая формы сословных драк. Иногородние кулаки поднимали знамя войны не только против земельных богатеев дворян-казаков и князей-калмыков, но старались развернуть борьбу вообще против казаков, против калмыков. Лозунгом этих кулацких групп было: „довольно мы им поплатились за землю, долой казаков...“ За кулаками шли многочисленные кадры иногородней бедноты. Для кулака иногороднего было совершенно неважно, и даже пожалуй больше, и невыгодно итти рука об руку с бедняком казаком, с бедняком инородцем против земельных богатеев казаков и камлыков, помещиков и вечняков-иногородних, ибо после победы это были лишние претенденты на землю.

Такое положение не только спутывало карты классовой борьбы, но и всю борьбу в данной местности ставило на рельсы сословной бойни. Тут благодаря тому, что во главе восстания шел кулак-иногородний, не желавший больше платить за аренду земли, казацкое бедничество и казак-середняк автоматически отбрасывались на ту сторону баррикады, в стан врагов революции. Это позже привело к большим осложнениям Вот почему мы иногда встречаемся с оценками гражданской борьбы в Крае такой, какую давал в центре один из руководящих донских работников говоря: “У нас гражданская война вылилась в формы борьбы иногородних против казаков...“ [1]

Итак к осени 1917 года трудовое население станиц и сел больше не верило Временному Правительству и не хотело ожидать

[1] Воспоминания т. Зявкина, хранящиеся в рукописи в С.-К. Крайистпарте. Дон, дело № 1.

Учредительного Собрания. Землю крестьянство захватывало и делило.

Земля заставляла крестьянство быстро леветь, итти с большевиками и позже, только уже без ушедшего к контр-революции крепкого кулака, драться за Советы, за власть рабочего класса и беднейшего крестьянства.

Довольно развитая промышленность Донской области, как добывающая, так и обрабатывающая, имела большие кадры рабочего класса, прошедшего суровую школу борьбы с царизмом и буржуазией. Много рабочих были выходцами из донских сел и станиц; к дням революции они в деревне имели своих родственников, с нею еще не порвали, посему все невзгоды, какие переживала станица, были близки рабочему классу области и находили то или иное отражение в жизни его, как и наоборот,—то или иное состояние и положение в рядах рабочего класса отражалось на жизни бедняцких групп населения деревни.

Перед февральским переворотом на Дону был ряд политических забастовок на предприятиях промышленности Донской области. В самом Ростове бастовали заводы: „Лилли", „Аксай" и фабрика Асмолова. Бастовали в области Александро-Грушевские шахтеры, шахтеры Макеевки и др. Волна забастовочного движения прокатилась по всей области.

Известие о свержении царя на Дону было получено 1-го марта. В Ростове, в Новочеркасске, в Александро-Грушевске и в Таганроге организовались Советы Рабочих и Солдатских Депутатов. В то время, как в Новочеркасске у власти стало казачье дворянство, в Ростове господами положения были кадеты и меньшевики с эсерами, которые в Совете занимали авансцену и в первые месяцы (март, апрель) почти безраздельно руководили рабочими массами и мелкой буржуазией. Большевики были в этот период малочислены, плохо организованы и мало себя выявляли.

Важно отметить, что в городах одновременно с организацией Советов, создаются по инициативе соглашателей „общественные комитеты" вместо „гражданских", на основе вхождения в них представителей всех организаций и Советов в том числе. Таким образом меньшевики и эсеры сразу взяли курс на тесное сотрудничество с органами буржуазии, которые были специально созданы для проведения в жизнь политики по предотвращению дальнейшего развертывания революции. Эта роль новых органов власти на Дону сразу выявилась еще более резко, чем в центре. В столице области Новочеркасске „Донской Исполнительный Комитет", в Ростове „Общественный комитет" прежде всего приняли меры к организации офицерства для удержания в своих руках армии. В Новочеркасске в середине марта организуется офицерский союз, который получает представительство в Исполнительном Комитете и является главной силой, на которую опирается ДИК. Офицеры не только выдвинули войскового старшину Воловшинова вр. атаманом Донского войска, они немедленно повели агитацию среди солдат за доведение войны до победного конца.

В Ростове организация офицеров прежде всего добивается, еще от Гражданского Комитета, того, чтобы только через их руки было допущено сношение гражданских организаций с солдатами. Таким образом, офицерство не только быстрее всех организовалось, но и приняло меры к изоляции солдат от влияния рабочих. Им в этом на деле помогали меньшевики, которые, имея в своих руках Советы, превратили их в органы, являвшиеся приложением к деятельности Общественных Комитетов. Даже по вопросу о введении 8-ми часового рабочего дня Ростовский и другие Советы тянули и не вынесли определенных решений. Такое хозяйничанье соглашателям удалось провести в первый месяц революции только потому, что сразу рабочие массы не могли ориентироваться в обстановке, ибо первые недели революции носили очень „праздничный" характер единения всех против реставрации самодержавия — классовые противоречия еще не всплыли резко на разрешении конкретных проблем дня. Неоформленное состояние большевистской организации помогало меньшевикам проводить свое руководство. Но первые дни проходили, нужно было разрешать вопросы, ради которых массы совершили революцию. И вот на опыте этого разрешения рабочие и солдаты начинают отдавать себе отчет о том, что революция вовсе не кончилась. Прояснение классового самосознания рабочих форсировалось упорством буржуазии, не желавшей проводить 8-ми-часового рабочего дня, не хотевшей считаться с фабрично-заводскими комитетами и противодействовавшей повышению заработной платы. После 1-го мая, празднование которого в Ростове было „триумфом" соглашателей, начинается перелом в настроении рабочих масс, развертывается стачечная борьба, особенно усилившаяся на шахтах, где рабочие стали вводить 8-ми-часовой день явочным порядком. Буржуазия начинает поговаривать о локаутах, углепромышленники приступают к закрытию ряда шахт, Советы рудничных районов приступают к организации дела снабжения рабочих хлебом и т. д. Словом, политика Временного Правительства и его органов на местах, медлившая с проведением 8-ми часового рабочего дня, потакавшая сопротивлению капиталистов, способствует развертыванию классовых противоречий и левению рабочих масс. Большевики с мая и особенно в июне начинают как-бы выходить „на свет божий" и оформляться в единственную политическую организацию, отстаивающую самостоятельные классовые интересы пролетариата. 11-го мая Ростово-Нахичеванский Комитет большевиков поместил в своей газете „Наше Знамя" обращение к массам в котором заявляет:—„Мы большевики, теперь единственная противоправительственная партия,—партия, не поддерживающая правительства, не доверяющая ему ни в малейшей степени...

Наши организации численно слабей других. Наша Ростово-Нахичеванская организация, существовавшая еще в подполье, к настоящему моменту насчитывает все 450 человек.

Наши организационные связи с провинциальными группами весьма немногочисленны, наша касса... вероятно беднее по всем

оборотам, чем организации меньшевиков или социалистов-революционеров.

Мы еще не создали большой военной группы, не охватили всех заводов, не вышли как следует „на улицу“, не успеваем обслуживать периферию и т. д. И тем не менее... если политическое значение какой-нибудь партийной организации... измеряется не количеством собранных рублей и списком членов, а ее идейным влиянием, хотя бы и не прямым, на массы, то это—политическое значение организации большевиков“. Далее в обращении сообщалось, что „агитаторской коллегией организации ведутся правильные занятия в заводских партийных группах“, что Ростово-Нахичеванский комитет связан с соц.-дем. интернац. организацией военнопленных, от которой имеются представители в Комитете, что 18-го апреля (1-го мая) б-ки выступили самостоятельной колонной, к которой присоединились военнопленнные и пр. Этот документ показывает, что к середине мая б-ки уже стали организационно укрепляться, завязывать связи с рабочими и выступать совершенно самостоятельно.

Участие большевиков в предвыборной кампании в Городскую Думу в июне укрепило их влияние в массах, стали появляться случаи отзыва рабочими меньшевиков из Совета и посылки туда своими представителями большевиков. 3-го июня в Совете в первый раз голосование по продовольственному вопросу дало 51 голос большевистской поправке „о переходе всей государственной власти в руки Советов Р. С. и Кр. Д. вместо обычных для Совета 20—24 голосов большевистской фракции“.[1] Этот факт, несомненно, отражал начало перелома в настроениях масс. В Шахтинском районе этот перелом наметился еще раньше. Так напр. в Парамоновском руднике была вынесена рабочим митингом следующая резолюция по текущему моменту, еще 21 мая:

— „Считаем, что разрешение продовольственного кризиса, приближение мира, успешно может быть выполнено лишь Правительством народным и пользующимся полным доверием большинства населения. Таким Правительством должно явиться Правительство Советов Раб. Солд. и Крест. Депут.“[2]

В июне подобные резолюции стали выноситься все чаще и чаще. Особенно усиливались большевистские настроения в солдатских гарнизонах и в первую очередь в ростовском, где стояло четыре запасных полка. Именно здесь имелось наиболее яркое доказательство соответствия действительности того заявления Ростово-Нахичеванского Комитета в своем обращении, в котором констатировалось, что идейное влияние большевиков неизмеримо шире их организационного оформления. Военные партийные группы стали организовываться только в мае—июне, но по основному вопросу об отношении к войне большевистские настроения охватили огромное большинство солдат. Именно вопрос о возобновлении наступления на

[1] Газ. „Наше Знамя“, орг. Ростово-Нахичеванского Комитета Р. С. Д. Р. П. № 11-го июня 1917 г., ст. М. Жакова.

[2] „Наше Знамя“ № 7 от 27-го мая.

фронте был наиболее актуальным моментом, вокруг которого в июне разворачивалась политическая борьба партий и классов. Бешеная агитация против большевиков, как единственной партии, призывавшей к братаниям на фронте, стремившейся сорвать подготовлявшееся наступление, развернулась в июне не только в столицах, но и по всей России. Не отставал на этом „фронте“ и Ростов. Местные соглашатели поддерживали кадетов по организации „Золотого дня“—кампании по пропаганде займа свободы, который был приурочен к 18-го июня—началу наступления на фронте.

10-го июня 16-я рота 249 пех. зап. полка на своем общем собрании выносит резолюцию по докладу представителя военной группы большевиков:

„... 1. Приветствуем Революционную Российскую Социал-Демократическую рабочую партию (большевиков).

2. Протестуем против травли, поднятой буржуазной печатью против тов. С.-Д. (большевиков) и наших идейных руководительниц — газет „Правда“, „Социал-демократ“ и „Наше знамя“.

3. Требуем решительных мер для ограничения зарвавшихся аппетитов буржуазии—конфискации всей военной прибыли, беспощадных налогов на всю городскую недвижимость, строгого контроля над производством...

Но, чтобы такие меры провести в жизнь, необходимо, чтобы власть принадлежала Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.[1]

Отдельная резолюция о войне тоже заканчивалась требованием перехода власти в руки Советов. Состоявшийся этого же числа обще-полковой митинг с участием 5—6 тыс. чел., проходил бурно, представителям соглашателей не давали говорить. Созван он был полковым комитетом по поводу приказа об отправке полка на фронт и принял целиком резолюцию, предложенную комитетом, в которой признавалась нецелесообразной „отправка на фронт целыми полками“ и указывалось, что под приказом нет „подписи Керенского и до сих пор приказ не напечатан в Известиях С. С. и Р. Д. г. Петрограда“, и признавалась необходимой посылка делегатов от полка в Петроград „для выяснения всех вопросов“. Митинг от себя добавил к резолюции: „Вся власть полностью переходит в Советы Раб., Солд. и Кр. Депутатов“.[2]

Как видим, настроение полка было весьма определенное — он не желал подчиняться Временному Правительству, требовал санкции Совета на приказах, словом был „большевизирован“.

Это поведение полка вызвало бурю негодования и лжи соглашателей, ибо они видели, что гарнизон, — эта весьма реальная сила на чашке весов политической борьбы, был не с ними, а в руках большевиков.

В Петроградскую газету „Новая жизнь“ полетело телеграфное сообщение об этой истории, преследовавшее травлю большевиков:

... „Ростов-Дон. 13 июня (ПТА). Среди войск местного гарнизона, под влиянием агитации большевиков, уже несколько дней царит крайнее возбуждение. Поводом послужил полученный через Донской войсковой штаб приказ

[1] Газ. „Наше знамя“ № 12, от 12-го июня 1917 г.
[2] Там же.

о выступлении на фронт одного из Ростовских полков. Распространились слухи, что квартирующие в городе армейские полки будут заменены казаками. По инициативе большевиков на площади был созван многолюдный солдатский митинг, произносились зажигательные речи большевиками. Один из возражавших ораторов арестован. Принята резолюция о посылке к военному министру двух делегатов... Затем толпа отправилась в Сов. Р. и С. Д. потребовать экстренного обсуждения создавшегося положения. Советом вопрос передан на обсуждение соединенного собрания всех полковых комитетов".

Перепечатав это сообщение из „Новой жизни“ (№ 48), газета „Наше знамя“ опровергала факт ареста возражавших большевикам на митинге.[1] Но эта корреспонденция, даже если учесть сознательное стремление ее составителя травить большевиков, довольно ярко отражает то впечатление, которое производило на соглашателей, не говоря уже о буржуазии и казачьих верхах, поведение гарнизона. Классовая борьба разгоралась, солдат стремились противопоставить казакам, последних натравливали на запасные полки, влияние большевиков росло.

Итоговым фактом борьбы большевиков за овладение гарнизоном, в которой стихийное настроение масс часто не охватывалось партийным руководством, является срыв „золотого дня“ 18-го июня (4-го июня) демонстрацией солдат под руководством большевиков. Город в этот день разукрасился флагами и плакатами. Кадетами была развернута широкая агитация „за войну до победного конца“. за заем свободы. Но этот праздник был сорван огромной демонстрацией гарнизона, прошедшей в организованном порядке по улицам города, срывавшей на своем пути все лозунги и плакаты „за войну“ и не дававшей говорить меньшевистским ораторам.

„Наше знамя“, по поводу итогов „дня“ писало: „манифестация в пользу „золотого дня“ превратилась в демонстрацию против займа свободы, организованную самими солдатами местного гарнизона".

По этому поводу С. Р. и С. Д. выпустил воззвание. В нем отмечается, что организаторы „дня“ без ведома С. Р и С. Д. вывесили плакаты в духе Милюковых и Гучковых...

...„Не потому солдаты устроили демонстрацию, что увидели плакат с ненавистными им надписями. Этот плакат только открывал глаза тем, кто еще был слеп. Причиной же было то, что солдаты вполне правильно оценили „заем свободы“, как заем закабаления. Очень печально, что не такого взгляда по этому вопросу придерживается сам С. Р. и С. Д.“[2]

Меньшевистский Совет не мог целиком выступить против демонстрации, ибо это означало бы признание его полной солидарности с политикой Милюкова, „уйденного“ от власти еще в апреле рабочими Питера. Но он понимал, что если такая мощная демонстрация проходит вне его руководства, то это означает, что массы уже не идут за ним так, как шли весной; кто же в этом виноват?— конечно, лозунги правых и демагогия большевиков. И он на своем

[1] „Наше знамя“ № 45, от 25 июня 1917 г.
[2] № 15 от 25 июня.

заседании поднял колоссальную травлю большевиков, чтобы взять реванш в зале заседания за победу большевиков на улицах.

Итак, перелом в настроениях масс в основном центре Донской революции — Ростове, в июне уже намечается — у рабочих менее, у солдат резче и определеннее. Среди пролетарских масс влияние большевиков наиболее усиливалось в Александро-Грушевском районе, где больше всего развертывалось стачек из-за саботажа предпринимателей, заявлявших там о применении системы локаутов. Большевистские резолюции на общих рабочих собраниях и митингах, вступление в партию целыми пачками имели место уже в массовом масштабе именно среди шахтеров. Ростовский пролетариат отставал, но и здесь участие большевиков в длившейся долго кампании по выборам в Городскую Думу ознаменовалось успехом и давало шансы на значительную победу. Эта восходящая кривая была прервана июльским разгромом большевиков в центре, сопровождавшимся бешеной травлей большевиков, как „германских шпионов“, и сейчас же отразившимся на положении их на местах и в особенности в Ростове. На выборах в Думу, происходивших после Питерских июльских дней, большевики получили ничтожное количество голосов, в Ростове и Таганроге смогли провести только несколько своих кандидатов, в Новочеркасске ни одного, и только в Александро-Грушевке рабочие почти не участвовали в выборах, почему там и соглашатели были мало представлены в Думе. Но этот реванш меньшевиков и эсеров не дал им больших результатов, так как Думы, несмотря на то, что они перенесли туда центр тяжести своей работы, не играли той руководящей роли, какую меньшевики хотели им придать. Основными центрами борьбы после июльских дней было Новочеркасское Калединское гнездо, о котором мы будем говорить дальше и которое подготовляло теперь благоприятные условия для корниловщины.

Выступление Корнилова, нашедшее активную поддержку у Каледина, всколыхнуло массы, бросило их влево и дало начало новому повышению кривой большевистского влияния, прерванному на время июньской реакцией. В Ростове был создан Советом и Думой „Комитет Спасения Революции“, в который был введен даже Комиссар Временного Правительства Зеелер (кадет). Большевики в „Совет Спасения“ не пошли. Был мобилизован гарнизон, на случай наступления казаков, и приступлено к организации первых отрядов Красной гвардии, что бесспорно давало большевикам твердую точку опоры, как партии, заблаговременно ратовавшей за вооружение рабочих. Большевики добились даже такой уступки у меньшевиков и эсеров, как отставки по их требованию кадета Зеелера, постановлением „Комитета Спасения Революции“, куда накануне этого Комиссар Временного Правительства был введен. Это свидетельствовало о большой растерянности мелко-буржуазных „социалистических“ интеллигентов, перепугавшихся вдруг казачьей контрреволюции и стремившихся не рвать с большевиками. Но после неудачи Корниловской авантюры соглашатели немедленно „отошли“

и восстановили Зеелера в его правах, лакейски расхваливая его, как „демократа“, который далек от контр-революции. Также быстро сумел реабилитировать себя Каледин, и первые недели после корниловщины на Дону создалась тревожная и неустойчивая обстановка.

Меньшевики и эсеры теряли влияние среди рабочих и солдат, большевики еще не имели большинства, крестьянство поднималось на самочинные захваты помещичьих земель, были случаи поджогов экономий, отказов от поставки скота продовольственными комитетами (Таганрогский и Ростовский округа); в Ростове и других городах происходили разгромы магазинов, самочинные обыски; стачечное движение росло особенно на шахтах, где хозяева перешли к еще более решительным формам сопротивления требованиям рабочих; экономическая жизнь катастрофически расстраивалась, везде было тревожно. Все это свидетельствовало о том, что подходил какой-то решительный поворот, который должен был изменить политическую линию руководства в определенную сторону, дать власть силе, имеющей твердую опору в определенных классах. Сидению демократов между двух стульев, болтовне о будущих благах, которые принесет Учредительное Собрание, явно подходил конец. Соглашатели превращались в партии, которым массы уже не верили, через головы которых развертывалась классовая борьба в стихийных пока формах, ибо донские большевики еще не овладели движением, они только перешли к захвату основных командных позиций в фабзавкомах, профсоюзах и, главное, в Советах. Это наростал Октябрь. И противоположный лагерь, имевший на Дону более крепкие организации, чем в центре, отдавал себе отчет в том, что подходит решительный поворот.

Нельзя сказать, чтобы ставленники Временного Правительства на Дону, представители казачьего дворянства и буржуазии не старались заблаговременно принимать меры к предотвращению и ликвидации бурно развивавшегося движения, стихийно шедшего по пути, который большевики указывали с весны.

Первые дни после переворота в центре, наказный атаман царского времени генерал Граббе был арестован и на его место Донским Исполнительным Комитетом [1] был назначен атаманом председатель военной секции, войсковой старшина Волошинов.

29 (16) апреля 1917 г. в Новочеркасске созывается съезд делегатов казачьего населения —„стариковский съезд“, представлявший офицерство, зажиточное казачество и заслуженных стариков. Основными вопросами, которые разрешил этот съезд, были:

1) Созыв Войскового Круга.

2) Утверждение Волошинова наказным атаманом Донской области.

[1] Этот Комитет обрзэовался в Новочеркасске в ночь на 16 (3) марта по инициативе военно-промышленного комитета с участием социалистов; 15 (2) марта был организован в Ростове „гражданский комитет“ с участием Николая Парамонова и представителей меньшевиков и эсеров.

3) Посылка в Исполнительный Комитет своих представителей.

Как дань мартовским дням, съезд принял следующую резолюцию об отношении к Совету рабочих и солдатских депутатов:

„Признавая в должной мере великую историческую заслугу рабочих и армии в деле ниспровержения царизма и установления нового строя, Войсковой казачий съезд выражает твердую уверенность, что Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, являясь представителем народа и армии, будет всемерно содействовать успешному завершению устроительства новой России на началах, возвещенных в декларации Временного Правительства. Съезд считает необходимым, чтобы все распоряжения исходили только от Правительства, чтобы Совет опубликовал имена всех своих членов, чтобы Совет Рабочих и Солдатских Депутатов принял меры к прекращению вредной для дела революции агитации Ленина...[1]

Мы видим, что и в этой „дани“ верхи казачества взяли сразу линию на решительную борьбу с „Лениным“.

Этот съезд должен рассматриваться нами, как первая попытка создать особую организацию, которая бы отстаивала казачьи интересы и сплотила бы кадры руководителей будущей контр-революции.

12 (25) июня 1917 г. открылся 1-й Большой Войсковой Круг в количестве 700 делегатов. В первой приветственной речи войсковой атаман Волошинов так декларировал „историческую“ линию казачества: „Россия переживает трудные дни. Анархия растет. И казаки должны властно сказать: так было, но так не будет (бурные аплодисменты).

Казакам надо открыто заявить, во что они верят, с кем и куда идут. Наша дорога прямая. Никаких поворотов, ни вправо, ни влево. Мы пойдем своей исторической дорогой по пути спасения родины, как шли в Смутное время 1613 г., как шли в 1812 г. История снова возложила на нас великую честь спасти родину. И мы спасем родину, или погибнем (крики „ура“, „спасем“, бурные аплодисменты).

Граждане казаки. Нам надо объединиться и сказать: анархии не место в России, не место Ленину (бурные аплодисменты).[2] Задача казачества, как „спасителя родины“ от революции, сформулирована четко.

По основному аграрному вопросу Круг пошел „своей исторической дорогой“, приняв следующую резолюцию Войскового казачьего съезда, закреплявшую „самобытность“ казачьих сословных привилегий полностью:

„Вся земля, находящаяся в границах Донской области, составляет историческое достояние Донского казачества, добытое кровью предков, многократно оплаченное тяготой служения казаков государству; исходя из соображений справедливости, Войсковой съезд полагает, что:

1) Юртовые и войсковые запасные земли составляют собственность Донской Войсковой казачьей земельной общины.

---

[1] Донархбюро. Ф. Канц. Вр. Пр. связка № 4. д. 47, протоколы заседании Войскового съезда. Заседание от 27 апреля, листы 225–226.

[2] Донархбюро. Ф. канц. Войскового Пр. № 141, связка 11, № 20. Стенотчет Дон. В. Кр. Засед. 26-го мая, лист 62.

2) Земли крестьянских волостных и сельских обществ, наделенные и благоприобретенные, если они по разверстке на душу не превышают трудовой нормы, составляют собственность тех обществ; излишки сверх наделов по трудовым нормам отчуждаются на общем основании.

3) Частновладельческие земли разных наименований отчуждаются государством на основах, которые вырабатывает Учредительное Собрание.

4) За счет фонда, имеющего образоваться из отчужденных земель, удовлетворяется коренное крестьянское население Донской области по нормам, которые будут выработаны Учредительным Собранием.

5) Остаток, если таковой получится по наделению коренного крестьянства землею, поступает в земельный фонд Донской войсковой общины.[1]

Даже эта резолюция, делающая „уступки" коренному крестьянству, да и то именем будущего Учредительного Собрания, встретила серьезную оппозицию на Круге „дважды ставилась на баллотировку и принята единогласно только в первой части, а пункты 2, 3, 4 и 5—большинством в 339 голосов против 234.[2]

Между прочим, в связи с обсуждением аграрного вопроса был поднят вопрос о принятии крестьян в казаки и предложение за принятие провалено под бурные аплодисменты 480-ю голосами при 71-м за и 36 воздержавшихся.

„Дружеское" отношение к иногородним было закреплено постановлением об отзыве из Областного Исполнительного Комитета всех представителей казаков.

Наконец, на предпоследнем заседании оформление казачества в силу, которая должна была спасти Россию, закреплялось выбором в атаманы достойного вождя. На Круге появился остановившийся в Новочеркасске, будто-бы проездом, генерал Каледин. Он в первых числах мая сдал должность командующего армией на Румынском фронте и, как „не совсем подходящий" и несогласный с политикой Временного Правительства по вопросам „управления армией", был освобожден от обязанностей командарма.

Донская дворянская буржуазия и чиновничество, многочисленно представленные на Круге, избирают Каледина войсковым наказным атаманом. В торжественном заседании Круга Каледину был вручен атаманский пернач с грамотой:

„Избранному вольными голосами Войсковому Атаману, нашему природному казаку генералу и Георгиевскому кавалеру — Алексею Максимовичу Каледину.

По праву древней обыкновенности избрания Войсковых Атаманов, нарушенного волей царя Петра I в лето 1709-е и ныне восстановленного, избрали мы тебя нашим Войсковым атаманом.

Подтверждая сею грамотою нашу волю, вручаем тебе знаки атаманской власти и поручаем управление Великим Войском Донским в полном единении

[1] Там же. Резолюции, принятые на заседании 9-го июня лист 34. Принятая Кругом резолюция представляет из себя только введение и первые 5 пунктов резолюции Войскового съезда,—остальная часть резолюции дает более подробные указания о формах землепользования казачьими войсковыми землями См. резол. в прот. заседания Войскового съезда 18—27 сентября 1917 г. Донархбюро. Фонд канц. Вр. Пр. связка № 4, дело № 47, засед. 26-го апреля. Стенотчет л.л. 163—164.

[2] Там же. Заседание 9-го июня (стеногр. отчет, лист 232).

с членами Войскового Правительства, выбранного также вольными голосами Войскового Круга.

Руководством к законному управлению в войске нашем должны служить тебе, наш атаман, постановления, утвержденные Войсковым Кругом, в соответствии с общегосударственными законами".[1]

Каледин на Дону появился именно затем, чтобы попасть в наказные атаманы, чтобы прибрать Дон к рукам и повести казачество за собой. Первая часть цели была достигнута. Став атаманом, Каледин начинает организацию сил для борьбы с революцией.

Первое время Каледин, как представитель высшего царского генералитета и выразитель воли дворянства и крупной буржуазии, став наказным атаманом Донской области, полагал вести борьбу против Февральской революции, против Временного Правительства. Но бороться ему с Февралем не пришлось: на дворянство, на буржуазию и на буржуазный Февраль шли рабочие и беднейшие беззэмельные крестьяне. Перед Октябрем казацкому атаману, угрожавшему Февралю на Московском совещании, пришлось стать в позу защитника Февральской революции, против требования углубления революции.

Обсоятельством, облегчавшим Каледину работу по консолидации контр-революционных сил на Дону и втягиванию казачества в борьбу с революцией, было отсутствие на местах твердых органов новой власти.

На ряду с Зэмельными Комитетами, на местах организовались Гражданские Комитеты. Эти органы власти шли на смену казачьему Правлению с его „сбором" и атаманом. Они становились органами власти в большей мере, чем Правления, ибо представляли „все население", тогда как Правления только казачье. Многовластие, путаница, боевое поведение Комитетов и параличная работа казачьих Правлений — все это ставило на местах на очередь дня вопрос „о власти в станицах". Гражданские Комитеты требуют у Правления передачи власти им, атаманы тянут, не соглашаются, и так, до издания Временным Правительством распоряжения, что Гражданские Комитеты органами власти не являются.

Каледину летом 1917 г. удается собрать вокруг себя довольно большие общественные силы из Донского дворянства, кадетов и донской буржуазии; удается сбить военные силы из офицеров и казаков.

На Московском Государственном Совещании, в своей нашумевшей и ставшей исторической речи, Каледин требовал чтобы:

„... Армия была вне политики.

Все комитеты и советы должны быть упразднены, как в армии, так и в тылу,

Декларация прав должна быть пересмотрена и дополнена декларацией обязанностей.

Все меры, необходимые для укрепления армии на фронте, должны быть применены и в тылу.

---

[1] Донархбюро. Ф. канц. В. Пр. связка II, дело № 22. Разная переписка Войскового Круга. Грамота Каледину, лист 200.

Дисциплина должна быть в армии поднята и укреплена самыми решительными мерами.

Дисциплинарные права начальствующих лиц должны быть восстановлены.

На местах должны быть приняты самые строгие меры против самочинных действий всевозможных комитетов, нарушающих порядок землепользования...“

Устами Каледина говорила Российская контр-революция. Эти же самые требования предъявил генерал Корнилов, обещая только при этом условии—„спасти Россию“.

Возмущенные рабочие и крестьяне через свои Комитеты и Советы Рабочих и Солдатских Депутатов требовали от Временного Правительства, чтобы оно дало должный отпор вылазкам контрреволюции, и когда Корнилов, подняв мятеж против Временного Правительства, двинул казачьи части на Петроград, рабочий класс России через свои Советы Рабочих и Солдатских Депутатов добился не только разгрома казачьих частей, но и смещения ген. Корнилова с поста главнокомандующего и ареста его. Временное Правительство, зная, что Каледин активно помогал Корнилову, предало Каледина суду и потребовало его в Петроград. Каледин, понимая, что началась борьба с оружием в руках, не подчинился Временному Правительству, а шедшие за Калединым силы подняли сильнейшую травлю против Временного Правительства.

Вскоре после Февральской революции в высших слоях русского дворянства и буржуазии возникла организация — „Союз Спасения Родины“. Высший генералитет, включая Корнилова, Алексеева, Каледина и др., целиком вошел в состав этой организации; впоследствии по директивам этой организации генералитет начал собираться на Дону и на Северном Кавказе для организации сил контр-революции.

После неудачного похода Корнилова на Петроград, контр-революционные круги области собрали „Большой войсковой Круг“.

Понятно, что основными силами, участвовавшими в организации „Круга“, были донское дворянство и донская буржуазия. Ведь „Круг“ организовался после того, как эти социальные группы увидели, что рабочие массы Петрограда и Москвы, а также солдаты гарнизонов этих городов, выступили против Корнилова и разбили его. Надо было спасать Дон, именно, от рабочих масс, от солдатских масс, спасать интересы, за которые восстал Корнилов. Отсюда понятно, что все активные силы донского дворянства и донской земельной и торгово-промышленной буржуазии вошли в „Круг“. Во главе его, как и подобает, стояло донское дворянство, а вооруженные силы Круга готовили донские генералы Семилетовы, Назаровы и Красновы.

К этому времени относится организация „Юго-Восточного Союза Казачьих областей, Горских и Степных народов“. Об организации этого союза как будто сразу начали говорить везде—и на Дону и на Кубани и на Тереке. По этому же вопросу с ходатайством приезжали в Новочеркасск калмыки, входили с аналогичными просьбами горцы-нефтепромышленники и т. д. Дело организации

„Юго-Восточного Союза“ начало довольно быстро подвигаться вперед.

В Юго-Восточный Союз должны были войти—Дон, Кубань, Терек, Горские и Степные народы. Эту идею особенно поддерживал „Совет союза казачьих войск“, организовавшийся в Петрограде вскоре после февральского переворота. Он не раз доказал свою сугубую контр-революционную сущность, пока не был разогнан большевиками. После корниловского выступления „Совет“ всячески нападал на Временное Правительство за его, якобы неправильную, политику в отношении казачества, это нужно ему было делать, дабы улучшить условия организации контр-революционных сил в казачьих областях.

Как известно, корниловщину дружно поддерживала вся российская буржуазия, от которой не отставала и донская. В Шахтинском районе в ответ на неудавшуюся корниловщину хозяева закрыли 77 предприятий, рабочие которых были выкинуты на улицу. На Парамоновских рудниках рабочих не только выгнали на улицу, но и не уплатили зарплату. На соседнем Гончаровском руднике хозяин, захватив кассу, сбежал. Рядом с этой „экономической“ контр-революцией буржуазия в союзе с Войсковым Правительством развертывает полицейские мероприятия. Рудники в это время занимает есаул Чернецов, расставляя везде гарнизоны и организуя контр-революционные силы.

Рабочие, доведенные до отчаяния хозяевами, голодом и разрухой, требуют немедленной национализации шахт, немедленного вывода казачьих гарнизонов и полиции из района шахт и организуют Красную Гвардию.

Волнения по шахтам усилились. В ответ на революционные действия рабочего класса Шахт, донская буржуазия и Правительство отвечали усилением казачьих гарнизонов, вывода которых в первую очередь и требовали рабочие. В это время по шахтам уже гуляет известный палач сотник Чернецов с карательным отрядом. Чернецов создает в наиболее революционных местах Шахтинского района гарнизоны, вырывает из рядов рабочего класса наиболее неспокойные элементы, жестоко с ними расправляется в назидание другим. Чернецов, пытавшийся арапником запугать социальную революцию вообще, пробовал ловким ударом шашки снести голову местному рабочему движению. Донское Калединское правительство с разрешением рабочего вопроса тянуло, так же, как и с разрешением вопроса земельного.

В сентябре рабочие в ряде шахт, управление предприятиями берут в свои руки и организуют Советы. Съезд делегатов Хрусталинского района постановил—„власть передать Советам“, и организовал Районный Совет Рабочих Депутатов. Собрание рабочих Изваринского района приняло резолюцию, где требовало: отобрание земли, рабочего контроля на производстве, прекращения войны, передачи власти Советам. Рабочие Александро-Грушевского района во главе в Советами Рабочих и Солдатских Депутатов вынесли

резолюцию о передаче власти Советам и приветствовали войскового старшину Голубова, выступившего войной против генерала Каледина.

Таким образом на местах, в рабочих районах, стали возникать большевистские до-октябрьские Советы.

На приказ Керенского „наступать" на фронте, пролетариат Ростова ответил демонстрацией 1-го октября, которая собрала под свои знамена свыше ста тысяч человек.

В начале осени 1917 года, согласно воле „Союза спасения Родины", в Новочеркасск прибыл генерал Алексеев и при помощи Каледина начал организовывать Добровольческую армию из офицеров-юнкеров и выходцев из буржуазии. Деньги на организацию Доброволии Алексеев получил от иностранцев (35 м. р.), от русской и донской буржуазии (200 т. р.) и от Каледина из казны Войска Донского (8 м. р.).

Первые боевые отряды российской контр-революции организуются на деньги, любезно предоставленные ген. Алексееву тремя составными частями будущей деникинщины — российскими помещиками и буржуазией, поместно-дворянской контр-революцией и антантовским империализмом.

К ноябрю месяцу первые отряды Доброволии уже маршировали по улицам г. Новочеркасска.

Что же собою представляла Донская область к дням Октября?

Рабочие Донецких шахт к этому времени одержали ряд побед над полицейско-стражническими отрядами и над гарнизонами, которые расставлял в свое время Чернецов, В рядах рабочих развернулось сильное движение против керенщины, начали организоваться отряды красногвардейцев, которые взяли на себя миссию охранять рабочих от стражников, от полиции и от небольших казачьих летучих отрядов, которые временами нападали на рабочие поселки. Сюда же в Донецкий бассейн подходили одиночки и мелкие группы демобилизованных, которые в борьбе между рабочими и чернецовскими гарнизонами принимали сторону рабочих.

В это время по Дону в различных его местах стояли воинские гарнизоны; они состояли из солдатских частей и частей казачьих. В городах Новочеркасске, Таганроге и Ростове вперемежку стояли части неказачьи и казачьи. Каледин стремился поставить казачьи части на всех границах Дона, окружить Донскую область кольцом казачьих частей, дабы потом лучше было расправиться с революционными организациями внутри области, а также можно было бы воспретить всякий въезд в область „нежелательным элементам". Охрана области кольцом казачьих воинских частей по мнению Каледина была надежным средством от заражения большевизмом населения области. Но в это время большевизмом были больны не только неказачьи части но и казачьи части. Доказательством тому служат факты неисполнения ими распоряжения Каледина. Казачьи воинские части отказались разоружать солдат.

Настроение иногородних групп населения области было определено большевистским, ибо, начиная с февральского переворота

в течение всей весны, всего лета и всей осени, они ждали земли, ждали определенных распоряжений со стороны Временного Правительства о передаче земель безземельным, а также о равноправии иногородних. Но этого не случилось и это было причиной того, что революционные настроения у иногороднего населения все разростались.

Настроение рядовой казачьей массы если не было большевистским, то не было и за Временное Правительство, война надоела всем, а ее-то Правительство кончать и не собиралось.

Захват большевиками в центре России в Петербурге и Москве власти и разгон Временного Правительства не только напугал дворянство, чиновничество и буржуазию области, но и заставил их перейти к еще более решительным выступлениям против большевизма. Началась усиленная мобилизация сил для немедленной расправы с большевизмом у себя в области.

Если в центре с февраля по Октябрь у власти стояли в месте с буржуазией социалсоглашательские партии меньшевиков и эсеров, то Доном управляли в этот период кадетствующее чиновничество и донское дворянство. В центре Донской области — Новочеркасске — власть принадлежала Каледину, дворянскому офицерству, проводившему свою классовую линию в управлении областью. В Ростове у власти стояли кадеты, эсеры и меншевики, но фактически они только менее решительно проводили ту же линию донского дворянства и областной буржуазии. Устанавливался единый фронт, правым флангом которого был Каледин, а левым — „революционная демократия“.

Партия большевиков, имевшая ячейки почти по всем городам Донской области, имевшая внушительную организацию в Ростове, в лице Ростово-Нахичеванского партийного Комитета, развернула и в Ростове и в Новочеркасске огромную организационно-агитационную работу. Ряд воинских частей неказачьих был определенно большевизирован, ряд казачьих частей был доведен до состояния полного разложения, когда казаки отказывались „стоять дальше в рядах армии“. Рабочие многих фабрик и заводов гор. Ростова и ж. д. имели большевистские ячейки, боровшиеся с влиянием меньшевиков и эсеров, а в Шахтах большевикам принадлежало руководящее влияние.

Решительными военными мерами Донского Войсковое Правительство пытается ликвидировать большевиков в области. Отдаются распоряжения неказачьим пехотным частям о выходе на фронт. Большинство частей, руководимых большевиками. не подчиняется, митингует и посылает на фронт делегатов с наказами, вроде наказа 255 пехотного полка.

Оппозиционные настроения гарнизона, меньшевистско-эсеровская печать излагала так:[1]

---

[1] Пролетарская революция на Дону. Сборник второй. Ростов на Дону. 1922 г, стр. 89.

„У солдат местного гарнизона.

В продолжение последних трех дней среди солдат местного гарнизона не прекращаются волнения в связи с их отправкой на фронт. В четверг и пятницу происходили большие митинги. Решено послать на фронт делегатов с целью выяснения отношения фронта к массовой отправке туда из тыла полков. Лозунги движения: долой войну, власть советам, земля крестьянам, рабочий контроль над производством, перевыборы Ростовского Совета. Решено сегодня в 12 часов дня устроить совместно с рабочими манифестацию 10-ю делегатами, которых вчера должны были отправить; выработан и на обще-гарнизонном митинге принят следующий наказ. предложенный от имени полкового комитета 255-го запасного пехотного полка.

Наказ делегатам.

Товарищи!

Нам, солдатам. расположенным в г. Ростове на Дону, 187 и 255 пехотных запасных полков, отдан приказ к выступлению в ближайшие дни на фронт.

Отправиться мы должны не маршевыми ротами, как это обычно практиковалось, а полками.

В виду необычайности этого приказа, особенно в виду того очень опасного положения, которое переживает Россия, мы, назначенные к выступлению солдаты, на общем своем митинге, 28 сентября сего года решили прежде обратиться к нашим братьям-солдатам же на фронте для того, чтобы своими простыми словами рассказать им о том. как опасна поголовная отправка из городов в настоящее время всех частей вооруженных революционных солдат. Для этого. товарищи делегаты, мы избираем и уполномочиваем вас, чтобы вы донесли наш голос до братских окопов, чтобы вы рассказали там о том гибельном положении. которое мы здесь наблюдаем.

Езжайте, товарищи. скажите все, что вы знаете о положении нашего замученного народа и прежде всего передайте нашим братьям в окопах наш самый братский. самый горячий привет.

Скажите вашим товарищам на фронте, что пока они бьются в окопах, пока они мучатся всеми муками в кровавом аду человеческой бойни,— что в это время далеко, далеко сзади них, где находятся их убогие и нищенские хижины, где оставлены и брошены на произвол судьбы их семьи, что здесь становится тоже все больше и больше адом и скоро сами мы не будем знать, скоро не будут знать те. которые остались здесь,— лучше оставаться в тылу на мытарствах голода, нищенствования, всяких недостатков и мук, или лучше идти туда, к вам,— броситься в самый отчаянный огонь какого-нибудь боя, да сразу умереть.

Товарищи делегаты! Там на фронте наши братья думают, что то правительство, которое создано революцией, оберегает интересы солдатских семей, интересы крестьянской бедноты, городской бедноты и рабочих.

Скажите им, что они ошибаются.

С тех пор, как произошла революция, еще ни разу не была власть в руках революционного народа; когда она у него была, то мнимые друзья бедноты— меньшевики и социалисты-революционеры, отдали ее добровольно разбойникам,— капиталистам и помещикам, и вот капиталисты и помещики все время властвуют.

Шесть месяцев прошло с начала революции и все эти шесть месяцев положение крестьян, рабочих и городской бедноты все больше и больше ухудшалось.

Оно ухудшилось потому, что как крестьяне до революции платили за каждый аршин кабальную разорительную аренду 20-ти тысячам помещиков, так они и теперь платят ее. Платят в два раза больше потому, что арендная плата повысилась. Помещичье правительство. несмотря на всю необходимость, не отняло у помещиков земли и не отдало ее бесплатно крестьянам.

Оно ухудшилось потому, что как до революции, так и после нее Правительство как содержало. так и содержит 1000 крупных финансовых ростовщиков, выплачивая им миллиардами все. что оно собирает в казну с народа.

Оно ухушилось потому, что капиталисты как заботились только о своей пользе, так и продолжают заботиться.

Они, желая натравить нас на рабочих, начавших добиваться себе лучшей жизни, взвели на них клевету, будто те не хотят работать. Между тем, сами не переставали срывать работу и то прятали и прячут материалы, то портят машины, то не выписывают для фабрик и заводов угля и заводы останавливаются. Так дело дошло до того, что теперь только те фабрики и работают, которые работают на оборону, изготовляют снаряды, да амуницию.

А между тем крестьяне в деревне не имеют ни сох, ни борон ни веялок, ни лопат, даже не могут достать в городе на рубашку ситца и обуви.

Что привезут в город—продадут, да так с деньгами обратно в деревню и едут.

Товарищи-делегаты! Вы знаете, к чему это привело. Вы знаете, как волнуется беднота, как возненавидели богачей рабочие и крестьяне, как они все ждут и не дождутся того, чтобы раз навсегда покончить со своими врагами, старающимися совсем доканать разорением и своей политикой народ.

Скажите же нашим братьям-солдатам на фронте, что нам нельзя отсюда уходить, что для того и отправляют отсюда, чтобы сделать с народом все, что хотят богачи, чтобы окончательно погубить его.

Вы, товарищи-делегаты, да и наши братья, к которым мы вас посылаем, уже знают, что кадетская партия с Корниловым хотела учинить насилие над народом, разогнать рабочие и солдатские организации и вернуть прежнюю волю помещикам. Но наши товарищи на фронте думают, что Корнилов теперь окончательно усмирен и что никто больше не пойдет по его стопам. Скажите же нашим братьям в окопах, что это неверно. Скажите, им, что кадетская партия, как готовилась погубить революцию, так и готовится. Скажите им, как корниловцы были комиссарами, генерал-губернаторами, так и остаются. Скажите им, что возле самого Ростова в Донской области стоят две дивизии казаков, которые на фронт не идут, а говорят, что будут охранять своих сестер и матерей от Советов и Комитетов, как будто не их против нас готовит Каледин, а мы собираемся что-нибудь им сделать.

Товарищи! Так будет продолжаться, пока революционный народ не возьмет власть в свои руки. Еще хуже будет, если врагам народа удастся всех революционных солдат, всех защитников революции, отправить на фронт, а затем самим делать здесь, что они захотят. Вот почему не только мы, ростовские солдаты, но и в других городах воинские части сплошь и рядом отказываются выступать целиком полками.

Ведь если всех нас отправить на фронт, они сделают то, чего сейчас не смеют сделать—сразу покончить со всеми свободами народа.

Не верьте, товарищи, что мы боимся идти на фронт или не хотим разделить окопные мучения наших братьев. Ничего подобного. Наша солдатская жизнь и здесь не сладка Но мы боимся за нашу революцию, за наших и ваших сестер и матерей. Их, действительно, душегубы-капиталисты и помещики не пощадят. Вот почему, товарищи, мы прежде чем идти на фронт, решили вам сказать всю правду, какую мы видели.

А после этого, если все таки скажете, что мы ошиблись, что нам нужно идти, мы немедленно свернем свои шинели и ни один солдат, как бы мучительно для нас это не было, не останемся в тыловых квартирах.

Если же признаете, что революцию и народ тоже кому-нибудь охранять нужно, то мы будем продолжать объединяться здесь, мы будем бороться за спасение народа, мы будем добиваться, чтобы революционные требования бедноты были все таки удовлетворены. Вот что мы осуществим этой же осенью еще, если только вас будут продолжать мучить окопной жизнью.

Мы добьемся прекращения войны, которую капиталисты все затягивают и затягивают.

Мы добьемся перехода земли крестьянству и снабжения беднейших крестьян инвентарем.

Мы добьемся установления рабочего контроля над производством на заводах и фабриках, закрытием которых капиталисты хотят изморить рабочих.

Мы добьемся того, чтобы то, что есть у богачей, было дано и беднякам; у богачей есть все, что они хотят, а у бедноты нет ни хлеба, ни сахару, ни одежды, ни квартиры, ни отопления на зиму.

Мы добьемся, чтобы власть перешла в руки Всероссийского Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, а тогда пусть наши враги попробуют издеваться над нами так, как они издеваются теперь. Мы завоюем хлеб, мир и свободу себе и нашим хижинам...

У гарнизона полная решимость бороться за развитие революции, за ее углубление, за перевод ее на рельсы классовой борьбы с буржуазией, за Советы, за программу большевиков.

Но Каледин спешит поскорее ликвидировать гарнизон, который мог стать вооруженной силой надвигавшейся революции. 26 октября он вводит военное положение в каменноугольном районе. 1-го ноября разоружаются в Новочеркасске пехотные полки 272 и 273, при чем Донские казачьи части, получив распоряжение Каледина о разоружении солдат, отказались от этой операции и разоружение полков провели юнкера военной школы и добровольцы ген. Алексеева.

2-го ноября Каледин ввел военное положение в Ростове, Таганроге и Новочеркасске.

В это время в Новочеркасск переехал, приглашенный Калединым и выгнанный из Киева гайдамаками, „Създ делегатов фронтовых казачьих частей".

„Совет союза 12-ти казачьих войск", в виду большевистского переворота в Петрограде, потребовал от Каледина занятия района Волги, захвата Донского и Волжского флотов, чтобы запереть бакинскую нефть и кубанский хлеб, и перехода в наступление на большевиков с маршрутом: Москва — Петроград.

13-го ноября ген. Каледин отдает следующий приказ 7-й Донской кавалерийской дивизии, стоявшей на севере Донской области, двигаться на Москву:[1]

„Начальнику 7-й Донской дивизии.
31-го октября 1917 г.
№ 21.

Начальник штаба Верховного Главнокомандующего просит содействия Донского Войска к подавлению большевистского мятежа. По последним сведениям города Саратов, Воронеж, Царицын в руках большевиков. В Москве Петрограде и Киеве идет вооруженная борьба с восстанием.

Сегодня от Комиссара Западного фронта получено сведение, что немцы, пользуясь нашим внутренним осложнением, перешли в наступление.

В таких чрезвычайных обстоятельствах Войсковое Правительство решило для спасения гибнущей родины перейти к активной борьбе с большевиками вне пределов Донской области и первой задачей ставит овладение Воронежем и восстановление в нем порядка для открытия прямого движения с Москвой и по Волге.

Задачу овладения Воронежем поручаю Вам.

В Ваше распоряжение назначаю 21-й и 41-й Донские полки с 15-й батареей и 4-й Донской пеший баталион.

С этим отрядом в полной боевой готовности по военному времени Вам следует отправиться по железной дороге через Поворино. Лиски, на Воронеж. Порядок отправления эшелонов предоставляю Вашему усмотрению.

[1] „Пролетарская революция на Дону". Сборник четвертый. Ростов на Дону, 1922 г.

Полагаю, что в голове должен быть пущен пеший батальон с придачей к нему конной сотни в виде авангарда.

По пути важнейшие узловые станции, как Поворино, Лиски, дожны быть непременно заняты командами от Вашего отряда. Если потребуется—команды эти могут быть сменены выдвижением других частей из Области.

Распоряжение о подготовке подвижного состава и посадке Филоново и Панфилово для пешего баталиона и 41-го полка в Урюпине для 21-го полка и 15-й батареи и штаба дивизии—сделаны.

Приказываю Вам принять все меры для скорейшего отправления частей, отнюдь не задерживаясь, так как помощь нужна самая быстрая и энергичная.

При столкновении с вооруженным сопротивлением, действовать самым решительным образом.

Всю ответственность за быстроту и энергию действий, совершенно необходимую в данных обстоятельствах, возлагаю на Вас.

В Воронеже и попутных пунктах, в целях поддержания спокойствия можете объявить военное положение.

Связь держите со мной ежедневными донесениями и с командующим Московским Округом, последнего я ставлю в известность насколько позволит телеграфное сообщение.

По овладении Воронежем дальнейшее указание получите от меня и вообще в этой командировке Вы останетесь в моем распоряжении.

Примите все меры для обеспечения отряда продовольствием.

Генерал от кавалерии Каледин.

Начальник штаба Полковник Араканцев.

Получив приказ, дивизия двинулась вперед согласно маршрута, указанного Калединым, но уже в районе Каменская — Миллерово, под влиянием идущего с фронта казачества, дивизия распалась и разошлась по домам.

Контр-революционное правительство Дона начало наступление на революцию всеми силами. Развивается подготовка к наступлению на Ростов.

Не сидели сложа руки и большевики. Они принимали все меры к мобилизации сил революции для борьбы с черными силами организовавшегося контр-революционного Новочеркасска. Ростово-Нахичеванский Комитет большевиков развил огромную агитационную работу и среди рабочих масс Ростова и Таганрога, и среди гарнизонов городов.

Проходившие в это время выборы в городской Ростово-Нахичеванский Совет дали победу большевикам.

Проводившиеся в это же время выборы в Учредительное Собрание по городам Донской области дали наибольшее количество голосов списку большевиков,[1] по сравнению с другими партиями. Целые воинские части, в том числе и казачьи, голосуют за большевиков. Так, по Ростову выборы дали следующие результаты:

Большевики	25.529	голосов.
Казачий список	14.248	"
Кадетский	13.677	"
Эсеровский	7.565	"
Меньшевистский	4.615	" и т. д.[2]

[1] Вот результаты выборов по области: 640 т. получил казачий список, 480 т. — эсеровский, 250 тыс. было подано за большевиков и за остальные списки — 85 тыс.

[2] Газ. „Наше знамя" № 97, 16 ноября 1917 г.

Ростово-Нахичеванский Комитет большевиков отправляет делегацию к Черноморским морякам, с просьбой помочь в борьбе с Калединым.

Делегаты попали в Севастополь во время работы съезда Черноморских моряков. Заслушав доклад делегата Дона Ченцова, съезд постановил: немедленно командировать в Ростов для борьбы с Войсковым Правительством флотилию, помочь Донским товарищам в борьбе с контр-революцией.

Флотилия двинулась к Дону. Съезд моряков телеграфно потребовал от Донского Войскового Правительства передачи власти Советам.

О том, что против Донского Войскового Правительства движутся вооруженные силы Черноморского флота, Каледина уведомил главком ген. Духонин.

14-го ноября пехотная секция Военного Комитета в Новочеркасске, не договорившись с Войсковым Правительством, решившим не церемониться с неказачьими частями, переехала в Ростов. Вот резолюция, которую она приняла в заседании от 14-го ноября при рассмотрении вопроса—о поведении правительства Каледина:

—„Пехотная секция Областного Военного Комитета, в заседании сего 14-го ноября постановила переехать на время обостренных отношений между Войсковым Правительством и неказачьей демократией области в г. Ростов. С этого момента пехотная секция называется „Военным Комитетом неказачьих частей Донской области“ и вместе с тем принимает на себя все распоряжения этими частями впредь до уничтожения особого штаба согласно постановления пехотной секции областного съезда от 15-го октября сего года. Военный Комитет неказачьих частей требует:

Признание его Войсковым Правительством, как выразителя мнения неказачьих частей области.

Немедленной отмены военного положения в неказачьих округах области и в рабочих районах и освобождения арестованных за политическую агитацию.

Отказа Войскового Правительства от верховных государственных прав.

Созыва одновременного общего съезда населения области казаков, крестьян и рабочих для разрешения вопроса об областном самоуправлении“.[1]

Пехотная секция переехала в Ростов, и на первом же заседании Ростово-Нахичеванского Горсовета по ее почину был организован „Областной Военно-Революционный Комитет объединенной демократии“ (15 (28) ноября), объявивший себя единственной властью в области и призвавший население не исполнять распоряжений Войскового Правительства.

При обсуждении этого вопроса на Горсовете были предложены две резолюции, большевиков и меньшевиков. Огромным большинством Совет принял резолюцию большевиков,— она гласила:

—„Заслушав доклад об объединении революционно-демократических организаций Донской области, Областной Совет Рабочих и Солдатских Депутатов приветствует факт образования боевого революционно-стратегического союза этих организаций. Совет Рабочих и Солдатских Депутатов поручает своим представителям в Областном Военно - Революционном Комитете добиваться

[1] Пролетарская революция на Дону, сборн. 2., 1922 г., стр. 7.

полного уничтожения контр-революционного движения в области. При первом же случае противодействия со стороны Военно-Революционного Комитета власти Рабоче-Крестьянского Правительства, Совет предлагает своим представителям выйти из него".

В ответ на организацию Областного Военно-Революционного Комитета, Каледин двинул на Ростов казачьи и Добровольческие части и выпустил к населению воззвание:

— „К населению области Войска Донского.

24-го октября 1917 г. частями петроградского гарнизона. при поддержке моряков Балтийского флота и рабочих города Петрограда, под руководством Петроградского Совета Солдатских и Рабочих Депутатов, возглавленного большевиками, был совершен государственный переворот. Законное правительство арестовано, Совет Республики разогнан и власть была заменена большевиками, во главе с Лениным и Троцким. Во время переворота улицы городов полились братской кровью русских людей, расстрелянных большевистскими бандами солдат, отказавшихся идти на фронт защищать Родину и употребивших ружья, для этой цели им данные, на предмет расстрела граждан, оставшихся верными долгу и присяге.

Казачество, и фронтовое, и тыловое, единодушно определило свое отношение к захватникам государственной власти, объявивши их узурпаторами и предателями родины.

Сообразно с этим, Донское Войсковое Правительство объявило себя, впредь до восстановления законной государственной власти или созыва Учредительного Собрания, государственной властью в пределах Донской области и учитывая большевистское движение в области, главным образом, в городских, пехотных гарнизонах и среди заводских и шахтинских рабочих, ввело военное положение в трех округах — Черкасском, Ростовском и Таганрогском.

Объявив себя временно государственной властью, Войсковое Правительство вместе с этим одновременно поставило, кого следует, в известность, что никаких агрессивных замыслов оно не питает, никаких наступлений ни на кого не замышляет и целью своей постановляет только поддержание порядка и устранение гражданской войны в области.

После 15-го числа ноября месяца Войсковому Правительству стало известно, что Правительство Ленина-Троцкого и предполагает послать на Дон вооруженные банды большевиков, а 19-го числа ноября к Таганрогу подошли суда Черноморского флота—миноносец и траллера.

Одновременно с этим в Ростове образовался Военно-Революционный Комитет, опирающийся на пехотные части Ростова и других городов области, а также на красногвардейцев, т. е добровольцев из рабочих, который заявил, что он не признает власти Войскового Правительства, объявляет себя высшей властью во всей Донской области и готовит пехоту к вооруженному восстанию.

Тогда Войсковое Правительство, в целях самообороны и безопасности области, постановило разоружить пехотные полки города Новочеркасска за № 272 и 273, что было сделано 20-го ноября сего года, а одновременно распорядилось об отправлении некоторых казачьих частей на юг области, к Ростову и Таганрогу, где много пехотных частей, подчиняющихся Военно-Революционному Комитету и откуда можно ожидать вооруженных активных выступлений, особенно при поддержке Черноморского флота или московских большевистских банд.

Ставя население области в известность о принятых исключительных мерах охраны и причинах, побудивших Войсковое Правительство к принятию этих мер, последнее еще раз заявляет, что исключительная цель этих мер заключается в поддержании порядка и устранении каких бы то ни было вооруженных выступлений в Донской области, и что принятые исключительные меры будут незамедлительно сняты, лишь только устранится возможность выступления

с оружием в руках со стороны частей войск, подчиняющихся Военно-Революционному Комитету города Ростова, а также возможного нашествия большевистских банд.

Войсковой атаман А. М. Каледин.

Товарищ его М. Богаевский.

Старшины Войска Донского: Семенов, Казменов, Алексеев, Савельев, Бондарев, Карев, Кушнарев, Генералов, Бирюков, Антонов, Романов, Макаров, Поляков, Агеев, Ковалев".[1]

Таким образом контр-революция обнажила меч, погрозила им черноморским морякам и двинулась войной на красный Ростов, за его большевистской головой.

В это время меньшевики и социалисты-революционеры явно становятся на сторону Войскового Правительства Дона. Они отозвали своих членов из Военно-Революционного Комитета.

На „Чрезвычайном заседании" Войского Правительства с представителями „революционной демократии", от 14-го ноября, ростовский голова с.-р. Николаев внес следующее заявление:

„Во избежание всяких недоразумений, мы фиксируем три основных мысли, приведенных нами в наших выступлениях:

Соглашение с Войсковым Правительством не только возможно, но и необходимо.

Основным условием этого соглашения является немедленная отмена военного положения в области и организация власти в крае, на началах представительства всего населения области. а не только казачьего.

Вопросы организации центральной власти пока чрезвычайно сложны и ответственны, остались открытыми".[2]

И в это же время они ведут разлагающую работу среди рабочих и гарнизона города. На собрании президиума полковых комитетов и командиров полков ростовского гарнизона принимается следующее постановление:

„Предложить полковым комитетам немедленно отозвать представителей ростовского гарнизона из Военно-Революционного Комитета как организации, объединяющей лишь часть демократии.

Немедленно потребовать от Военно-Революционного Комитета изъявления согласия на вступление в мирные переговоры.

Поставить в известность Военно-Революционный Комитет, что в случае отказа Военно-Революционного Комитета от вступления в переговоры—собрание всю тяжесть ответственности за дальнейшее кровопролитие возложит на Военно-Революционный Комитет и будет всеми силами протестовать против действия Военно-Революционного Комитета.

Одновременно собрание заявляет, что оно не допустит единой власти Войскового Правительства в области и всеми силами станет на защиту завоеваний революции, свобод и прав неказачьего населения области, если Войсковое Правительство не примет условий, предъявленных объединенной демократией вышедших из состава Военно-Революционного Комитета.[3]

Точно такие же резолюции меньшевики и эсеры проводили среди рабочих организаций, отговаривая рабочих от борьбы с Калединым.

---

[1] „Пролетарская революция на Дону", сбор. 2. 1922 г., стр. 4—5.

[2] Донархив. Гиз. „Приазовский край". № 273 от 17 ноября; имеются также во 2-м сборн. „Пролетарская революция на Дону" 1922 г., стр. 8.

[3] „Пролетарская революция на Дону", сбор. 2-й, 1922 г., стр. 16.

В период борьбы с Калединым Военно-Революционный Комитет организует власть, которая должна была управлять областью. 27-го ноября появляется приказ Военно-Революционного Комитета, в котором говорится:

... „Комиссаром на телефонную станцию назначается тов. Турло.

Комиссарами Красной Гвардии назначаются поручик Жук, прапорщик Филов и унтер-офицер Иванов.

Николаевская больница признана Военно-Революционным Комитетом учреждением вполне нейтральным. Военно-стратегические операции в районе больницы не допустимы.

Помещение городской управы, вход в управу должны быть свободными от караулов.

Комиссаром по охране тюрьмы с чрезвычайными полномочиями назначен тов. Винбер. Комиссаром по охране революционного порядка в городе назначается прапорщик Чеботарев. В городе начались грабежи. Военно-Революционный Комитет снова заявляет, что попытки грабежей и насилий над мирными жителями будут беспощадно подавляться всеми мерами. Виновники будут караться по всей строгости революционного закона.

Товарищам-красногвардейцам предлагается беспрекословно исполнять все распоряжения комиссаров Красной Гвардии. Не подчиняющиеся их распоряжениям будут исключаться из состава Красной Гвардии“.[1]

К этому времени в Ростов прибыла Черноморская флотилия (23 ноября). Часть судов подошла Доном к Ростову, часть стала на море, у устьев Дона, ибо по мелководью двигаться дальше не смогла. В Ростов прибыл следующий состав судов – тральщики „Роза“, „Федор Феофани“, „Яков“, линейный крейсер „Капитан Сакен“. Матросы целиком поддерживали ростовских большевиков и их организации. Начались совместные заседания, совещания.

А к Ростову уже подходили белые части генерала Потоцкого. Заняв часть Ростова (вокзал и центр), Потоцкий нападает на Совет и Партийный комитет и разгромляет их.

По рабочим предприятиям быстро организуются отряды Красной Гвардии и направляются в распоряжение Областного Военно-Революционного Комитета.

Заявив о своем выходе из Военно-Революционного Комитета, меньшевики и эсеры после первых столкновений красного Ростова с частями Потоцкого выпустили следующее воззвание, которое останется „историческим памятником“ их предательства в эти героические дни борьбы ростовского пролетариата за свою власть:

Товарищи солдаты, казаки и матросы, рабочие и крестьяне Донской области.

Первая кровь уже пролилась. В ночь на 26-е ноября, по распоряжению генерала Потоцкого, были произведены нападения на штаб Красной Армии, расположенный в Совете Рабочих и Солдатских Депутатов, и на Комитет большевиков в ротонде городского сада.

В возникшей стычке есть убитые и раненые с обеих сторон.

Минуют часы, и весь Дон охватит пожар гражданской войны. В братоубийственной бойне начнут истреблять друг друга различные слои населения.

Еще до этого столкновения нижеподписавшиеся представители различных общественных организаций вышли из состава Военно-Революционного Комитета объединенной демократии. Мы вышли потому, что все наши усилия

---

[1] „Пролетарская революция на Дону“, сборн. 2-й 1922 г., стр. 100.

предотвратить гражданскую войну оказались тщетными, потому что оставаясь в составе Военно-Раволюционного Комитета, мы должны были бы взять на себя моральную и политическую ответственность за ту братоубийственную бойню, к которой шли два лагеря.

Две силы, два лагеря одинаково стремятся вызвать эту бойню, стравить между собой казаков, солдат и рабочих. Честолюбцы и авантюристы из обоих лагерей, стремясь вооруженной рукой захватить власть на Дону в свои руки, все свои усилия направляют к тому, чтобы столкнуть между собою казаков и другие слои населения.

При первой же вести о захвате власти большевиками в Петрограде, Войсковое Правительство объявило себя верховной властью в области и, введя в промышленных и торговых центрах области военное положение, начало готовиться к тому, чтобы, опираясь лишь на силу, укрепить за собою власть на Дону.

При первой же вести об успехе Петроградского восстания большевики на Дону начали мобилизовать свои слои, обратились за содействием в другие города и к Черноморскому флоту, чтобы захватить власть в свои руки.

Обе стороны одинаково энергично готовились к кровавой схватке, в которой пушечным мясом явятся, конечно, не отдельные авантюристы, стоящие во главе каждого из лагерей. Этим пушечным мясом, этими кровавыми жертвами гражданской войны, явитесь прежде всего Вы, товарищи казаки, солдаты, и матросы, вы, товарищи рабочие и крестьяне.

Вся область в конец будет разорена братоубийственной войной. Железные дороги будут разобраны. Рудникам будет грозить затопление, поля казаков и крестьян обагрятся братской кровью. Крупные центры области—Ростов, Таганрог и другие станут ареной борьбы и подвергнутые обстрелу и уличным схаткам будут разгромлены, сожжены и уничтожены.

В предвидении этого, мы все усилия направляли к тому, чтобы предотвратить гражданскую войну в Донской области. В Областном Военно-Революционном Комитете объединенной демократии мы добились того, чтобы были начаты переговоры с Войсковым Правительствомо мирном разрешении кризиса и в ходе начавшихся переговоров мы стремились обе стороны склонить к избежанию кровопролития.

Ведя подготовку к военным действиям, мобилизуя свои силы и дезорганизуя силы противника, Военно-Революционный Комитет и Войсковое Правительство до субботы 25 ноября вели переговоры.

25-го ноября представители Войскового Правительства должны были дать свой ответ представителю Военно-Революционного Комитета по существу тех условий, которые были выдвинуты во время переговоров.

25-го ноября большинством одного голоса 20-ю голосами против наших 19-ти голосов Военно-Революционный Комитет принял решение о том, что он уполномочивает своих представителей лишь выслушать представителей Войскового Правительства, но не уполномочивает их вести переговоры.

Тотчас же после принятия комитетом этого решения мы вышли из его состава, признав, что нами было сделано все, чтобы предотвратить кровопролитие, и что дальнейшее наше участие в Комитете будет противоречить целям которые мы себе поставили. В ту же ночь военные действия были начаты генералом Потоцким и гражданская война началась.

Эта война ведется той и другой стороной за лозунги, совершенно не приемлемые для демократии Донской области, ни власти Войскового Правительства не признает над собою неказачья часть населения, ни той власти Советов. за которую ведет борьбу Военно-Революционный Комитет, не сможет признать большинство населения Донской области.

Эту гражданскую войну, затеянную авантюристами обоих лагерей, мы считаем тем более преступной, что до созыва Учредительного Собрания остается несколько дней. Это братоубийство мы считаем тем большим преступлением перед родиной, что широкие народные массы будут втянуты в бойню за цели, которые им совершенно чужды.

Долг каждого гражданина, каждого сознательного солдата, казака и матроса, рабочего и крестьянина—не допустить разростания гражданской войны. Обязанность каждого гражданина предупредить готовящееся кровопролитие.

Это может быть достигнуто лишь в том случае, если несмотря на начавшееся пролитие крови обе стороны откажутся от своей авантюры, если в среде тех масс, на которые они опираются, обе стороны встретят решительное сопротивление попыткам втолкнуть их в кровавую бойню.

Власть в области должна быть организована всем населением области ни Войсковое Правительсво, ни какие-либо другие организации рабочих, солдат и крестьян не могут претендовать на эту власть, которая будет сильна и авторитетна лишь тогда, когда она правильно составлена всеми частями населения.

Введенное Войсковым Правительством военное положение должно быть немедленно снято. Пехотным полкам или штабу неказачьих частей должно быть возращено оружие, насильственно отобранное у солдат. Красная гвардия, сохранив за собою на обучение военному искусству, должна немедленно сдать свое вооружение полковым комитетам. Все части, призванные в области для борьбы, должны быть отправлены обратно тотчас же, как будет заключен мир. Должны быть отпущены все, кто арестован в связи с борьбою. В угольном районе, впредь до полного вывода казачьих частей, должны быть расположены в равном числе и пехотные части, что даст уверенность, что войска не будут служить орудием в борьбе между трудом и капиталом.

На этих требованиях, обращенных к обоим лагерям, должна объединиться вся казачья и неказачья демократия области. Эти требования она должна властно предъявить и Войсковому Правительству и большевикам из Военно-Революционного Комитета.

Солдаты, казаки и матросы, рабочие и крестьяне.

Не поддавайтесь провокации, не натравляйте друг против друга. Общими силами стремитесь прекратить бойню, дружными усилиями поддержите эти требования. Не идите за авантюристами из обоих враждующих лагерей Немедленно сместите их, если не пойдут они за мир.

Пусть вашим лозунгом, вашим требованием будет:

— Долой гражданскую войну.

— Долой братоубийственную бойню.

— Долой всех тех, кто втравляет вас в пролитие братской крови.

Вышедшие из Областного Военно-Революционного Комитета объединенной демократии:

Представители Ростовской на Дону городской Думы: И. Точилин, И. Б. Эрлихман; С Е. Болдырев.

Представители Нахичеванской на Дону Городской Думы: Я. С. Штань, К. М. Верменич, Ф. Г. Смоленский.

Представители Совета Крестьянских Депутатов: П. И. Юровский, Ф. П. Польский, М. И. Сирота и К. Пирогов.

Представитель Донского Комитета РСДРП Б. С. Васильев.

Представитель Комитета партии с.-р. А. Л. Бердичевский.

Представитель главного дорожного комитета ВЛК ж. д. Эккерт.

Представитель Совета Проф. Союза И. М. Гроссман.

Представители Областного Военного Комитета Петров, Радзевич, Скудре".

Таким образом в этот решающий момент мелко буржуазные партии меньшевиков и эсеров завершили полный круг предательства интересов рабочего класса—своих представителей из Военно-Революционного Комитета отозвали, рабочих уговаривали не воевать с калединцами, гарнизон от „междоусобной войны" отговаривали—расчистили путь генералам Каледину, Орлову и Потоцкому, и эти черные орлы заняли центр рабочего движения всего края—Ростов.

Наскоро собрав отряды Красной Гвардии, В. Р. К. пошел в наступление против частей генерала Потоцкого.

28-го ноября после длительного боя у вокзала, штаб Потоцкого был захвачен. Сам генерал был взят в плен вместе со своими войсками. Пленных казаков отпустили, юнкеров обезоружили, а ге-

нерала Потоцкого и комиссара Временного Правительства Зеелера матросы захватили к себе на суда и решили утопить в Дону. С большим трудом отстоял их Военно-Революционный Комитет и позже обменял на пленных матросов-большевиков, захваченных Калединым в Азовском море.

Несмотря на неудачу, второго декабря генерал Каледин снова повел наступление на Ростов.

Когда произошел разгром генерала Потоцкого, в Новочеркасске заседал Малый Донской Войсковой Круг. К нему обратился Каледин, говоря:

— „Прикажите двум казачьим полкам—46 и 49, стоящим под Аксаем, оказать поддержку отрядам юнкеров, изнемогающим в борьбе с ростовскими большевиками“..

Члены Круга старики разъехались по войсковым частям, повели агитацию и создали такую атмосферу, что устоять молодые казаки не могли. Они пошли в наступление на большевиков, рядом с добровольческими казачьими отрядами генералов Краснова, Семилетова и др.

Малочисленная Красная Гвардия, сколоченная наспех, плохо обученная, не могла устоять против казаков-фронтовиков. Ростов пал в тот же день (2 декабря). Красные отступили на Царицын, на Тихорецкую и на Воронеж. Калединщина торжествовала победу. От Новочеркасска и Ростова калединцы начали наступление во все стороны, оттесняя красные части дальше к границам Дона.

Первый этап борьбы за Советскую власть на Дону закончился.

В начале января движение белых кавалерийских частей по всем направлениям—Царицын, Тихорецкая, Воронеж—приостанавливается противодействием красных и главным образом частей казачьих же, возвращающихся с фронтов. Отступавшие под давлением Каледина красные части, встречаясь с казаками, возвращавшимися с фронтов империалистической войны, информируют их о том, что творится на Дону. Одни казачьи части пристают к красным и поддерживают их, другие собирают совещания своих организаций, обсуждают вопросы о власти на Дону и т. д.

Красные отряды, подкрепленные из Центра Советской России частями Сиверса, постепенно начинают теснить калединцев на севере у Миллерово; у Царицына также крупные большевистские силы идут в наступление, с юга от Тихорецкой наступают части Красной Гвардии под командой Автономова.

Каледин организует борьбу с красными по всем направлениям. Внутри области посылаются отряды полиции и карательные отряды в неспокойные места угольного района и степные пространства Сальского округа, где усиливались аграрные волнения.

В это время (29 декабря—4 янв.) в Новочеркасске заседает съезд „иногородних“.

Состав этого съезда был таков, что настроения, выраженные устами ораторов на съезде, далеко не отражали интересов деревенской бедноты. В качестве делегатов преобладали представители

зажиточных слоев иногороднего населения. Бросались в глаза частые и яркие выступления делегатов сальских и таганрогских кулацких крестьянских групп, требовавших прекращения гражданской войны, создания „приемлемого“ п-ва и т. д. Такому по своему социальному составу съезду не трудно было договориться с Войсковый Правительством по всем вопросам, и мы видим, что одной из основных и первых работ съезда и была попытка его сговориться с калединщиной.

Съезд (31—12), заслушав информацию о положении дел в области, предъявляет Войсковому Правительству следующие требования:

— „Исходя из того, что краевая власть должна быть организована всеми слоями населения, как казачьего, так и неказачьего, Областной съезд представителей неказачьего населения Донской области считает безотлагательно необходимым создать Донской Народный Совет, избираемый всем населением области путем всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, на основе пропорциональных выборов.

Донской Народный Совет является высшей народной властью, правомочной решить все вопросы, касающиеся Донской области, впредь до установления Российским Учредительным Собранием формы государственного и краевого управления Российской Республики.

Донской Народный Совет избирает исполнительный орган—Донское Областное Народное Правительство, ответственное перед Народным Советом.

Права и обязанности Донского Народного Совета и его исполнительного органа устанавливаются самим Донским Народным Советом.

Донской Народный Совет должен быть созван не позднее 20 февраля 1918 года.[1]

Войсковое Правительство, все больше и больше сжимаемое красным кольцом, должно было искать путей сближения с иногородним населением. Оно пошло на компромисс и предложение съезда иногородних приняло в следующем виде:

— „Войсковое Правительство принципиально соглашается на освобождение арестованных по делам политическим и аграрным, но, принимая во внимание борьбу с большевизмом, Войсковое Правительство оставляет за собою право в составе объединенного Правительства обсудить вопрос об освобождении отдельных преступников, виновных в преступлениях совместно с политическими, также и в общих уголовных. Освобождение арестованных за большевизм должно считаться актом помилования.

Добровольческая армия, существующая в целях защиты Донской области от большевиков, объявивших войну Дону, и в целях борьбы за Учредительное Собрание, должна находиться под строгим контролем объединенного Правительства, и в случае установления наличности в этой армии элементов контр-революционных, таковые элементы должны быть немедленно удалены за пределы Донской области.

Против заключения перемирия Войсковое Правительство принципиально не возражает. Войсковое Правительство признает свободу транспорта и препятствий транспорту не ставило. Если же под свободой транспорта подразумевается свобода вывоза из области продовольственных грузов, то Войсковое Правительство полагает, что в первую очередь оно обязано удовлетворить все нужды Донского края.

Против снятия военного положения тех пределов, которые указаны съездом неказачьего населения, Войсковое Правительство не возражает. Что

[1] Пролетарская Рев. на Дону, сбор. 4-й, 1924 г., стр. 201—202.

же касается вопросов о расквартировании воинских частей по местностям с неказачьим населением, то таковые вопросы решаются в общем собрании объединенного Правительства, за исключением случаев, когда расквартирование частей производится по соображениям военного характера.

Против требования съезда неказачьего населения о неприкосновенности крестьянских, рабочих и других демократических организаций Войсковое Правительство не возражает.

В объединенное Донское Правительство входят представители от казачьего и неказачьего населения в равном количестве. Председательствует в объединенном Правительстве товарищ войскового атамана (вне паритета).

Право войскового атамана приостанавливать решения Войскового Правительства не распространяется на дела, касающиеся исключительно неказачьего населения; для общих же дел право приостановки ограничивается семидневным сроком.

Впредь до созыва Донского Учредительного Собрания (Народного Совета), все дела, касающиеся неказачьего населения, разрешаются лишь представителями неказачьего населения.

(Подписи: М. Богаевский, старшины Войскового Правительства: С. Елатонцев. Б. Уланов, Павел Агеев, Г. Карев).[1]

Съезд иногородних, заслушав информацию о том, как принято его предложение Войсковым Правительством, и ответ Войскового Правительства, постановил: „на указанных условиях объединиться“.

Объединение произошло. Была выпущена следующая декларация объединенного Войскового Правительства Донской области:[2]

„5-го января настоящего года свершилось событие, имеющее громадное значение в жизни нашего родного края: две части населения Донской области— казачья и неказачья—впервые объединились в общем управлении областью. Отныне в Об‘единенном Войсковом Правительстве Донской Области участвует через своих представителей все население области: казаки, коренные крестьяне, иногородние, горожане и рабочие. Об‘единенное Правительство, исполняя волю всего населения, признает необходимым создать областной законодательный орган для рассмотрения общих дел, касающихся казачьего и неказачьего населения Донской области, причем предварительное положение об этом законодательном органе будет представлено на утверждение Войскового Круга и С‘езда неказачьего населения, созываемых одновременно в течение февраля месяца.

Впредь же до созыва Круга и Съезда, в интересах поддержания в крае порядка, обеспечивающего населению сохранение всех гражданских свобод, Объединенное Правительство Донской области:

Будет охранять свободу слова, печати, собраний, передвижения, свободу союзов и учреждений в их законной деятельности от всяких насилий, откуда бы такие не исходили.

Всемерно желая и добиваясь прекращения гражданской войны на границах Донской области, Объединенное Войсковое Правительство в ближайшие дни пошлет делегации в составе представителей от казачьих и неказачьих своих частей к большевистским отрядам, стоящим на границах области, а в частности и в ее пределах, с предложением остановить наступление и вторжение их в Донскую область, а также вывести из области отряды, уже вторгнувшиеся в область.

Объединенное Правительство, выражая волю всего населения Донской области и приступая к переустройству местной жизни на демократических

[1] Донархбюро. Фонд протоколов Съезда неказачьего населения Донской обл. 29 декабря 1917 г.—4 января 1918 г., листы 232—234. Резолюция опубликована в „Пролет. рев. на Дону“, вып. 4, стр. 205.

[2] „Пролет. рев. на Дону“ в. 4, стр. 209.

началах, полагает, что это переустройство должно быть совершено лишь одним местным населением без всякого вмешательства посторонних в области сил, а потому Объединенное Правительство объявляет, что оно будет бороться самыми решительными мерами против насильственных попыток Совета Народных Комиссаров навязать свою волю населению Донской области.

На основании соглашения между неказачьим Съездом и Войсковым Казачьим Правительством, Объединенное Правительство издало распоряжение в порядке амнистии об освобождении всех заключенных по политическим и земельным делам, за исключением тех, кто, сверх того, подлежит привлечению к суду в общем порядке по обвинению в уголовных преступлениях.

В целях обеспечения гражданских свобод населения Донской области, Объединенное Правительство сняло военное положение во всей области, оставив таковое на линиях и в полосе отчуждения железных дорог, в целях обеспечения свободы транспорта и для борьбы с насильственными действиями и с призывами к таковым. При этом всем агентам власти, коим будет поручено осуществлять особые полномочия, вытекающие из военного положения, предложено не чинить препятствий железнодорожным организациям, находящимся в полосе отчуждения, в их законной нормальной деятельности.

Добровольческая армия, существующая в целях защиты Донской области от большевиков, объявивших войну Дону, и в целях борьбы за Учредительное Собрание, будет находиться под строгим контролем Объединенного Правительства и, в случае установления наличности в этой армии элементов контрреволюционных, таковые элементы будут немедленно удалены за пределы Донской области.

Озабочиваясь охраной жизни и имущества граждан от покушений на них злоумышленников, Объединенное Правительство в первую очередь займется разработкой вопроса о милиции и о надлежащей организации охраны в области при деятельном участии органов местного самоуправления.

Вместе с тем, Объединенное Правительство полагает, что объединение всех групп населения, начавшееся сверху, не будет полным и прочным, если не будет осуществлено объединение всего населения на местах, путем введения в ближайшем будущем земства на Дону.

Объединенное Войсковое Правительство Донской области, только что избранное народом—казачья группа в заседании Круга 13-го декабря 1917 г., а неказачья в заседании Съезда 4-го января с. г.,—опираясь на оказанное ему этим избранием доверие, обращается ко всему населению Донской области с призывом помочь Правительству в его трудной работе в переживаемую краем тяжкую годину и, в частности, просит доводить до сведения Правительства через есаулов и комиссаров Правительства, а также и непосредственным обращением к Правительству, о всем, что волнует население, чтобы работа Правительства, почитающего себя лишь слугою народа, вполне соответствовала нуждам избравшего его населения".

Итак, произошло объединение „всех живых сил" на платформе, которая была украшена всеми побрякушками „демократизма"; даже по адресу Добровольческой армии, определенно монархической, был допущен жест —„в случае установления наличности в этой армии элементов контр-революционных, таковые элементы будут немедленно удалены за пределы Донской области".

На деле конечно эта фраза явилась только словесным украшением той „новой" позиции калединщины, которая ничего нового не имела и не могла иметь.

Скоро это объединение сверху было взорвано расколом казачества снизу, наступавшей на Дон с севера и запада Красной Гвардией и восстанием пролетариата внутри этого контр-революционного гнезда.

ДОНСКАЯ С. С. Р.

Съезд фронтовиков и В. Р. К. в станице Каменской. Восстание таганрогского пролетариата. Расстрел ростовских рабочих в ж.-д. мастерских. Конец калединщины. Черкассия. Объявление Республики. Немецкая интервенция и донская контр-революция. Глас „черных воронов". 1-й съезд Советов Донской С. С. Р. Авантюра войскового старшины Голубова. 15 дней Ростово-Нахичеванской Коммуны Падение Республики

В Воронеже и Царицине около этого времени собираются съезды донцов, которые организуют отступившие из Донской области работники. В Царицине организовали съезд с представителями ближайших северных казачьих станиц Дона. В Воронеже организовали съезд, но ввиду малого количества делегатов провели совещание.

На съездах и совещаниях обсуждались вопросы о контр-революции на Дону, о необходимости введения Советской власти, земельный вопрос, рабочий вопрос. Везде эти совещания давали огромные положительные результаты. В атмосферу котлов бурлящих настроений населения совещания вноси и четкое по своей постановке, резкое по форме, разрешение всех этих вопросов. Эту огромную работу за сравнительно короткий период времени проделали партийные организации Дона, Царицина, Воронежа. Эти организации не только проводили организационную работу по созыву съездов и совещаний населения, но и вели большую работу в рядах трудового населения, в армии.

Парторганизации большевиков дали четкие классовые лозунги, определенную программу, за которую должны были драться эти организующиеся, восстающие, вооруженные силы.

10-го января в станице Каменской, по почину стоящих здесь донских воинских частей, собирается съезд представителей фронтового казачества, сыгравший историческую роль, так как он знаменовал собою начало того политического раскола казачества, который явился прелюдией краха калединщины.

В президиум этого съезда входят казаки — Подтелков, Кривошлыков, Дорошев и др. Предоставим слово участнику этого съезда, описавшему его в своем воспоминании:[1]

„Сообщение казаков от разных частей говорили все об одном и том же: о том, что казаки воевать не хотят, что итти против Советской власти они не будут и отказываются, и что их послали сюда для того, чтобы выработать те меры, какими можно избегнуть

[1] Восп. С. И. Сырцов, сб. 4-й, Пролет. рев. на Дону, стр. 121—122.

кровопролития и избежать наступления на Донскую область со стороны красногвардейцев. Щаденко выступил от имени рабочих шахтеров с горячей речью, в которой указывал, что, несмотря на все те безобразия, которые творятся от имени казачества на рудниках, несмотря на те расстрелы, которые там производятся,—рабочие твердо знают и верят, что это дело рук не всего казачества, а только его верхушки, и к борьбе с этой верхушкой призывают трудовое казачество...

Речь Щаденко произвела очень большое впечатление. Каждый чувствовал, что время слов кончилось, надо приступать к каким-то действиям. Нельзя сказать, чтобы на собрании не было оппозиции. Эта оппозиция была представлена в лице одного офицера и подхорунжего, который все время гнул к срыву съезда, к тому, чтобы вернуть казаков в подчинение Войсковому Правительству и напугать всякими ужасами, грозящими казакам от наступления красногвардейских отрядов.

Когда сообщения от частей были закончены, поднялся секретарь, молодой офицер, показавшийся мне вначале подозрительным (это был Кривошлыков) и прочел перехваченную телефонограмму от Войскового Правительства, в которой начальнику дивизии предлагает не допускать съезда казаков-фронтовиков в Каменской. В случае, если такой съезд соберется,—арестовать его и, если нужно, применить оружие. Эта телеграмма вызвала бурю возмущения и негодования. Учтя впечатление этой телеграммы, мы решили выступить с предложением о том, чтобы съезд, гарантируя собственную безопасность, приступил к определенным действиям, обезвредил бы готовящиеся на него покушения. Но нас опередили.

Кривошлыков от имени президиума произнес горячую, краткую речь и предложил резолюцию, в которой объявлялась власть Войскового Правительства ликвидированной, правительство низложенным, власть перешедшей в руки съезда".

Вот эта резолюция:

— „Съезд фронтового казачества, учитывая создавшееся положение на Дону, обсудив его, решил взять на себя революционный почин освобождения трудового населения и прежде всего трудового казачества от гнета контр-революционеров из Войскового Правительства, генералов, помещиков и капиталистов, мародеров и спекулянтов.

Съездом образован Военно-Революционный Комитет, который войдет в историю славного Дона, к которому, впредь до образования новой власти трудового казачества, с этого числа переходит власть Донской области.

Съезд и Военно-Революционный Комитет призывает все казачьи части, все трудовое казачество, все трудовое население Донской области, отнестись с доверием к нему, сплотиться и сорганизоваться для поддержки Военно-Революционного Комитета, который воскрешает лучшие страницы истории вольнолюбивого Дона.

Братья и товарищи. Устраивайте собрания сотенных, полковых и других комитетов, собрание частей, станичные и сельские сходы, выносите резолюции о поддержке, отстраняйте контр-революционеров, устраивайте перевыборы командного состава, присылайте ходоков для связи.

Приказа о роспуске годов, как контр-революционного, направленного на то, чтобы обессилить казачество, не выполнять, казакам не расходиться и до-

кончить начатое дело. Части, не имеющие своих представителей, немедленно посылают своих делегатов. Поддержите нас, фронтовиков, положивших все свои силы в окопах и не вытерпевших такого порядка, которым опоганили наш светлый, тихий Дон.

Товарищи рабочие и крестьяне, мы своим выступлением разрушаем последние преграды между вами и казачеством, мы уверены в вашей полной поддержке.

Военно-Революционный Комитет, справившись при поддержке всего трудового казачества и трудового населения и при поддержке его успеха со стороны трудового казачества Кубани, Терека, Урала и Сибири и всех трудящихся, созовет съезд всего трудового казачества, рабочих и крестьян для организации на Дону трудовой власти.

Да здравствует трудовое казачество.

Смело вперед за свободу и счастье трудящихся.

Правда на нашей стороне.

Председатель Военно-Революционного Комитета— подхорунжий Подтелков.

Секретарь — Кривошлыков".[1]

Съезд в ответ на требования Каледина—„прекратить работу"— избирает Военно-Революционный Комитет, который посылает Войсковому Правительству ультиматум такого содержания:

„.... Вся власть в области Войска Донского над войсковыми частями по ведению военных операций, от сего 10-го января 1918 г., переходит от войскового атамана Донскому Казачьему Военно-Революционному Комитету.

Отозвать 15-го янааря сего года все партизанские отряды, которые действуют против революционных войск и разоружить как их, так и Добровольческие дружины, юнкерские училища и школы прапорщиков, выслать всех участников этих организаций, не живших на Дону, из пределов Донской области в места их жительства.

Примечание. Оружие, снаряжение и обмундирование должны сдать комиссару Военно-Революционного Комитета. Пропуск на выезд из Новочеркасска должны получить от комиссара Военно-Революционного Комитета.

Город Новочеркасск должны занять казачьи полки. по назначению Военно-Революционного Комитета.

Объявить членов Войскового Круга неправомочными с 15-го января с. г.

Отозвать всю полицию, поставленную Войсковым Правительством. из рудников и заводов Донской области.

Объявить по всей Донской области станицам и хуторам о добровольном сложении Войсковым Правительством своих полномочий во избежание кровопролигия и о немедленной передаче власти Областному Казачьему Военно-Революционному Комитету впредь до образования в области постоянной трудовой власти всего населения

Председатель Военно-Революционного Комитета — Подтелков.

Секретарь—прапорщик М. Кривошлык.[2]

Этот ультиматум напугал Войсковое Правительство не на шутку. В срочном порядке Каледин на съезд в ст. Каменскую командирует членов Правительства во главе со своим соратником Агеевым, с ответом, в котором говорилось:

— „Войсковое правительство войска Донского, обсудив требование Военно-Революционного Казачьего Комитета, представленные депутацией комитета от имени Атамановского, лейб-казачьего 44, 28. 29 части 10, 27, 23, 8 и 43 полков, 14 отдельной сотни 6-й гвардейской, 32, 28, 12 и 13 батареи, 2 пешего баталиона и Каменской местной команды, объявляет, что Правительство

[1] Пролет. рев. на Дону. В. 4, стр. 217.

[2] Пролет. рев. на Дону, сб. 4, стр. 219—220.

является представителем всего казачьего населения области. Избранное населением Правительство не имеет права сложить своих полномочий, до созыва нового Войскового Круга.

Войсковое Правительство Войска Донского признало необходимым распустить прежний состав Круга и произвести перевыборы депутатов, как от станиц, так и от войсковых частей. Круг в своем новом составе, свободно избранный (при полной свободе агитации) всем казачьим населением на основании прямого, равного и тайного голосования, собирается в городе Новочеркасске 4-го февраля сего года одновременно со съездом всего неказачьего населения. Только круг—законный орган, восстановленный революцией, представляющий казачье население области, имеет право сместить Войсковое Правительство и избрать новое. Этот Круг вместе с тем обсудит вопрос и об управлении Войсковыми частями и о том, быть или не быть партизанским отрядам и добровольческим дружинам, защищающим область. Что касается формирования и деятельности Добровольческой Армии, то объединенное правительство уже раньше приняло решение взять их под контроль правительства при участии Областного Военного Комитета.

По вопросу об отозвании из Горнозаводского района, якобы, поставленной Войсковым Правительством полиции, Правительство заявляет, что вопрос о милиции будет поставлен на разрешение Круга 4-го февраля.

Правительсто заявляет, что в устройстве местной жизни может принимать участие лишь местное население, а потому оно считает, выполняя волю Кругов, необходимым всеми мерами бороться против проникновения в область вооруженных большевистских отрядов, стремящихся навязать области свои порядки. Жизнь свою должно устроить здесь само население и только оно одно.

Правительство не желает гражданской войны, оно всеми мерами стремится покончить дело мирным путем, для чего предлагает Военно-Революционному Комитету принять участие в депутации к большевистским отрядам.

Правительство полагает, что если посторонние области отряды не будут идти в пределы области, гражданской войны и не будет, так как Правительство только защищает Донской край, никаких наступательных действий не предпринимает, остальной России своей воли не навязывает, а потому не желает, чтобы и Дону кто-нибудь посторонний навязывал свою волю.

Правительство обеспечивает полную свободу выборов в станицах, в войсковых частях, и каждый гражданин сможет вести свою агитацию и отстаивать свою точку зрения на назначенных уже выборах в Войсковой Круг.

Для обследования нужд казаков во всех дивизиях должны быть теперь же назначены комиссии из представителей от частей.

Войсковое Правительство Войска Донского предлагает всем частям пославшим своих депутатов в Военно-Революционный Комитет, возвратиться к своей нормальной работе, по защите Донского Края.

Войсковое Правительство не допускает и мысли, чтобы свои Донские части выступили против Правительства и тем начали междоусобную войну на тихом Дону.

Военно-Революционный Комитет должен быть распущен избравшими его частями и все части взамен этого должны послать своих представителей в существующий Областной Военный Комитет, объединяющий все войсковые части области.

Войсковое Правительство требует, чтобы все арестованные Военно-Революционным Комитетом были немедленно освобождены, администрация с целью восстановления нормальной жизни в области должна быть возвращена к исполнению своих обязанностей.

Являясь представителем только незначительного числа казачьих частей, Военно-Революционный Комитет не имеет права предъявлять требования от имени всех частей, а тем более от имени всего казачества.

Войсковое Правительство считает совершенно недопустимым сношения Комитета с Советом Народных Комиссаров и пользование его денежной поддержкой, так как это означало бы распространеиие влияния Советов Народных Комиссаров на Донскую область, а между тем Казачий Круг и съезд

казачьего населения всей области признали власть Совета неприемлемой, так же, как и Украина, Сибирь, Кавказ и все без исключения казачьи войска.
Председ. Войскового Правительства тов. Войскового Атамана Богаевский.
Старшины Войска Донского: Елантонцев, Поляков, Мельников.[1]

Агеев прибывает в Каменскую и уговаривает съезд послать делегацию к Войсковому Правительству в Новочеркасск, чтобы найти пути соглашения. Съезд идет на это предложение и выделяет в качестве делегации председателя съезда Подтелкова, секретаря Кривошлыкова и члена Лагутина. Агеев телеграфно извещает Донское Правительство, что прибывает в Новочеркасск с большевистской делегацией. Новочеркасск приготовился встретить интересных, так напугавших его гостей. Встреча произошла.

... „Положение для Каледина становилось критическим. Отряды Сиверса[2] подходили к самому Таганрогу, Чернецов отступал под давлением рабочих отрядов Донецкого бассейна, с юга наступали солдатские части под руководством тов. Автономова. Поэтому Каледин волей-неволей должен был проявить некоторую лойяльность к делегации.

Совещание происходило в первой половине января в большом зале Областного Правления. Громадный зал в два света был перегорожен во всю длину столом и битком набит всякой военной, чиновной и правительственной публикой. Времена тогда были простые, мандаты в ходу еще не были, так что в зал совещания могли проникнуть и некоторые новочеркасские большевики. По одну сторону стола сидело почти все объединенное Правительство во главе с Калединым, а по другую — делегация во главе с тов. Подтелковым. Последний был одет в кожаную куртку, имел типичный казацкий вихор на голове и держался замечательно свободно. Кривошлыков имел вид интеллигента-прапорщика. Лагутин, как и Подтелков, имел вид типичного казака-фронтовика, даже не догадался еще тогда снять своих Георгия и медали. Момент был чрезвычайно напряженный. Сверкающие погоны, кресты, ордена, генеральские лампасы, сюртуки членов Правительства, костюмы дам, все это представляло такой внушительный и эффектный фон. что на нем совершенно терялись скромные фигуры трех рядовых казаков-революционеров. Тем не менее героями дня были они.

Совещание открылось краткой вступительной речью Каледина, а затем непосредственным вопросом к делегациии о цели их приезда.

Невозможно теперь возобновить точно в памяти речь Подтелкова. Общее содержание ее было резко обвинительное. Подтелков говорил, что Войсковое Правительство оказалось не в состоянии установить мир в Донской области, что Правительство своей двойной политикой по отношению к казакам и крестьянам восстановило против себя всех честных людей. Подтелков указал, что Каледин обманывал казаков, когда говорил, что им нужна только независимость Дона. На самом деле он дает убежище всем врагам русского народа и, давая им возможность организовываться на Дону, он втягивает в войну с Россией все казачество. Подтелков упрекал Каледина в том, что он опять, как и в 1905 году, желает проливать казачью кровь за интересы помещиков и богачей. Указывая на преследование Чернецовым рабочих угольных районов, Подтелков обвинял Каледина в разжигании гражданской войны на Дону и в убийстве Переверзева.

Состав Большого Круга и порядок выборов на него Подтелков подверг убийственной критике. Он указал, как искусственно проводились на выборах

---

[1] Там же, стр. 220 — 221.

[2] Сиверс—командующий советскими отрядами Красной Гвардии, организованными из частей старой армии. На Дон Сиверс наступал, будучи подчинен главкому по борьбе с контр-революцией Антонову-Авсеенко, от Харькова. Отряды Сиверса одержали ряд побед над калединцами и добровольцами ген. Алексеева.

старые станичные и окружные атаманы и царские чиновники, как фронтовым казакам на Круге затыкают рот.—„Войсковое Правительство,— говорит он,— неспособно восстановить мир в Донской области. Оно предалось белогвардейским генералам и втягивает казаков в братоубийственную войну. Только мы, фронтовое казачество, сможем заключить братский мир с войсками, идущими с севера, только мы восстановим мир в Донской области и только мы добьемся для него революционной самостоятельности. Войсковое Правительство должно немедленно сложить с себя власть и передать ее Военно-Революционному Комитету. Вот в общих чертах содержание речи т. Подтелкова.

Она произвела колоссальное впечатление на присутствующих. До сих пор для них революция была в абстракции. Новочеркасск привык о большевиках думать только по идиотским воззваниям Корниловского штаба, да по собачьему лаю Черевкова в „Вольном Доне“, органе Войскового Правительства. На совещании же присутствующие увидели и услышали доподлинных казаков, говорящих смелые речи и ребром ставящих вопросы смущенному Войскому Правительству.

Всем стало ясно, что здесь в зале столкнулся старый царский Дон с молодым Доном-революционным, и потому все затаили дыхание, когда с ответной речью выступил генерал Каледин.

Каледин был взволнован. Речь Подтелкова, видимо, потрясла его. Начал он с заявления, что власти он не искал, что власть была ему вручена против его воли, что единственная мечта его — уйти от власти. Когда Каледин упомянул о том, что власть войскового атамана он принял с незапятнанным честным именем и что, по всей вероятности, он уйдет проклинаемым, голос у Каледина задрожал и лицо у него перекосилось. Он сел, не окончив речи...[1]

Заседание в Большом зале дворца было историческим, ибо в лице Каледина и Подтелкова встретились старый реакционный дворянский Дон с новым революционным казачьим.

Эта встреча была символом грядущих боевых схваток, в которых двуглавый орел пал мертвым от железного удара красного орла революции.

Свободно держал себя Подтелков, не клоня своей революционной головы перед блестящей мишурой стана своих противников. Слезу испуга пустил Каледин при первой же встрече с Каменской делегацией, ибо понимал он, что „незапятнанное“ „честное“ имя атамана войска Донского — это ручьи крови, реки слез трудящихся масс, давимых тисками дворянско-буржуазной России, приказчиком которой и был он, донской атаман, генерал Каледин, а честность, „незапятнанность“ и другие личные „высокие“ качества генерала —это вуаль, за которую можно было спрятать от глаз недалеких людей все мерзости старого строя.

Молодой орел революции в первую же встречу не на поле брани, а в коршуньем гнезде, в блестящем зале атаманского дворца, на смерть испугал вождя казаче - дворянской контр-революции. Подтелков требовал сдачи господствующими классами власти пролетариату. Испуганно заплакал бессильный генерал Каледин.

После Каледина говорили офицеры, кулаки, попы и присяжные ораторы донского дворянства и буржуазии, вроде М. Богаевского и Агеева. Одни пытались зло смеяться над большевиствующим

---

[1] Я. Кирпичев. Историческое совещание в Новочеркасске, в сборнике 4-м „Пролетарская революция на Дону“. 1924 г., стр. 26.

казачеством, другие гневно грозили, третьи звали к „совместному разрешению всех вопросов“, четвертые требовали немедленного и полного подчинения мятежных фронтовиков своему начальству. Агеев в своей речи старался одурачить делегацию, рассказывая, что Войсковое Правительство — это правительство, где представлены все группы населения Дона, включая иногородних и кочевников, почему-де претензии делегации беспочвенны.

В этот же вечер большевики информировали делегацию, как съезд иногородних и Войсковое Правительство поладили между собой, к чему это привело и т. д. Делегация в вечернем заседании стала категорически настаивать на сдаче власти Войсковым Правительством Военно-Революционному Комитету.

„... Агеев и Каледин с яростью набросились на делегацию, говоря, что она агентура большевиков, что Подтелков сам просил у Москвы полтора миллиона денег. Подтелков заявил, что все это ложь. Кругом поднялся шум, офицерство заявило. что делегацию надо арестовать, что делегаты шпионы... Атмосфера раскалялась. Как вдруг третий член делегации Лагутин со своими крестами на груди поднял руку, просит слова. Шум затихает Тогда Лагутин, попрежнему вытянув руку вверх, заявляет высоким тенорком: „Вы можете говорить все, что хотите, и делать с нами все, что пожелаете, но пусть рассудит нас история...“

Покойный Лагутин оказазался прав. История на полях Юго-Востока и на Крымском полуострове подписала свой приговор...

После реплики Лагутина, Подтелков решительно потребовал ответа на свой ультиматум.

Каледин потребовал перерыва. Началось долгое совещание Войскового Правительства, конечно, без участия „иногородних членов“. Чего-то ждали, почему-то оттягивали...

За кулисами правительственного механизма что-то происходило. Наконец, около 12 ч. ночи с сияющим лицом, с телеграммой в руке, вошел Агеев и радостно взволнованным тоном прочитал: „Есаул Чернецов перешел в наступление и занял ст. Зверево. Неприятель (т.-е. подтелковские казаки) отступили на север.“ [1]

Это был ответ Войскового Правительства на ультиматум Военно-Революционного Комитета. Гражданскую войну Каледин ввел в новую фазу, т.-е. он начал войну с фронтовым казачеством.

Разговаривать было больше не о чем и делегации надо было уезжать.

Возвращаясь назад, делегация Военно-Революционного Комитета знала, что есть один путь успокоения Дона,—это борьба с Войсковым Правительством с оружием в руках. Но делегации доказывать это Военно-Революционному Комитету не пришлось. В это время он уже вел борьбу с отрядами Чернецова. Отряды В.-Р. К. в ряде боев разбили белых. Сам Чернецов попал в плен к примкнувшему к В.-Р. К. войсковому старшине Голубову.

На ст. Лихая встретились Подтелков и Чернецов....„Чернецов выхватил револьвер и выстрелил в Подтелкова, но промахнулся. Подтелков выхватил шашку и зарубил Чернецова“...[2]

[1] Кирпичев. Историч. совещание в Новочеркасске. Сб. 4. Пролет. рев. на Дону, стр. 28.

[2] С.-К. Истпарт. Восп. т. Зявкина, рукопись.

Герой дикого террора над рабочим классом, измыватель над угнетенными, Чернецов оказался жалким трусом, когда нужно было расплатиться жизнью за свои деяния. Окруженный со всех сторон красными, Чернецов не смог умереть, как герой, он сдался в плен на обещание войскового старшины Голубова пощадить ему жизнь.

Чем больше красные теснили калединцев к Новочеркасску и Ростову, тем свирепее делались белые в тылу, беспощадно расправлялись с рабочим классом.

Вскоре грянуло восстание рабочих г. Таганрога (14 января 1918 г.), спутавшее все расчеты Каледина в борьбе с красными.

Ядром восстания был Балтийский завод, который являлся главной опорой большевиков. Это восстание является одной из наиболее ярких страниц из борьбы донского пролетариата за Советскую власть. Вот описание его одним из участников: „В это время положение рабочих в Таганроге было ужасным; заработная плата в течение трех месяцев не выплачивалась, продовольствие в городе отсутствовало.

Между тем, со стороны Харькова приближался отряд тов. Сиверса, с которым мы установили связь. Юнкера свирепствовали. Большевики организовали похороны одной из жертв юнкеров рабочего Балтийского завода; похороны эти вылились в демонстрацию. На похороны явились все рабочие с семьями в количестве до 50 тысяч человек. После зажигательных речей ораторов рабочие поклялись там расправиться с юнкерами. С этого момента начинаются бои. Рабочие отдельными отрядами в 15—20 человек начали устраивать набеги на юнкеров. В один из таких набегов погибло 12 человек рабочих-балтийцев, во главе с тов. Ткаченко, которых юнкера окружили, продержав в осаде сутки, и, когда рабочие израсходовали все патроны, забрали их в плен и произвели над ними средне-вековую инквизицию: отрезали уши, нос, выкололи глаза и, насытившись мучениями, закопали полуживых во дворе своего штаба (Европейской гостиницы), положив сверх убитую собаку и слегка сверху покрыв землею.

Но это были уже последние зверства: рабочие перешли в наступление.

Бой начался с котельного завода, при слабом вооружении рабочих и весьма ограниченном количестве патронов у них. Бои продолжались трое суток. Кадеты крепко засели в винном складе и на вокзале и дрались отчаянно, надеясь на скорое подкрепление со стороны Каледина. Засевших в винном складе рабочие осадили. Склад подожгли, выкурив их оттуда. На вокзале засевшие кадеты пулеметом не допускали близко к вокзалу. Тогда железнодорожники поднимают пар в паровозе и полным ходом пускают его в станцию, которая является тупиком. Паровоз прошел три сажени по земле и врезался в здание, из которого юнкера, как мыши, выскакивали под выстрелами рабочих. Настроение рабочих было настолько возбуждено зверствами юнкеров, что из каждого двора рабочих кварталов стреляли в отступающих юнкеров. В боях

принимали участие жены и дети. В последнюю минуту, когда на позиции около Балтийскиго завода не хватило патронов, на выручку явились дети, которые, собрав на квартирах патроны, принесли их на позицию своим отцам. Позиция около Балтийского завода являлась главной, так как там находился штаб рабочих, и юнкера свой главный удар направили на завод. С патронами, полученными от детей, рабочие сделали вылазку на арсенал, захватив его в свои руки. Этим решено было сражение в пользу рабочих. Из полутора тысяч юнкеров отступило не более 200, остальные поплатились жизнью за зверства, учиненные над рабочими. Захватив Таганрог, 19 января рабочие выделили отряд под командой Шольца, которого послали навстречу Сиверсу, ударив белым в тыл по направлению к Матвееву-Кургану и, соединившись с Сиверсом, пошли на Ростов, который 10 февраля и был занят.“[1]

А между тем репрессии Каледина и ген. Алексеева увеличивались с каждой неудачей на фронте.

19-го января 1918 года рабочие железно-дорожных мастерских Владикавказской железной дороги собрались на митинг. Едва началось собрание, как в дверях огромного корпуса, набитого рабочими, показались юнкера во главе с офицерами; подав команду—ни с места!—юнкера открыли огонь из винтовок по собранию. В панике рабочие кинулись убегать, но в дверях их встречали штыками.

Такой невиданный и ничем не оправдываемый акт белогвардейцев глубоко возмутил рабочие массы края. Рабочие Владикавказской железной дороги объявили пятидневую забастовку.

Рабочие городских предприятий фабрик и заводов объявили забастовку протеста „невиданной наглости белогвардейцев“.

Войска Военно-Революционного Комитета с севера, другие части с востока и юга, подступают все ближе и ближе к Новочеркасску. Каледин мечется, он выпускает воззвание к казакам, он зовет добровольцев казаков на борьбу с красными:

— „.... Граждане казаки, среди постигшей Дон разрухи, грозящей гибелью казачеству, я, ваш Войсковой Атаман, обращаюсь к Вам с призывом, быть может последним.

Вам должно быть известно, что на Дон идут войска красногвардейцев, наемных солдат латышей и пленных немцев, направляемые правительством Ленина и Троцкого.

Войска их подвигаются к Таганрогу, где подняли мятеж рабочие, руководимые большевиками. Такие же части противника угрожают станице Каменской и ст. ст. Зверево и Лихая. Наши казачьи полки, расположенные в Донецком округе, подняли мятеж и в союзе с вторгнувшимися в Донецкий округ бандами Красной Гвардии и солдатами сделали нападение на отряд полковника Чернецова, направленный против красногвардейцев, и частью его уничтожили, после чего большинство полков, участников этого гнусного и подлого дела, рассеялись по хуторам, бросив свою артиллерию и разграбив полковые денежные суммы, лошадей и имущество.

В Усть-Медведицком округе, вернувшиеся с фронта полки в союзе с бандами красногвардейцев из Царицина, произвели полный разгром на ли-

[1] Воспом. Г. В. Шаблиевского, сб. 4, Пролет. рев. на Дону, стр. 89—90.

нии железной дороги Царицын—Серебряково, прекратив совершенно всякую возможность снабжения хлебом и продовольствием Хоперского и Усть-Медведицкого округов.

В слободе Михайловке при ст. Серебряково произведено избиение офицеров и администрации, причем погибло до 80 одних офицеров.

Развал строевых частей достиг последнего предела и, например, в некоторых полках Донецкого округа удостоверены факты продажи казаками своих офицеров большевикам за денежное вознаграждение.

Большинство из остатков уцелевших полевых частей отказываются выполнять боевые приказы по защите Донского края.

В таких обстоятельствах, до завершения начатого переформирования полков, с уменьшением их числа и оставлением на службе только четырех младших возрастов, Войсковое Правительство в силу необходимости, выполняя свой долг перед родным краем, принуждено было прибегнуть к формированию добровольческих казачьих частей и кроме того принять предложение других частей населения области, главным образом учащейся молодежи, об образовании партизанских отрядов.

Усилиями этих последних частей и, главным образом, доблестной молодежи, беззаветно отдавшей свою жизнь в борьбе с анархией и бандами большевиков, и поддерживается в настоящее время защита Дона, а также порядок в городах и на железных дорогах.

Ростов покрывается частями особой Добровольческой организации. Поставленная себе Войсковым Правительством задача — довести управление области до созыва и работы 4-го февраля Войскового Круга и Съезда неказачьего населения, — выполняется указанными силами, но их незначительное число и положение станет чрезвычайно опасным, если казаки не прийдут немедленно в состав добровольческих частей, сформированных Войсковым Правительством.

Время не ждет: опасность близка. И если вам, казакам, дорога самостоятельиость вашего управления и устройства, если вы нс желаете видеть Новочеркасск в руках пришлых банд большевиков и их казачьих приспешников, изменников долгу перед Доном, то спешите на поддержку Войсковому Правительству. Посылайте казаков добровольцев в отряды.

В этом призыве у меня нет личных целей, ибо для меня, атаманство — только тяжкий долг, и остаюсь я на посту по глубокому убеждению необходимости сдать пост при настоящих обстоятельствах только перед кругом".[1]

А. М. Каледин.

Молчат казаки. Не идут в Доброволию. Ближе подходят к Новочеркасску „красные мятежники".

Тогда Каледин, отчаявшийся в успехе, пишет последнее письмо генералу Алексееву:

—„Многоуважаемый генерал Алексеев! волею судьбы и желанием казачества, Тихий Дон Вам вверил судьбы казачества и предложил Вам избавить Дон от ненавистников свободного и здорового казачества, от врагов всякого национального самоопределения — от большевиков. Вы, с вашим горячим темпераментом и боевой отвагой, смело взялись за свое дело и начали преследование большевистских солдат, находящихся на территории области Войска Донского. Вы отчаянно и мужественно сражались, но не учли того обстоятельства, что казачество идет за своими вождями до тех пор, пока вожди приносят ему лавры победы, а когда дело осложняется, то они видят в своем вожде не казака по духу и происхождению, а слабого проводителя своих интересов, и отходят от него.

Так случилось со мной, и случится с вами, если Вы не сумеете одолеть врага, но мне дороги интересы казачества и я вас прошу щадить их и отказаться от мысли разбить большевиков по всей России. Казачеству необходимы вольность и спокойствие, избавьте Тихий Дон от змей, но дальше не

---

[1] Пролетарская рев. на Дону. Сборн. 4-й, 1924 г., стр. 229.

ведите на бойню моих милых казаков. Я ухожу в вечность и прощаю Вам все обиды, нанесенные мне Вами с момента Вашего появления в нашем кругу".[1]

29-го января собралось последнее заседание Донского Войскового Правительства, на котором выступил наказный атаман Каледин:

„... Положение наше безнадежно, власть атамана Войска Донского я с себя снимаю... отдайте приказание, чтобы наши части не сражались с советскими войсками. Дон должен сдаться...."

Такое распоряжение Донским Войсковым Правительством было отдано. В этот день Каледин застрелился, Донское Правительство бежало в Сальские степи.

Почему же Донское Правительство направилось именно в Сальские степи? Для того, чтобы ясным стало это отступление, надо вспомнить, что в Сальских степях было наибольшее количество богатых экономий донской буржуазии, там был расположен целый ряд конно-заводческих хозяйств, владевших огромным количеством зерна, фуража и т. д. Вот почему туда направилось Войсковое Правительство; там оно должно было встретить не только моральную поддержку, но и материальную помощь и деньгами, и лошадьми и хлебом.

Поражение на Дону контр-революции, бегство Доброармии, отступление Донского Пр-ва в Сальские степи, привели в большое уныние организаторов и инициаторов контр-революции на юге. Генерал Алексеев по этому поводу пишет во французскую миссию письмо следующего содержания:

— „Киев. Во Французскую миссию. Письмо от 27-го января (9 февраля) 1918 года, гор. Ростов н/Дону".

— „Начальник Французской миссии в Новочеркасске, полковник Гюше, вероятно, передавал вам в своих донесениях о положении дела в Донской области и вытекающие из сложившейся обстановки мои просьбы.

Я—генерал Алексеев. Донская область была избрана мною для формирования Добровольческих армий, как территория, достаточно обеспеченная хлебом и входящая в состав, казалось, очень сильного своими средствами и своими богатствами юго-восточного союза.

Казалось, что эта мощная политическая организация защитит без труда свою самостоятельность от большевизма. Я предполагал, что при помощи казачества мы спокойно создадим новые прочные войска, необходимые для восстановления в России порядка и для усиления фронта. Я рассматривал Дон, как базу для действия против большевиков, зная, однако, что казаки сами не желали итти вперед для выполнения широкой государственной задачи водворения порядка в России. Но я верил в то, что собственное свое достояние и свою территорию казаки защищать будут и тем обеспечат безопасность формирования и время для обеспечения новых войсковых частей, но я ошибся.

Казачьи полки, возвращающиеся с фронта, находятся в полном нравственном разложении. Идеи большевизма нашли приверженцев среди широкой массы казаков. Они не желают сражаться даже для защиты собственной территории, ради спасения своего достояния. Они глубоко убеждены, что большевизм направлен только против богатых классов,—буржуазии, интеллигенции, а не против области, где сохранился порядок, где есть хлеб, уголь, железо, нефть.

[1] Там же, стр. 230.

Уже 26 ноября 1917 г. мы принуждены были бросить в бой под Ростовом своих 400 человек, а с 12-го января этого года мы бросили в бой все, что подготовляли. Ведем мы эти бои с упорством до настоящей минуты. Так как казаки не хотят сражаться, вся тяжесть защиты Донской области, выполнение главнейших задач легли на плечи слабых числом добровольческих войск, и потому мы потеряли возможность развивать формирование и вести боевую подготовку. Мы не можем получить материального снаряжения и патронов, так как все наши сообщения с румынским и юго-западными фронтами отрезаны сильными по числу большевистскими отрядами. Мы могли бы уйти на Кубань. Но и Кубанское Войско выдерживает натиск большевизма только при помощи добровольческих частей, так как кубанские казаки нравственно разложились.

Простой взгляд на карту подскажет, что Кубань не может служить доходной базой для будущих действий. С уходом туда, мы надолго отстрочим начало решительной борьбы с большевизмом для восстановления порядка на территории государства. Вот почему, изнывая в неравной борбе за Дон, мы не отказываемся от борьбы. Но силы не равны, и без помощи мы будем вынуждены покинуть важную в политическом и стратегическом отношении территорию Дона, к общему для России и союзников несчастью. Предвидя этот исход, я давно, но безнадежно, добивался согласия направления на Дон, если не всего чешко-словацкого корпуса, то хотя бы одной дивизии. Этого было бы достаточно, чтобы вести борьбу и производить дальнейше формирование добровольческой армии. Но к сожалению корпус бесполезно и без всякого дела находится в районе Киева и Полтавы, а мы теряем территорию Дона. Сосредоточение одной сильной дивизии с артиллерией в районе Екатеринослав—Александровск—Синельниково уже оказало бы косвенную нам помощь, хотя бы ввиде далекой угрозы тылу большевистских войск. Обеспечение указанного района достигалось бы оставлением в нем трех баталионов, остальные силы дивизии следовало бы направить в район Никитовки — Дебальцево—Макеевки.

Это решило бы вопрос, и Донская область была бы освобождена от напора в наиболее опасном направлении с запада. Удар с севера, даже с востока, не столь опасен. Наконец, получив обеспечение с запада, мы могли бы нанести мощный удар большевизму в других направлениях и покончить местную борьбу в нашу пользу. Весь корпус сразу поставил бы на очередь решение широкой задачи.

Зная ваше влияние на генерала Макса и, вообще, на чехов, я обращаюсь к вам с просьбой принять изложенное мною решение. Быть может еще не поздно, через несколько дней вопрос может решиться бесповоротно не в пользу Дона и русских интересов вообще. Уход добровольческих частей из Донской области ухудшит общее положение и уменьшит шансы борьбы с большевиками и достижения победы. Если вы признаете справедливость моих соображений и необходимость принятия решения, то я просил сообщить условной телеграммой полковнику Гюше, дабы знать все, когда начата перевозка войск. Я не говорю уже о том, что занятие чехами указанных районов сразу обеспечит подвоз угля для румынского фронта и оттуда к нам материальной части и патронов.

Прошу принять уверение в моем глубоком уважении к вам и преданности“.[1]

Но „союзники“, т.-е. французы и англичане, занятые разгромом Германии, были пока что бессильны помочь своему другу ген. Алексееву. Не соблазнил их и „подвоз угля“ за патроны. Доброволия должна была бежать под давлением войск красного казачества.

В это время работающий в Новочеркасске Малый Войсковой Круг призывает население к спокойствию и клянется в том, что он

---

[1] Пролетарская революция на Дону. Сб. 4-й, стр. 227—228.

будет продолжать борьбу до победы. И теперь еще, когда песня калединщины уже была спета, кулацкая Черкассия воинственно мотала руками. Вот постановление Круга от 6-го февраля 1918 г.:

— „Войсковой Круг единогласно постановил защищать Дон до последней капли крови.

Войсковой Круг объявляет себя верховною государственною властью в области Войска Донского со всей присущей ей полнотой.

Войсковым Атаманом должен быть донской казак, которого Войсковой Круг облекает всей полнотой власти.

Немедленно формировать боевые дружины для мобилизации первой, второй и последующих очередей, до всеобщего ополчения включительно. Арестовать и изъять из станиц и хуторов агитаторов против защиты Дона и предавать их суду по законам военного времени.

Сформированные дружины немедленно выставить на фронт.

Мобилизовать работающих на оборону, оставить в предприятиях и учреждениях лишь самый необходимый состав.

Войсковой Круг единогласно просит и настаивает, чтобы генерал Назаров в этот грозный час не слагал с себя полномочий Войскового Атамана и тем самым исполнил бы долг истинного сына Тихого Дона.

Учрежденным военным судам немедленно приступить к исполнению обязанностей

Настоящее постановление Войскового Круга опубликовать во всеобщее сведение“.[1]

Для того, чтобы поднять станицы против „красных“, Малый Войсковой Круг прибегает к „маленькой“ фальсификации. Наступающих красных казаков он выдает в своих воззваниях за „немецко-большевистские банды“, идущие для покорения Дона. Вот воззвание от 8-го февраля.

„ . . . Войсковой Круг, имея ввиду, что на казачество надвинулись немецко-большевистские банды, угрожающие самому существованию Дона, принял на себя всю полноту государственной власти и постановил бороться за защиту Дона до последней капли крови.

В достижение этой неотложной цели Войсковой Круг приступил к призыву станиц на защиту Дона и к формированию Народной армии, для чего в станицы отправлялись особые делегации от Войскового Круга, посылались письменные призывы, делались увещания.

На эти призывы многие станицы отозвались, составляли постановления о немедленном выступлении на фронт, но постановления эти на самом деле приводились в исполнение далеко не всеми станицами.

Некоторые из них после этих постановлений не только сами отказывались выполнять, но принимали все меры до насилий включительно, чтобы задерживать идущие в Новочеркасск эшелоны соседних или более отдаленных станиц.

Агитация против защиты Дона велась совершенно открыто, местные власти никаких мер не принимали.

Дошло дело до того, что в одной из станиц, не пожелавших выступить, учинено насилие над делегатами Войскового Круга, посланным противодействовать агитации и убедить граждан исполнить свой долг.

Нашлись станичные общества, которые позволили себе вступить в сношение с немецко-большевистскими бандами, принимая у себя и посылая к ним делегации.

Не одни станичные общества, но и отдельные войсковые части, забыв свой воинский долг, отказываются исполнять не только военные приказы, но и приказы Войскового Круга.

---

[1] Пролетарская революция на Дону. Сбор. 4-й, стр. 237.

С одной стороны совершенно безнаказанно в широких размерах развилась агитация против защиты Дона, явный и скрытый шпионаж, измена и предательство стали уже чуть не массовым явлением.

Исчерпав все меры борьбы мирного характера с лицами, разрушающими государственную жизнь, учтя грозный момент, переживаемый Доном, Войсковой Круг в сознании крайней необходимости, с глубоким сожалением пришел к необходимости ввести смертную казнь для применения ее военными судами по законам военного времени".[1]

13-го февраля в Новочеркасск вошел Голубов. Ему тут же сообщили, что — „работает" Малый Войсковой Круг. Старую обиду на Войсковой Круг носил в своей груди войсковой старшина Голубов. Давно, еще в дни организации калединской контр-революции, когда он пытался итти против Каледина, Войсковой Круг хотел лишить его воинского и казачьего звания, и вот теперь Голубов решил встретиться с Кругом при „иных" условиях.

Войдя в зал заседания Круга, он громовым голосом скомандовал —„встать..." и Круг, как один человек, встал. Он был разогнан.

В первые два-три дня Голубов разделался с Черкассией.

В это же время (23/10 февраля) красными был занят Ростов. Работавшие в подполье большевики организовали Военно-Революционный Комитет, как только белые ушли из Ростова.

Военно-Революционный Комитет гор. Ростова для управления жизнью города организовал комиссии: охраны, комендантскую, связи, санитарную, налоговую.

Развернуть работу ВРК не удалось. Начались недоразумения с появившейся новой властью в лице Войцеховского, присланного в качестве военного комиссара Донской области штабом Главкома Антонова-Овсеенко. Войцеховский прибыл в Ростов с программой работ, полученной в штабе Армии, и с директивой жестокого проведения программы в жизнь, а также роспуска Ревкома, если он будет возражать против программы. Она сводилась к следующему:

„Разоружить население.

Конфисковать и реквизировать имущество спекулянтов и контр-революционеров.

Распустить городские думы.

Создать комиссии для управления всеми отраслями хозяйства городов.

Произвести учет товаров.

Организовать контроль над производством.

Перекинуть буржуазию в хижины на окраины и поселить рабочих в домах буржуазии.

Муниципализировать аптеки.

Организовать бесплатную медицинскую помощь.

Национализировать банки.

Закрыть антисоветские газеты.

Обложить буржуазию налогом.

Переизбрать Советы.

Арестовать „Комитет Общественной Безопасности".

Организовать Революционный полк".[2]

---

[1] Там же, стр. 241.

[2] Антонов-Овсеенко. Записки о гражданской войне, т. I, стр. 265.

Войцеховский повел работу через голову Ревкома. Начались скандалы. Одна власть угрожала другой. В это время в Ростов приехал Областной Военно-Революционный Комитет из ст. Каменской.

В президиум Областного Военно-Революционного Комитета входили: председатель – Подтелков, заместители его—Сырцов, Ермилов, товарищи председателя — Власов, Ченцов, секретари: Кривошлыков и Дорошев.

Начались попытки творческой работы по организации нового строительства, по ликвидации анархии и по очищению области от остатков калединщины. Для управления областью Военно-Революционным Комитетом были организованы следующие отделы: Управления, Военный, СНХ, Финансов, Земельный, Путей сообщения, Народного образования, Юстиции, Врачебно-санитарный, Труда, Почт и телеграфа, Общественных недвижимых имуществ, Продовольствия.

В ответ на требования мест — дать указания как организовать Советскую Власть — ВРК издает следующий приказ № 4:

„С упразднением старой отжившей власти, не отвечающей интересам трудящихся, Донской Казачий Военно-Революционный Комитет предписывает всем округам, станицам. волостям, хуторам, селам и поселкам, немедленно приступить к организации Советов на местах согласно нижеприведенной инструкции.

1. Хуторской атаман, сельский староста или Комитеты, если таковые имеются, созывают хуторской, сельский сбор с участием всех лиц обоего пола, достигших двадцатилетнего возраста.

Сбор выбирает из своей среды местный хуторской сельский Совет Казачьих, Крестьянских и Рабочих Депутатов, по расчету одного представителя на каждые двадцать пять человек.

Примечание. Состав совета должен быть по возможности не менее двадцати человек.

В случае слишком малого населения несколько хуторов объединяются.

Если это невозможно, то допускается представительство от меньшего числа жителей, но все же прибегать к этой последней мере лишь в случае совершенной невозможности организовать по указанному плану.

В Советы не могут быть избираемы и избирателями лица, не стоящие на защите прав трудового народа, например: попы, купцы, старые полицейские, жандармские чины и офицеры. не стоящие в рядах революционной армии.

Советы выделяют из себя Исполнительный Комитет в составе 7 — 9 человек и более, в зависимости от решения самого Совета.

Исполнительный Комитет выделяет из себя президиум, т.-е. председателя, товарища председателя, секретаря и казначея, на который возлагается исполнение всех постановлений Исполнительного Комитета и Совета.

Исполнительный Комитет заседает не менее одного раза в неделю, а в экстренных случаях созывается президиум.

Совет заседает не менее одного раза в месяц, а в экстренных случаях созывается Исполнительный Комитет.

Исполнительный Комитет о всех своих действиях дает отчет общему собранию Совета.

Совет выделяет из себя ревизионную комиссию в составе трех человек.

2. Хуторские и сельские советы посылают своих представителей на станичные и волостные съезды Советов по расчету одного представителя на 300 человек населения.

Примечание 1. Хутора и села, имеющие менее 300 человек населения, посылают одного представителя.

Созыв Съезда Советов возлагается на станичные и волостные правления и комитеты, если таковые имеются.

Станичные и волостные съезды советов выделяют из себя Исполнительные Комитеты в составе, определяемом самим съездом.

Исполнительные Комитеты выделяют из себя необходимые отделы.

3. Станичные и волостные съезды Советов посылают своих представителей на окружные съезды Советов по расчету одного представителя от каждых трех тысяч населения избирателей.

Окружной Съезд Советов выделяет из себя Окружной Исполнительный Комитет.

4. По создании на местах Советов, все существующие доселе Управления упраздняются.

5. Все отделы Советов независимо от выборов имеют право приглашать в отделы опытных лиц, которые работают под контролем отдела.

6. Впредь до созыва Областного Съезда Советов все Советы избираются на неопределенный срок с правом отзыва депутатов их избирателями во всякое время.

Председатель Подтелков.

Секретарь Кривошлыков.

Прилагается приблизительная рассмотренная схема отделов.

1) Юридический отдел. В основу организации этого отдела можно взять технический аппарат упраздненных судов со всеми средствами, имуществом и служебным персоналом. При юридическом отделе организуются подотделы: 1) административный, 2) следственный, 3) судебный, 4) гражданских дел, 5) уголовных дел, 6) справочно-юридический (в справочно-юридическом отделе дается юридическая помощь и защита населению).

При юридическом отделе и под его контролем и руководством организуются суды, трибуналы и т. п., в городе и уезде. Само собой разумеется, что юридический отдел (в лице зав. отделом или коллегии) пользуется правом кооптации, приглашения за плату лиц, стоящих на Советской платформе и т. п.

2) Финансовый налоговой отдел. Этот отдел разделяется на следующие подотделы: 1) обложение, 2) контроль банков, 3) ссудный, 4) сметный и т. д. Финансовому отделу уездного губернского Совета должны быть переданы все дела податных инспекторов с их техникой. При желании податные инспектора приглашаются для работы при отделах на условиях добровольного соглашения.

3) Продовольственный отдел. С упразднением продовольственных управ типа коалиции, все средства, имущества и техника переходят в ведение продов. С. Р. С. и Кр. Депутатов. Отдел продовольствия должен иметь подотделы: 1) транспортный, 2) хозяйственный, торговый и борьбы с спекуляцией, 3) закупочный, 4) агитационный. 5) контрольный и учетный и др.

4) Отдел промышленности (Рабочая секция). Все учреждения, какие до сих пор имели отношение к промышленности, инспекции и т. п., подчиняются этому отделу. При отделе организуются главные подотделы: 1) контроль над производством (для связи и руководства с фабрично-заводскими комитетами), 2) страхования (всех видов), 3) труда (предложения и спроса и урегулирования заработной платы), 4) конфликтный и т. п.

5) Военный отдел (Казачья и солдатская секция). Военному отделу подчиняются все войсковые части, расположенные в районе той области, которой управляет Совет. Военным отделом утверждаются командные должности.

Отдел делится на следующие подотделы: 1) строевой; 2) хозяйственный; 3) военно-судный; 4) организационный. Средства военного отдела—из военного фонда.

6) Народное образование. В этот отдел входят два подотдела: 1) внешкольный: 2) школьный. Инспекция разных категорий по народному образованию подчиняется этому отделу. Все ассигновки для уплаты проходят под контролем отдела.

7) Культурно-просветительный отдел. К. П. О. может входить и как подотдел в отдел нар. обр., потому что он может делиться в крупных Советах на ряд самостоятельных подотделов, например: 1) разумных развлечений; 2) лекционный; 3) спорта; 4) литературный и т. п. Средства культ.-просвет. отдела образуются из обложений, сборов и конфискаций.

8) Отдел охраны. Весь аппарат милиции и все средства передаются в распоряжение этого отдела. Охрана уезда или губернии относится за счет отдела по крестьянским делам (прежнего земства). Охрана города—за счет отдела по городским делам (прежняя город. дума и управа). Отдел охраны делится на 2 коренных подотдела: 1) городской и 2) уездный. Каждый подотдел выделяет специальные столы: 1) борьба с самогоном и пьянством; 2) борьба с контр-революцией; 3) с воровством и мародерством; 4) с спекуляцией и т. д.

а) Все протоколы отдел охраны направляет в следственный подотдел юридического отдела, куда и передается арестованный.

б) Все комиссары городские и уездные, а также и губернские, должны быть переименованы в заведующих подотделов отдела охраны и подчинены Совету. При нежелании их подчиниться Советской власти, они смещаются и заменяются другими.

Каждый отдел Совета имеет свою печать, регистратуру (в крупных отделах общую и регистратуру в подотделах).

Заведующие отделов ежедневно от заведующих подотделами принимают доклады и входят с таковыми в определенные часы с докладами в президиум Совета. Желательно, чтобы заведующими отделами и подотделами по выборам и назначению президиума были члены Исполнит. Комитета или члены Совета. (В крайнем случае могут допускаться и добросовестные лица по найму).

В порядке внутреннего управления Совета Р. С. и Кр. Депутатов организуются следующие общие отделы: 1) экспедиция; 2) управление делами Совета (при президиуме) 3) секретариат; 4) бухгалтерия и казначейство; 5) хозяйственный отдел.

Такова может быть и должна быть схема организации аппарата Советской власти на местах, в меньшем или большем размере, с той или другой разницей, за исключением или прибавлением тех или иных отделов, в зависимости от положения данной местности; все равно, схема должна быть одна. В меньшем размере организуется волостной Совет, в большем уездный и т. д.".[1]

Этот приказ, подробно освещающий замысел областной власти о системе организации средних и низовых звеньев Советского аппарата, конечно, не был проведен в жизнь на местах—он интересен, как документ, характеризующий подход к советскому строительству первых органов власти — Военно-Революционных Комитетов.

Данный период начала существования Советской власти на Дону характеризуется необычайно сложной общей обстановкой в области и большими отсюда трудностями для работы. Украину занимали немцы. Значительная часть Украинских советских отрядов перекочевала на Дон. Появилось много бандитов, уйма начальства и пр. и проч.

Казачье-дворянская контр-революция на местах начала усиленную работу, увязав ее с немецким наступлением на Дон. Она сводилась главным образом к организации отрядов казаков с целью, якобы, борьбы с немецким нашествием.

В.-Р. Комитет видел, что положение можно укрепить при условии, если будут в его руках крепкие дисциплинированные отряды.

---

[1] С.-К. музей Революции. Листовка № 209.

Началась организация Красной Гвардии. В течение пяти дней Ростов и Нахичевань дали 1.500 чел. красногвардейцев.

Захватив Украину, немцы подходили к Дону. Перед лицом грозной опасности Областной В.-Р. К. создал Чрезвычайный Штаб Обороны 21 (8) марта, куда вошли: Подтелков, Ермилов, Фролов, Василенко, Шамов, Крылов и Антонов.

В это время Обл. В.-Р. К. постановил объявить Донскую область—Донской Советской Социалистической Республикой. Вот обращение „Ко всем":

„ 23 марта 1918 года.

Ко всем трудящимся Донской Республики.

Мир подписан и, несмотря на это, немецкие белогвардейцы продолжают наступать и встречают дружную поддержку среди украинских и русских контрреволюционеров.

Для защиты завоеванных Революцией свобод Областной В.-Р. К., как высшая власть на Дону, до полномоченного съезда Советов, объявляет самостоятельную Донскую Советскую Республику в кровной связи с Российской Советской Республикой и выделяет Совет Народных Комиссаров. . . . .

. . . границы этой Республики считать совпадающими с существующими границами Донской области впредь до соглашения с соседними советскими органами и Центральной Советской властью".

Это декларирование „самостоятельности" Дона было продиктовано военным положением. Фактом образования Республики думали или предупредить нашествие немцев, или же под этим знаменем успешнее его отразить. На заседании Ростовского Совета от 30-го марта по докладу Сырцова, мотивировавшего целесообразность образования Республики „сознанием необходимости поднятия боеспособности Дона", была вынесена резолюция, одобрявшая этот акт:

— „Заслушав и обсудив доклад об образовании Донской Республики, Совет Рабочих Депутатов считает мотивы, продиктованные политическими и военными соображениями, вполне правильными... Будущее строение Совет мыслит, как объединение южных Республик. Очередной задачей пролетариата ставит мобилизацию всех революционных сил для вооруженного отпора германской и украинской буржуазии."[1]

Между прочим, Сырцов выставил в своем докладе и такой тезис: „Донская Республика необходима для того, чтобы выбить у германцев и австрийцев ту платформу и основания, что они со своими войсками идут на помощь к самоопределению. Мы должны им сказать: мы самоопределились и вам у нас делать нечего".[2]

Если вдуматься в этот аргумент, то нетрудно будет понять, что в нем сквозила, может быть и неосознанная, тенденция уступки „самобытной" психологии казаков, которые, мол, лучше будут защищать свою родину, если она „самоопределилась". Надежда всколыхнуть казачество на борьбу с внешним врагом и таким образом

[1] „Известия Р.-Н. С. Р. Д." № 3, от 2-го апреля 1918 г.

[2] Там же.

фактически обойти Брестский мир продолжением революционной войны, бесспорно сидела в душе ряда советских руководителей Дона,—именно с этими мыслями многие из них объявили Республику. И далее эта тенденция будет сопровождать деятельность руководящих органов республики, вплоть до ее падения, а особенно резко она вырвется открыто наружу после Областного съезда Советов. А сейчас в начале апреля решили обставить маневр всеми необходимыми мероприятиями.

Для доказательства самостоятельности Дона пытались даже на границе с Украиной выставить нечто вроде заградительной линии из Донских отрядов, которые должны были разоружать украинские части. Но этим ходом остановить немцев, конечно, не удалось—для них Дон являлся „большевистской территорией“, которая должна была быть оккупирована согласно их операционного плана. Немцы все ближе и ближе подходили к Дону. Немногие сравнительно красногвардейские части, брошенные Военно-Революционным Комитетом навстречу им, а также отступавшие Советские украинские части, почти не задерживали беспрерывное наступление немецких оккупационных войск, шедших боевым маршем от Украины к Дону.

Вся область представляла из себя пестрый военный лагерь. В городах стояли десятки различных Красных отрядов, в большинстве случаев разложившихся, бандитствовавших, много требовавших на свое содержание и отказывавшихся под разными предлогами выступать на фронт. Росло мародерство, воровство, нападения и грабежи. Царило многовластие. Одна „власть“ ссорилась с другой, одна „в л а с т ь“ арестовывала другую.

В это время в ряде мест население стихийно организовалось и контр-роволюционное офицерство стремилось овладеть этим процессом в своих целях. В станицах проходили собрания, в округах проводились съезды, везде избирались советы обороны, куда залезали агенты белого движения и представители мелко-буржуазных партий. Неорганизованность молодой власти, анархистские „путчи“ прибывших украинских отрядов даже в центре Республики—Ростове, распоясывание стихии деклассированного элемента, вздымавшейся под прикрытием знамени Советов—только облегчали почти легальную работу контр-революции, воспрянувшей духом в связи с приближением немцев. И мы должны констатировать, что этим движением в ряде мест к сожалению больше стали руководить донские казачьи верхи и кулачество. „Штабы обороны“ производили мобилизацию казачества. Нашествие немцев, все отправляющих себе в Германию, стояло перед населением Дона, как большая угроза хозяйству Края. Вполне понятно, что определенная часть казачества и крестьянства шло в отряды, организуемые Советами Обороны. В это же время врагами хитро плелась сеть интриг против Советской власти. Создавались легенды, что немцы идут, приглашенные большевиками, что у большевиков и немцев одна и та же цель,—словом, предпринималось все к тому, чтобы возродить идею о

„немецких шпионах“ и направить настроения масс против большевиков, в первую очередь. В ход было пущено все, включая и белогвардейских агитаторов в рясах. В удушливом анти-большевистском угаре на местах в народе ходили тысячи листовок под заголовком: „Анафема Новочеркасского священства большевикам“. В этой „анафеме“ большевики являются „извергами рода человеческого.“ Листовка настолько характерна, что мы приводим ее полностью:

„Патриарх Московский и всея России в послании к возлюбленным о Господе Архипастырям, пастырям и всем верным чадам православной церкви христовой, обнажил меч духовный против извергов рода человеческого — большевиков и предал их анафеме.

Глава православной церкви Российской заклинает всех верных чад ее не вступать с этими извергами в какое-либо общение.

Они за свое дело сатанинское прокляты и в сей жизни и в будущей.

Православные! Святейшему патриарху дано право вязать и решать по слову спасителя нашего: „истинно говорю вам: что вы свяжете на земле, то связано на небе, и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе“.

Не губите же душ ваших, прекратите общение с сатанинскими слугами— большевиками.

Родители, если дети ваши большевики, требуйте властно, чтобы отреклись они от заблуждений своих, чтобы принесли покаяние в великом грехе, а если не послушают вас,—отрекитесь от них.

Жены, если мужья ваши—большевики и упорствуют в служении сатане, уйдите от мужей ваших, спасите себя и детей от заразы, губящей душу.

Не может быть у православного христианина общения с слугами дьявола.

Помните слова господа нашего „Всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или детей, или землю ради имени моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную“.

Не бойтесь страданий за дело Христово.

„Блажены вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за меня: радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах“.

Церковь Христова призывает вас на защиту православной веры.

Йуды-предатели растерзали нашу земную родину, а теперь жаждут лишить нас благодарного крова церкви православной, разрушают, оскорбляют и оскверняют храмы божии.

По грехам вашим, по маловерию нашему ниспослал нам испытание Господь.

Забыли мы Бога, и Бог оставил нас. Земли наши исполнены кровью, и города исполнены неправды. „Оставил Господь землю сию, и не видит Господь.“

Но милосерд вседержитель. Покайтесь, горячей молитвой призовите помощь Господа сил и стряхните с себя „руку чужих“,— исконных врагов веры христовой, объявивших себя самозванно „народной властью“.

Церковь православная обращается к вам, православные: станьте на защиту оскорбляемой и угнетаемой ныне святой матери нашей.

И если вы не послушаете церкви—будете не сынами ее, а участниками жесткого дела сатанинского, творимого явным и тайным врагами христовой истины.

Да воскреснет же Бог в сердцах ваших и расточатся враги его.

Встань, Русь православная, за веру Христову и сгинет дьявольская рать, рассеются, как болотный туман, козни мнимых друзей народа, влекущих его к гибели.

Как тает воск перед лицом огня, так погибнут нечистые изверги силою креста Христова.

Дерзайте же. Не медлите. Не губите своей души, не предавайте ее дьяволу и его приспешникам. Прочитайте сами и передайте другим“.[1]

Так плелся клубок провокаций, лжи, подлогов вокруг ненавистных большевиков. В ход были пущены все темные пружины, чтобы восстановить против революции несознательные массы, и штабы

---

[1] Листовка, хранящ. в Дон. архиве. Опубл. в „Прол. рев на Дону“. Сб. 4, стр. 208.

обороны, где сидело офицерство, стремились направить свои казачьи отряды в первую очередь против большевистских войск, против „красных банд“, которые изображались более опасными врагом, чем немцы. Фактически получилась единая линия борьбы с Советами у немецких оккупантов и внутренней донской контр-революции. Как видим, курс на союз с иностранным империализмом поместно-казачьей контр-революции начал проводиться с первых шагов борьбы с большевизмом. „Большевики—агенты немцев и поэтому не хотят с ними воевать“— кричали контр-революционеры, организуя под шум этих обвинений казачьи отряды, которые должны были на деле именно помочь немцам сбросить большевиков. И если через пять месяцев 28-го июня атаман Краснов писал императору Вильгельму письмо, в котором доказывал всю взаимную выгоду союза германского монарха с Всевеликим Войском Донским: „Тесный договор сулит взаимные выгоды и дружба, спаянная кровью, пролитой на общих полях сражений воинственными народами германцев и казаков, станет могучей силой для борьбы со всеми врагами,“ [1]— то по существу ему нужно было бы в июне прямо предлагать Вильгельму закрепить де-юре этот союз, который де-факто был уже с начала 1918 года „спаян кровью, пролитой на общих полях сражения“ против власти рабочих и крестьян.

Вскоре немцы стояли недалеко от ворот Новочеркасска. Все внимание ответственных работников и руководителей Советов было направлено на немецкий фронт, а в области всюду полыхала контр-революция, к которой прибавился мятеж внутри советского лагеря, организованный войсковым старшиной Голубовым, который до сего времени шел за Советы.

Большой честолюбец, дворянин, войсковой старшина Голубов с первых дней Февральской Революции добивался пернача атамана Войска Донского, но на первых выборах победил Волошинов, и Голубов все время старался свалить „мягкого демократа“, усиленно готовя почву для себя к следующим выборам.

На новых выборах донское дворянство и кулачество атаманскую булаву вручили ген. Каледину, который „не станет заниматься революционными экспериментами“. Снова атаманский пернач проскочил мимо Голубова.

Рассвирепевший войсковой старшина густо окрашивается в красный цвет революции и, используя казачьи настроения против Каледина, организует вооруженные силы и с ними разбивает офицерско-добровольческие отряды Чернецова, помогая деятелям Каменского съезда—Подтелкову и Кривошлыкову—разгромить калединцев.

В то время, как Ревком ст. Каменской объявил себя областной властью, переехал в Ростов, Голубов захватил Новочеркасск и стоял там гарнизоном. С Украины шли к Дону немцы, и Голубов решил, что

[1] С. Пионтковский. Гражданская война в России (1918 — 21 г.г.). Хрестоматия, изд. Свердловского комвуза. 1925 г., стр. 430.

наступает его атаманский час. Надо только отойти от Советов, опереться на немцев и немного подготовить общественное мнение. Выполнить подготовку общественного мнения к атаманству Голубова мог скрывавшийся в это время в Сальских степях „донской баян“ М. Богаевский. Его и разыскал Голубов и привез в Новочеркасск. Богаевский приступил к работе.

Предлог для разрыва с Советами также вскоре подвернулся. Начальник гарнизона гор. Новочеркасска, сторонник Голубова, Смирнов отказался выполнять распоряжения В.-Р. К. о доставлении Богаевского в Ростов.

Мятеж войскового старшины Голубова начался.

9-го апреля 1918 года В.-Р. К. послал к Новочеркасску для ликвидации мятежа отряд Красной Гвардии.

Гарнизон, состоящий из казаков, драться с большевиками отказался. Новочеркасск заняли ростовцы. Голубов бежал и вскоре в станице Заплавской был убит.

Голубовщина явилась первой авантюрой „красного“ казачьего офицера на всем Северном Кавказе. Объективно она отражала протест против дальнейшего углубления революции со стороны мелко-буржуазных слоев крепкого казачества, примкнувшего сначала к революции, в надежде осуществить под ее знаменем самостийные стремления окраинных демократов, мечтавших о государственной самостоятельности их „войск“. Не случаен тот факт, что первая авантюра в этой цепи проявлений „красной казачьей самостийности“ произошла на Дону, на территории самого мощного казачества и в обстановке угрозы немецкого нашествия — здесь ярко сказались определенные мотивы, которые характерны для всех подобных попыток, имевших место на Северном Кавказе в 1918 году.

В тяжелых условиях Областной Военно-Революционный Комитет и Совет Народных Комиссаров созывают съезд Советов Донской Республики. 9-го (22) апреля 1918 года открылся в Ростове этот Областной съезд в составе 656 человек с решающим голосом и 108 с совещательным (к концу съезда было 713 решающих и 125 совещательных).

Нельзя сказать, чтобы большевики могли быть вполне спокойны за состав съезда, ибо делегаты выбирались на местах случайно, не по партийному признаку; в числе 713 делегатов были кулацкие элементы, которые по существу сочувствовали новочеркасскому мятежу Смирнова и Голубова и в будущем активно выступали в лагере контр-революции. Так, казак Родин, выставлявшийся на съезде в списке кандидатов от левых эсеров в Центральный Исполнительный Комитет, участвовал потом в расстреле Подтелковской экспедиции в Морозовском округе. Недаром Подтелков заявил на съезде в своем докладе о положении в Донской области:

„Когда из округов идут на нас, чтобы нас разогнать штыками и пулеметами, я вижу, что и здесь на съезде среди нас есть лица, которые доказывают своими глазами солидарность с этими бунтовщиками. Я заявляю, что

мы, большевики и левые эсеры, не допустим, чтобы была погублена Советская власть. Знайте, что если мы сами погибнем, то погубим и всех вас...“ [1]

Не знал тогда Подтелков, что эти слова окажутся пророческими и он действительно погибнет в далеких степях от рук участников съезда.

С самого начала при выборах президиума съезд разбился почти на равные половины—за список большевиков голосовало 308 ч., за список левых эсеров—285 чел.

В президиум были избраны: Ковалев (больш.) — председатель съезда, Подтелков (л. эсер), Кривошлыков (л. э), Сырцов (б-к), Турло (б-к), Власов (б-к), Дорошев (б-к), Камков (л. э), Штенберг (л. э) и др.

Интересно отметить следующее „пропагандистское“ разъяснение сущности двух советских партий, сделанное левым эсером Изввариным в выступлении перед выборами президиума: „Две партии довели нас до Советской власти: большевики и левые эсеры. Если кто не знает и не понимает программы этих партий, то я попросту объясню вам эту программу. Партия большевиков эта та, которая обещает много благ фабричным, заводским и рудничным рабочим, одним словом, городскому пролетариату. Партия левых эсеров больше обещает добра трудовому крестьянству и казачеству“. [2]

Борьба между болшевиками и левыми эсерами началась и достигла большой остроты при обсуждении текущего момента. Эта борьба двух Советских партий в этот момент определялась в первую очередь разным подходом к вопросу о Брестском мире и остротой общей обстановки.

Одной рукой немцы подписали в Бресте мирный договор с РСФСР, частью которой была Донская Советская Социалистическая Республика, а другой рукой они грабили окраины РСФСР. В этих условиях левые эсеры именно на окраинах могли иметь больший успех со своей платформой революционной войны, а настроения фракции левых коммунистов находили здесь большую почву для своего развития. А на окраинах-то и важно было выдержать правильную ленинскую линию глубокого маневра, связанного с заключением Брестского мира. От левых эсеров на съезде выступали столпы их партии—Камков и Карелин. Первый в своем содокладе большевику Турло, обрушившись на Брестский мир, выставил тезис — „В революции передышки никогда не бывает, иначе она умирает“. Но отповедь ему со стороны большевиков вслед за т. Орджоникидзе дало большинство делегатов с мест, выступавших в конце прений с оффициальными заявлениями от округов по вопросу о войне и мире,[3] в результате чего из предложенных

---

[1] Газета „Известия Ростовско-Нахичеванск. на Дону Совета Раб. Депутатов“ № 15, от 15 апреля 1918 г.

[2] Газета „Известия Рост.-Нахичев. на Дону Совета Раб. Депутатов“ № 14, от 14 апреля 1918 года.

[3] Из восьми выступлений от округов только два высказались за войну—от 2-го Донского и Хоперского, как-раз от наиболее отдаленных от украинской границы районов.

двух резолюций прошла большевистская 348 голосами, при 106-ти против и 42 воздержавшихся. Принятая резолюция гласила:

„Первый Съезд Советов Донской Республики присоединяется и одобряет мирную политику Совета Народных Комиссаров, рассматривает Донскую Республику, как часть РСФСР, считает для себя Брестский мирный договор обязательным. Революция на Дону, свергнув власть помещиков и генералов, поставила у власти трудовые элементы, сплотившиеся в своей борьбе вокруг рабочего класса. Свержение режима казацких генералов является лишь началом победы революционного союза рабочих, беднейших крестьян и трудового казачества. Для полного торжества Советского Правительства необходимо победоносно закончить разрастающуюся на Дону борьбу с кулацкими элементами казачества. Главной задачей Рабоче-Крестьянского Правительства в данный момент является создание Революционной Советской армии и привлечение всех сил к борьбе с хозяйственной разрухой. Советская Власть должна быть готова к тому, что империализм всех стран не остановится перед новым нападением на нее и ни одна минута не должна пропасть даром.

Съезд заявляет перед всем миром, что, признавая Брестский мирный договор, трудовое казачество, крестьяне и рабочие не остановятся ни перед чем для защиты границ РСФСР Донской Республики и все, как один, с оружием в руках встанут, в случае вторжения в пределы Донской Республики чужеземных войск. Необходимо в данный момент напряжение всех сил и всей энергии. Необходима самая энергичная работа в налаживании народного хозяйства и в воссоздании на развалинах капиталистического строя новой Социалистической России.

Съезд уверен, что нынешнее затишье на арене борьбы пролетариата с мирным капиталом — есть затишье перед бурей, что недалек уже тот момент, когда на помощь пролетариату России придут трудящиеся всего мира.

Съезд приветствует грядущую победоносную мировую социалистическую революцию.“ [1]

Большевикам, несмотря на наличие среди них лево-коммунистических настроений, которые, как увидим дальше, выявились довольно резко, удалось провести резолюцию, намечавшую правильную политическую линию по основному вопросу, волновавшему массы. Несмотря на указанный нами состав съезда и выступления таких лидеров левых эсеров, как Камков и др., большевистская резолюция прошла именно потому, что ленинская установка о передышке чрезвычайно правильно схватила суть тогдашних настроений масс и трезво учитывала условия, делавшие невозможным ведение войны.

Приведем выдержки из резолюции, предложенной левыми эсерами, так как она составлялась при участии вождей партии и поэтому очень полно и четко развертывает всю сумму их аргументов против мира:

... „Только Октябрьский переворот, поставивший у власти рабочих и крестьян, открыл для революционной демократии возможность честного и демократического ведения мирных переговоров.

В течение трех месяцев делегаты Российской Советской Республики в Бресте защищали программу мира революции, разоблачали хищнические планы германских империалистов, будя революционную совесть и классовое самосознание мировой демократии. И когда в ответ на ультимативные условия германских дипломатов Российская делегация 10-го февраля заявила, что она

---

[1] Газета „Известия Рост.-Нах. на Дону Совета Рабочих Депутатов“ № 13, от 13 апреля 1918 г.

грабительского мира не подпишет, но в то же время войну прекращает бесповоротно, она действовала в полном согласии с духом и интересами Российского трудового народа.

Однако, слабость революционных сил в среде трудящихся классов Германии и Австрии дала возможность империалистам этих стран двинуть на Российскую Республику покорные им полки. Наступление этих войск на Двинск и Псков вызвало замешательство в рядах трудовой демократии России и заставило ее подписать мир, продиктованный бронированным кулаком германского империализма.

Германский мир отрезает от Советской России целые области, населенные сознательными революционными массами рабочих и крестьян, отдает в политическое и экономическое рабство народы Украины, Финляндии, Польши, Литвы, Лифляндии, Курляндии, Эстляндии, Бессарабии и Кавказа.

Германский мир отнимает у Советской России питающие ее материальные корни и средства, отдавая на потребу Австро-Германского капитала железо, уголь, хлеб и сырье Рабочей и Крестьянской России, усиливая этим самым завоевательные планы Германской буржуазии.

Германский мир, обезоруживая Советскую власть и отдавая ее в полную зависимость от воли германских завоевателей, порывает связь, существующую между Российской демократией и движением международного пролетариата.

Германский мир, предоставляющий всю полноту хозяйских прав германскому купцу, помещику и капиталисту, ставит под удар все великие завоевания русской революции, добытые кровью трудового народа. Ни социализация земли, ни рабочий контроль над промышленностью, ни переход банков в руки народа, ни объявление недействительными займов — не смогут быть проведены в жизнь тогда, когда на пути этих реформ станут акции, права и домогательства германского, а стало быть и всего мировото капитала.

Германский мир, подчинивший революционную Россию интересам иностранной буржуазии, тем самым вливает свежие силы в работу Российской буржуазии, облегчая ей переход к активной контр-революционной борьбе.

Германский мир, наконец, открывший путь для давления германских капиталистов на Россию, делает ее бессильной игрушкой в руках всякой иной хищнической державы.

Недели, последовавшие за подписанием германского мира, доказали, что Советская Россия все больше и больше становится добычей жадного мирового империализма. Уже почти завоевана до конца немецко-гайдамацкими бандами трудовая Украина, уже падает в бессильной борьбе красная Финляндия, уже протягивает свою руку на Дальнем Востоке англо-японский капитал и уже тени грабительского нашествия падают на вольный Дон.

При таких условиях, первый Донской Съезд Советов Рабочих, Крестьянских и Казачьих Депутатов заявляет, что трудовое казачество, трудовое крестьянство и рабочий класс Дона окажет самый решительный революционный отпор наступающим империалистам-завоевателям.

Приветствуя героическую борьбу за землю и волю украинских рабочих и крестьян, посылая свой братский привет мужественным партизанским отрядам, отстаивающим на севере России честь и достоинство Революции, Первый Донской Съезд заявляет, что трудящиеся Дона не оставят в одиночестве умирающих за дело народа товарищей в защиту завоеваний Революции. Съезд объявляет это священной обязанностью всякого казака, крестьянина и рабочего, в какой бы части Федеративной Советской Республики он не находился.

Война закончена и трудовой народ не допустит возобновления войны. Не путем всеобщей мобилизации, не путем насильственной воинской повинности, а путем добровольного революционного порыва должны строиться ряды трудящихся Дона и всех частей России для своего классового восстания, для борьбы с капиталом внутренним и внешним.

Да здравствует всеобщий демократический мир.

Да здравствует Российская Федеративная Советская Республика“.[1]

---

[1] Газ. „Донские известия“, орг. Первого Съезда Дон. Советов Раб., Каз. и Крест. Д., № 15 от 14 апр.

Хотя эта резолюция и не прошла на съезде, но она „зацепила" значительную часть и большевистских делегатов, выступивших с декларацией, означавшей переход их на позицию „революционных авантюристов". По докладу об организации власти на Дону, прения сосредоточились на вопросе о чистке местных Советов от пролазившего туда офицерско-кулацко-чиновничьего элемента. Самым интересным эпизодом по этому вопросу было довольно длительное обсуждение того, как конструировать Центральный Исполнительный Комитет—из какого количества членов и, главное, выбирать в него по партийному признаку, или же по округам. В высказываниях за систему выборов по округам сказался политически неоформленный состав значительной части членов съезда казаков, подходивших к этому вопросу со старым „войсковым" шаблоном выборов на Кругах по территориальным районам. В конце концов прошло компромиссное предложение о выборах по округам, но по партийным спискам. Перед голосованием списка л. эсеров, шедшего № 1, и большевистского, снова вскрылось расхождение этих двух партий на таком мелком вопросе, как обсуждение предложения большевиков о необходимости давать характеристику выставленных кандидатов. Л. эсеры выступили против этого, заявив устами Карелина, что они не нуждаются в „рекламировании". Но этот момент б-ки выдвигали не случайно—по существу вся болотистая и сочувствовавшая голубовщине часть съезда поддерживала л. эсеров, как „крестьянскую", более близкую им партию, и на характеристике ее кандидатов этот момент мог всплыть. Доказательством правильности хода б-ков явился провал их предложения 312-ю голосами против, при 218 за. Большинство на этом вопросе вскрыло их роль центра, вокруг которого группировался весь ненадежный элемент. Эта прелюдия перед выборами нашла свое отражение и в итогах голосования в ЦИК—л. эсеры получили 271 голос, б-ки—284—незначительное большинство!

В первый и последний Донской ЦИК попало, таким образом, 26 б-ков и 24 л. эсера. Если проследить соотношение по всем голосованиям на съезде, то, исключая принятия резолюции о мире, от начала и до конца работы съезда сохранялось устойчивое соотношение между двумя политическими группами.

После выборов съезд должен был заняться секционной работой для углубленного рассмотрения вопросов советского строительства, но это выполнить не пришлось, т. к. под конец его работы Новочеркасск был захвачен контр-революционными казачьими частями под командой полковника Фетисова. Последний на имя председателя съезда прислал телефонограмму с требованием немедленного освобождения бывшего помощника войскового атамана Богаевского, привезенного в Ростов после ликвидации голубовщины и расстрелянного здесь. Фетисов грозил за расстрел Богаевского „пустить в расход" 1000 человек, арестованных им в Новочеркасске. Съезд послал Фетисову предложение подчиниться Советской власти и одновременно дал директиву Красной армии о немедленной

ликвидации белогвардейцев в Новочеркасске. На этом была закончена работа этого бурного съезда, отразившего всю тяжесть условий, в которых начиналось советское строительство на Дону. Очень неоднородный по своему составу, но в большинстве своем казачий, этот съезд знаменовал только начало нового политического расслоения казачьих масс, еще шедших в своем большинстве за Советами. Активность л. эсеров была не случайна. Она иллюстрирует перед нами тот факт, что Донская Советская власть только начала входить в стадию периода, от „народной власти" к диктатуре пролетариата, чувствуемой и в станице — деревне. Первый и последний Донской ЦИК представлял из себя довольно разношерстный по политическому составу орган, мало способный осуществлять пролетарское руководство в тех сложных условиях. Достаточно сказать, что в его составе был ряд членов, которые мало чем отличались от упомянутого нами казака Родина. Фактически главной властью были чрезвычайный штаб, скоро выделенный, и Ростово-Нахичеванский Совет Рабочих Депутатов, представлявший цитадель Донской революции, тем паче, что собственно руководство областного масштаба почти не осуществлялось. Главной ареной был юго-западный угол Донской области, где решался вопрос дальнейшего существования молодой Республики. Немцы стояли у ее ворот и от их дальнейшего движения зависел ближайший исход борьбы. Переоценивая „боевой дух" в настроениях казачества против немцев, поддавшись панике в связи с угрозой потери Дона и увлекшись „местническими" тенденциями в ущерб трезвому учету интересов Советской России в целом, группа местных большевиков сделала на съезде неверный шаг, огласив следующую декларацию, признававшую ошибкой поведение большевистской фракции на съезде по вопросу о войне и мире:

...„Российская революция, на которую история возложила задачу впервые высоко поднять знамя социализма и вплотную подойти к социалистическим мероприятиям, встретила врагов не только в лице русской буржуазии, но и всей международной буржуазии.

Мировой хищник-капитал со всех сторон пытается сжать Советскую Россию.

С запада двигаются германские войска, с востока наносят удары английские и японские империалисты. Наступление мирового империализма, ставшее в настоящее время неопровержимым фактом, не оставляет места иллюзиям и не дает пролетариату никакой возможности уклониться от задачи отпора международным захватчикам.

Выполнение условий мирного договора неизбежно ставит Российскую Советскую Власть не только перед угрозой физического уничтожения, но и в такое положение, в котором она уже вынуждена делать ряд уступок в своей внутренней политике.

Мы, группа делегатов Съезда Коммунистов-большевиков, глубоко убеждены, что иллюзия мира, в настоящее время не имеющая никакой почвы, иллюзия возможности перерыва в борьбе с международным капиталом, сеет в усталых пролетарских и полупролетарских массах дезорганизацию, угашает стремление к организации отпора, облегчает империалистам попытки к дальнейшим захватам во всех странах мира, ослабляет силы международной революции и укрепляет влияние буржуазии и соглашателей и их проповедь гражданского мира.

Молодая Донская Советская Республика в настоящий момент находится перед самой реальной угрозой нашествия германских войск.

Советская власть на Дону, с которой не справились русские контр-революционеры, грозит пасть под соединенными ударами германских банд и контрреволюционеров изнутри.

Задача упрочения Советской власти связана с организацией отпора разбойникам международного капитала.

Защита молодой Советской Республики в союзе с другими Южными Республиками—вот что настоятельно диктуется моментом и что, мы уверены, завтра будет понято всеми.

Подчиняясь партийной и фракционной дисциплине, мы, группа делегатов Съезда большевиков, воздержались при голосовании резолюции нашей фракции, но мы считали бы нарушением социалистического долга умолчание о своей позиции.[1]

В ближайшие же дни к этой декларации присоединились многие большевики, голосовавшие на съезде за принятую резолюцию. Этот переход на позицию левых эсеров значительной части донских б-ков, считавших возможность получить „передышку“ иллюзией, „гасившей стремления к организации отпора“, был продиктован неспособностью их подняться выше своей колокольни и оценить тактику Брестского мира с точки зрения общероссийских интересов пролетарской революции.

Главное,—это защита „их Республики“, как-будто они без помощи пролетарских центров смогли бы действительно организовать должный отпор немецким оккупационным войскам. Попавшись в плен лево-эсеровской болтовне о всеобщем восстании и белогвардейской провокации о „немецко-большевистских бандах“, эти б-ки как бы хотели своим призывом к организации защиты Красного Дона разрушить в глазах масс легенду о связи б-ков с немцами и доказать обратное своим стремлением воевать с иноземным нашествием.

Объективно, под прикрытием революционных фраз, это была уступка, продиктованная паникой перед врагом, националистическим мотивом, которые безусловно имели место в линии поведения левых эсеров—типичных мелко-буржуазных интеллигентов от революции. Но именно было иллюзией стремление играть на националистических настроениях масс, в тот момент мало способных итти из-за этого на войну, только что законченную, точно так же, как было утопией надеяться поднять казачество под лозунгом борьбы против немцев до понимания того, что эта война есть одновременно и борьба с внутренней контр-революцией.

Опубликованная декларация была пустым жестом с точки зрения реальной организации масс под знаменем революции и вредным и дезорганизующим актом, поскольку она дезорганизовала авангард движения и раскалывала большевистский костяк.

Что решительное и твердое продвижение немцев на Дон не могло быть задержано тогда, несмотря ни на какие декламации пылких революционеров, это совершенно ясно.

---

[1] Газ. „Донские Известия“, орг. Перв. Съезда Дон. С. Р., К. и К. Д., № 15, от 14/IV.

Для нас сейчас важно установить другое—явилась ли немецкая оккупация только последним толчком, так сказать, еще лишним фактором, ускорившим гибель Донской Республики от внутренней казачьей контр-революции, или же только благодаря удару германского империализма Советский Дон пал?

Произошла ли к маю на Дону такая консолидация контр-революционных сил, такой сдвиг вправо казачьих масс и определенной части крестьянства, что именно под их главным ударом и только при помощи немцев, а не наоборот, произошла гибель Советской Республики?

Что калединщина была разбита именно благодаря отходу от нее казачьих масс—общеизвестно; что основные слои казаков, не говоря уже о крестьянах, участвовали в установлении на Дону Советской власти, находились с начала 1918 г. по выражению белых публицистов в „большевистском угаре“—тоже для нас ясно из предыдущего изложения хода событий.

Чем в основном мог определиться перелом в настроении определенных слоев станицы, на какой базе могла к апрелю произойти такая перегруппировка социальных сил, что большинство казачества повернулось бы к этому времени уже спиной к Советам? Очевидно, переходом революции в новую стадию, когда единый общекрестьянский фронт раскалывался в связи с доведением демократической революции до конца и перерастанием ее в пролетарскую в деревне. На Дону весной 1918 г., вплоть до прихода немцев, этот переход не осуществился, наметились только первые шаги этого углубления революции.

Аграрный вопрос на Дону еще не был разрешен в духе закона о социализации земли; к его проведению в жизнь только начинали приступать, что пока выражалось, главным образом, в отказе иногородних платить казакам арендную плату, в требовании крестьян в ряде мест (но далеко еще не везде) передела земли, в захвате помещичьих земель и т. п.

Другой вопрос, игравший огромную роль в деле перегруппировки класовых сил—продовольственный, тоже еще не вошел здесь в стадию того похода за хлебом, который развертывал в деревне классовую борьбу, хотя попытки выкачивания хлеба уже начались. Таким образом, социально-экономическая политика в двух важнейших областях еще не вошла здесь в ту стадию, которая на столько бы форсировала расслоение масс, что дала бы твердую и определенную базу для развертывания здесь контр-революционной работы.

В г. Ростове и в Шахтинском районе уже были в апреле национализированы крупнейшие предприятия, а рабочий контроль над остальными стремились осуществлять твердо, применялась политика реквизиций и экспроприации буржуазии, так что пролетариат уже чувствовал себя хозяином. Но эта „городская“ политика, конечно, не могла отшатнуть казачьи массы от революции. Основным моментом, который портил „хорошие“ отношения и бросал известные

группы казачества в объятия офицерства, организующего отряды, было анархическое поведение ряда красных частей, проводивших „свою политику реквизиций, конфискаций“ и пр. и дезорганизовавших не только станицы, но и Ростов своим самостийничаньем и недисциплинированностью. Пожалуй к апрелю, особенно по прибытии на Дон отступавших украинских отрядов этот фактор играл наибольшую роль в деле создания благоприятной почвы для ведения казачьей верхушкой своей контр-революционной работы среди масс ряда станиц.

Но, конечно, он не мог быть решающим моментом, который повернул бы большую часть казачества вправо, ибо все-таки в Ростове, например борьба с „язвой“ бандитизма деклассированных и деморализованных элементов, проводилась решительно именно отрядами красной гвардии из местных рабочих.

Нужно указать еще один момент, который облегчал работу контр-революции: значительную оторванность основной пролетарской базы—Ростова и Шахтинского района—от Донской периферии, и в то же время отсутствие достаточной увязки в работе этих двух пролетарских центров друг с другом не могло в свою очередь не ослаблять их общего влияния на казачье-крестьянские округа Республики.

Недаром при царизме проводилась специальная политика изоляции Ростова от области, эта „традиция“ сказалась с первых же шагов революции, затрудняя осуществление пролетарского руководства из Ростова областью.

Но при всем этом, до прихода немцев казачья контр-революция не приобрела настолько широкую базу, что она смогла бы превратиться в явление областного масштаба. Отсутствие массового поворота казачества от Советов к белым должно быть констатировано даже для второй половивы апреля, когда организованные очаги казачьей контр-революции — Семеновская Задонская группа (район Кагальницкой — Егорлыцкой), Денисовская группа (район Заплавской), Степной отряд Семилетова (район Раздорской)—объединились под руководством вернувшегося после скитаний в Сальских степях походного атамана Попова, сильно распылившего свой отряд там в борьбе с довольно хорошо организовавшимся в красные отряды сальским крестьянством.

Эту обстановку подтверждают свидетельства всех вождей тогдашнего белого движения.

Генерал Денисов освещал в своих „Записках“ апрельский период, все время отмечает борьбу казаков „его частей“ с рядом станиц (например, „изменниками мелиховцами“), не только не желавших активно бороться с большевиками, но, наоборот, лучше встречавших красных. Он приводит любопытный документ, характеризующий разложение среди рядового казачества, не желавшего воевать с большевиками даже в его частях—свой рапорт походному атаману от 16 апреля из Заплавской.

„Докладываю, что вверенная мне группа стала совершенно небоеспособна... Богаевский полк самовольно покинул район боевых

действий и направился в свою станицу... Бессергеневский и Заплавский полки в периоде начала разложения. Конница (оставшаяся) совершенно неспособна по своей трусости к боевой службе. Никаких героических мер принять нельзя, так как надежной воинской части не имею... Недоверие к начальству всех степеней вновь налицо. Картина вполне безотрадная"...[1]

Это состояние разложения, конечно, не могло бы иметь места, если бы поднималась волна массового казачьего движения против Советов. Мы видим, что, наоборот, атаману Попову все время приходилось усмирять „непокорные" станицы, поддерживавшие большевиков, и держать свой штаб на пароходе во избежание всяких неприятностей, тем паче, что его оперативный план захватить в первую очередь Александро-Грушевск разбился о сопротивление шахтеров, отбивших все попытки белых ворваться в этот рабочий район.

Денисов весьма близок к истине, когда он своих „очерках" так оценивает состояние Дона в середине апреля: „Пробуждение Дона было однако далеко еще не полным. И походному атаману, подготовлявшему наступление на Новочеркасск, приходилось не раз посылать карательные экспедиции в нераскаявшиеся еще и поддерживавшие большевиков станицы, расположенные даже в непосредственной близости от атамановского штаба".[2]

Упоминавшийся нами Фетисовский налет на Новочеркасск, неожиданно для нападавших увенчавшийся успехом, отдал столицу старого Дона на четыре дня (13—17 апреля) во власть белых. Но легко захваченный Новочеркасск почти без боя был снова сдан ими подошедшими из Ростова красным частям. Неудачные бои под Александро-Грушевском в конце апреля еще больше притупляли боевой дух повстанцев-казаков, кое-как скреплявшихся основным офицерским калединским ядром, для которого борьба с большевиками превращалась уже в профессию. Живительным ветром подуло на разлагавшуюся казачью контр-революцию именно с запада и отчасти с юга, откуда шли разбитые под Краснодаром добровольцы. Именно поход немцев снова окрылил армию Попова, в которой по мере движения к Дону Вильгельмовских войск, приостанавливался процесс разложения.

Таким образом, мы можем констатировать тот факт, что приближение часа падения Донской Республики было определено в основном не внутренним казачьим восстанием, а внешним фактором — наступлением Германского империализма. Эта опасность с запада внесла дезорганизацию в Советские силы и тем, что в результате оккупации Украины весь юго-западный угол Дона и, в особенности, Ростов наводнялись потерявшими боеспособность частями, которые сыграли большую роль в деле ослабления сопротивляемости Донской Республики и местной контр-революции. Весь апрель Ростов жил под постоянной угрозой внутренних беспорядков,

[1] Генерал Денисов —„Записки", кн. 1. Константинополь 1921 г. Цит. по сб. „Начало гражданской войны", сост. Алексеевым, стр. 97.

[2] „Очерки Русской смуты" т. 2. Париж, изд. Подволоцкого.

грабежей и налетов, чинившихся анархитствующими элементами, состоявшими в красных частях и не желавшими никому подчиняться. При просмотре комплекта апрельских газет, например, „Известий", чуть ли не в каждом номере Вы встретите приказы, обращения, статьи и т. д., связанные с эксцессами, дезорганизовывавшими город. Вот перед нами воззвание всех властей—Донооблвоенкома, Совета Народных Комиссаров и Ростовского Совета от 7-го апреля, в котором сообщается такой факт:

„6-го апреля Исполнительному Комитету Совета Рабочих Депутатов, а за ним и Донобл. В. Р. К. и Совнаркому стало известно, что днем 6-го апреля „Румчерод" (ЦИК Советов Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов Румынского фронта, Черноморского флота и Одессы) подвергся нападению кучки неизвестных лиц, которые, прикрываясь именем Военно - Революционного Комитета, захватили оттуда кассу с деньгами, продукты и арестовали целый ряд членов „Румчерода". Далее, Исполнительному Комитету стало известно, что помимо и тайно от местной Советской власти организована какая-то вооруженная организация, как потом выяснилось, почему-то назвавшаяся „гарнизонным собранием", и что эта тайная организация намерена устроить налет также на Исполнительный Комитет и Дон. Обл. В. Р. К. и арестовать целый ряд старых испытанных борцов исключительно большевиков и левых социал-революционеров".[1] В результате была предпринята форменная осада „кучки неизвестных лиц", засевшей в доме французского консульства, и закончилась эта история вместо арестов и наказаний „кучки" мирной ликвидацией „инцидента",— „Советские власти... решили революционным словом подчинить себе вздумавших было ослушаться Советскую власть лиц". Для этой цели было созвано специальное заседание Исполкома совместно с представителями заводов и всех красноармейских частей, которое, декларировав „всю полноту единственной власти в руках Облвоенкома и Исполкома—Ростовского совета", в отношении участников налета постановило: „все принявшие участие в происшедшем печальном инциденте группы и лица обязаны приложить все усилия к немедленному восстановлению в городе революционного порядка".[2] Как видим, сколько сил и энергии ушло на „ликвидацию" этого „восстания", в то время, когда нужно было все бросить на укрепление молодой власти. В день закрытия Областного Съезда Советов и захвата Новочеркасска Фетисовым, снова повторяется история, похожая на только что описанную. Исполнительный Комитет Ростовского Совета снова выпускает воззвание ко всем рабочим, где, сообщая об овладении Новочеркасском контр-революционерами, указывает, что „в Ростове банды хулиганов, прикрываясь именем анархистов, ложно называя себя революционерами, творят свое гнусное дело провокации... Когда в субботу вечером на Б. Садовой раздались первые выстрелы, повлекшие за собой жертвы, и

[1] „Известия Рост.-Нах. С. Р. Д." № 10, от 10-го апреля.
[2] Там же.

когда, вслед за этим, некоторые отряды красноармейцев начали... несмотря на несомненное наличие провокации, разоружать милицию,[1]—в это самое время наши отряды отступали из-под Новочеркасска. Они требовали помощи, но им помощи не дали, ибо те, кто могли дать помощь, были заняты разоружением милиции...

В воскресенье утром несколько десятков человек, в том числе ряд главарей, были арестованы; остальные, побросав оружие, разбежались".[2] Эта операция была проделана рабочими, которые представляли главную силу, боровшуюся с бандами. Воззвание заканчивалось призывом: „В момент опасности нельзя оставаться у станков. Все, имеющие оружие, берите его в руки и приходите в Совет. Все способные владеть оружием, все признающие и боровшиеся за власть Советов, приходите с оружием".

И ростовский пролетариат, уничтожая эту внутреннюю язву, боролся с казачьей контр-революцией и одновременно стремился наладить Советское строительство.

Моментом, осложнявшим творческую работу, было предательское поведение ростовских меньшевиков и эсеров, занявших резкую позицию по отношению к деятельности Советов. В результате выборов в Городской Совет во второй половине марта прошла очень значительная группа от соглашательских партий, которая 26-го марта демонстративно ушла с первого же заседания. Этот факт свидетельствовал не только о контр-революционности позиций этих мелко-буржуазных демократов, но и к сожалению о том, что они чувстсвовали за собой определенные слои ростовского пролетариата, еще не освободившегося из плена демократических иллюзий. Этот момент констатировал и Турло, докладчик по вопросу об уходе меньшевиков и эсеров из Совета, на заседании 28-го марта: „Сожалеть нам об их уходе на заседании не приходится. Скатертью им дорога. Нам нужно сожалеть лишь о том, что многие наши товарищи - рабочие идут за Гурвичами, Васильевыми, Петренковыми и им подобными лицами. Долг наш разъяснить нашим т.т. рабочим пагубность их поведения и занятой ими позиции. Я уверен, что они перейдут в наш лагерь, но сделают они это не после наших красивых слов, а после того, как увидят нашу плодотворную работу... Время слов прошло, нужно немедленно, решительно и энергично приступить к делу. В Совете нет места саботажникам и соглашателям". На этом же заседании была оглашена декларация Исполкома об очистке Совета от соглашательских элементов, в которой был и такой пункт: „В интересах устранения буржуазного влияния на Советскую власть устраняется из Совета всякое непролетарское представительство. Все учреждения мелко-

[1] Анархисты в своей газете действительно писали специальные статьи, натравлявшие массы на милицию: „Как бы ни сортировали, очищали, какие-бы рекомендации и преграды не ставились для поступления в милицию, она всегда будет контр-революционна... Пора уничтожить этот остаток кереншины... Пора. .Такой призыв бросала в массы ростовская газ. „Вольная Коммуна", орган группы И. В. К. анархистов № 1, от 22 апреля 1918 года.

[2] „Известия" № 15, от 16 апреля 1918 г.

буржуазного, полу-буржуазного характера лишаются права на представительство в Совете Рабочих Депутатов“.[1] В той же газете, где был помещен отчет от этом заседании Совета, был опубликован „Декрет № 1“, следующего содержания:

> 1) Всякое выступление против Советской власти и против Совета Рабочих Депутатов объявляется контр-революционным...
>
> 3) Партии меньшевиков и социал-революционеров (правые и центр), все время выступавшие и выступающие против Советской власти, считаются контрреволюционными“.[2]

Таким образом, соглашательские партии уже в конце марта перешли в лагерь контр-революции и большевики взяли твердый курс на установление жесткого пролетарского режима. Но в условиях наводнения города разложившимися элементами, безработицы, продовольственных затруднений и, наконец, близости к Ростову очагов казачьей контр-революции, меньшевики не сходили с арены активной политической борьбы, имея связь с отсталыми слоями рабочих и все время вставляя „палки в колеса“ большевикам. Такая относительная живучесть соглашателей свидетельствовала о затяжке на Дону революционного процесса. Несколько меньшевиков даже попали на Областной Съезд Советов, где внесли свой проект резолюции, в которой они хотели дискредитировать мирную политику большевиков по отношению к немцам. Но все же во всей этой трудной обстановке Ростовский Совет пытался проводить ряд мероприятий в области социально-экономической политики, которые бы укрепляли диктатуру пролетариата и роль Ростова, как руководящего рабочего центра. Главное внимание было обращено на работу Совнархоза и Продовольственного отдела, так как экономическое положение национализированных и взятых под рабочий контроль предприятий ухудшилось, безработица росла и надвигались продовольственные затруднения, вследствие беспрерывной борьбы с контр-революцией и развернувшейся спекуляции хлебом. Нужно констатировать, что в этой обстановке работа по организации руководства экономической жизнью, по созданию планомерного снабжения продовольствием и проч. не могла дать больших результатов. А немец с запада продвигался все ближе, и мысль партийных и советских руководителей пошла по линии разработки особых чрезвычайных мер, которые бы создали перелом в строительстве и в то же время способствовали бы реализации основной задачи, которая ставилась при объявлении Дона Советской Республикой. Нужно превратить Ростов в вооруженную крепость, в которой все бы было подчинено единой цели. Некоторые шаги в этом направлении были сделаны созданием 16-го апреля „Чрезвычайного Штаба“ в составе: Подтелкова, Сырцова, Кривошлыкова, Орджоникидзе, Степанова и Дорошева, которому ЦИК'ом была передана вся полнота власти в Донской Республике „для

---

[1] „Известия“ Р. К. С. Р. Д. № 1, от 30-го марта.
[2] Там же.

подавления контр-революции, восстановления революционного порядка и укрепления Советской власти".

Штаб немедленно ввел военное положение в городе и стал проводить решительные меры по ликвидации бандитизма. 16-го апреля был назначен временный чрезвычайный комендант Ростова (тов. Васильченко), что шло по линии развертывания особых решительных мер. Эти мероприятия подвели мысль партийных работников к необходимости создать какую-то цельную систему организации общественной работы, соц.-эконом. строительства, которая бы всколыхнула пролетарские массы, втянула их в строительство и обеспечила их поддержку всем мероприятиям по обороне Республики. Было выдвинуто предложение по примеру Ленинграда объявить Ростов трудовой коммуной. 23-го апреля этот вопрос был поставлен на обсуждение расширенного заседания Городского Совета, совместно с фабрично-заводскими Комитетами и партийными организациями б-ков и лев. эсеров.

Докладчик Васильченко дал такую характеристику задач, которые должна будет осуществить коммуна: „Все то, что имеется в данное время в складах, магазинах, все то, что принадлежит каким-то Ивановым и пр., чего трудящийся не может иметь благодаря неимению средств и пользуется им буржуй, должно принадлежать всем жителям г. г. Ростова и Нахичевани. Мы должны устроить общественные полезные работы и привлекать буржуазию к работе... Справедливость распределения продуктов даст возможность продержаться до осени, а осень даст нам свежие силы. Я, товарищи, призываю вас к коммуне".

Эти мотивы — равномерное распределение продуктов, трудовая повинность и организация общественных работ — красной нитью проходят через все прения по докладу, прошедшие с большим подъемом. Особенно выпукло и ярко настроение заседания сформулировал т. Турло: „Мы приступили к оплате того векселя, который мы давали массам в течение года. Мы обещали им свободу, равенство и братство, и для того, чтобы они видели, что Соввласть дает ему то, что он ждал от нее, мы должны объявить коммуну. Мы не говорим, что у нас будет рай, но каждый будет знать, что все одинаковы, что нет сытых или голодных, а что все или сыты, или голодны".

Итог доклада и прений был сформулирован в резолюции, провозглашавшей Ростов и Нахичевань трудовой коммуной и принятой при незначительном числе воздержавшихся.

Мы ее приведем целиком, т. к. она дает подробную характеристику той программы мероприятий, которую коммуна по замыслам ее инициаторов должна была провести.[1]

„Народное хозяйство России было унаследовано трудовыми и эксплоатируемыми массами после октябрьских дней в состоянии такого разорения,

---

[1] „Рабочая Правда", орган Рост.-Нахич. Комитета РКП(б), № 19 от 25-го апреля 1918 г.

что на восстановление его потребуется более или менее продолжительный промежуток времени,—прежде чем трудовые и эксплоатируемые массы населения почувствуют благо социального равенства.

Наоборот, контр-революционная попытка вооруженного разгрома Советской власти, предательство украинской буржуазной Рады, отдавшей богатства южных Республик на расхищение германцам, полугодовой саботаж деятельности Советской власти контр-революционными элементами, все это, при условии незакончившейся еще ликвидации старых капиталистических отношений, должно было внести некоторое ухудшение в положение отдельных рабочих групп и демобилизованных солдат.

Это мы наблюдаем в увеличении количества безработных, в возрастающем недостатке продуктов первой необходимости, в ухудшающемся состоянии транспорта.

Во избежание того, чтобы это ухудшение не отразилось самым тяжелым образом на наиболее нуждающихся слоях населения, в интересах наиболее справедливого распределения всех продуктов первой необходимости, а также в целях рационального использования живых и механических производительных сил, Ростово-Нахичеванский Совет рабочих депутатов объявляет г. г. Ростов и Нахичевань Трудовой Коммуной.

Совет вручает Исп. Ком. Совета полное право распоряжения всеми предметами потребления, кому бы они ни принадлежали, за исключением Советских учреждений.

Совет поручает Комитету организацию общественных работ, привлечение к производительному и обще-полезному труду тунеядцев, декретирует самое широкое право организации жизни на общественных началах, ставит в обязанность создание дешевых питательных пунктов.

Все рабочие организации призываются к содействию Исп. Комитету Коммуны и выполнению его требований.

К этой резолюции со стороны представителей кооперативных потребительских лавок была внесена поправка о том, чтобы кооперативные учреждения не включались в коммуну.

Большинством голосов поправка была отклонена.

Итак, по выражению передовицы „Рабочей Правды“, коммуна была „прокламирована“. Был дан основной лозунг, выполнение которого, казалось, приведет к общему подъему масс и даст возможность превратить Ростов в пролетарскую крепость, которая „не замарает Красное знамя, гордо витающее сейчас над Ростовом и Нахичеванью“.[1] Комендант города Васильченко приступил к реализации идей коммуны. Нужно заставить буржуазию работать на оборону путем рытья окопов, одеть армию за счет ее, организовать общественное питание и т. д. и т. д. Был издан приказ коменданта об организации трудовой повинности для всего населения и в том числе буржуазии, позже было отпущено 3 млн. руб.[2] на организацию общественных работ и т. д. Словом, план был намечен, декретирован, но действительность оказалась неподготовленной к нему. Слишком трудны были условия для выполнения такой чрезвычайно сложной централизованной системы организации всего процесса производства и распределения, требовалась большая слаженность и четкость работы всего аппарата Советов и партийных организаций, большие материальные средства, чтобы охватить „все“.

---

[1] Там же. Из передовицы.

[2] Постановление И. К. С. Р. Д. Рост.-Нах. Ком. „Рабочая Правда“, № 22, от 28-го апреля.

А как раз этого всего не было и план оказался неосуществимым. В газете „Известия“ от 1-го мая помещен отчет о партийном собрании большевиков, на котором тов. Васильченко делал доклад о привлечении буржуазии к общественным работам. В своем докладе комендант города,—автор приказа № 4 о всеобщей трудовой повинности—жаловался, что редактор „Известий“ Равикович задержал этот приказ и не напечатал его в газете, „и предложил партийному собранию призвать тов. Равиковича к порядку и поручить ему этот приказ напечатать“. Большинство выступавших признало поступок Равиковича правильным, а приказ Васильченко „несвоевременным и неотвечающим постановлениям Исполнительного Комитета“. За предложение, одобривавшее приказ, голосовало 31, против 29 и 19 воздержалось.[1] Прошло предложение, поручавшее И. К. разработку нового плана проведения всеобщей трудовой повинности. Таким образом, по линии соц.-экономических мероприятий деятельность коммуны на первых шагах не увенчалась успехом. А „второй шаг“ ей не был дан историей, ибо германский империализм к концу апреля, уже захватив Донбасс, стучался в двери Ростова.

Посмотрим, дал ли толчок к оживлению работы по организации обороны акт провозглашения коммуны.

На заседании Совета, на котором была объявлена коммуна, Сырцов сделал следующее сообщение о военном положении Донской Республики: „Только что мы одержали победу над контр-революцией в Новочеркасске. Это возможно было сделать только оттого, что обстоятельства особенно нам благоприятствовали... У противника не было большой реальной силы, не было руководителей, т. к. офицерство бежало за 8 ч. до сдачи Новочеркасска.

Но при всем этом мы не могли действовать с легкостью только потому, что наши войска не на высоте своего положения. Надежные были части, составленные из рабочих Александро-Грушевска...“[2]

Как видим, состояние Красных войск признавалось неважным. Если они, конечно, могли бы справиться с одной внутренней казачьей контр-революцией, несмотря на элементы разложения, потому что соотношение и классовых и военных сил в Республике к концу апреля было на стороне Советов, то выдержать удары регулярной Германской армии они, конечно, были не в силах.

А между тем находились рыцари „революционной войны“ не только у лев. эсеров, которым так сказать по штату полагался „революционный авантюризм“, а и среди ростовских большевиков. Вспомните декларацию группы коммунистов, осуждавших резолюцию, принятую Областным съездом по вопросу о мире. На этой позиции продолжали оставаться эти товарищи и к концу апреля.

Передовица „Донских Известий“ официального органа ЦИК'а Республики от 25-го апреля гласила: „страусовая политика всегда

---

[1] „Известия Р.-Н. С. Р. Д.“ № 28, от 1 го мая 1918 г.

[2] „Донские Известия“, орган ЦИК'а С. Р., Каз. и Кр. Д. Дон. Респ. № 24, от 25-го апреля 1918 г.

давала в конечном итоге чреватые результаты. В нынешний момент, момент критической агонии революции, методы витиеватой страусовой политики совершенно недопустимы... Перед непосредственной опасностью, которая грозит смести все и вся, преступно говорить о „передышке“. Усталость, утомленность отсталой огромной земледельческой России сделала уже свое дело, заставив пролетарскую линию поведения производить весьма рискованные изгибы. В момент смертельной опасности рабочий класс и все идущие с ним должны выпрямить пролетарский путь русской революции... надо пробудить „святую“ тревогу у революционного Дона, заставить его содрогнуться и действенно напрячь свои революционные силы для отстранения наступающей реакции...“[1]

Эта „пламенная“ статья была украшена сверху лозунгом через всю первую страницу — „организуйте немедленно боевые отряды Красной социалистической партизанской армии. Создавайте повстанческие комитеты“, — а сбоку имела „соседом“ подробнейшую „Краткую инструкцию местным повстанческим комитетам“ от Ц. П. К., в которой давались довольно детальные указания о методах ведения партизанской войны. Для цельности „стиля“ газеты на третьей странице был помещен довольно подробный отчет о речи Камкова на Всероссийском съезде партии лев. эсеров, в которой имелись такие перлы — „В рядах пролетариата началась дезорганизация. Отсюда глубокий маразм в самой Советской власти... Наша задача, как партии, предупредить этот процесс разложения Советов, совершив перегруппировку сил на местах привлечением крестьянства, действительного политического фактора“... Если вы сравните речь Камкова с основным тезисом „философии“ передовицы, то установите между ними „сродство душ“ — только там „рабочий класс должен выпрямить пролетарский путь русской революции“, а здесь — „привлечение крестьянства, действительного политического фактора“.

Как видим, декларация по поводу съездовской резолюции группы большевиков увенчалась практическими шагами по призыву к „партизанской войне“ в момент объявления Ростовской Трудовой Коммуны, причем трибуной для этой лево-коммунистической фракционной агитации стал служить орган ЦИК'а Республики.

Итак, угроза немецкого нашествия активизировала работу лев. эсеров, в идейном союзе с которыми выступили и некоторые б-ки. Коммуна должна была организовать революционную оборону. Но „повстанческие отряды“ таганрогских крестьян, которые первыми столкнулись с немцами, не проявили большой активности в обороне, регулярные войска их легко отбрасывали, и 1-го мая немцы вошли в Таганрог. Было ясно, что не допустить этого вооруженного до зубов врага, даже и представленного небольшими силами, не удастся, ибо внешняя война, за окончание которой бились крестьяне и трудовые казаки в Октябре, в данный момент даже под

[1] Там же.

революционными лозунгами не могла поднять массы, стать популярной.

Но Чрезвычайный Штаб Обороны развивал деятельность по организации отпора немцам. 3-го апреля была объявлена всеобщая мобилизация и на периферию Донской Респубкики был разослан следующий приказ:

„В виду вторжения гайдамацко-немецких банд в пределы Донской Республики, Центральный Исполнительный Комитет объявляет мобилизацию 1914, 15, 16 и 17 г. г. переписи казаков и крестьян тех же годов призыва.

Призыв 1918 г. требуется для обучения строевому делу.

О времени явки призываемых на сборные пункты и о дальнейшем порядке мобилизации будет оповещено дополнительно.

За пред. ЦИК М. Ермилов“.[1]

Этот приказ остался на бумаге, как исторический документ, свидетельствующий о серьезных намерениях драться с немцами верховного органа Дона, разбившихся о действительность. Мобилизация, конечно, не прошла. Но для ее проведения в северных округах— Хоперском и Усть-Медведицком — была создана специальная комиссия под председательством Подтелкова, в составе членов казаков, которая с сотней 30-го апреля выехала в экспедицию на Север, откуда обратно не вернулась.

Экспедиции пришлось с колоссальным трудом пробираться в намеченные районы. В Лихой отряды шахтеров предлагали ей соединиться, но Подтелков на это не пошел, считая, что одним казакам легче будет выполнить задачу, т. к. в станицах к красногвардейцам относились не особенно дружелюбно, тем паче, что как-раз линия Лихая — Царицын была заполнена отступавшими с Украины отрядами, многие из которых вели себя очень бестактно по отношению к казачеству. Двинувшаяся от жел. дор. походным порядком экспедиция потеряла связь с советскими частями и Ростовом и прибыла в Усть-Медв. округ уже после занятия Ростова немцами. В этих далеких степях ее стали преследовать восставшие казаки, бывшая при ней сотня разлагалась, и 9-го мая вся комиссия была взята в плен и расстреляна, а Подтелков и Кривошлыков повешены. Так погибли два казака, сыгравшие большую роль в революции на Дону. Они являлись наиболее яркими представителями той части красного казачества, которая до конца пошла с революцией. Правда, они были не б-ками, а лев. эсерами, здесь сказались социальные корни их революционности, но факт героического поведения Подтелкова и Кривошлыкова перед смертью в обстановке „казачьего окружения“ дает нам основание думать, что они имели данные к тому, чтобы перерасти в большевиков.

После взятия Таганрога, захват немцами Ростова по существу зависел не от хода военных действий, а от „доброго желания кайзера“. Коммуна доживала последние дни. Празднование 1-го мая

[1] „Известия С. Р. Д. Рост.-Нах. Тр. Ком.“ № 28, от 1-го мая 1918 года.

под шум германских самолетов, круживших над городом, в обстановке уже начавшейся эвакуации города, было ознаменовано приказом о снижении цен на продовольственные товары — заключительным аккордом деятельности коммуны и подготовкой посылки к немцам делегации для переговоров. 4-го мая в экстренном выпуске „Донских Известий" сообщалось, что 2-го вечером немцы заняли Морскую, и их передовые разъезды находятся в 10 верстах от Ростова; дальше шло сообщение о мирных переговорах, которые в Таганроге вела с немецким командованием посланная 2-го мая делегация из Пред. ЦИК'а т. Ковалева и Чрезвычайного Комиссара Юга России т. Орджоникидзе:... „На вопрос, чем объяснить появление германских войск на территории Донской Республики, входящей в состав Р. С. Ф. С. Р., которая заключила Брест-Литовский мир с Германией, германский генерал ответил, что Украинское правительство пригласило их на помощь, восстановить границы Украинской Республики. Как же определяются эти границы—ему неизвестно. Он имеет приказ занять Ростов, как пункт важный в стратегическом отношении... Занимать Ростов они не торопятся".[1] Наконец, давалась сводка о выступлениях белогвардейцев в Ростове ночью с 2-го на 3-е, выразившихся в нападениях на почту, на помещение водного транспорта и в захвате на Дону катеров „Фанагория" и „Киев". Словом, сухие сообщения в этом номере воспроизводят перед нами картину тогдашнего состояния Ростова, бывшего в нервном ожидании чего-то большего, переворачивающего все, что трудно уже предотвратить.

Как всегда бывало в крупных центрах накануне ухода из них Красных, обыватели ждали прибытия новой власти, явно выражая свое нетерпение, что так долго подходит этот радостный миг, а „обыватели в политике", соглашательские партии активно выступали среди рабочих, убеждая их не уходить и не дать эвакуировать из города имущество и пр.

Первой ласточкой, „сделавшей весну", явился белогвардейский отряд Дроздовского, прибывший вместе с немцами на Дон с Украины и сделавший первую попытку взять Ростов 4-го мая, которая была отбита. В упорном бою участвовали и рабочие Темерника. Но этот налет означал, что коммуне нужно считать оставшееся время своего существования не днями, а уже часами. Окончательный захват Дроздовским города 5-го, когда часть его была уже занята отрядом белых, был предотвращен нахлынувшей в Ростов со стороны Новочеркасска Красной Гвардией, отступавшей на юг от немцев из Шахтинского района. Дроздовский должен был отступить с большими потерями в район Чалтырь. Главной ареной последних боев Советских войск с казачьей контр-революцией являлся Новочеркасск. После неудач под Александро-Грушевском части ген. Попова, в лице „южной группы" ген. Денисова, решили взять Новочеркасск, что и удалось им в результате внезапной

---

[1] „Донские Известия". Экстрен. угрен. выпуск, № 29 от 4-го мая.

атаки ночью на 6-е мая—к шести часам утра город уже снова оказался в руках белых. Но генерал Денисов, истреблявший в Новочеркасске „лиц, уличенных в сотрудничестве с большевиками... без всякого милосердия“ и наведший здесь дикий террор, не мог быть спокоен. Его казачьи полки, несмотря на победу, не были стойкими частями и наступавшие с севера Александро-Грушевские шахтеры уже создали угрозу свести на-нет последнюю победу казаков. Бесспорно, если бы Денисов был предоставлен собственной судьбе, то единоборство Красной рабочей гвардии с казачьими контр-революционными частями закончилось бы разгромом последних. Когда шахтеры уже ворвались в предместье Новочеркасска Хотунок, вдруг неожиданно с юга загремели „могучие батареи“ и появились броневики каких-то новых контр-революционных частей, подошедших к городу на помощь Денисову. Этой силой, которая спасла казаков, был тот же отряд Дроздовского. Его прибытие решило дело. Именно Александро-Грушевские рабочие были теми красными частями, которые наиболее геройски сражались с белыми в последние дни перед приходом немцев в столицу Красного Дона. Из всего хода предыдущей борьбы является бесспорным тот вывод, что одной „армии Попова“ не удалось бы нанести решительный удар Донской Республике. Ее самая крепкая часть—денисовская группа—была бы разбита пролетарскими баталионами Александро-Грушевского района, которые не только не допустили казаков к себе, но и уже начали вибивать их из Новочеркасска. Натиск шахтерской Красной Гвардии был отражен только благодаря помощи отряда Дроздовского. Ростов пал 8-го мая при первом же наступлении немецких войск, с которыми вместе вошли в город „дроздовцы“ и казачий отряд, направленный со стороны Новочеркасска Денисовым.

Таким образом, ключ к Кавказу, самый мощный пролетарский центр всего края, был оставлен Красными под натиском трех составных частей анти-большевистского движения Всероссийской помещичье-буржуазной контр-революции, представленной отрядом Дроздовского, поместно-казачьей контр-революции и иностранным империализмом в лице Германской оккупационной армии.

С этим соединенным в один кулак конгломератом сил, Донская Республика оказалась бессильна бороться.

11-го мая был занят и Александро-Грушевск, и шахтеры кровью тысяч рабочих должны были расплатиться с белогвардейским казачеством за свою беззаветную борьбу с ними под знаменем Советов. Пожалуй, наиболее свирепая расправа с ненавистными „красными“ была проделана озверевшим офицерством, сумевшим ее развернуть под прикрытием германских штыков, именно на шахтах. Здесь оно осуществляло свою кровавую классовую месть рабочему классу, осмелившемуся взять власть в свои руки. Рабочие не только расстреливались пачками, но и погибали партиями под землей в рудниках и шахтах, где их запирали и душили белогвардейцы.

11-го же мая в Новочеркасске открылся „Войсковой Круг Спасения Дона", который выбрал атаманом Донского казачества генерала Краснова. Началась красновщина...

При помощи германского капитала и блестящей мантии кайзера Вильгельма, хотел образовать самостоятельное Донское Государство монархист Краснов. Силами англо-французского капитала восстанавливал „единую неделимую Россию" другой монархист, генерал Деникин, и когда обессиливший капитализм Согласия пал разбитый к ногам капитализма Антанты, фатоватый Дон Краснова легко был брошен под сапог водителя Всероссийской контр-революции Деникина, объединившего под одним руководством все силы контр-революции на юге России.

Весной 1918 г. погибла окруженная со всех сторон врагами Донская С. С. Р., открыв этим первую страницу длительного господства белых на юге России. Почти через два года в великих исторических битвах Советы разгромили деникинщину и сбросили остатки ее сил в Черное море.

КУБАНСКАЯ С. С. Р.

ДЕЯТЕЛИ И ВОЖДИ ВСЕРОССИЙСКОЙ КОНТР-РЕВОЛЮЦИИ.

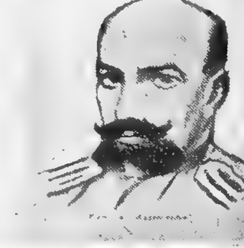

Боровский.

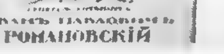
Эрдели.

Кутепов.

КУБАНЬ НАКАНУНЕ И ВО ВРЕМЯ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Социально-экономическое положение области до войны. Падение хозяйства бедноты в войну. Февраль на Кубани. Бессословный съезд делегатов области. Гражданские и земельные комитеты. Комиссар Бардиж. Аграрный вопрос в области. Первые выступления контр-революции. Вторая сессия Областного Совета и выход казаков из Исполкома. Краевая Рада. Юго-Восточный Союз Казачьих Войск. Областной съезд делегатов иногороднего населения. Борьба за Октябрь. Роль мелкобуржуазных партий в борьбе за Октябрь на Кубани. 3-й съезд делегатов иногороднего населения. Места за Советскую власть и против контр-революционной политики верхов казачества. Паритетное и последнее буржуазное предоктябрьское правительство на Кубани. Настроения мест. Первые бои.

Общая характеристика исторических условий, обусловивших особенности социального развития Дона, которую мы дали в начале работы, в основном и решающем приложима и ко второй казачьей области теперешнего Северо-Кавказского Края, бывшей Кубанской области. Так же, как и на Дону, здесь имелись те же сложные, сословно-национальные отношения, которые, сочетаясь с классовым переплетом сил, дали своеобразную картину развития пролетарской революции.

Но при основном совпадении Кубань имела по сравнению с Доном, и ряд особенностей, которые внесли специфические нюансы, сильнее и рельефнее выпятили некоторые моменты, которые на Дону были представлены менее ярко. И хотя эти различия не качественного, а скорее количественного порядка, но именно под этим углом зрения нам удобнее будет приступить к социально-экономической характеристике Кубани накануне войны 1914 г.[1]

[1] По пространству занимаемой площади, Кубань была меньше Донской области—там 165 тыс. километров, а здесь 90 тыс. километров; по проценту годной земли для обработки Дон давал 89%, а Кубань 80%, но зато климатические условия и почва на Кубани гораздо благоприятней, что и являлось одной из причин большего богатства Кубани по сравнению с Доном. Так, сбор в пудах с десятины в среднем за период 1906—1915 г. г. был:

	Оз. ржи.	Оз. пшен.	Яр. пшен.	Овса.	Ячменя.
В Донской области . .	35	41	36	42	44
В Куб.-Черн. обл. . . .	59	59	54	60	63

По переписи 1916 г. числилось следующее количество животных в тысячах голов:

	Лош.	Круп. рог. скота.	Овец.	Свиней.
Донская область	522	1405	1700	465
Кубанская область	984	1497	2215	938

На 100 душ населения приходилось голов:

	Лошадей.	Крупн. рог. скота.	Мелк. скота.
Донская область	22	58	66
Кубанская область	31	44	81

Прежде всего, на Кубани имелось несколько иное цифровое соотношение основных групп населения — казачества и иногородних. Именно процент иногородних здесь был больше—из 2.984.500 чел. на казаков падало 44%, а на иногородних 53%, а между тем, по количеству посевной площади, иногородние здесь были больше „ущемлены“—по данным на 1914 г. казаки имели 60%, а иногородние 27% (остальные 13% падали на горцев, о которых будет речь ниже); если взять за тот же год цифры: а) о среднем пае земли на одну душу, то у казаков было 11 гект., а у иногородних $1^{1}/_{2}$ гектар., и у горцев 3 гектар.; б) о количестве скота на одно хозяйство—у казаков 21 гол., у иногородних 7 гол., и в) о количестве земледельческих орудий на 100 гектар. посева—у казаков 23, у иногородних—15 (соотношение более благоприятное, свидетельствующее о наличии среди иногородних крепкой, зажиточной группы).

Затем, важно указать на несколько иное территориальное размещение иногородних по отношению к казачеству. В то время как на Дону имелось целых два округа, почти сплошь крестьянских (Таганрогский и Ростовский), где казаки были представлены в незначительном проценте, 1 и 6%,—следовательно,здесь была налицо некоторая территориальная обособленность большого количества иногородних,—на Кубани последние были разбросаны по всей области и везде непосредственно соприкасались с казачеством и его землями. Указанное нами отличие несомненно усиливало сословную рознь на Кубани, где с одной стороны казачество, сохранившее до войны те же привилегии, что и донское, более резко выявляло свою неприязнь к пришлому населению, а с другой стороны—количественно более мощное иногороднее население сильнее „напирало“ и ярче выявляло свои „одинаковые“ права.[1]

Но, кроме болезненных сословных взаимоотношений, социальные противоречия на Кубани усиливались и благодаря наличию большой классовой диференциации в станице и на селе по сравнению с Доном. Ведь не даром Кубань называлась „житницей России“. Ее плодороднейшая почва давала знаменитую Кубанскую пшеницу, бывшую предметом вывоза и в центр России, и, главным образом, за границу. В 1914 г. средний урожай с десятины был 0,9 тонн, а в отдельных местах он доходил до 1,6—1,9—2,4 тонн.

По количеству населения Кубань имела в 1914 г. 2.984.500 чел., а Дон, 3.879.000 (цифры взяты из „Статистического справочника ю.-в. России,“ вып. 2-ой. Ростов-Дон, 1923 г.).

[1] Ведь это на Кубани член законодательной Рады Толкунов в октябре 1918 г. предлагал на официальном заседании Рады уничтожить всех иногородних. Там же, председатель Кубанского Правительства Быч внес предложение—выселить из Кубани всех иногородних, а тов. председателя Рябцев тогда же откровенно заявил: „Борьба с иногородними входила в одну из задач законодательной Рады“ (Г. Покровский „Деникинщина“. Издание Гржебина. Берлин. 1923 г. Стр. 43—44). Такие кровавые предложения верхушки кубанского казачества были возможны именно потому, что на Кубани больше, чем в какой бы то ни было другой казачей области, еще до революции была сильна сословная рознь.

В XX веке сельское хозяйство на Кубани развивалось чрезвычайно бурно, особенно благодаря огромному устремлению в область иностранного капитала, монополизировавшего рынок с.-х. машин, расходившихся здесь ежегодно тысячами. Капитализация с. х. форсировала также рост железных дорог, по которым хлеб выкачивался в центр и порты Черного моря.

Рассмотрим классовую группировку внутри казачества и иногородних.

Так же, как и по Дону, точных данных, характеризующих степень классовой диференциации кубанского казачества перед войной 1914 г., нет. Некоторыми показателями степени этого расслоения могут служить цифры распределения обрабатываемой земли между отдельными хозяйствами разных групп казачества. Так, казачье кулачество, имевшее от 16,4 и до 54,6—65,6 гект., составляло 10—15%; середняцкое казачество, обрабатывающее от 5 до 16,4 гектар., 60—65%; маломощное казачество, имевшее посева от 2 до 5 гектар., 8—15%, и, наконец, беднота, почти не имевшая посева, 5—10%. Эти данные, свидетельствуя о наличии довольно сильных флангов, показывают все-таки середнячество центральной фигурой, т. е. ту группу казачества, которая бесспорно не имела большого основания расставаться со всеми своими сословными преимуществами и поэтому могла пойти на блок с казачьей буржуазией против революционного перераспределения земельной собственности.

Иногороднее население делилось на следующие 3 группы: а) коренные крестьяне, из которых многие были „вечняки"—это группа хозяйственных, крепко сидевших на земле, иногородних составляла 23,4%, б) оседлая, менее экономически крепкая, чем „коренники", занимавшаяся кроме земледелия и промыслом—45,4%, и, наконец, в) неимевшие оседлости иногородние—безземельные, батрачившие у казаков и коренных—31,2%.

Как видим, процентное соотношение в этих группах свидетельствует о преобладании среди иногородних малоземельных и безземельных элементов, которые были в угнетенном состоянии и представляли собой несомненно революционный материал.

В соединении с казачьей беднотой эти крестьяне являлись почти половиной всего населения Кубани и действительно были основной „левой" силой, жаждавшей разорвать сословные привилегии с одной стороны и, что особенно важно, перевести борьбу на классовые рельсы с другой.

Если теперь мы посмотрим на кадр основной революционной силы, которая призвана была руководить этим морем казачье-крестьянской стихии, раздиравшимся таким сложным переплетом противоречий, то вынуждены будем констатировать большую слабость и малочисленность пролетарского ядра.

Дон в этом отношении стоял неизмеримо выше. Там были: Ростов, Таганрог и Шахтинский район, имевший всероссийское значение, здесь—Краснодар, Армавир, Тихорецкая, Майкоп с незначительно

развитой промышленностью, главным образом местного значения (Новороссийск относился к самостоятельной Черноморской губернии). Точных данных о количестве пролетариата перед войной на Кубани нет. Некоторые исследователи насчитывают его около 11 тысяч, мы же считаем эту цифру преуменьшенной, ибо все-таки в заведениях промышленности, обрабатывающей продукты местного сельского хозяйства (мельницы, маслобойни, сыроварни, колбасные, пивные заводы и проч.), насчитывавшихся до 160, было занято около 12 тыс.[1] Примерно, вместе с Тихорецкими мастерскими, Майкопским нефтяным районом, Армавирским чугунно-литейным заводом и проч., можно считать рабочих по всей Кубани 30—40 тыс., но и это мизерная цифра—на Дону только один Ростов имел до 40 тыс. рабочих. Следовательно, здесь должно быть отмечено отличие кубанских условий от донских. Если мы по отношению к Дону указывали, что промышленность и пролетариат представляли там как бы острова среди казачье-крестьянского моря, то о Кубани можно сказать, что рабочий класс был разбросан по всей области небольшими крапинками. К тому же состав и революционное прошлое кубанского пролетариата в целом были качественно несомненно ниже— ростовские пролетарии и донецкие шахтеры стояли выше по революционной закалке и больше „выварились в фабрично-заводском котле“. Но при всем этом следует отметить одну черту, которая сыграла и свою положительную роль в будущих классовых боях—это несомненная тесная связь пролетариев Кубани с беднотой станиц и сел, из которых они вышли. Вместе с нею, во главе ее, местный рабочий в Октябрьские дни активно выступил и сделал все, что мог, для победы пролетарской революции.

В отношении верхов казачества и буржуазии необходимо кратко указать следующее: кубанское дворянство было слабее донского, где имелось больше исторических традиций, более мощный слой чиновничества, но зато в союзе с ним более активно вела себя местная буржуазия и особенно буржуазная интеллигенция, которые росли здесь, на базе мощного местного кулачества.

К группе „инородцев“, живших на Кубани, должны быть отнесены горцы—черкесы, карачаевцы и ногайцы, являвшиеся коренными жителями Края, вытесненными из богатых долин и пастбищ

---

[1] Количество рабочих в г. Екатеринодаре в 1916 г. по данным лечебной кассы (воспом. т. Лиманского С. К.)—было:

Кубаноль завод	2800	Кожевенные заводы	700
Саломас завод	3200	Макаронные фабрики	200
Буковского	2500	Коммунальники	2000
Фотиади обувная фабрика	2000	Пароходство и др.	500
Штенгеля маслобойный завод	800	Кустари	1000
Кункеля стекольный завод	500	Полиграф.	800
Пивоварен. зав.	1000	Приказчики и просвещ.	3500
Консервные фаб.	500		24.500
Кирпичные заводы	1500		

По Кубанской области было до 40-45 тыс. человек.

в горы русскими войсками и казаками, в эпоху колонизации области. Если „степные народы“ Дона, калмыки, как социальная, политическая сила в период революции сыграла под действием своих феодалов контр-революционную роль, то горцы Кубани заняли иное положение. Экономика горцев была богаче и многообразнее экономики степных народов, вследствие чего внутренняя классовая дифференциация была здесь сложнее. Правда, она еще не четка, по сравнению с русским населением, ну уже есть, несмотря на могущественные адаты и оковы религии.

В массе степные народы не вышли из состояния патриархально-родового строя и являлись скотоводами, а горцы, занимаясь скотоводством, с каждым годом все больше переходили на земледелие.

Понятно, что роль классовых групп среди горцев социальной революции была разной, хотя остроту классовых интересов временами основательно стирали элементы национальные, религиозные и т. д. Далеко большее экономическое и идеологическое закабаление горцев своей буржуазией и духовенством, по сравнению с русскими, не могло не отразиться у них на расстановке классовых сил в Октябре, неосмотря на то, что в среде горских народов были князья, у кторых находилась земля, скот и прочее. Крестьянство, делившееся на кулаков, середняков и бедняков, дало немного активных борцов, с оружием в руках ставших за Октябрь.

За революцю буржуазия гор не могла пойти по своей сущности, против нее и за бело-казачье движение итти ей не было резона, ибо все экономические выгоды на случай победы в гражданской борьбе получала не она. Генеральная позиция кубанских горцев, в целом, в Октябре была нейтральной.

Иное мы увидим у горцев Терека, но горцы Кубани, как сила революционная или контр-революционная, со счетов могут быть почти сброшены.

Империалистическая война отозвалась особенно тяжело на массе иногороднего населения и казачьей бедноты, в то время, как хозяйства кулачества и даже части середняков во время войны еще больше выросли. Недосев на Кубани за 2 года (1915—16) 240 тыс. гектаров падает на маломощные бедняцкие слои. Но, конечно, падение хозяйств иногородних, составлявших такой большой процент населения, неизбежно должно был повести за собой падение хозяйства Кубани вообще, что и доказывает статистика состояния как сельского хозяйства, так и промышленности за время войны. Вот цифры по сельскому хозяйству:

	1914 год.	1916 год.
Посев	1.500 тыс. гект.	1.200 тыс. гект.
Крупного рог. скота	1.319 тыс. шт.	1.040 тыс. шт.
Свиней на 100 душ населения .	31 шт.	14 шт.

Немногие металлические, химические и другие заводы области (Екатеринодар — Быховского, Армавир — Саломас, Металлургический—Месожникова и др.) были приспособлены к обслуживанию военных нужд страны. Основная часть промышленности — добыча

нефти—остановилась целиком; обрабатывающая промышленность, обслуживающая местные нужды, маслобойная, мукомольная и т. д. снизила также свою производительность.

В итоге, к Февральской революции социально-экономические противоречия на Кубани усилились, и земельный вопрос, как основной стержень, вокруг которого „накручивались“ сословно-классовые антагонизмы, требовал быстрого революционного разрешения.

Соотношение классовых сил к Февралю на Кубани в целом аналогично тому, которое мы давали, рассматривая Дон этого периода. Отметим только в области политического состояния такое различие, как меньшее развитие монархических настроений среди кубанской буржуазии, которая больше кадетствовала, чем донская, и еще большее влияние эсерства среди коренного и казацкого кулачества. Эсеры на Кубани из всех политических партий были наиболлее сильны и многочисленны. Их организация особенно бурно возросла после Февраля и способствовала в будущем более сильному развитию на Кубани федерализма, чем на Дону. Внутри рабочего класса, конечно, меньшевики имели гораздо больше влияния, чем слабые большевистские группки.

С февральским переворотом в центре, власть в Екатеринодаре перешла в руки Гражданского Исполнительного Комитета, составленного из цензовых элементов населения и представителей социалистических партий.

2-го марта 1917 г. состоялось первое заседание Городского Совета, в который вошли представители всех социалистических партий, и в первую очередь социалисты революционеры и меньшевики.[1] Этим партиям в Совете и принадлежит руководство (в Исполкоме из семи членов большевиков было двое). После первых же недель работы, большевики выходят из состава Исполкома, в виду несогласия с той политической линией, какую взяли меньшевики и социалисты революционеры, оставив в Совете „для связи“ двух товарищей. Главная же часть работников большевистской организации уходит в массы и разворачивает работу на заводах и фабриках Екатеринодара.

22 (9) апреля собирается бессословный съезд уполномоченных Кубанской области, созванный Гражданским Комитетом. Представительствуют делегаты от всего населения области: казачества, иногородних и горцев.

Первой мерой бессословного съезда было утверждение Гражданских Комитетов, как единственных законных органов управления. Гражданские Комитеты должны были заменить собой падающий, разрушающийся старый аппарат управления, и по идее должны

---

[1] Организация Краснодарского Совета произошла экспромтом. На 1-е марта 1917 г. была назначена лекция в Народном Университете официально по истории, а в действительности о текущем моменте. На собрании была избрана орг. комиссия по выборам в Совет из 3-х человек, в которую от большевиков вошел Власов.

были явиться революционными органами. Этого не произошло. На местах правили старые казачьи правления, а когда организовались и Гражданские Комитеты—получилось двоевластие. Революционная часть населения считала законным органом правления Гражданские комитеты, а кулачество держалось правлений.

Определенные группы казачества, точнее, казачьего дворянства и кулачества, не только выступают в оффициальных учреждениях, совещаниях и заседаниях с мнением о своеобразных казачьих интересах, но и ведут широчайшую агитацию на собравшемся съезде, вербуя сторонников в среде кулаков - иногородних, и добиваются от большинства бессословного съезда признания, что действительно в Кубанской области существуют „обособленные“ казачьи интересы, а посему необходим какой-то орган, какой бы соблюдал эти интересы. Как только бессословный съезд избрал Областной Совет, то последний тут же, выбирая Исполнительный Комитет из своей среды, выделяет и орган, который должен блюсти казачьи интересы,—Кубанскую казачью Раду. Фактически Рада организовалась явочным порядком, и съезд только санкционировал уже на деле существующий орган „казачей власти“. Нечего и говорить, что представлены в этой Раде были только кубанское казачье дворянство и казачья буржуазия. Рада из своей среды выдвинула атамана области, полковника Филимонова. Вся эта история по выделению органа, который должен блюсти „казачьи интересы“, горячо поддерживалась комиссаром Временного Правительства, крупным землевладельцем на Кубани, казаком Бардижом. В организации поместно-казачьего контр-революционного движения Бардиж играл крупнейшую роль, используя мандат комиссара Временного Правительства во всю.

Перед бессословным съездом уполномоченных Кубанской области довольно остро стал главный и основной вопрос жизни Кубанского Края—земельный вопрос.

Как мы уже указывали, на Кубани иногороднего населения было больше 50%, из которого коренного было около 25%, а 75% считалось пришлым. Последнее, почти не имея земли, ждало от бессословного съезда решительного слова по вопросу о „наделении землей всех“ за счет казачьего дворянства, буржуазии и земель казенных войсковых Управлений.

Состав же бессословного съезда был таким, что по революционному ставить вопросы он не мог. Большинство его делегатов были представителями огромного слоя кубанских середняков – и казаков и иногородних. Из среды иногороднего населения довольно большие массы его, и особенно „коренники,“ имели участки земли в „вечность“, 22 — 33 и 54 гект., вследствие чего понятно, что их делегаты, подавляя численностью делегатов от бедняцкого населения, на революционные меры пойти не могли. Съезд, заверив казаков, что на их земли иногородние не посягают, больше в аграрном вопросе ничего не сделал. Эту тактику бессословного съезда отчасти определила огромная агитация, которую развило кубанское

дворянство, указывая на то, что углубление революции несет с собой захват и раздел паевых земель.

Со дня переворота земельный вопрос страстно дебатировался на местах, на митингах, на съездах, на собраниях и, несмотря на огромную земельную нужду, на определенное настроение населения, представители бессословного съезда по земельному вопросу только и сделали, что заявили:

„С негодованием опровергаем распространение провокационных слухов о враждебных отношениях между иногородним и казачьим населением области, вызванных самовольным захватом иногородних казачьих земель"...

„Мы, делегаты иногороднего населения 7-ми отделов Кубанской Области, единогласно просим Президиум съезда довести до сведения Войсковой Рады, войсковых частей фронта. что иногороднее население области никаких притязаний к казачьим паевым землям и к казачьему войсковому имуществу предъявлять не намеревается, будучи убеждено, что Учредительное Собрание найдет возможность удовлетворить насущные нужды иногороднего населения области, не нарушая интересы трудового казачества"...

Таким образом, требования бессословного съезда по земельному вопросу было в высокой степени „мягкими", такими, которое удобно устраивало Временное Правительство с его земельной политикой.

А в это время казачья Рада твердой рукой проводит земельные законы, ограждающие интересы помещика, дворян, кулаков и земельных спекулянтов, благославляемая созданным в центре Советом казачьих войск.[1]

Уже вскоре после переворота, когда на местах земельные споры начали принимать острые формы, благодаря революционным захватам безземельным населением земель дворянских, войсковых и прочих, в Петрограде собрался съезд Союза Казачьих Войск. Казачье дворянство „12-ти казачьих войск" решило организовать руководящий центр в Петрограде с тем, чтобы с течением времени эта центральная организация забрала в свои руки фактическое управление казачьими войсками и провела борьбу с революцией.

Совет этого Союза Казачьих Войск в свое время дал казачьим правительствам следующие указания в части земельного вопроса:

„Все земли казачьего войска, леса, рыбные воды и прочие угодья со всеми недрами—историческое достояние казачества и составляют неотъемлемую, неприкосновенную собственность каждого казачьего войска.

---

[1] По земельному вопросу Рада постановила:

„Вся земля Казачьего Войска, леса, рыбные воды и прочие угодья со всеми недрами, историческое достояние казачества, составляют неотъемлемую, неприкосновенную собственность каждого казачьего войска.

Казачье войско, как самоуправляющаяся единица, владеет, пользуется и распоряжается своими землями, водами, лесами и недрами самостоятельно и независимо.

Все частновладельческие земли, выделенные из войсковой территории, а также кззанные, удельные, кабинетские. монастырские и церковные без исключения должны быть возвращены в собственность каждого данного казачьего войска на общих основаниях для всей России, которые выработает Учредительное Собрание.

Земли крестьянские остаются в распоряжении крестьян"...

Казачье войско, как самоуправляющая единица, владеет, пользуется и распоряжается своими землями, водами и лесами и недрами самостоятельно и независимо.

Все частновладельческие земли, выделенные из войсковой территории, а также казенные, удельные, кабинетские, монастырские и церковные, без исключения должны быть возвращены в собственность каждого данного казачьего войска на общих основаниях для всей России, которые вырабатывает Учредительное Собрание".[1]

Со стороны Совета Союза Казачьих Войск это была директива казачьим руководителям всех войск по земельному вопросу и мы видим, что казачье правительство на местах от положений, высказанных Советом, почти не отступают.

Июльское выступление большевиков в центре не только вызывает злобу казачьих, дворянско-буржуазных верхов, но и заставляет их вести новую, еще более жесткую, политику, в отношении всех поползновений на „права казачьи".[2]

15 (2)-го Июля 1917 года собирается сессия Областного Совета, выделенного бессословным съездом. На этой сессии членов Областного Совета казаков было больше, чем иногородних. Контр-революция решила использовать этот факт для проведения в жизнь новых реакционных шагов.

17 (4)-го Июля 1917 года комиссар Временного Правительства Бардиж приказом объявляет, что „так называемый Областной Исполнительный Комитет отныне не существует". Властью на местах считаются казачьи правления, которым предлагается немедля возобновить работу.

Казачья часть Совета, заявив, что она выходит из состава его и Исполнительного Комитета, образовала свой особый казачий Кубанский Войсковой Совет, который, в связи с июльскими событиями в Ленинграде и с благословения Бардижа решил не отставать от центральной контр-революции. Он берет твердый курс на водворение „порядка" на его „собственной" казачьей земле.

Вот постановление вновь образованного Кубанского Войского Совета, которым открывалась его политика по ущемлению иногородних и укреплению казачьей власти:

„1. Выйти казачьей части из Областного Совета и образовать Кубанский Войсковой Совет. Отозвать представителей казачьего населения из Областного Исполнительного Комитета.

2. Объявить населению Кубанской Области, что так называемый Кубанский Областной Совет и Исполнительный Комитет отныне не существуют, за выходом из них представителей всего казачьего населения Области.

3. Поручить Войсковому Правительству спешно разработать проект введения в Кубанскую область бессословного земства на

[1] Листок Войны № 1.110—1.111.

[2] 12-го Июля начальник милиции г. Екатеринодара Выдра разгромляет партийный комитет большевиков... „Дела изорваны, разбросаны, мебель изъята"...

широких, демократических началах, и предварительно ознакомить с ним население области, внести таковой на рассмотрение Войскового Правительства.

4. В кратчайший срок созвать Войсковую Раду, на которой обсудить вопрос о земле.

5. Прекратить печатание „Свободной Кубани" и поручить войсковому Правительству издание собственного органа под названием „Вольная Кубань".

6. Выразить доверие комиссару Временного Правительства Бардижу".

Исполнительный Комитет, в лице оставшейся иногородней половины его, не подчинился приказу Бардижа.

Политические партии и общественные организации по городам Кубани на своих собраниях протестовали против произвола Бардижа и казачье-дворянской клики.

Иногороднее население на местах на этот акт казачьей буржуазии в ряде районов ответило аграрными беспорядками. Так оформлялись и все больше размежевывались силы революции и контрреволюции на Кубани. Мы видим, что это размежевание идет главным образом еще под флагом сословной борьбы.

Травля большевиков после Июльских дней позволила осмелеть дворянско-казачьей контр-революции настолько, что известное контрреволюционное выступление генералов Каледина и Корнилова на Московском совещаний казаками поддерживалось угрозами оружием по адресу Временного Правительства.

Но ставка Корнилова была бита. Именно его авантюра явилась таким событием, которое подняло авторитет большевиков в глазах широких масс, и последние начинают быстро левет. Как в центре, так и на местах, а в том числе и на Кубани, пролетариат начинает быстро большевизироваться и ставить вопросы борьбы с контрреволюцией открыто, вынося решения об организации своих отрядов Красной Гвардии и вооружении рабочих. Как на иллюстрацию этого мощного подъема революционной волны, укажем на следующую резолюцию собрания рабочих завода „Кубаноль" по поводу выступления Корнилова:

„Признать Корнилова предателем России, открывшим фронт изменникам делу революции.

Настаивать на полном подчинении руководсту революционной организации С. Р. К. К. Д., в контакте с Городской Думой и Временным Правительством.

Выделить из революционной организации Комитет Спасения Революции.

Выяснить революционные местные воинские части.

Немедленно вооружить революционных рабочих.

Немедленно организовать местную милицию и усилить ее рабочими". [1]

[1] Листок Войны, 12-го сентября 1917 г.

Когда, после Корниловской авантюры Россия была объявлена Республикой, казачья контр-революция спешно начала организацию „Юго-Восточного Союза Казачьих Областей“ и Кубанское Казачье Правительство выдвинуло в противовес решению центральной власти лозунг государственного устройства России на основах федерации, что должно было дать Кубани самостоятельность по отношению к центру.

В сентябре 1917 года в Екатеринодаре собирается Казачья Краевая Рада. В качестве делегатов с мест на Раде выступает весь цвет кулацко-офицерско-буржуазного казачества.

Воинствующая Рада, наступая на революцию, предлагала казачьему правительству: „...Вменить в обязанность войсковому атаману и Кубанскому Краевому Правительству организовать в единении с правительствами соседних казачьих областей Юго-Восточный Союз военной защиты территории Кубанского Края и всех Союзных областей от возможного нападения большевистских войск и вооруженных банд“[1]...

В рядах руководителей Кубанской области,— кубанского казачьего дворянства—созревает мысль по „оздоровлению“ России. Считается аксимой, что Кубанская область уже оправилась от болезни революции и что сейчас можно будет начать подготовку к „оздоровлению“ больной страны. Эта мысль оздоровления России с окраин все больше и больше муссируется в кругах контр-революции и, наконец, 24-го сентября, в официальном заседании Кубанской Войсковой Рады, член Совета казачьих войск Новосильцев говорит:

„При создавшемся положении, создать государственную власть в России невозможно. Власть должна быть создана в провинциях, в областях, а отсюда она должна итти к центру—столице, и там образоваться. Необходимо провести в жизнь быть может суровые и жесткие меры, только это может спасти страну от гибели“.

В сентябре 1917 г. в Екатеринодаре собираются представители Дона, Кубани и Терека для организации Юго-Восточного Союза Казачьих Войск. Официальная цель Союза,—не допустить „анархии“ у себя, в казачьих областях.

На скорейшей организации Юго-Восточного Союза настаивали вожди „Совета Союза Казачьих Войск“. Они наметили программу борьбы с революцией и стремились к быстрой ее реализации.

Оздоровление России мыслилось, конечно, плетками уже „выздоровевших“ казаков.

Недаром английский генерал Нокс говорил членам Совета Союза Казачьих Войск:

...„Диктатура—как раз то, что нам нужно сейчас...
...„Необходима военная диктатура, казаки“...[2]

[1] Газета Вольный Дон, № 144.
[2] Янчевский—Классовая Борьба на Сев. Кав., часть 1-я.

Руководители казачьего дворянства и буржуазии, заседавшие в Совете Союза Казачьих Войск, хорошо запомнили этот рецепт английского милитариста,— он точно отвечал их чаяниям. И вот, целый ряд членов Совета Союза Казачьих Войск разъехались и повели на местах работу по организации казачества и контрреволюционных сил вообще,—такую же, как вел Новосильцев на Кубани.

Кубанской Радой было принято в это время „временное основное положение о высшем органе власти в Кубанском Крае“. В этом документе без всяких оговорок закрепляется сословный характер государственного строя, который должен быть на Кубани. Иногороднему населению было предоставлено в казачьем Правительстве три места.

Таким образом, иногородняя часть населения была признана Радой неправомочной частью населения.

Понятно, такое положение вещей должно было еще больше усилить недовольство в массах иногороднего населения.

Весь период агрессивных действий казачьего Правительства и сессии Рады проходит в условиях все более обострявшейся классовой борьбы на Кубани и, в частности, в гор. Екатеринодаре между рабочими, возглавляемыми большевиками и Областным Правительством.

Октябрский переворот в центре был встречен Кубанским Правительством улюлюканьем и попытками ликвидации большевиков на Кубани.

Право распоряжаться жизнью города переходит к полковнику Покровскому и его офицерско-добровольческому отряду.[1]

Делается нажим на казачьи части гор. Екатеринодара, подтягивается в них дисциплина.

В городе стоял артиллерийский дивизион, который был активной большевистской силой. На него опирались большевики в своей работе.

Зная это, Войсковое Правительство 13—(1)-го ноября разоружает его. На этот акт рабочий класс Екатеринодара ответил грандиозной демонстрацией — митингом, собравшим тысячи трудящихся.

Митинг Войсковым Правительством расстреливается,—был целый ряд жертв. Но разогнанные в одном месте рабочие быстро собирались в другом. Это массовое выступление по поводу разоружения дивизиона показало, что рабочий класс Екатеринодара уже решил вступить в вооруженную борьбу с казачьей контр-революцией.

Осенний период 1917 г. надо считать временем особо-агрессивных действий казачьего дворянства и буржуазии области. Неподчинившийся распоряжению казачьего Войскового Правительства

[1] Монархист—летчик, штабс-капитан Покровский осенью 1917 г. был командирован генералом Алексеевым в гор. Екатеринодар для организации частей „Добровольческой армии“ на Кубани.

Исполком (уже из одних иногородних) в борьбе с Радой и Войсковым Правительством пытался опереться на крестьянские съезды области. Их было два,—один в сентябре, а другой в октябре. Составленные из станичного казачества и крестьянства, съезды быстро поддавались обработке агентов Войскового Правительства. Руководство съездами из рук Исполкома уходило к казачьим руководителям (Быч, Филимонов и др.). Но политика казачьих верхов была так беззастенчива, что даже Октябрский Крестьянский Областной съезд осудил действий комиссара Бардижа, прося Правительство об устранении его.

Даже часть широких слоев казачества осуждала реакционную политику Войскового Правительства устами сотника Гервасия, протестовавшего против федеративных тенденций дворянско-буржуазных казачьих вожаков.[1] Исполком, видя, что крестьянские съезды дают все-таки большинство Войсковому Правительству (которое, правда, пока не применят силы для окончательной ликвидации его, как органа той части населения, которая „не имеет права" управлять областью), решает созвать съезд иногородних на 1-е ноября. Перед созывом съезда он обращается к населению с воззванием, в котором клеймилась сепаратистская политика верхов казачества по отношению к центру страны и узурпация ими всех прав по управлению областью.

„...Областной Исполнительный Комитет напрягал все силы и принимал все меры к тому, чтобы все население области было объединено единым для всего населения органом управления. Но, к сожалению, все его попытки, все его усилия ввести на Кубани демократическое бессословное управление разбивались об упорное сопротивление некоторых кругов казачества и его представителей. В настоящее время, Краевая Рада, несмотря на пожелание Войскового Совета, выраженное в его постановлении от 4-го июля, ввести на Кубани бессословное земство на самых демократических началах,—даже не сочла нужным рассматривать проекты этого земства, а самочинно превозгласила федерацию с управлением, основанным исключительно на представительстве „коренного населения", лишив при этом вопреки существующим законам полуторамиллионную массу иногороднего населения неотъемлемого права представительства в органах управления".

Как видим, дальше бессословного земства, дальше демократии, Исполком не шел.

Когда 14 (1)-го ноября собрался Областной съезд иногороднего населения, Войсковое Правительство устами своего главы Быча приветствовало его, а пулями полковника Покровского в это время расстреливало митинг рабочих города Екатеринодара. Не успела делегация от рабочих доложить съезду о кровавой драме, устроенной ему Войсковым Правительством, как выступил сотник Филимонов, и, кивая на „ужасы большевиков", приглашает крестьянство „не обособляться от казачества;[2] да съезд и не думал обособляться, он избрал комиссию для ознакомления „со всем происшедшим"

[1] Газета „Рабочее дело", № 115.
Газета „Вольный Дон", № 146.
[2] Газета „Народная Воля", № 55

и продолжал работу, в которой главным моментом были кулуарные решения о „мирной жизни с казачеством“.

Краевой съезд иногородних осудил мероприятия Рады, по введению казачьего управления, по отделению области от России и т. д., а также довольно категорически заявил, что, „Войсковая Рада, не выражая собой воли всего населения Кубанской Области, не может создавать никаких проектов гражданского управления и самоуправления в области.

Все эти осуждения не шли дальше обычных меньшевистско-эсеровских требований и, конечно, были явно недостаточны в условиях начавшейся уже фактически гражданской войны. Но на съезде была „левая“, организовавшаяся из блока большевиков, анархистов и левых эсеров, которые, ведя себя очень активно, пытались перевести работу съезда на более революционные позиции. О деятельности ее мы подробнее скажем ниже, в связи со вторым съездом иногородних.

Съезд иногородних был не прочь договориться с Радой. Рада была „не против“ того, чтобы „достигнуть соглашения.“

Съезд выдвинул контактную комиссию. Рада выдвинула „совещание предварительного осведомления“. Договариваясь с Радой, съезд послал ходатайство Временному Правительству о назначении в ряде отделов Кубанской области комиссаров „из иногородних“. Договориться не удалось. По указаниям съезда, Исполком должен был на 11-е Декабря созвать 2-й съезд иногороднего населения.

На 8-е декабря Войсковое Павительство решило созвать Раду.

12-е декабря 1917 г. в торжественной обстановке произошло в зимнем театре первое совместное заседание Рады и 2-го съезда иногороднего населения.

Уже на первом заседании во время потока приветствий и заверений в „единстве интересов“ двух частей населения,—казаков и иногородних,—по зале пробежали молнии готового ударить грома. Делегаты рабочей и крестьянской бедноты восклицаниями и вопросами прерывали речи золотопогонников. Не смотря на это, Войсковому Правительству удалось провести постановлением съезда „запрещение вывоза из пределов Кубани хлеба и скота“.

Таким образом, новороссийские рабочие, рабочие центральной России, обрекались на голод.

14 (1)-го декабря, председатель Рады Рябовол, открывая совместное заседание Рады и 2-го иногороднего съезда, сказал:

„—В тяжелую, для всех честных людей, минуту открываем мы сегодня заседание. Вчера солдатскими бандами убит любимый всем казачеством Атаман Терского Казачьего войска—Караулов“...

„Едва Рябовол произнес последнее слово, как в зале начались многочисленные и дружные аплодисменты „левой“. Пораженный Рябовол, обращаясь к аплодирующим, спрашивает: что такое?... Поднялся шум, гвалт... Слово взял учитель Алек. Макеев.

В зале наступила напряженная тишина.

— Я, анархист христианин,— отчеканивает Макеев,— мы против убийств, но когда мы узнали, что убит Караулов, посылавший тысячи, десятки тысяч людей на фронт империалистической войны для того, чтобы они убивали тысячи таких же, как они сами бедняков и тружеников, мы сказали: благословенна рука, убившая палача Караулова".

В зале произошел взрыв негодования правых по адресу Макеева. Не успели мы подбежать к нему на помощь, как его уже стащили с кафедры. „Левые" все встали и ушли.[1]

Произошел разрыв. „Левая", за которой ушло большинство иногородней и казачей бедноты, часть интеллигенции и честное революционное офицерство, открыли свои работы в здании кино „Монплезира".

Левое крыло не захотело итти на компромисс с казачеством, отделилось, избрало из своей среды Совет Народных Депутатов из 16 человек и поручило ему на 20-е января 1918 г. собрать 1-й съезд Советов Кубанской Области. Боевая левая группа съезда по вопросу организации власти вынесла следующее постановление:

„В данное время вся Россия разделилась на два враждебных лагеря, помещиков-капиталистов и трудового народа. Интересы этих двух классов по самой своей природе настолько противоположны, что о примирении не может быть и речи, речь может итти о победе одного класса над другим. Исходя из этих соображений и принимая во внимание, что интересы трудящихся могут быть в данное время наиболее полно осуществлены органами, созданными самими трудящимися, съезд Иногородних считает необходимым и на Кубани передать всю полноту власти в руки рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Советы должны быть избраны на основе всеобщего равного и тайного голосования. Советская власть совершенно самостоятельно создат органы. необходимые в целях проведения в жизнь воли трудового народа. Созданная, таким образом, Советская власть должна в первую очередь организовать земельные комитеты, в ведение которых должны перейти без выкупа все казенные, кабинетские и частновладельческие земли, вместе с живым и мертвым инвентарем, впредь до разрешения земельного вопроса в Учредительном Собрании. Съезд не скрывает всех трудностей в борьбе за Советскую власть. Тут встретится много препятствий и борьба завершится победой только в том случае, если на путь борьбы за Советскую власть встанут сплоченные трудящиеся массы".[2]

Анализ этого документа вскрывает отсутствие четкой пролетарской линии у этой левой группы („Советы должны быть избраны на основе всеобщего, равного и тайного голосования") и дает право рассматривать его как очень яркое отражение того своеобразного процесса перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую, какой мы имели в России в 1917 г. и который дольше затянулся и больше „давал демократизма" именно на окраинах, как в данном случае на Кубани.

---

[1] Из воспоминаний тов. Пузырева И. П. Рукопись С.-К. Крайистпарт'а.

[2] В Совет Народных Депутатов вошли: Янковский (б), Стрелько (л. с.) Седин (л. с.), Макеев А. Г. (а.), Тимофеев (а.), Пузырев (б.), Рондо (а.), Выгриянов (л. с.) и Журавлев (б).

Левая группа развертывает широкую агитацию среди казачества, призывая его поддержать требования иногородних и выступить против казачьих верхов. Характер и содержание этой агитации ярко выявляет воззвание, выпущенное „левой“ съезда к казачеству:

Братья казаки, вас обманывают. Вас натравливают на остальной народ. Вам говорят, будто иногородние хотят отнять вашу казацкую волю, вашу казацкую „вольность“. Не верьте, казаки, вам лгут. Вас преступно обманывают...

Жизнь и служба казака была всегда неволей и каторгой По первому зову начальства, казак обязан был садиться на коня и выступать в поход. Всю воинскую „справу“ казак должен был создать на свои кровные, трудовые средства. Казак в походах, хозяйство расстраивается и падает. Справедлив ли такой порядок? Нет, он должен быть отменен навсегда. Казачество должно быть освобождено из кабалы. Поднимайтесь, казаки! Объединяйтесь!

В октябре и ноябре происходили в Петрограде Всероссийские съезды Советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов. Эти съезды передали всю власть на местах в руки Советов, т. е. в руки выбранных от народа людей. Отныне не должно быть на Руси никаких правителей и чиновников, которые сверху командуют народом и помыкают им. Народ сам создает свою власть.

У генерала не больше прав, чем у солдата. Все равны. Рассудите казаки, —дурно это, или хорошо. Мы призываем вас, казаки, присоединиться к этому новому народному порядку и создавать ваши собственные Советы Казацких Депутатов. Этим Советам должна принадлежить на местах вся власть, не атаманам в генеральских чинах, а выборным представителям трудового казачества, своим доверенным, надежным людям. Всероссийские съезды Солдатских, Рабочих и Крестьянских Депутатов постановили все помещичьи земли передать в пользование трудового народа. Разве же это не справедливо, казаки? Корниловы, Каледины, Дутовы, Бардижи, Бычи, Филимоновы всей душой стоят за интересы богачей и готовы утопить Россию в крови, только бы отстоять земли за помещиками. Но вы, трудовые казаки, разве же вы сами не страдаете от бедноты, гнета и земельной тесноты? Сколько есть казаков, у которых не больше 4—5 десятин на двор? А рядом с ними казаки-помещики, у которых сотни десятин своей земли, и которые сверх того прибирают в руках войсковые земли и угодья. По новому Советскому закону земли казаков, помещиков, должны без всякой платы перейти в руки казаков — тружеников, казачьей бедноты. Вас пугают тем, будто Советы хотят отнять у вас ваши земли. Кто вас пугает? Казаки-богачи, которые знают, что Советская власть хочет помещичьи земли передать в ваши собственные руки. Выбирайте же, казаки, за кого вам стать, за Корниловых и Калединых, за генералов и богачей, или же за Советы Крестьянских, Солдатских и Рабочих Депутатов.

Избранный Всероссийским съездом Совет Народных Комиссаров предложил всем народам немедленное перемирие и честный, демократический мир, без обиды и ущерба для какого-либо народа. Все капиталисты, помещики, генералы, корниловцы восстали против мирной политики Советской власти. Им война давала барыши, власть, чины. А что несла она вам, рядовым казакам? Вы гибли без смысла и без цели, подобно вашим братьям солдатам и матросам. Вот уже $3^1/_3$ года, как тянется эта проклятая бойня, которую капиталисты и помещики всех стран затеяли из-за своих выгод, из-за мировых грабежей. Трудовому казачеству война принесла лишь разорение и гибель. Из казачьего хозяйства война высосала все соки. Единственное спасение для всей нашей страны и для трудового казачества в частности, — это скорый и честный мир...

Ваша судьба, казаки, в ваших собственных руках. Наши общие враги, помещики, капиталисты, корниловцы и офицеры, буржуазные газетчики обманывают вас и толкают на путь гибели. В Оренбурге Дутов арестовал Совет и разоружил гарнизон, Каледин угрожает Советам на Дону Он объявил там военное положение и стягивает туда войска. Караулов расстреливал туземцев

на Кавказе. Кадетская буржуазия снабжает их своими миллионами. Их общая цель — задушить; задушить Народные Советы, подавить рабочих и крестьян, ввести снова палочную систему в армии и увековечить рабство трудового казачества.

Наши революционные войска двинулись на Дон и на Урал, чтобы положить конец преступному восстанию против народа.

Казаки, от вас зависит теперь, будет ли дальше литься братская кровь. Мы вам протягиваем руку, объединяйтесь со всем народом против его врагов. Объявите Каледина, Корнилова, Дутова и всех их сообщников и пособников врагами народа, изменниками и предателями, арестуйте их собственными силами и предайте их в руки Советской власти, которая будет их судить гласным и открытым революционным судом.

Тем временем „правая" съезда договорилась с Радой по всем вопросам. Была выдвинута „Согласительная комиссия" из 8-ми казаков, 8-ми иногородних и одного горца.

Основной вопрос о принципах организации верховной власти в комиссии был разрешен так:

„Вопрос организации власти в Крае—дело рук Учредительного Собрания. Вопрос о федеративном устройстве области до Учредительного Собрания остается открытым.

Краевое Правительство и Кубанская Законодательная Рада создаются на паритетных началах между иногородними и казаками."

По вопросу об организации власти на местах было решено:

— „...Население Кубанской области, впредь до издания Всероссийским Учредительным Собранием основных законов для государства Российского, создает органы местного самоуправления и управления, как в пределах области, так и в пределах организующегося Юго-Восточного Союза самостоятельно.

Безотлагательно создает бессословные органы местного самоуправления на демократических началах, но с одногодним цензом оседлости в области, для приобретения активности изобретательного права.

До введения постоянного положения о самоуправлении, состав станичной администрации и станичных сборов обновляется привлечением в них представителей от иногороднего населения на пропорциональных началах..."

Обстановка на Кубани к этому времени делалась все более и более сложной. С Кавказского фронта шла 39-я пехотная дивизия. Эту дивизию в свое время вызвали революционные организации Кубани и Терека. Теперь же, казачье Войсковое Правительство и атаман области Филимонов, видя, что идет большевистски настроенная дивизия, — перепугались. Казачьи верхи начали готовить вооруженные силы, какими можно было бы не допустить дивизию в район Кубанской области. С другой стороны, Филимонов обращается к командующему Кавказским фронтом ген. Пржевальскому и Наказному атаману Донской области Каледину, с просьбой немедленно дать вооруженные силы, броневые автомобили и бронепоезда с тем, чтобы попытаться не допустить 39-ю дивизию к себе.

Но Пржевальский был бессилен помочь. Каледин ответил отказом в виду неимения сил.

Войсковые казачьи гарнизоны, стоящие по Кубанской области в виде запасных сотен и частей, отказались бороться с 39-й дивизией.

Между тем волнения в области и недовольство иногороднего населения на казачье правительство все больше и больше разростались.

В станице Екатерининской было вынесено такое постановление:

Не признавать федерации Кубанского Войскового Правительства, так как этот вопрос может быть разрешен только Учредительным Собранием.

Признать законной властью Совет Народных Комиссаров и Совет Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов.

Восстановить земельные комитеты, на которые иногородние могли бы опереться до Учредительного Собрания.

Не признавать Краевого Правительства, как не отвечающего запросам трудового класса".[1]

Станица Славянская сформулировала свои требования более резко:

— Немедленно устранить от власти всех членов Правительства, имевших земли, и в первую очередь Бардижа.

Земельных собственников не выставлять ни в какие учреждения, не посылать ни на какие съезды.

Такими постановлениями к этому времени пестрит вся Кубанская область.

Воротилы Кубанского Войскового Правительства и руководители наиболее крепкого казачества ясно понимали, что нарастающие революционные настроения чреваты для них очень тяжелыми последствиями. И они ведут бешеную работу против революции, и иногда не без успеха; так, съездом казаков в ст. Полтавской 3-го февраля было вынесено постановление, из которого видно, чем и как пугали население контр-революционеры:

— „Та социализация, которую большевики проводят немедленно и которая в первую голову должна смести казачество, такая немедленная социализация вслед за казачеством сметет достояние тех иногородних".

Вот на каких струнках играли агитаторы-белые.

25-го января 1918 г. приступило к работе Правительство Кубанской области, созданное на паритетных началах: 5 от казаков, 5 от иногородних, 1 от горцев.

Это правительство населением не было признано. Даже в казачьих станицах власть Правительства и Казачьей Рады стали не популярны. Население в своем огромном большинстве становилось против них, выносились резолюции и постановления о признании Советской власти, организованной в центре.

Рабочий класс и кубанская беднота решили добиться октябрьских свобод с оружием в руках и по Кубани уже гремели громы вооруженной борьбы.

Под стенами самого Екатеринодара гремели пушки новороссийских рабочих под командованием юнкера Яковлева.

Теперь уже вопросы власти и дело строительства должна была разрешить борьба.

---

[1] „Известия" Новорос. Совета Рабочих, Солдатских Депутатов, № 43, 20/I—1918 г.

Боевое настроение рабочих Екатеринодара, то и дело собиравших митинги, требовавших перехода власти от Войскового Правительства к Советам, бесчисленные делегации и ходоки от станицы и с гор, с требованием передачи власти Советам,—таков основной тон жизни и настроений трудящихся масс Кубани за период декабрь 1917 г.— январь 1918 г.

Вот серия решений, вынесенных за этот период станицами во всех концах Кубанской области:[1]

Ст. Ново-Джерелиевская.— Иногородние вынесли протест против контр-революционной власти на Кубани, постановили:

„Не исполнять распоряжения Краевого Правительства.

Выразить доверие Совету Рабочих, Солдатских, Казачьих и Крестьянских Депутатов и Совету Народных Комиссаров.

Требовать полной свободы собрания, печати и организации Союзов и невмешательства в дела Союза.

Приветствовать Совет Народных Комиссаров в гор. Екатеринодаре и по первому зову пойти на поддержку“.

Ст. Челбасская.— Общим собранием станицы одобрен и принят декрет о земле, изданный Советом Народных Комиссаров от 26-го октября 1917 г.

Ст. Приморско-Ахтарская.— Общее собрание казаков и иногородних постановило не признавать Войскового Правительства и Войсковой Рады в виду того, что они не выражают волю большинства народа Кубанского края; признать власть Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов и протестовать против наемных войск, действовавших во вред народных интересов.

Ильинская станица.— Собрание жителей станицы постановило не признавать власти Кубанского Правительства и его распоряжений, признать власть Советов и немедленно организовать таковую в станице на широких демократических началах.

Станица Северская.— Служащие и рабочие маслобойного и и поташного заводов, в знак протеста против чинимых насилий кадетами и юнкерами над трудовым народом, постановили остановить маслобойные и поташные заводы, до выяснения положения на Кубани, категорически требовать от Краевого Кубанского Правительства сделать распоряжение об очистке железнодорожного училища и ст. гор. Екатеринодара от юнкеров и кадетов, их расформирования и возврата отобранного оружия у воинских чинов.

Ст. Холмская.—10-го января. Собрание фронтовиков станицы постановило послать делегацию в Новороссийск в Совет Рабочих и Солдатских Депутатов за получением огнестрельного оружия для станицы, для борьбы с кадетской партией.

Ст. Челбасская, Кубанской области.—Общим собранием станицы в количестве 600 человек постановлено „признать Совет Народных

[1] Материал взят нами из подготовляемой Крайистпарт'ом к печати хроники революции на Сев. Кавказе.

Комиссаров законной властью и до Учредительного Собрания Совнарком ответственен только перед Советом Рабочих, Солдатских, Казачьих и Крестьянских Депутатов".

Ст. Старонижестеблиевская.— Отпускники постановили делегигировать в Новороссийский Совет Рабочих, Крестьянских и Казачьих депутатов 3-х человек за огнестрельным оружием для вооружения 150 человек на борьбу с контр-революцией.

Ст. Ахтарская.— Общее собрание станицы вынесло порицание Войсковому Правительству, ведущему гражданскую войну, изъявив желание вступить в партию большевиков и поддерживать Военно-Революционный Комитет, для чего послать делегатов в станицу Славянскую, Крымскую и гор. Новороссийск для ознакомления с событиями и доставления этого постановления. Для более точного осведомления населения с текущими событиями избран революционный штаб.

Ст. Верхне-Баканская.— Заседание Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов станицы постановило организовать отряд Красной Гвардии, в количестве 45 человек.

Ст. Тимошевская.— Общее собрание станицы казаков и иногородних по докладу о текущем моменте делегатов 1-го Таманского казачьего полка постановило послать делегатов в соседнюю станицу с запросом, признают ли они Войсковое Правительство. А по возвращению делегатов дать ответ Таманскому полку и организовать Советскую власть.

Ст. Абинская.— Собрание Совета Солдатских Депутатов постановило: „выразить доверие Совету Народных Комиссаров, достигнуть полного соглашения иногородних и казаков; из всех солдат и казаков, уволенных в запас и кратковременный отпуск, организовать ополченческие отряды в помощь Совнаркому для борьбы с контр-революцией; немедленно приступить к призыву, чтобы отбывалась действительная служба как казаков, так и иногороднего сословия всего района станицы".

Ст. Натухайская.— Общее собрание фронтовых казаков, солдат и всех иногородних постановило объединиться для совместной защиты Совета Народных Комиссаров и просить товарищей других станиц присоединиться.

Ст. Варениковская.— Общее собрание казаков станицы, в количестве 286 человек, вынесло резолюцию:

„Не признавать власть Кубанского Краевого Правительства.

Признать власть Советов Рабочих, Солдатских, Крестьянских Депутатов и Совет Народных Комиссаров.

Требовать скорейшего созыва Всероссийского Учредительного Собрания и рабочего контроля над ним.

Признать избранных в Учредительное Собрание от рабочих, казачества и крестьянства правомочными только тех, которые будут защищать интересы трудового народа.

Установить связь Кубани со всеми областями и губерниями Российской республики, а также с Черноморским и Балтийским

флотом, и совместно со всеми стоять против контр-революционеров, грозящих завоеванием трудового народа.

Требовать демократического мира, на основе самоопределения народа, без анексий и контрибуций.

Требовать немедленного разоружения и удаления дикой дивизии чеченцев из гор. Екатеринодара".

Анализ этого многочисленного потока решений, резолюций и постановлений дает право сделать вывод, что на местах в этот период происходило лихорадочное вооружение, быстро организовывались гарнизоны из недавних фронтовиков, солдат и казаков. Для отпора контр-революции происходила стихийная, всеобщая мобилизация масс, причем элементами организующими и руководящими были рабочие центры, военные части и возвратившиеся по домам фронтовики.

Вскоре места переходят к активным действиям в борьбе с контр-революционерами с оружием в руках. Следующий ряд данных характеризует этот процесс углубления революции.

Ст. Успенская.— На объединенном собрании воинских частей организован Военно-Революционный Комитет, взявший в свои руки всю полноту власти. Белогвардейский партизанский отряд частично арестован и частично разбежался.

Ст. Варениковская.— Общее собрание жителей станицы, заслушав доклад делегата гор. Темрюка, с предложением слиться трудовому казачеству и иногородним для совместной защиты интересов от Корнилова, Филимонова и др., постановило:

„Приветствовать Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, протестовать против партии кадетов в гор. Екатеринодаре, занять военные посты в Варениковской почтово-телеграфной конторе и агентстве парохода по реке Кубани для обыска оружия, и выставить караулы для обыска воинских частей и обезоружить белогвардейцев."

В ст. Славянской возвратившимися солдатами с фронта разгромлен арсенал, которые, вооружившись, разъехались партиями по 200 человек и начали наступление против белых со ст. Новомышастовской и Старо-Титоровской.[1]

Вскоре Исполнительный Комитет Союза рабочих Владикавказских железных дорог сообщил Управлению дороги по всей линии, что вследствие насилия добровольческих отрядов над служащими железных дорог объявляется забастовка (после расстрела юнкерами жел.-дор. рабочих в Ленинских мастерских).

В Тихорецкой рабочие железнодорожных мастерских на общем собрании избрали Военно-Революционный Комитет.

Таким образом, на местах, от митингов и принятия постановлений против Войскового Правительства за новую Советскую власть, население переходит к более активным действиями, по станицам начинает организовываться Красная Гвардия и новые органы власти.

---

[1] Материалы взяты там же.

Как же держится белогвардейский актив станиц? В это время агитаторы Кубанского Краевого Правительства и добровольческой армии неослабно продолжают свою работу. Целый ряд станиц, в которых выступало очень активно местное кулацкое казачество, сагитированное сторонниками Войскового Правительства и Доброволии, одобряли мероприятия Войскового Правительства по борьбе с „анархией“ в станице Троицкой.

Собрание фронтовиков приняло резолюцию о недоверии Краевому Войсковому Правительству и признало Советскую власть. Эта же резолюция была вынесена на общее собрание станицы, но не была принята. Там же были избраны делегаты в Славянскую и Полтавскую, причем одному делегату иногородними и частью казаков был дан наказ о признании Советской власти, другому делегату наказа не дали.

Ст. Константиновская, Армавирского округа. Стариками и женщинами разогнан Военно-Революционный Комитет. В станице формируется казачье добровольческое вооружение.

Ст. Тимошевская.— Казачий съезд 15 окружных станиц, представительством трех отделов Кавказского, Екатеринодарского и Таманского постановил не признавать Советскую власть, выразил доверие Краевому Правительству, для защиты которого признано необходимым провести теперь же мобилизацию, разоружить иногородних и все революционные отряды. Принять решительные меры против ст. Березанской, установившей у себя Советскую власть.

Ст. Троицкая.— Войска Краевого Правительства заняли станицу, на вокзале Бардиж выступил с ругательной речью против Советской власти, вечером было собрано чисто-казачье собрание и постановило мобилизовать всех казаков от 20-ти до 60-ти лет для поддержки Краевого Правительства, но это постановление не встретило сочувствия со стороны фронтовиков.

7-го февраля, на заседании Таманского отдельского съезда демократических организаций, при обсуждении вопроса об организации Советской власти на местах, принято постановление:

> „Советская власть является единственной властью в Таманском отделе и все постановления ее обязательны для всего населения отдела и подлежат исполнению.
>
> Во всех станицах, хуторах, селах и аулах и других населенных пунктах немедленно приступить к организации Советов Народных Депутатов, которым должна быть передана вся власть на местах, должности атаманов и помощников упразднить, как не отвечающие требованиям жизни.
>
> Кроме того, принято положение о выборах, работе и средствах Советов и Исполнительных Комитетов“.[1]

Итак, начался период, когда против Кубанского Войскового Правительства двинулось вооруженное трудовое население области, сливая свои мелкие отряды в большие и присоединяясь к уже воюющей Красной Гвардии, под командованием Автономова, Бушко-Жука и Сорокина.

---

[1] Там же.

Кубань вступила в полосу ожесточенной гражданской войны развертывавшейся уже в станицах.

Характерной особенностью революционного движения на Кубани в этот период надо считать наступление революции с периферии на центр. Мы привыкли как-раз к обратному,— что революция идет от центра к периферии. Объяснение этому явлению необходимо искать в следующем. Пролетариат центра Кубанской области Екатеринодара был слабым, во всяком случае произвести переворот в центре он один не мог. Войсковое Правительство имело у себя большие воинские силы, готовые в любое время выполнять его распоряжения; большевистски же настроенные части были или распущены, как артдив, или стояли на окраинах области (39 див.). Большевики на Кубани были разгромлены, отдельные представители партийной организации бежали, а большинство сидело по тюрьмам и было расстреляно.[1]

---

[1] За время с июля 1917 г. до января 1918 г. Екатеринодарская парторганизация проделала огромную работу среди масс, были крупные партячейки на ряде заводов, фабрик и на ж. д. Жел. дор. ячейка взяла у Войскового Правительства вагоны с оружием и вооружила парторганизацию города и отряды рабочих.

Когда полковник Покровский произвел разгром большевистской парторганизации, ряду большевиков удалось бежать. Одни, бежав. организовали силы для похода на Екатеринодар, в полосе Черноморья, другие в районе 39-й дивизии — Армавир—Гулькевичи — Тихорецкая.

Во второй половине января 1918 года начинается мощное движение населения против казачьей реакции, а месяцем позже начинаются бои с оружием в руках.

ОКТЯБРЬ НА КУБАНИ.

Советы на местах. Движение революции с периферии к центру. 1-й Областной съезд Советов. „Смотрины" Советской власти. Первые шаги нового строительства. Вооруженная борьба с местными силами контр-революции и с Доброволией Корнилова. 2-й Областной съезд Советов и корниловщина. Кубанская ССР.

Еще в декабре 1917 г. в Армавире власть взял в свои руки Революционный Комитет, арестовав атамана и высших чиновников Лабинского отдела. Рабочие Армавира готовили демонстрацию против действий Кубанского Войскового Правительства. Местная казачья власть в лице атамана отдела, мобилизовав 1-й эскадрон стоящего в Армавире драгунского Кав. полка, решила этого не допустить. Демонстрация в течение дня разгонялась только одной этой верной драгунской частью. Возмущенные рабочие, руководимые большевиками, в ответ на действия атамана отдела, начали ставить тут же на митингах вопрос о немедленном захвате власти, против чего возражали меньшевики и эсеры. Это привело большевиков, до сего времени работавших совместно с ними, к решению порвать с меньшевиками и эсерами. На ночном совместном заседании произошел окончательный разрыв, и большевики, демонстративно покинув заседание, ушли в другое помещение и тут же избрали Военно-Революционный Комитет. Немедленно организовали отряд Красной Гвардии и принялись за аресты отдельской власти, за захват власти в Армавире. Рабочий класс Армавира дружно поддержал это выступление небольшой группы большевиков.

В декабре 1917 г., как мы уже указывали, в станицы и села Кубани стали прибывать многочисленные партии фронтовиков. Все они были в большей или меньшей степени большевизированы, все они требовали организации новой Советской власти. Местное бедняцкое население дружно поддерживало всякое выступление фронтовиков. По станицам начали организовываться комитеты земельные и гражданские и В. Р. К., которые опирались на силу вооруженных фронтовиков. Руководство этим, в значительной мере стихийным, движением в основном принадлежало большевикам. Казачье и иногороднее середняцкое население держалось нейтрально и этим в большинстве случаев парализовало выступления кулаков. В городах в это время наступал рабочий класс, организуя свои вооруженные силы — Красную гвардию.

Под революционирующим влиянием Новороссийска, 4-го декабря 1917 г. в Гулькевичах организовался Революционный Комитет. В январе 1918 г. в Майкопе власть перешла в руки Революционного

Комитета. В конце декабря 1917 г. в ст. Приморско-Ахтарской и Крымской собираются конференции военных работников большевиков, которые постановляют приступить к активной борьбе с Войсковым Правительством.

Во второй половине января начинают ехать делегаты на 1-й Областной съезд Советов, по повесткам Совета Народных Депутатов, созданного левым крылом иногороднего съезда. Большая часть членов Совета Народных Депутатов в это время был арестована. Войсковое Правительство принимает все меры к тому, чтобы не дать возможности депутатам съезда собраться в Екатеринодаре. Прибывающие на этот съезд делегаты арестовываются, часть делегатов расстреливается, остальные в испуге разбегаются, а вновь подъезжающие, услышав обо всем этом, ехать в Екатеринодар не решаются. Они или возвращаются назад, или останавливаются перед Екатеринодаром с вопросом,— как быть?

Большая группа делегатов линейных станиц, направляющихся через Армавир на съезд в Екатеринодар, доехав до станции Гулькевичи и узнав, что Войсковое Правительство расправляется с членами съезда, решило в Екатеринодар не ездить, а съезд собрать тут, в Гулькевичах. Отсюда группа повела работу по созыву съезда. Было отпечатано в типографии станции Кавказской воззвание. С этим воззванием все делегаты, за исключением двух-трех человек основного ядра, организаторов съезда, разъехались по линиям железной дороги, по станицам, с призывом выбирать и посылать делегатов на Областной съезд Советов в Гулькевичи.

К последним числам января 1918 г. в Гулькевичи собралось свыше 150 делегатов — представителей от 5-ти отделов Кубанской области, из 7-ми. Представители 2-х последних отделов на съезд попасть не могли в виду того, что не имели возможности проехать через заставы Кубанского Войскового Правительства.

В повестке дня съезда стояли вопросы:

Доклады с мест.
Текущий момент.
Организация власти.
Земельный вопрос.[1]

Проработав два дня, съезд вынужден был искать нового места для работ. Председатель местного Военно-Революционного Комитета, впоследствии известный бандит Никитенко, мешал занятиям съезда, дезорганизуя их. Съезд решил переехать в Армавир, где в ближайшие дни и возобновил свою работу. Сюда на Съезд прибыли представители Совета Народных Депутатов, которые информировали о положении дел по ту сторону Екатеринодара. В течение двух дней продолжались доклады с мест. В них услышал

[1] Съезд с самого начала работ счел необходимым прежде всего отпечатать и разослать листовки. Этот, как будто мелкий, факт очень характерен: основные агитационные работы проводились тогда именно под флагом съездов и совещаний, через которые большевики и левые эсеры устанавливали связь с широкими массами и выявляли свое лицо.

съезд о горячих чаяниях бедноты по скорейшему введению Советской власти, о первых шагах кулацко-дворянской контр-революции, об организации первых вооруженных отрядов революции — Красной гвардии и т. д. В текущем моменте, рядом докладчиков была дана картина захвата власти Советами в центре, картина потуг казачьих правительств в борьбе с Октябрем. Ни у кого ни на минуту не было сомненья о характере будущей съездом выделенной власти; все знали, что это будет Областной Исполком — орган диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства. По земельному вопросу съезд принял следующую резолюцию:

... „Немедленно организовать на местах земельные комитеты, а также отдельские и областной при Областном Исполнительном Комитете. Отдельские земельные комитеты создаются Отдельским съездом Земельных Комитетов. Вышеозначенным Земельным Комитетом немедленно взять на учет без всякого выкупа все помещичьи, частно-владельческие, казенные, войсковые, церковные, монастырские, причтовые и другие земли с живым и мертвым инвентарем и всеми постройками и приступить к немедленному распределению таковых между нуждающимся населением, руководствуясь декретом о земле и инструкцией земельных комитетов, изданных и утвержденных Советом Народных Комиссаров.

Земли трудового казачества и трудового крестьянства остаются за их владельцами, не превышая трудовой нормы. При этом съезд поручает Областному Исполнительному Комитету Советов в непродолжительном времени созвать Областной съезд представителей от земельных комитетов“.

Съезд выделил Областной Исполнительный Комитет, в составе 25 человек.[1] Исполком выделил Президиум.[2]

Областной Исполком постановил своей резиденцией на время борьбы в Войсковым Правительством считать город Армавир.

Таким образом, был создан 1-й Областной Исполнительный Комитет Советов Кубанской области.

В первые же дни своей работы Исполком разбился на комиссии: финансовую, редакционную, земельную, военную, хозяйственную, управления, труда, путей сообщения, почты и телеграфа, народного образования, судебно-юридическую, врачебно-санитарную и продовольственную.

Одним из первых шагов в работе 1-го Областного Исполнительного Комитета было объявление Кубанского Войскового Правительства вне закона.

Были выпущены объявления, в которых все распоряжения Войскового Правительства считались аннулированными. Был опубликован приказ членам Кубанской Рады немедленно прекратить свою работу, с предупреждением, что члены Рады, не покинувшие свои посты и после объявления этого приказа, будут объявлены вне закона.

---

[1] Состав Исполкома: большевики Белоусов, Бугрий, Быков, Борисенко, Васильев, Гайченец, Глебов, Гречухин, Козлов, Клименко, Копылов, Калашников, Лифарев, Михайлов, Макеенко. Майборода, Пузырев, Полуян, Руденко, Ткачев, Яковлева и др., от левых эсеров: Курочкин, Кича. Горобец, Никитенко, Макеев и др.

[2] Президиум Исполкома: пред. – Ян Полуян, зам.—Борисенко, Гайченец, секретари: Яковлева, Рида, Быков.

Зная, что в тюрьмах Войскового Правительства имеется много большевиков и делегатов на 1-й Областной съезд Советов, Исполнительный Комитет телеграфировал Войсковому Правительству, чтобы в отношении этих арестованных не предпринимались никакие репрессии, в противном случае будут применены репрессии к офицерским воинским частям, которые находятся арестованными в распоряжении Областного Исполнительного Комитета (обмен не состоялся).

Основными работами Областного Исполкома в первое время были:

Разоружение военных частей, особенно казачьих, все время шедших с турецкого фронта.

Организация Красной гвардии против восстающей контр-революции.

Собирание оружия и снабжение им Красной гвардии, действующей против Войскового Правительства.

Посылка отрядов против поднимающейся контр-революции в предгорные станицы Кубанской области.

Посылка членов Исполкома на места, для организации Советской власти и для рассмотрения конфликтов, главным образом земельного характера, в соответствии с решением съезда по этому вопросу.

Область в это время жила бурной, не виданной до сего времени жизнью.

На местах ежедневно звонили станичные, церковные колокола, собирая митинги, на которых ставился один и тот же вопрос, — о власти. Богатое, зажиточное казачество и казачье дворянство Советской власти не хотели. Но велико было количество сторонников Советской власти на местах. Огромное большинство иногородних, казачья беднота и все фронтовики-казаки, солдаты были за Советы. Старое казачество крепко держалось своей атаманской власти и не хотело ее менять на новую, Советскую. Митинги проходили бурно, с шумом, с криком, с драками и кровью. С каждым днем все больше прибывало домой фронтовиков и число сторонников Советской власти на местах увеличивалось.

Станицы, одна за другой, начинают организовывать у себя Советы, как органы власти.

„...Во многих станицах Советскую власть организовать было нелегко. Старое казачество, стоя перед фактом, когда разбиты все аргументы за старую власть, пыталось испугать сторонников новой власти тем, что новая власть „неизвестно, какая“, „никто ее не знает“.

Часть казачества, провоцируемая казачьими верхами, говорила, что новая власть—это власть мужичья, власть иногородних. В этих случаях митинги постановляли отправить делегацию посмотреть новую власть. Делегация в первую очередь отправлялась в областной центр—Армавир, в 1-й Областной Исполнительный Комитет Советов. Сюда же в Армавир посмотреть Советскую власть прибывали делегации соседних губерний и областей: Ставропольской и Терской. Бывали дни, когда Советскую власть дожидали посмотреть полдюжины делегаций. Обыкновенно, представители делегаций были старики-казаки, казаки-фронтовики и солдаты. Смотрины Советской власти производились следующим образом: объявлялось заседание пленума Исполнительного Комитета.

В Исполнительном Комитете было 23 казака, 22 иногородних. Президиум Исполнительного Комитета состоял из 3-х казаков и 2-х иногородних. Старики казаки, гвардейцы и урядники с большими бородами сажались на первое, видное место. Делегации первое время обыкновенно сидели, слушая заседание Исполнительного Комитета, в котором разрешались текущие дела. По разрешении одного-двух вопросов, делегациям предлагалась беседа. Они начинали обыкновенно с опроса: что собой представляет Исполнительный Комитет? Сколько казаков и сколько иногородних? Сколько в Президиуме казаков? Сколько иногородних? Кому принадлежит руководство? и т. д. и т. д.

На все эти вопросы делегаты получили исчерпывающие ответы.

В большинстве случаев делегации выезжали на места вполне успокоенные, что эта власть не есть

„власть какого-либо другого сословия“, что эта власть действительно представительство всего трудового народа.

Зачастую старики-казаки тут же разводили руками: поди ж ты, а говорили-то, что...

Фронтовики-казаки и солдаты уже тут торжествовали свою полную победу. Почти всегда поездка делегаций кончалась тем, что по прибытии их в станицу, где ожидали их с нетерпением, сейчас же организовывалась Советская власть.[1]

Так проходили „смотрины“, этот своеобразный метод популяризации идей Советской власти и мобилизации кубанского трудового населения против казачьей контр-революции.

Необходимо отметить мероприятия новых областных органов власти в части земельной, народного просвещения, юстиции и военной.

Одним из первых актов земельной коллегии было распоряжение о том, что:

Все частно-владельческие участки, участки офицерские, отходят к ближайшим станичным юртам и передаются в пользование населения данного юрта.

Иногороднее население, наравне с казачьим, получает паевые наделы в районе данного юрта, который увеличивается за счет ближайших частно-владельческих, казенных, или офицерских земель.

С одной стороны, это было огромной победой Советской власти, а с другой стороны этот акт способствовал размежеванию сил между революцией и контр-революцией.

Вокруг земельного вопроса началась агитация против Советов, против большевиков, под флагом борьбы за сохранение казачеством его „исконных“ прав на землю.

Рядовое учительство станиц в старое царское время материально было плохо обеспечено. Правовое положение его было также неважно. Учительство было во власти с одной стороны инспектора, который в любое время мог сместить и снять работника просвещения, а с другой стороны во власти местного общества, мнение которого для инспекторов в большинстве случаев было решающим.

---

[1] Сев.-Кав. Истпарт. Воспоминания тов. Б—ко. Рукопись.

Коллегия Народного Образования Областного Исполнительного Комитета, во главе которой стоял энергичный учитель анархист А. Г. Макеев, издала распоряжение, в котором сельское и станичное учительство в части экономической и правовой поднималось очень высоко. Ставки учительству, назначенные коллегией, по тому времени были неожиданно высоки. [1] По ставке учителя, которую решено было считать высшей, делались оклады всего „чиновнего" мира,— ее получали и члены Исполкома.

Правовое положение учительства также было улучшено. Учитель не мог быть снят с работы без ведома Областной Коллегии Народного Образования, Учительского Союза и экспертно-конфликтной комиссии. Такая постановка вопроса гарантировала учителю его правовое положение. Это распоряжение на местях произвело очень большое действие на умы станичной интеллигенции. Учительство, в огромном своем большинстве стоящее против Советской власти, было по меньшей мере нейтрализовано, а некоторые кадры втянулись вскоре в активную работу.

Большого внимания заслуживает работа судебно-следственной коллегии. Старые юридические нормы пали, надо было создавать новые, и коллегия, толкаемая жизнью, в первую очередь организует народные суды. Народный суд организовался в каждом более или менее крупном населенном пункте. Организовался он таким образом: председатель его, постоянный член местного Совета и два члена суда назначались из членов местного Совета на определенный период времени.

Судебное разбирательство производилось открыто, гласно, со свидетелями, в присутствии населения. Можно было выступать в качестве свидетеля всякому из населения, кто что-либо знал по данному вопросу. Эти суды во многих местах области приобрели громадный авторитет у населения. Не мало осталось зафиксированных случаев, когда в эти суды приходило население по делам, по каким суд уже состоялся раньше, при Временном Правительстве, а иногда и в царское время. Многие суды на местах имели такую громадную популярность, что к помощи их обращались из других населенных пунктов. Все это поднимало высоко авторитет „народной власти".

В это же время начинается организация вооруженных отрядов из кулацкого казачества, под руководством многочисленного офицерства. Первое время организация контр-революции происходит по лесам, горам и камышам. Сюда бежит вооруженное казачество и тут организует белые отряды. С течением времени эти отряды увеличиваются, принимают вид организованных воинских частей и вступают в борьбу с Советской властью.

На местах продолжают организовываться отряды Красной Гвардии, которые и ведут борьбу с контр-революцией. Кое-где

---

[1] Учительство на местах в это время получало жалование 80-90 руб. в виду обесценения царских и керенских денег. Коллегия и Президиум Исполнительного Комитета ставку установили в 300 рублей.

отряды Красной Гвардии достигают нескольких сот, а то и тысяч человек. Это уже были большие войсковые соединения Красной Гвардии, на содержание которых нужно было добывать средства. Государственная казна, в лице Исполнительного Комитета и местных Советов, денег не имела, отряды деньгами не снабжались и они сами должны были находить возможность существовать. Вполне понятно, что за средствами существования они в первую очередь обращались к самому населению. С одной стороны, эти средства они получали как добровольное даяние населения, а с другой—эти отряды прибегали к насильственному собиранию средств, к контрибуциям и реквизициям. Реквизиции производились у населения богатого, кулацкого, и, таким образом, кулаки, еще не бывшие в рядах белого движения, становились в его ряды. С другой стороны, в рядах Красной Гвардии было не мало всякого порочного элемента, включая уголовных преступников. Естественно, что эти элементы, находясь в рядах Красной Гвардии, имея в руках оружие, использовали все это для личной наживы. Имели место грабежи, а то и убийства. Вначале в кулацких слоях населения поднимается ропот против Красной Гвардии; потом, по мере того, как борьба с белыми разгорается и затягивается все больше и больше, этот ропот перекидывается в ряды многочисленного середнячества. Стараясь подавить контр-революционное движение, красногвардейские части своими же руками увеличивают количество белогварских отрядов.

Одним из первых местных восстаний на Кубани необходимо считать восстание станицы Прочноокопской в конце февраля 1918 г. Казачество предложило выехать из станицы сторонникам Советов. Первый Областной Исполнительный Комитет вынужден был применить силу оружия. Прочноокопское восстание было подавлено. но в это время подымается новое восстание, в станице Баталпашинской, где собрался Отдельский съезд Советов. Контр-революционным офицерством этот съезд был разогнан, а его председатель, комиссар просвещения Макеев, член Областного Исполнительного Комитета, был убит. Отдельский съезд начал собираться в соседней большой станице Отрадной, а на Баталпашинск был двинут организованный одним из первых при Облисполкоме отряд Красной Гвардии, под командой Балахонова.

В это же время, в большой станице Лабинского отдела Вознесенской, местное многочисленное кулачество подняло восстание против Советов. Сюда также были направлены отряды Красной Гвардии.

В январе 1918 г. тихорецкие рабочие организовали у себя В.-Р. К., на плечи которого сразу же пала многообразная работа, по борьбе с контр-революцией: с одной стороны нужно было ликвидировать заставу Войскового Правительства, обезоруживавшую солдатские части, шедшие с фронтов, с другой — организовать и вооружить отряды Красной Гвардии, готовившиеся вместе с частями 39-й дивизии итти на Екатеринодар, с третьей—вести организационную работу по линии ж. д., среди населения и т. д.

В феврале в Тихорецкой появляется Автономов А. С., присланный Антоновым-Овсеенко, как командир частей Красной Гвардии на Северном Кавказе. Тихорецкий В.-Р. К. передал Автономову всю работу по созданию Красной Гвардии и по ведению войны с Кубанским Войсковым Правительством. Несколько удачных стычек гвардии Автономова с частями Кубанского Правительства дали Автономову тысячи красногвардейцев, которые приходили в Тихорецкую и по одиночке и отрядами.[1]

Екатеринодар, где сидели верхи кубанского казачества, видя, что у населения нарастают большевистские настроения, что возвращающееся с фронта казачество стоит за Советы, всячески помогает полковнику Покровскому организовать добровольческие и офицерские части. Молодое офицерство по всей Кубани получило повестки Областного штаба явиться в Екатеринодар. Явившихся тут же передавали в офицерские части Покровского.

Дворянско-кулацкая поместная казачья контр-революция собиралась наступать. Но в это время уже начали наступление на Екатеринодар крупные отряды Красной Гвардии. Из Тихорецкой наступали Автономов и Сорокин, с запада — Золотарев, с юга — новороссийские рабочие, с востока части 39-й дивизии и отряд Никитенко. Дружным натиском частей Красной Гвардии, войска Кубанского Войскового Правительства и добровольческие части Покровского были выбиты из Екатеринодара и отступили в горы.

В Екатеринодаре организовался Временный Революционный Комитет.

Около середины марта Областной Исполнительный Комитет переезжает из Армавира в Екатеринодар.

В Екатеринодаре сразу объявилось несколько организаций, претендующих на власть. Областной Исполнительный Комитет сразу же натолкнулся на условия, в которых не могла итти никакая плодотворная работа. Несколько Революционных Комитетов, целые десятки штабов, тучи комендантов,—все это осуществляло власть, все это претендовало на власть в масштабе области.

Неполное представительство населения области в Исполкоме (представителей двух отделов не было) заставило Исполком поторопиться с созывом 2-го съезда Советов в Кубани.

18-го марта 1918 г. Областной Исполнительный Комитет постановляет:

> „На 30-е марта назначить 2-й Областной съезд Советов, на котором и сконструировать единую, всеми признаваемую власть".

В качестве общей характеристики работ 1-го Областного Исполнительного Комитета на Кубани, необходимо отметить: превалирование интересов исключительно местного, необластного масштаба;

---

[1] В первых числа марта к Автономову пришел с Кубани с отрядом казаков Сорокин. Знакомые по оппозиционным выступлениям против казачьего дворянства в Киеве и Новочеркасске, недавние офицеры, Сорокин и Автономов повели наступление на Екатеринодар.

до 50% всех вопросов, разрешаемых Облисполкомом, были военные; вопросы обсуждались в постоянных пленарных заседаниях.

Рабочим аппаратом Исполкома был Пленум. На Пленуме намечалась повестка дня, тут же она и прорабатывалась, причем повестка дня обыкновенно состояла из массы вопросов, ибо вопросы эти ставились всеми членами Пленума.

Постановка вопросов в повестку делалась членами экспромтом, тут же, на заседании, без предварительного согласования с Президиумом Исполкома.

Обсуждение вопросов то и дело прерывалось „внеочередными заявлениями", которых поступало уйма.

В конце марта 1918 г. в районе Кубанской области появилась Добровольческая армия Корнилова. Корнилов шел на Екатеринодар, не зная, что он был белыми сдан. Получив такие сведения уже недалеко от Екатеринодара, Корнилов направился мимо и пошел к горам. Его цель была—или соединиться с войсками Войскового Правительства и Покровского и драться с красными, или же, „если к тому принудят обстоятельства, уйти в горы и там рассеяться". За Екатеринодаром, в горах, корниловцам и филимоновцам удалось встретиться, и объединенными силами Корнилов повел наступление на Екатеринодар.

В это время собрался 1-й Областной съезд Советов.

Была разработана огромная повестка дня:

Доклады с мест.
Доклад Областного Исполнительного Комитета.
Текущий момент.
Организация власти.
Доклады комиссий.
Земельный вопрос.
Продовольственный вопрос.
Финансовый вопрос.
Создание социалистической рабоче-крестьянской армии.
О постановке врачебно-санитарного дела.
Текущие дела.

С самого начала работ съезда, к Краснодару подошел Корнилов. Под стенами города начались бои. Гнавшиеся за Корниловым и войсками Кубанского Правительства красные части, видя опасность Екатеринодару, быстро стекались к городу. Преимуществом на стороне белых войск нужно считать хорошую организованность, дисциплину и безусловно хороший командный состав. У них плохо было с вооружением, и с артиллерией особенно.

У красных преобладало вооружение, была многочисленная артиллерия, было множество пулеметов, было в достаточном количестве снаряжение, и был численный перевес войск, но зато не было организованности, не было квалифицированного командного состава. Командовали красными Автономов и Сорокин.

Под стенами Екатеринодара начались упорные бои. На второй же день корниловцам удалось подойти к самому Екатеринодару, а некоторые из их частей ворвались уже в окраины города. В это

время на позиции начали усиленно выступать рабочие Екатеринодара; вышли они почти поголовно. В бою приняли участие даже старики, женщины и дети.

В этих условиях должен был работать съезд. Некоторые делегаты, испугавшись, разбежались по домам.

Съезд, на одном из первых заседаний, постановил:

— Сейчас идет решительная схватка с белыми под командованием Корнилова и Филимонова, угрожающими Советской власти Кубанской области. Распустить съезд тогда, когда революционные войска жизнью и кровью защищают Советы и Рабоче-Крестьянское Правительство, съезд считает несвоевременным, необходимо дружно работать съезду, который станет моральной поддержкой Красной Армии. Работа съезда только началась, и если ее теперь же прервать,— не будет выполнена воля восставшего народа. Съезд постановляет работу продолжать. Связаться самой тесной связью с главнокомандующим и фронтом, послав туда своих представителей, совместно с революционными войсками сделать все для того, чтобы скорее покончить с бандами белых. Итак, вперед, на борьбу с врагами революции, за социализм, за братство народов, за Советскую Народную власть. Съезд клеймит позором тех членов съезда, которые позволили дезертировать из Екатеринодара...[1]

Во время боев многие делегаты, вместо работ на съезде, взяв винтовки, влились в ряды Красной Гвардии. Члены Президиума съезда также много времени проводили на фронте, принимая непосредственное участие в боях, контролируя работу командования разных отрядов, проверяя фронт, и т. д.

Офицер корниловец, Роман Гуль, своими воспоминаниями о боях под Екатеринодаром оставил нам документ, в котором он должен был признать героической защиту Екатеринодара большевиками:

...„Начался штурм Екатеринодара.

Весь день проходит в ожидании. Вести из боя какие-то странные; приедет верховой, сообщит: Екатеринодар взят. По обозу несется „ура“. Едет второй: не взят, наши отбиты, с большими потерями. Томительно тянется день, другой... От Екатеринодара катится беспрерывный гул, штурмуют. К вечеру второго дня, по наведенному парому, обоз медленно переправляется через Кубань. Три подводы становятся на паром. Переплыли и тихо едут по узкой дамбе дороги в Елизаветинскую, отстоящую в 8-ми верстах от Екатеринодара...

Обоз раненых разместился по станице. Мы устроились в церковной сторожке, в ограде церкви...

Утро. Третий день штурма. День голубой, теплый. Артиллерия гудит без всякого перерыва. Ружья и пулеметы слились в беспрестанный, перекатывающийся треск.

Раненые сидят на паперти церкви. Прислушиваются к гулу боя, стараясь определить — близится или нет? Ничего не поймешь. Как будто все на одном месте... Вечереет. Гул не стихает. Еще ожесточеннее, страшнее, ревет артиллерия, как будто клокочет вулкан.

---

[1] Протокол съезда.

...— „Я Львов, Перемышль брал, но такого боя не слыхал“, говорит раненый полковник.—„Они из Новороссийска 35 тяжелых орудий подвезли и палят. Слышите?.. Залпами“... Артиллерия ухала тяжелыми, страшными залпами, как будто что-то громадное обрывалось и падало...

Темнеет. Раненые в сторожке укладывались спать. Из боя пришли Варя и Таня. Варя упала на солому. Обе плачут. „Рота разбита, Саша убит. Ежов убит, Мошков умирает. Ходили в атаку наши, но их отбили, всю роту перебили. Из-за каждого шага бьются, то наши займут их окопы, то они—наши“..

...Ночь—почти без сна. Прибывают раненые. Места нет нигде. Сторожка завалена. Кладут снаружи.

Голубое утро. Опять все лежат. Сидят в ограде. Бой ревет попрежнему. 4-й день штурмуют город. Большевики сопротивляются, как нигде. Укрепились, окопались, засыпают снарядами. Наша артиллерия молчит. Почти нет снарядов. Подымаются цепи за цепями. Идут атаки за атаками. Пехоту сменяет кавалерия. Отчаянно дерутся за каждый шаг.

Едут верховые. сообщают новости. Добровольцы заняли часть города, дошли почти до центра. Бой идет на улицах. Мобилизованные казаки — плохо дерутся. У них матросы и тоже пластуны-казаки, сопротивляются отчаянно.

Привезли раненую сестру, большевистскую. Положили на крыльце. Красивая девушка, с распущенными, подстриженными волосами. Она ранена в таз. Сильно мучится. За ней ухаживают наши сестры. От нее узнали, что в Екатеринодаре женщины и девушки пошли в бой, желая помогать всем раненым. И наши видели, как эта девушка была ранена, перевязывая в окопе и большевиков и добровольцев...

31-е марта. 5-й день беспрерывного гула, треска, взрывов.

Потери добровольцев стали громадны. Снарядов нет. Обоз раненых удвоился. Под Екатеринодаром легли тысячи. Мобилизованные казаки сражаются плохо, нехотя. А сопротивление большевиков превосходит всякие ожидания. Сделанные ими укрепления сильны. Их артиллерия засыпает тяжелыми снарядами. Они бьются за каждый шаг, отвечая на атаки контр-атаками.

Добровольцы охватили город кольцом, оставив большевикам лишь узкий проход, но теперь, на 5-й день боя, кольцо добровольцев охватывается наступающими с разных сторон войсками большевиков, спешащими на выручку Екатеринодара.

Бой с фронта. Бой с тыла.

Каждый час несет громадные потери. Подкрепления ждать неоткуда. Положение добровольцев грозит катастрофой.

Яркое солнце. Веселое утро. Но сегодня все особенно тревожны, что-то носится неприятное, страшное, как будто каждый что-то скрывает...

Знакомый текинец понес из церкви аналой... Подходит бледный, взволнованный капитан Ростомов. — Ты ничего не знаешь? —

„Нет, что?“—„Корнилов убит“, глухо говорит он, „но, ради Бога, никому не говори, просят скрывать“...[1]

Под Екатеринодаром белым был нанесен страшный удар, они потеряли здесь наиболее авторитетного для всех контр-революционных сил военного вождя — Корнилова. Сподвижник Корнилова и Деникина, генерал Эрдели, так записал в своем дневнике 9 апреля:

...„Уходили от Екатеринодара уже с подорванными сердцами и душой. Многие казаки разбежались, начались разговоры о том, чтобы всем разбежать, сдаться и тому подобное“...[2]

Белые были разбиты, Красный Екатеринодар победил.

Время работ 2-го Областного съезда Советов в окружении белого наступления на центр Кубани — Екатеринодар—было героическим моментом, моментом высшего подъема трудящихся по защите Советской власти. Против десятитысячного корниловского отряда Екатеринодар выставил 30-титысячную армию, а места, узнав о боях под Екатеринодаром с корниловцами, посылали свои станичные отряды в помощь Советам.

Потери белых были велики, но гораздо большими были потери красных. Число убитых и раненых у красных первосходило в несколько раз число убитых и раненых белых. Одних сестер милосердия у красных было убито и ранено свыше 300. Такая огромная потеря, в частности в рядах сестер милосердия, объясняется тем, что сестры были не квалифицированными работниками, это были женщины, девушки, взявшие на себя обязанность сестер, вышедшие непосредственно из рядов рабочего класса, беднейшего крестьянства и казачества. Приходили десятки мелких отрядов Красной Гвардии из станиц и с ними приходили целые десятки девушек, в качестве сестер милосердия.

Бои под Екатеринодаром были показателем того, как относится рабочий класс Екатеринодара, крестьянство и беднейшее казачество станиц к новой Советской власти. Защита Екатеринодара — это страница величайшего энтузиазма трудящихся в борьбе за свою Советскую власть.

В дни боев с Корниловым съезд превозгласил Кубанскую область — Кубанской Советской Социалистической Республикой.

Дадим характеристику работы съезда после разгрома Корнилова.

Делегаты на Областной съезд Советов выбирались на местах, Ему не предшествовали отдельские съезды Советов.

Всего собралось делегатов 591 человек, из них большевиков 450 (считая и сочувствующих беспартийных).

Левых социал-революционеров — 96, прочих — 45.[3]

---

[1] Роман Гуль—Ледяной поход, стр. 163.

[2] Дневник генерала Эрдели, стр. 12. Копия с рукописи. С.-К Крайистпарт.

[3] В президиум вошли от большевиков: Полуян Я., Борисенко, Гайченец, Штейлингер, Шовгенев, Тащиев, Черный, Яковлева. От лев. соц.-револ.: Балис, Скворцов, Кобылянский, Вильямовский, Корнилов. Главком—Автономов.

Социальный состав рисует статья газеты: „... из них (делегатов п. б.) 40—50 представителей воинских частей, а остальные делегаты станиц и хуторов. Среди них нет, или вернее мало, интеллигенции. Подавляющее большинство—простые хлеборобы, с загорелыми лицами и мозолистыми руками... Среди делегатов две женщины“.[1]

Основные работы съезда прошли в комиссиях, которых было 16: комиссия народного хозяйства, образования, земледелия, врачебно-санитарная, военная, почтово-телеграфная, путей сообщения, труда, призрения, финансов, юридическая, по докладам с мест, продовольственная, о беженцах, о народной трезвости, революционно-контрольная.

Подробно на работах комиссий съезда мы остановимся во 2-й части этой работы, а сейчас кратко рассмотрим проекты постановлений земельной комиссии, на основе работ которой 2-й съезд Советов утвердил декрет о земле, вызвавший в станице и селе быстрый рост классовой диференциации. Важны пункты 4-й, 5-й, 6-й, 8-й, 2-го раздела, положениями которого не только намечена общая линия земельного строительства, но даны конкретные указания тех мероприятий, сумма которых и составляет остов будущего декрета о земле, внесшего совершенную ясность в дело земельных отношений в области вообще, и на местах в частности, и ускоривших процессы классового расслоения в кубанской станице.

Тут мы читаем:

> 4) Следить за тем, чтобы свободные земли и вообще обрабатываемые участки предоставлялись прежде всего в пользование группам беднейшего земледельческого населения, объединенного товарищества (общины), коммуны и затем уже отдельным земледельцам.
>
> 6) В тех хозяйствах (засеявших или незасеявших своих полей), где хозяева пользуются для обработки наемным трудом, таковой труд не допускать и принять меры к созданию этих хозяйств земледельческими товариществами, путем привлечения к сотрудничеству наиболее бедного и безземельного населения.
>
> 7) Хозяйства тех значительных семейств, которые при обработке земли не пользуются наемными рабочими силами, а исключительно своими силами обрабатывают, оставить в таком же положении, впредь до разрешения этого вопроса высшими Советскими органами.
>
> Содействовать наиболее нуждающимся земледельцам в улучшении их хозяйства, путем выдачи денежных пособий, семян, орудий.
>
> 8) Принять под свой контроль все имеющиеся в данном населенном пункте паровые молотилки и паровые плуги, и использовать их работу наиболее планомерно, продуктивно и в интересах всего населения.

Нельзя не указать, что тут намечены все те мероприятия, которые и теперь еще в вопросах землеустройства и землепользования являются основными. Уже тогда развитию паразитических кулацких хозяйств ставился предел, а колхозы и бедняцкие х-ва получали госпомощь, и это было важнейшим моментом в декрете о земле, внесшим в станицы основы для бурного классового расслоения ее.

---

[1] Известия № 14, 2 апреля 1918 г.

На съезде с докладом о положении рабочих в Баку выступили делегаты от нефтянников. Под аккомпанемент орудий, они рассказывали съезду, как голодает рабочий и бедняк-туземец в Баку, как травит буржуазия рабочих, как устраивает она резню между татарами и армянами, какими мерами туземная и русская буржуазия, объединившись, думает удушить революцию. Внимательно слушал съезд жуткий доклад. Заслушав информацию, съезд вынес постановление, которое мы даем здесь полностью:

„Заслушав доклад бакинских представителей о событиях, разыгравшихся в городе Баку, 2-й съезд Советов Кубано-Черноморской области заявляет, что он рассматривает эти события, как наследие старого режима, как проявление контр-революционных чаяний отжившего крепостного и капиталистического строя, стремящегося националистической травлей одного народа на другой отвлечь внимание мусульманского и армянского трудового народа от его истинных и непримиримых врагов — помещиков, крепостников и капиталистов...

Выражая товарищам бакинцам свою солидарность, и признавая, что интересы бакинского пролетариата тесно связаны с интересами нефтяных промыслов города Баку, от производства коих зависит благополучие экономической и политической жизни всей Российской Советской Республики, 2-й Областной съезд Советов Кубанско-Черноморской области, желая протянуть революционному бакинскому пролетариату свою руку братской помощи, постановляет:

Признать город Баку на положении осажденной контр-революционными элементами крепости революционного пролетариата, героически отстаивающего неприкосновенность этого города в интересах благополучия всей экономической жизни страны и вместе с нею и возможность для мирной, творческой жизни всего трудового народа Российской Советской Республики.

Оказать этому осажденному со всех сторон, имеющему обще-государственное значение городу, в спешном порядке, энергичную помощь, как продовольствием, оружием, так и реальной физической силой, поручая для этого Исполнительному Комитету немедленно привести в исполнение следующее постановление съезда:

Обратиться от имени съезда к Главнокомандующему революционной армией Сев. Кавказа тов. Автономову, указать ему на необходимость расчищения от бесчинствующих, диких, грабительских шаек и дальнейшей постоянной охраны всей линии Владикавказских железных дорог, необходимой для восстановления нормальной органической связи между городом Баку и остальной частью Российской Республики, и предложить ему принять все зависящие меры к оказанию немедленной и решительной помощи товарищам бакинцам боевым снаряжением, вооружением и советскими войсковыми частями.

Обратиться от имени съезда в Кубанский Областной Продовольственный Комитет, указать ему и настаивать на необходимости признания за городом Баку, как осажденного со всех сторон, голодающего и имевшего исключительно серьезное для благополучия всей Российской Республики значение—право первенства на получение из его заготовок хлеба в полной норме, потребной для нормального довольствия всего населения города Баку и его промысловых районов, для чего в спешном порядке организовать несколько маршрутных поездов с хлебом и отправить их под военной охраной в город Баку через Царицын или, по возможности, через Петровск-Порт.

Уделять бакинским делам исключительно серьезное внимание и оказывать всяческое содействие делегатам и уполномоченным бакинских политических, продовольственных и общественных организаций во всех их общих нуждах, а также в особенности по делам правильного снабжения города Баку хлебом, который должен быть объявлен и признан всеми, как военный груз, ни в коем случае не подлежащий реквизиции и следующий к месту назначения в первую очередь.

Съезд Советов Кубано-Черноморской Области заявляет, что только после выполнения всех перечисленных здесь заданий можно быть гарантированным в правильном снабжении всей Советской Российской Республики, а вместе с ней и всей Кубано-Черноморской области нефтью, керосином, бензином, смазочными маслами и др. нефтяными продуктами"...

Не обошлось на съезде, при оценке „текущего момента", без борьбы между обоими советскими партиями, большевиками и левыми эсерами.

Злобой дня „текущего момента" был вопрос о Брест-Литовском мире с немцами. Как известно, левые эсеры отчаянно боролись против Ленинской линии в этом вопросе, ярко вскрыв в этой борьбе всю суть своей мелко-буржуазной революционности. Именно мир с немцами был началом конца блока левых эсеров с большевиками. И кубанские левые эсеры на съезде продолжали бросать свои „революционные фразы" об измене революции фактом заключения мира и проч.; „взбесившийся мелкий буржуа" никак не мог понять всего значения Ленинской политики „передышки"; у него не было той железной, пролетарской выдержки и дисциплины, без которых тактика отступления не может быть успешно проводима. Нужно констатировать, что большевистская часть съезда выступала очень сплоченным фронтом за линию, которую провел по вопросу о мире Ленинский ЦК. Настроений левых коммунистов среди большевиков, присутствовавших на съезде, не было и левые эсеры получили дружный отпор.

Приведем выдержки из резолюции, предложенной съезду фракцией большевиков, которые характеризуют правильное проведение в жизнь фракцией решений 7-го съезда партии:

..."Революция 1917 г., явившаяся продолжением революции 1905 г., поставила на разрешение вопросы не только внутреннего порядка: наделение крестьян землей, установление контроля над производством, улучшение условий труда рабочих и крестьян, — но и вопросы о мире и войне.

Ключем к развитию всех вопросов являлся вопрос о мире.

Русская революция выдвинула требования мира без анексий и контрибуций, на основе самоопределения народов...

Было предложено всем воюющим организациям немедленно приступить к мирным переговорам.

Лишь австро-германские империалисты изъявили согласие к ведению мирных переговоров, пытаясь использовать русскую революцию в своих грабительских целях.

Но русская революция беспощадно разоблачила во время мирных переговоров хищнические цели Австро-Германии, подобно тому, как опубликованием тайных договоров разоблачены были намерения Англо-Франко-Русского империализма.

Но русская революция оказалась пока бессильной перед лицом Австро-Германского империализма, и при военном столкновении с ним понесла поражение и вынуждена была подписать тягчайший мир.

2-й Областной съезд Советов Р. К. Д. Депутатов признает правильными действия Совета Народных Комиссаров и Всероссийского ЦИК'а, выражает им полное доверие и присоединяется к резолюции 4-го Всероссийского съезда Советов Р. С. Кр. К. Депутатов, утвердившего заключенный, невероятно тяжелый, насильственный мир, в виду неимения нами армии и крайнего истощения войной народа, получившего от буржуазии и буржуазной интеллигенции не поддержку в его действиях, а корыстно-классовое использование его.

Съезд признает также правильным образ действий мирной делегации, отказавшейся войти в подробное обсуждение германских условий мира, ибо эти условия навязаны нам явным ультиматумом и неприкрытым насилием.

Съезд самым настойчивым образом выдвигает перед всеми рабочими, казаками, солдатами и крестьянами, перед всеми трудящимися и угнетенными массами самую главную очередную и необходимую задачу текущего момента: повышение деятельности и самой дисциплины трудящихся, создание везде и повсюду крепких и сильных организаций, охватывающих по возможности все производства и все распределение продуктов, беспощадную борьбу с дезорганизацией, разрухой, которые исторически неизбежны, как наследие мучительной войны, но которые в то же время являются первейшей помехой делу окончательной победы социализма и упрочению основ социалистического общества.

Съезд единодушно осуждает грабительские войны, признает право и обязанность Российской Федеративной Республики защиты социалистического отечества против возможных нападений со стороны любой из империалистических держав.

Съезд признает, по этому поводу, безусловным долгом всех трудящихся масс — напрячь все силы для воссоздания и повышения обороноспособности нашей страны, для воссоздания военной мощи на началах социалистической милиции и всеобщего обучения всех подростков и взрослых граждан обоего пола военным занятиям и военному делу.

Съезд выражает непреклонную уверенность, что Советской властью, которая стойко выполняла все обязанности международной солидарности рабочих всех стран в их борьбе против капитала за социализм, будет делаться впредь все, что в наших силах, для содействия международному социалистическому движению, для обеспечения и ускорения пути, ведущего человечество к избавлению от ига капитала и от наемного рабства, к созданию социалистического общества и прочного, справедливого мира между народами.

Не лишена интереса резолюция, предложенная партией левых эсеров, как развернутая формулировка их точки зрения против мира, в которой собран весь букет доводов за революционную войну — мир, „подписанный Советом Народных Комиссаров, губит великую социалистическую революцию“, „трудовой народ, взявший власть в свои руки не может сдаваться на милость победителя“ и т. д. Вся

эта революционная декламация была предложена съезду в следующем проекте резолюции:

2-й Областной Кубанский Съезд Советов заслушал доклад и прения по текущему моменту и указывает, что Октябрская революция есть восстание трудящихся России против отечественной буржуазии и всех ее прихлебателей. Что эта революция, имеющая своим конечным результатом социализм, по самому смыслу выходит из национальных рамок и с лозунгом братства трудящихся всех стран борется в смертельной схватке с злейшим врагом тружеников — международным капиталом.

Съезд заявляет: классовая борьба, вылившаяся в гражданскую войну в Октябре, Ноябре и Декабре и свергшая русскую буржуазию и ее лакеев — правых эсеров и меньшевиков, не может прекратиться только потому, что русские банкиры и помещики призвали себе на помощь жандармов Австрии и Германии.

Мир. принятый безоглядочно и подписанный Советом Народных Комиссаров, губит великую социалистическую революцию, отдает на заклание помещикам, фабрикантам и банкирам Украинских, Финляндских, Эстляндских, Литовских, Латинских, Польских, Армянских и Грузинских рабочих и крестьян.

Что не может многомилионный трудовой народ, взявший власть в свои руки, сдаваться на милость победителя, на милость предателей из Центральной Рады, на милость бандитов с большой дороги, из Берлина, из Вены.

Съезд постановляет: всеми силами продолжать войну с корниловцами и филимоновцами, покушающимися на завоевание нашей революции, со всеми попытками контр-революционеров восстановить Учредительное собрание и тем вернуть власть Корнилову и Керенскому.

Защищаться и защищать дорого добытую свободу от покушений германского и австрийского империализма, идущего походом на Советскую Россию в помощь русским капиталистам.

Оказать всяческую помощь трудящимся России в их неравной смертельной борбе с международным капиталом.

Кубанский Областной Съезд Советов верит, что трудовые массы России не настолько бессильны, чтобы покорно, не пробуя даже защищаться, отдать свои земли и фабрики, свои Советы, свою свободу — паразитам и эксплоататорам.

Съезд знает, что близок тот момент, когда к рабочим, крестьянам, казакам и горцам России присоединятся трудящиеся всех стран. С этой верой Съезд, отбрасывая в сторону всякое соглашательство с буржуазией, провозглашает:

Да здравствует всемирная социалистическая революция!

Да здравствует Совет Народных Комиссаров!

Да здравствует беспощадная, безостановочная борьба с отечественной и международной буржуазией.

Да здравствует 3-й Красный Социалистический Интернационал!

При голосовани за резолюцию большевиков подано 422 голоса, против— 63, воздержалось — 83.

Съезд избрал Исполнительный Комитет, а последний выделил из своей среды Совет Народных Комиссаров.[1]

---

[1] Состав Исполкома: Ивницкий, Марочкин, Гайченец, Полуян Ян, Крючков, Борисенко, Швец, Коробкин, Тащиев, Тимченко, Дунин, Ел. Полуян, Гуменный, Автономов, Воловик, Шовгенов, Чуваев, Соркин, Бакулин, Кривенко, Кириченко, Богословский, Волик.

От левых эсеров: Балис, Северцов, Вильямовский, Корнилов, Озеров, Рыло, Петров, Бугрий, Прозоря и Булатов.

Совнарком: военный — Швец, труда — Ивницкий, земельный — Вильямовский, нар. хоз.—Марочкин, продовольствия — Коробкин, финансов — Дунин, внутренних дел — Полуян, просвещения — Ел. Полуян, юстиции — Вильямовский, призрения— Озеров, Нар. здравоохран.— Гуменный, почт. и тел.— Петров, нац. дел—Шовгенов, путей сооб.— Соркин, печати — Тащиев.

Нечего и говорить, что общие условия работ для вновь организованного Центрального Исполнительного Комитета Кубанской Республики и Совета Народных Комиссаров были в это время особенно тяжелыми. Множество воинских частей, расположенных в Екатеринодаре после корниловских боев, главным образом и создавали те трудности, с которыми и приходилось первое время Исполнительному Комитету иметь дело. Реквизиции, конфискации, конфликты на почве занятия зданий, взятия инвентаря, отобрание всего того, что по мнению воинских частей им „нужно", вот вопросы, какими Исполнительный Комитет вынужден был заниматься.

Работал Исполнительный Комитет, главным образом, своим пленумом. Роль Президиума Исполнительного Комитета сводилась к тому, что он тут же, на заседании, намечал вопросы, составлял повестку и руководил собранием. Связь с местами огромной территории Кубанской области в это время поддерживалась курьерами, которых присылали, главным образом, станицы и села. С одной стороны, места хотели знать, как и чем окончилась борьба с Корниловым, с другой стороны — им нужны были указания по организации Советов, как работать в разрешении многообразных станичных и сельских вопросов и т. д. Станицы и села требовали указаний по работам комиссий, какие выделялись на местах Советами. Без преувеличения можно сказать, что в этот период вся работа зиждилась на комиссиях, начиная от самого Центрального Исполнительного Комитета Кубанской Социалистической Республики и кончая Советами мест. В самом Екатеринодаре была нездоровая атмосфера. В дни борьбы с Корниловым все было подчинено военной организации. Вся жизнь города была направлена на способствование частям Красной Гвардии в их тяжелой борьбе с корниловщиной. Вся многообразная сеть военщины, какая была раскинута в момент борьбы, осталась и автоматически продолжала действовать в то время, когда в этом уже не было необходимости. Работа этой сети становилась помехой в работах ЦИК'а и городских советских организаций. Это скоро сказалось на работах ЦИК'а. Комиссар здравоохранения заявил в ЦИК'е, что он работать не может, слагает свои полномочия, в виду того, что все учреждения здравотдела милитаризованы и ими управляет заведующий здравотделом от военной организаций.

Комиссар юстиции вошел с аналогичным заявлением, в виду того, что все судебно-следовательские учреждения, включая милицию и уголовный розыск, были под властью военного представителя. ЦИК постановил предложить командованию армией немедленно ликвидировать эти организации. Командованием такие распоряжения отдавались, но проводились в жизнь таким образом, что в ближайшие дни ЦИК должен был стать перед конфликтом — он должен был отдать распоряжение об аресте и устранении и зав. здравоотделом и зав. юстиции от военных организаций. Тут ЦИК столкнулся лицом к лицу с партизанщиной, с необходимостью борьбы с ней. Это был момент, когда стало ясно, что формальная

организация власти еще не решает вопроса возможностей строительства, что ЦИК'у необходимо иметь в своем распоряжении, в своих руках, такие реальные силы, которые бы дали возможность проводить это строительство, быть хозяином положения, которые бы дали возможность ликвидировать партизанщину, авантюризм, самозванство и т. д. Нужны были в руках ЦИК'а такие силы, какие бы все это могли ликвидировать в любое время.

Партизанщина и бандитизм в это время развивались с угрожающей силой. Они имели место и в рядах командного состава армии. Один из видных командиров армии и начальник гарнизона Золотарев своим поведением поддерживал и питал бандитизм и партизанщину. Он сам кутил, безобразничал и некоторый период времени ему все сходило с рук только потому, что он имел огромный конвой, большую комендантскую команду, вооруженную до зубов; в его комендантском управлении, в многоэтажном доме, из всех окон торчали пулеметы. Штаб Золотарева на попытки ЦИК'а бороться с партизанщиной, ликвидировать ее, отвечал, что в ЦИК'е контр-революционеры. В одном из протоколов ЦИК'а этого времени мы находим меры, какими он полагал бороться с анархией:

„Устроить митинг, на котором выяснить значение Советской власти населению и революционным войскам, провести праздник и поднести Красное знамя революционным войскам.

В 9 часов утра устроить совместное заседание Исполнительного Комитета, вместе с командным составом армии.

Создать комиссию, совместно с Екатеринодарским Исполнительным Комитетом и поручить ей ведать делами расквартирования войск и снабжения их провиантом, для чего из состава ЦИК'а выделить членов.

Теперь же избрать редакционную комиссию из членов ЦИК'а и поручить ей выработать воззвание к населению и армии“.[1]

ЦИК видел, что в его распоряжении должна быть такая реальная сила, на которую можно в любое время опереться при любом проявлении анархии и бандитизма. С этой целью было внесено предложение, чтобы фракции большевиков и левых эсеров в своих заседаниях обсудили вопросы организации боевых дружин из членов партии большевиков и левых эсеров. Это и было сделано.

На ближайших заседаниях фракции такое решение было принято и началась организация партийных боевых дружин. Боевая дружина левых эсеров впоследствии и ликвидировала Золотарева и золотаревщину.

В борьбе с анархией и партизанщиной принимали участие и городская парторганизация, и Горсовет и общественные организации города.

Рабочие области на своих собраниях и заседаниях не раз ставили вопросы о борьбе с анархией.

Кубанский ЦИК в мае столкнулся с работой целой самозванной организации, действующей в западной части Кубанской области, именовавшейся Черноморско-Кубанским Военно-Революционным

---

[1] Протоколы ЦИК'а К. С. С. Р.

Комитетом. Во главе этой организации стояли анархисты: Рондо, Тимофеев и др.

ЦИК ликвидировал эту организацию, разослав телеграфное распоряжение во все концы Кубани и Черноморья о неисполнении распоряжений самозванного комитета.

Среди командного состава армии рабочих было немного, как и в составе Красной армии. Армия в целом была крестьянской, она собой отражала море бушующей крестьянской стихии.

До мая 1918 г. революция большинства кубанских станиц не являла еще собой эпоху классовых битв на селе, тут не была доделана для этого основная работа, не был еще полностью разрешен земельный вопрос.

В. И. Ленин этот этап революции характеризует так:

„...Пока еще наша революция была занята этой задачей (разрешением земельного вопроса), пока нам приходилось напрягать еще все силы к тому, чтобы самостоятельным движением крестьянства при помощи городского движения рабочих власть помещичья была действительно сметена и окончательно уничтожена, – до тех пор революция оставалась обще-крестьянской и поэтому не могла выйти из рамок буржуазной. Деревня перестала быть единой после введения Комбед'ов".[1]

В развертывании революции на Кубани до лета 1918 года мы имеем яркий пример, подтверждающий Ленинский тезис об этапах нашей Октябрской революции. Действительно, вся та стихия, которая питала кубанскую партизанщину (сильнее здесь представленную в этот период, чем в других районах Северного Кавказа, не говоря уже о центральной России), означала колоссальное движение крестьянских масс, еще четко не диференцированных в процессе борьбы, еще боровшихся единым фронтом „за обще-народную власть." С этой точки зрения, весь процесс борьбы с партизанщиной означал последовательное углубление революции, сдвижение ее с рельс обще-демократических на классовые, пролетарские позиции борьбы в станице и на селе. Если все эти авантюры, о которых будет рассказано ниже, были по существу отражением социального протеста крестьянских вооруженных слоев и части середнячества, шедшего за ними против углубления революции, то именно решительная борьба с партизанщиной советских органов под руководством большевистских организаций означала проведение линии на перевод революции в новый этап, характеризуемый расколом обще-крестьянского фронта внесением классовой борьбы внутрь его. Нужно еще раз заметить, что на Кубани этот процесс перехода от первого этапа ко второму затушевывался, затягивался, осложнялся сословной борьбой иногородних с казачеством. Можно сказать, что на Кубани до лета 1918 года мы имели в качестве основной картины борьбы переплетение обще-крестьянской войны против помещиков с борьбой иногородних масс против казачества в целом. В мае месяце ЦИК Кубани делает попытки реализации

---

[1] Ленин, том XV, стр. 590 — 591.

решений Центральной власти и местных съездов Советов, по уравнению в земельных правах казаков и иногородних и ограничению кулацких хозяйст. Это уравнивание и борьба с кулачеством на местах способствовали диференциации классовых сил в деревне. Мы подробно на данном процессе остановимся в главе „Кубано-Черноморская Республика", сейчас же констатируем, что начало этого процесса, активизируя ряды контр-революции, вводило гражданскую войну на Кубани в новую, более ожесточенную фазу.

Итак, враги продолжали вооружаться, будущее несло новые бои, а общие условия, под действием внешних обстоятельств, благоприятствовали контр-революции.

Со стороны Украины к Северному Кавказу подходили немцы. Советская армия Украины, разбитая немецкими регулярными войсками, бежала на Дон и на Кубань. Было ясно, что Северному Кавказу, а в первую очередь Дону и Кубани, угрожает страшная опасность немецкого нашествия. Перед ЦИК'ом стал вопрос о необходимости борьбы с новым врагом,—с немецким нашествием.

Помимо немцев, довольно быстро подвигающихся к Дону и Кубани, по окраинам Кубани и Черноморья начали подниматься местные казачьи восстания. В это время разбитая Добровольческая армия отдыхала в степях Дона и Ставрополья, разослав отсюда многочисленных агентов по территории Северного Кавказа.

Комиссариаты к этому времени развили большую творческую работу, хотя она и проходила в необычайно тяжелых общих условиях. Некоторые комиссариаты, такие, как внут. дел, юстиции, частично использовали аппараты бывшего Войскового Правительства. Ясно, эти аппараты без особого рвения работали на Советскую власть. Работа же всех остальных комиссариатов должна была быть организована вновь.

На 2-м съезде Советов было дано задание „объединить две соседние республики в одну." Вскоре к реализации этой директивы Кубанский ЦИК и приступил. Работники Кубанской Советской Республики и Черноморской по этому вопросу быстро договорились и 12-го мая Кубань и Черноморье объединились в единую Кубано-Черноморскую Советскую Социалистическую Республику.

ЧЕРНОМОРСКАЯ С. С. Р.

ИНОСТРАННЫЕ ГЕНЕРАЛЫ-ИНТЕРВЕНТЫ, ПОМОГАВШИЕ ДЕНИКИНУ.

1. Мильн, 2. Бриггс, 3. Пуль, 4. Эрлиш, 5. Фукэ, Шапрон и др.

ЧЕРНОМОРСКАЯ ССР.

Особый характер Черноморья — соотношение промышленности и сельского хозяйства в губернии. Роль Новороссийска. Революционные традиции пролетариата. Февраль в Черноморье. Комитеты безопасности. Советы Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов. Весна меньшевиков и эсеров. Съезды соглашательских Советов. Кубанская блокада. Быстрое полевение рабочих масс. Два Ревкома. Уход соглашателей из Исполкома СРКСД. Декабрьский губернский съезд СРСКД.— 1-й съезд Советов. Ликвидация власти буржуазии и соглашателей. Долгополовщина. Энемский бой. Победа над Кубанской Радой. 2-й Губернский съезд Советов и провозглашение Черноморской ССР.

Узкой лентой вытянулась Черноморская губерния по восточному берегу моря, заняв территорию всего в 7.500 кв. кил. На этом пространстве к 1914 году имелось 152.700 чел. жителей, из которых 74 290 были городским населением и 78.500 сельским.[1]

Как видим, соотношение городского и сельского населения здесь совершенно иное, чем во всем Северо-Кавказском Крае. Почти 50% городского населения,— вот первое и основное, чем Черноморье резко выделилось из остальных областей края и что наложило свою печать на развертывание революции здесь.

Черноморье,—это прежде всего крупнейший Новороссийский морской порт, новороссийский промышленный центр с его цементными заводами и железнодорожными мастерскими, и затем уже огородническо-садоводный, скотоводческий район, где полеводство играло незначительную роль. Живописное морское побережье превратило Черноморье в один из ценнейших курортных районов России, что также наложило свою печать на состав населения и экономическое развитие губернии.

Указанный экономический характер губернии определился с одной стороны наличием морского побережья, с другой стороны—горной сильно пересеченной поверхностью местности, в которой трудно встретить ровное плато длиной и шириной в километр.

Разжиженность сельско-хозяйственного населения губернии сохранилась вплоть до революции, несмотря на очень упорную политику царизма по колонизации этой окраины России, начавшейся с 60-х годов XIX века.[2]

[1] „Статистический справочник юго-востока России". Вып. 2-й. Ростов Дон, 1923 г., стр. 10.

[2] „Как известно, покорение Закубанского Края повлекло за собой уход 400.000 черкесов в Турцию; из этого числа 200 тыс. приходится на Черноморское побережье. Край опустел, черкесские сады одичали. На места, брошенные черкесами, в 1864 г. был переселен Шапсугский береговой пеший батальон Кубанского

Большие, крепко осевшие крестьянские массы правительству сконцентрировать не удалось, главным образом, по следующей причине. Лучшие участки земли в непосредственно-прибрежной полосе были расхвачены на особо льготных условиях земельными спекулянтами и разными влиятельными особами из русского дворянства, стремившимися иметь курортные места у лазоревых берегов Черного моря. Крестьяне вынуждены были селиться на худших горных участках земли, весьма плохо связанных дорогами с центром рыночной торговли, вследствие чего трудно было сбывать продукты, а вместе с тем ведение полеводства требовало здесь чрезвычайно больших усилий.

Эти неудобства усугублялись скверными климатическими условиями губернии, совершенно не подходившими для жителей русских равнин. Малярия, свирепствовавшая здесь, косила переселенцев; одни из них умирали, другие разбегались, и только немногие обосновывались и обживались на новых непривычных местах.

Только с постройкой железной дороги (1888 г. Новороссийск—Тихорецкая) внешняя торговля кубанским, ставропольским и терским хлебом и развитие промышленности быстро продвинули вперед колонизацию губернии, но уже на новой, городской основе".[1]

Таким образом, господствующее положение в губернии занял Новороссийский округ (всего было 3—еще Туапсинский и Сочинский), который и определил своим развитием экономическую эволюцию губернии в целом, и ее место и роль на всем Северном Кавказе.

В 1897 г. из 18.700 ч. всего городского населения губернии на Новороссийский округ падало 16.300 чел., а в 1914 г. из 74.200 ч.—47.000 ч. В Новороссийске к началу войны 1914 г. сосредоточилась примерно 1/3 населения всей губернии и более 2/3 пролетариата всего Черноморья.[2]

казачьего войска в составе 4.157 душ, расселившийся в 10 станицах между Геленджиком и Туапсе. Однако. попытка военной колонизации закончилась крахом. Переселенцы, не приспособленные к местным условиям, вымирали. До 1866 г. кроме оставшихся в небольшом количестве черкесов и казаков. сюда переселялись пришедшие из Турции армяне и греки". Янчевский.—Новороссийская и Сочинская республики в 1905 г. Севкавкнига, Ростов-Дон. 1926 г.

[1] Вот данные, характеризующие успехи городской колонизации. взятые из сборника статей „Черноморский округ и произв. силы". Новороссийск, 1923 г., стр. 15:

Год	Число предприятий	Количество рабочих	Проц. отнош. колич. раб. к 1897 г.
1897	26	1.774	100%
1899	24	2.834	159%
1901	169	3.725	210%
1903	269	3.863	219%
1904	274	3.217	180%

[2] „Стат. справ. юго-востока России". Вып. 3-й, стр. 10—11.

Основными отрядами Новороссийского пролетариата являлись рабочие цементной промышленности — 2.696, портовые грузчики около 2.000 и рабочие жел.-дор. мастерских около 1.000 человек. Его союзником в деревне было батрачество, которое довольно широко применялось на виноградниках и табачных плантациях, и группы нацменьшинств (армяне, греки, черкесы, грузины и т. д.), довольно многочисленные и питавшие жгучую ненависть к царизму и помещикам.

Противоположный лагерь — земельная спекулянтская буржуазия, капиталисты новороссийских предприятий,— хотя и был чрезвычайно цепким и обладал специфической расторопностью приморской „тертой“ буржуазии, но, конечно, по сравнению с остальными областями края он слабее противостоял классовым силам революции. Если взять Черноморье изолированно от всего края, то нужно будет сказать, что именно здесь было наиболее благоприятное соотношение сил для революционной борьбы рабочего класса.

Начиная с Февральской революции, на Черноморье быстрее и острее, чем в других районах Северного Кавказа, развертывается классовая борьба, что объясняется также и богатыми революционными традициями Черноморского пролетариата и крестьянства. Новороссийская и Сочинская республики 1905 г. — это незабываемые страницы прошлого Черноморского пролетариата. Рабочий класс цементной промышленности и строительных работ, раскинутых по берегу моря от Новороссийска и до Сухума, зажатый в тиски жадной приморской буржуазии, восстав в 1905 г., дал незабываемую картину революционной борьбы и привлек к себе внимание всей тогдашней революционной России. Поэтому борьба рабочего класса Черноморья с Временным Правительство и его агентами носила более организованный характер, несмотря на засилие меньшевиков непосредственно после Февраля, власть перешла в руки Советов на Черноморье раньше, чем в других местах Северного Кавказа. В Туапсе и Сочи, уже фактически в ноябре 1917 г., власть была в руках пролетариата и беднейшего крестьянства.

С переворотом в Новороссийске, да и остальных городах Черноморья, власть перешла в руки „Комитетов безопасности“, которые составлялись из представительства общественных организаций и политических партий. „Комитет общественной безопасности“ в Новороссийске организовался 4-го марта, взяв на себя все функции власти, т.-е. губернатора и губернского правления.

7-го марта организовался Совет Солдатских и Рабочих Депутатов. На ряду с органами власти, рожденными революцией (Комитет безопасности СРСД), работала и старая Городская Дума. Явившийся вскоре комиссар Временного Правительства Николаев, член партии кадетов, начал управлять губернией „по губернаторски“. Он не признавал СРСД властью, был противником комитетов в воинских частях гарнизона. Это привело вскоре к столкновению между СРСД и Николаевым. Разногласия углублялись с течением

времени все больше и больше. От Февраля и до осени 1917 г. в Новороссийске господами положения были меньшевики и эсеры. За ними шло большинство рабочих масс города. Немногие большевики еще только начинали работу по овладению рабочими, вот почему в мае, когда большевики при перевыборах Городской Думы выступили со своим отдельным списком, они были легко затравлены буржуазией и соглашателями. Большевики свой список сняли.

28-го (15) июня собрался губернский съезд уполномоченных СРСД. Делегатами периферии было выдвинуто требование, чтобы „Совет Рабочих и Солдатских Депутатов“ впредь именовался „Совет Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов“. Бедняцкое крестьянство губернии хотело видеть в качестве своей власти Советы Рабочих, Солдатских и (своих) Крестьянских Депутатов, а там до сего времени представительство крестьян было слабым. Это предложение съезд принял.

Основным вопросом на периферии был вопрос земельный. Пригодной для полеводства и скотоводства земли в Черноморье вообще мало и то лучшие ее части были расхватаны буржуазией и земельными спекулянтами. Понятно, что на съезде земельный вопрос стал остро. После горячих прений была вынесена следующая резолюция:

„1. Вся земля должна быть изъята из частной собственности, ее нельзя ни покупать, ни продавать, ни закладывать, ни арендовать, она переходит в общенародное достояние без выкупа. Каждому должно быть дано столько земли, сколько он может своим трудом единолично или в товариществе с другими обрабатывать, и сколько ему нужно для его потребностей. За пострадавшими от этого переворота — право на общественную помощь до устроения им личной жизни.

2. Разрешение аграрного вопроса принадлежит Учредительному Собранию, до которого всякий насильственный и неорганизованный захват земель не допускается. Что касается втуне лежащих земель, таковые должны обрабатываться крестьянским обществом по решению земельных комитетов.

3. Предложить Временному Правительству немедленно издать закон о запрещении покупки, продажи, закладывания земель, о сдаче их в аренду сроком до Учредительного Собрания. Отменить законы о выходе из общины (столыпинские).

4. При демобилизации промышленности приспособить как можно больше фабрик и заводов к выработке сельско-хозяйственных машин и продуктов удобрения.

5. Организовать как можно скорее земельные комитеты согласно проекту Временного Правительства с поправками секции. Земельные комитеты должны как можно ближе соприкасаться с СКД.

6. При этих комитетах должны быть немедленно организованы примирительные камеры для улаживания конфликтов между крестьянами и землевладельцами.

7. Статистические отделы земельных комитетов должны собрать сведения:

а) Количество земли: пахотной, луговой, леса, усадебной, под культурой, непригодной к обработке.

б) Количество населения рабочего и неспособного к труду.

в) Количество и качество инвентаря живого и мертвого.

г) Постановка водоснабжения, орошения, удобрения, осушения, корчевания, борьбы с вредителями.

д) Количество и качество дорог и другие сведения, нужные для правильного решения аграрного вопроса.

8. Губернский продовольственный комитет должен немедленно приступить к снабжению крестьянских организаций нужными сейчас орудиями (косы и т. д.) и позаботиться о заготовке семян.

9. Необходимо как можно шире помогать сельским обществам в снабжении их рабочими (военнопленными или другими).

10. Необходимо сократить табачные плантации и увеличить за их счет посевы хлебов и овощей.

11. Советы Рабочих и Солдатских Депутатов должны быть реорганизованы в Совет Рабочих, Солдатских и Казачьих Депутатов.

12. Позаботиться, чтобы после заключения мира немедленно организовать ввоз земледельческих орудий из-за границы.

13. Крестьянство должно как можно шире развить кооперацию, стараться объединять общества потребителей и кредитные товарищества и стремиться к превращению этих кооперативов в производительные".[1]

Как видели, эта резолюция хотя и представляет мешанину положений различных политических партий, но основной тон ее эсеровский.

Для нас важно констатировать, что в первом пункте было записано: „земля должна быть изъята из частной собственности... ее нельзя продавать, закладывать... она переходит во всенародное достояние без всякого выкупа". Хотя дальше и следует обычное для того периода соглашательское заявление, что „разрешение аграрного вопроса принадлежит Учредительному Собранию до которого всякий насильственный и неорганизованный захват земель не допускается", но черноморское крестьянство усвоило именно первый пункт,— он, независимо от желаний соглашателей, революционизировал крестьянство и толкал его на путь быстрого и „самочинного" разрешения аграрного вопроса.

На этом съезде уже стал вопрос о комиссаре Временного Правительства Николаеве. Съезд высказался за ходатайство перед Временным Правительство о смещении Николаева.

В июле Николаев сам просит Временное Правительство об освобождении его от обязанностей комиссара и уходит.

[1] Газета „Земля и Воля" № 47, 15-VI—17 г., стр. 3.

На июльское поражение большевиков в центре соглашательский СРКСД гор. Новороссийска отвечает репрессиями в отношении „левых элементов". 1-го августа (19/VII) Новороссийский СРСД выносит постановление: приветствовать Временное Правительство и Петроградский Совет, создать комиссию по борьбе с „левыми элементами", а 2-го августа в своем заседании СРСКД идет еще дальше,— он выносит постановление:

1. Закрыть митинги. 2. Привлекать к ответственности лиц, призывающих к прекращению войны. 3. Усилить военный контроль над уклоняющимися от отбывания воинской повинности. 4. Образовать военно-следственную комиссию для борьбы с дезертирами. 5. Организовать партдружину из рабочих для борьбы с контр-революцией. 6. Приветствовать Временное Правительство.[1]

Против кого направлены все эти меры, кто эти „левые"? Слишком ясно,— это враги, большевики.

10-го августа проходят перевыборы в Городскую Думу. Блок меньшевиков и эсеров одерживает полную победу. Из 80 мест им достается 63,[2] но идиллия благоденствия то и дело нарушалась то „слева", то „справа".

25-го октября Президиум Новороссийского СРСКД вынужден был послать Временному Правительству протест против слишком агрессивных действий Кубанской Казачьей Рады, где верховодило казачье дворянство и кулачество, чихавшее на демократитизм меньшевиков и эсеров. Казачья Рада объявила Кубань федерацией Российской Федеративной Республики.[3]

Не успел этот протест дойти по адресу, как Пленум СРСКД 8-го ноября (26/X) снова протестует, но уже против большевиков, захвативших в Петрограде власть в свои руки. На следующий день, малочисленные большевики, имеющие на своей стороне рабочих города, дают бой меньшевикам и эсерам. В этот день в Новороссийске в среде СРСКД создались два ВРК: один из меньшевиков и эсеров и другой из большевиков и левых эсеров. Во главе первого стоял Вильнер, во главе второго—юнкер Яковлев.[4]

Рабочие массы Черноморья большевиков встречали с энтузиазмом и от меньшеков уходили с каждым днем все больше и больше.

Уже 12-го ноября меньшевики и эсеры постановляют: в виду засилия большевиков, отозвать своих представителей из Исполкома, оставаясь в Совете.

Большевистский Ревком на 5-го декабря назначает губернский съезд делегатов СРКСД. Съезд начал свои работы 6 декабря (23/XI). На съезде произошел окончательный разрыв меньшевиков и эсеров с большевиками. По уходе социал-соглашателей, съезд делегатов СРКД был объявлен 1-м съездом Советов Черноморской губернии.

---

1 „Приазовский Край" 19-VII—17 г. (1-го августа), № 172.
2 „Приазовский Край" 28-VII, № 180.
3 „Вольная Кубань" № 79.
4 „Листок войны" № 1105.

Пока ушедшие меньшевики и эсеры вместе с комиссаром Временного Правительства Долгополовым изыскивали способы обуздать большевиков, последние совместно с левыми эсерами закончили работу съезда, избрали Исполком и приступили к фактическому управлению губернией.[1]

Кубанская Рада, захватив власть, решила бить революцию экономической блокадой. Постановлением своим и съезда иногороднего населения (1-го ноября), Рада прекратила вывоз хлеба и скота из Кубани, нанося этим ощутительный удар революционному центру России. Такое постановление Кубанских властей ударило прежде всего соседнюю Черноморскую губернию, живущую кубанским хлебом. Удар по Черноморью входил в политические расчеты Кубанского дворянства — большевиков у себя под боком нужно было бить в первую очередь. Отсутствие хлеба и начавшиеся голодовки отразились прежде всего на рабочем классе гор. Новороссийска. Надо было искать выход, и большевики, фактически ставшие у власти, выход видели в свержении Кубанского реакционного правительства.

В этом направлении и начались работы Новороссийского Исполкома. Началась обработка рабочих, организация из них отрядов Красной Гвардии, а тем временем юнкер Яковлев вел успешные переговоры в Трапезунде с фронтовыми частями о приходе их в Новороссийск на помощь рабочим в борьбе с казачьей контр-революцией.

16-го (3) декабря по требованию пришедшей недавно с фронта в Новороссийск 3-й батареи „Кане" была переизбрана Городская Дума, а 17 (4) большевики заняли Управление комиссара Временного Правительства Долгополова, заявив ему, что в нем Черноморье больше не нуждается. Власть полностью перешла в руки Совета Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов, а Исполком решено было именовать впредь ЦИК'ом Черноморской губернии.

Потерявши всякую почву в рядах рабочего класса, меньшевики и эсеры не смогли организовать никакого отпора кучке безоружных большевиков, говоривших и делавших переворот именем рабочего класса Черноморья. Все высшие государственные чиновники Новороссийска по первому требованию передали власть и дела заведующим отделами большевистского Исполкома и, расписавшись в сдаче, ушли. Вот как описывает в своих воспоминаниях этот момент т. Бушко-Жук:

> „...Я должен был сменить поручика Лентовича (комиссара Новороссийского округа — И. Б.) ...я потребовал от него расписку в сдаче дел... Он начал высказывать какие-то протесты, но в конце концов в сдаче дел расписался".

В Черноморье большевики власть получили буквально „под расписку". Через пару дней служащие ряда учреждений, по при-

[1] В Исполком были избраны и назначены заведывать отделами следующие товарищи: Рубин (б) финансов, Михайловский (б) земледелия, Лосев (б) труда, Кириченко (б) продовольствия, Яковлев (б) администрат. управ., Языков — юстиции, Худани (б) призрения, Рено (л. с-р.) н. просвещения, Серадзе (л. с-р.) воен. мор. делом, Жагин (б) статистики. — Листок Войны, № 1128.

глашению ушедших от власти партий, провели забастовку протеста, и жизнь стала входить в нормальную колею.

ЦИК'ом Черноморской губернии ВРК городской думы во главе с Вильером был ликвидирован.

Комиссар Долгополов, не передавая дел ЦИК'у, захватив губернские ценности, решил ночью бежать на Кубань, но был пойман. Ценности были отобраны и переданы заведующему отделом финансов ЦИК'а, а арестованный Долгополов на следующий день на Пленуме Совета должен был дать показания по случившемуся. Объяснения Долгополова не удовлетворили Совет, который предложил ЦИК'у возбудить против Долгополова судебное преследование. Долгополов вскоре скрылся.

Все усиливавшийся голод в Черноморье, с одной стороны, приезд бежавших с Кубани большевиков, спасавшихся от репрессий казачьего правительства — с другой, ускорили формирование отрядов Красной Гвардии среди рабочих города Новороссийска. К этому времени относится приезд для связи большевиков из частей 39-й дивизии, стоявшей в Тихорецкой и Гулькевичах. Эти части решили наступать на Екатеринодар, помогая красногвардейцам, под командой Автономова и Никитенко.

Председатель Новороссийского Совета Яковлев, военный комиссар Серадзе и ряд работников Черноморья, устроив совместное заседание с делегатами 39-й дивизии Будко и Грушко, решили повести наступление на Екатеринодар с двух сторон, с востока и с запада. Наступление на город было назначено на 24-е января 1918 г.

Новороссийцы заторопились, не организовали как следует наступления, не связались с союзником на востоке и спешно двинулись на Екатеринодар. Думали ли Новороссийские руководители появлением рабочих отрядов под Екатеринодаром напугать казачье правительство и фуком взять город, или так велика была военная безграмотность их, несмотря на то, что Яковлев, Серадзе, Перов и др. были офицеры,— сказать трудно. Остается невыясненной причина общей торопливости с наступлением, благодаря чему Новороссийские отряды очутились уже 21-го утром под Екатеринодаром.

Казачьи части, защищавшие Екатеринодар, заняли прекрасные позиции. Защита города велась умело. Начавшийся бой у станции Энем быстро перешел в разгром красных. Новороссийцы были разгромлены, весь комсостав погиб.

4-го февраля 1918 г. передохнувшие и пополнившиеся части Красной Гвардии г. Новороссийска снова двинулись в наступление на Екатеринодар. Теперь Новороссийские рабочие отряды шли рядом с отрядами добровольцев Варнавинского и Ивангородского полков, прибывших с турецкого фронта. Отряды шли с хорошей артиллерией. Комсостав[1] движение новороссийцев согласовал

---

[1] Общее командование принадлежало офицеру Бушко-Жук, умелому и грамотному руководителю и честному революционеру. Восп. Рондо, С.-К. Испарт, опубликованные в журнале „Путь коммунизма" № 31.

с наступлением с востока на Екатеринодар частей 39-й дивизии, с севера частей Красной Гвардии Автономова и Сорокина. Перед выступлением на Екатеринодар, штаб выпустил следующее воззвание-приказ к войскам:

„В настоящее время во всей России происходит борьба с контр-революцией.

Контр-революционеры свили гнезда в разных местах России: в Сибири, на Украине, в Бессарабии, в Закавказье, в Донской области, в Терской области, Астраханской губернии и у нас на Кубани...

...Революционные Советские войска везде побеждают. И победа эта главным образом зависит от того, что во всей России борьба с контр-революционерами ведется согласованно, по одному общему плану.

Делом борьбы с контр-революцией во всей России заведует Петроградский Народный Комиссар тов. Антонов. Он является главнокомандующим всеми русскими революционными армиями.

...Главный Кубано-Черноморский Военно-Революционный Комитет в Новороссийске подчиняется всецело приказаниями тов. Антонова и с его ставкой, находящейся в Матвеевом Кургане — возле Тагангрога и имеет непосредственную непрерывную связь.

В свою же очередь Главный Кубано-Черноморский Военно-Революционный Комитет имеет в распоряжении все революционные войска Кубанской области и Черноморской губернии.

В Кубанской области наступление на Екатеринодар идет с двух сторон: с юга и с юго-востока. Поэтому в Кубанской области имеются два полевые штаба: южный в Крымской и юго-восточный в Тихорецкой. Оба эти штаба подчиняются Главному Кубанскому Военно-Революционному Комитету. Главнокомандующим южного Кубанского фронта назначен тов. Бушко-Жук. Помощником его назначен начальник южного полевого штаба товарищ Марин.

Тов. Бушко-Жук и тов. Марин назначены на свои посты Главным Кубанско-Черноморским Военно-Революционным Комитетом, Кубанским областным Советом Народных Депутатов, Черноморским Центральным Исполнительным Комитетом, Новороссийским Советом рабочих и солдатских депутатоз, Новороссийским отделением Центрофлота, Екатеринодарской партией большевиков, Новороссийской партией большевиков, Кубано-Черноморской фракцией левых социалистов-революционеров и др. демократическими организациями.

Все отряды (Темрюкский, Анапский, Черноморский и др.), все роты эскадроны, команды и др. воинские части, входящие в состав действующей Кубанской южной революционной армии, должны исполнять все предписания главнокомандующего южным фронтом тов. Бушко-Жука и его помощника начальника южного полевого штаба тов. Марина.

Товарищи солдаты!

В революционной армии должна быть внедрена крепкая, товарищеская дисциплина, основанная не на страхе, а на совести и понимании великой и тяжелой роли, которая возложена на революционную армию.

Революционная армия может быть сильна только сплоченностью, товарищеской дисциплиной и сознанием долга...“

Этот приказ-воззвание интересен и по форме и по содержанию. Не говоря о том, что в нем сообщался ряд сведений, которые обычно даются только в секретных приказах, мы должны особо отметить, что теперь-то Новороссийские руководители учли урок Энемского разгрома и главное свое внимание обратили на необходимость установления тесной связи с другими частями и стройного единого руководства операцией.

4-го марта Екатеринодар пал. Белые ушли в горы. Власть в городе Екатеринодаре перешла к ВРК.

Это было время, когда за большевиками пошли не только основные массы рабочих по городам, но и крестьянско-казачье население мест. И иногородние и казаки стали за Советы. Вот что читаем мы в постановлениях митингов казачьих станиц, не говоря уже о селах:

Ст-ца Натухайская, Кубанской области. Общее собрание фронтовых казаков, солдат и всех иногородних постановило объединиться для совместной защиты Совета Народных Комиссаров и просить товарищей других станиц присоединиться.[1]

11-го февраля (29-1) 1918 г. в Новороссийске собрался 2-й съезд Советов Черноморской губернии.

Съезд, созванный главным образом в связи с разгромом Кубанской казачьей контр-революции и необходимостью упорядочения и оживления экономической жизни Края, проработал в секциях основные хозяйственные вопросы (земельный, народного хозяйства, общественного труда и т. д.).

Съезд, кончая работу, постановил впредь Черноморскую губернию именовать Черноморской ССР, частью РСФСР, и наказал ближе увязать интересы Черноморья с Советской Кубанью.

Вновь избранный ЦИК Черноморской ССР действительно свои работы старался увязать с работами соседней Кубанской ССР.

Развернуть строительство ЦИК'у не удалось. Внутри республики начали появляться казачьи контр-революционные банды, извне в портовые города Черноморья то и дело заглядывали военные суда капиталистических хищников. ЦИК видел, что тучи контр-революции сгущаются, вот-вот грянут громы иностранной интервенции. В это время от ЦИК'а Кубанской Республики поступило предложение объединить Кубанскую и Черноморскую Республики в одну. Согласие было дано.

---

1 Извест. Новочерк. СРСД, № 42

КУБАНО-ЧЕРНОМОРСКАЯ ССР.

ГРУППА РАБОТНИКОВ КУБ.-ЧЕРНОМОРСКОЙ С. С. Р.

1. Пузырев, 2. Макеев, 3. Борисенко, 4. Ивницкий, 5 Черный, 6. Карякин, 7. Пономаренко, 8. Фарафонов, 9. Полуян Ян, 10. Рубин, 11. Лиманский, 12. Бакулин, 13. Власов, 14. Толмачев, 15. Вишнякова, 16. Азнарашвили, 17. Подвойский и Ефимов, 18. Асаульченко, 19. Волик, 20. Ел. Полуян, 21. Сотниченко, 22. Побегущев, 23. Лехно, 24. Марочкин.

[1] См. на обороте.

КУБАНО-ЧЕРНОМОРСКАЯ СОВЕТСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА.

Образование республики. Работы отдельских Исполкомов и Советов на местах. Анархия. Расстрел 38 грузинских работников. Немецкая интервенция и организация обороны Республики. Чрезвычайный штаб обороны Республики. Французская миссия. Отделение Кубано-Черноморской Республики от РСФСР. Потопление черноморского флота. Авантюра Автономова. 3-й Чрезвычайный съезд Советов Кубано-Черноморской ССР. Ликвидация автономовщины. Политическое положение на местах. Хозяйство Республики. Военное положение ее. Некоторые мероприятия, от проведения в жизнь которых ЦИК воздержался. Отправка ценностей в Центр. Отход казачества от Советов. Трагедия бедняцко-середняцк. слоев казачества.

На II съезде Советов Кубани 30 марта 1918 г. был поднят вопрос о необходимости слияния двух соседних республик в одну Кубано-Черноморскую ССР. Это диктовалось во-первых военной необходимостью и, во вторых, указанной выше экономической взаимозависимостью обеих областей, отрезанных теперь от центральной России и, благодаря этому, еще более и тесно связанных друг с другом хозяйственными нитями.

Горный характер Кубани и Черноморья помогал начавшей организовываться казачьей контр-революции скрываться и перекочевывать из одной республики в другую. Черноморская республика чувствовала себя беззащитной, когда морем подходили интервенционистские суда Антанты.

19 мая 1918 г. работники Черноморской республики прибыли в Екатеринодар. На совместном заседании с Кубанским ЦИК'ом вопрос о слиянии был решен положительно.

В протоколе это записано так:

—„...В виду того, что Советской власти угрожает организованный враг со стороны германских, турецких и украинских капиталистов, в виду того, что Кубанская и Черноморская республики являются дополняющими одна другую, как в политическом, так и в экономическом отношении,— все это побуждает к сплочению и объединению этих двух целых к единству и согласованности действий с одной стороны и сплочению в одно всех общественных сил двух этих Советов—с другой стороны. Основываясь на всем этом, постановили: Республики соединить в одну Кубано-Черноморскую республику"... [1]

В объединенный ЦИК, президиум его и Совнарком вошли кубанские и черноморские работники по-фракционно от большевиков и левых эс-эров. [2]

На одном из ближайших заседаний объединенного ЦИК'а была принята инструкция по работе ЦИК'а и Совнаркома, которую

[1] См. приложения. Протокол № 15 от 10 мая 1918 г.

[2] Президиум ЦИК'а от большевиков: предс. ЦИК'а—Борисенко, зам.— Худанин, секретарь — Циунчик. От левых эс-эров: зам. председ.— Балис, секр.— Корнилов. Протокол ЦИК'а № 15, от 19 мая 1918 г.

интересно здесь привести, как иллюстрацию того процесса революционного строительства, который тогда проходил под знаком „Инициативы и стихийного творчества снизу“.

— „... Центральный Исполнительный Комитет является органом законодательным, Совнарком — исполнительным.

Кворум Центрального Исполнительного Комитета устанавливается в 17 человек.

На заседании Центрального Исполнительного Комитета пользуются правом решающего голоса из комиссаров только те, которые не выступают на данном заседании с докладом.

Президиум Совнаркома создается для экстренного разрешения важных вопросов по Совнаркому.

Для обсуждения вопросов общегосударственного значения, не терпящих отлагательства, созывается объединенное заседание президиума Центрального Исполнительного Комитета и Совнаркома, в случае невозможности созыва пленума Центрального Исполнительного Комитета“...[1].

Обстановка, в которой начало развертываться строительство Кубано-Черноморской республики, была в высокой степени сложной, ибо область представляла из себя плацдарм, не завладев которым контр-революции и интервенции нельзя было протягивать руки к богатым областям угольного Донецкого бассейна, Бакинского и Грозненского нефтяных промыслов.

Французы не могли уступить, не попытавшись отстоять свои хозяйские права на Донецкий уголь. Англичане не могли не попытаться через своих эмиссаров попробовать прикарманить бакинскую нефть так же, как Франко-Бельгийская кампания, державшая в своих руках большинство трамваев, водопроводов и электрических станций городов Северного Кавказа, не хотела свое дело отдавать большевикам. Всем известно, что Дрейфус был фактическим хозяином Северо-Кавказского хлебного рынка; его элеваторы, его агенты и уполномоченные были раскинуты по всему Северному Кавказу.

К годам войны Англия закупила изрядное количество нефтеисточников в районе Баку-Грозный.

Вот причины упорной интервенции, которую мы наблюдаем на протяжении 1918-19 г. со стороны Англии, Франции, при поддержке Америки. Прячась всегда за спину других, делая свои дела чужими руками, Америка не выпирала на первый план, но не подлежит ни малейшему сомнению, что, удержись власть капиталистов в России, все основные отрасли хозяйства Северного Кавказа, такие, как: нефтяная промышленность, хлебное дело, пути сообщения и т. д., в ближайшие же годы были бы предметом отчаянной борьбы между империалистическими хищниками — Америкой, Англией и Францией, с победой Америки.

Вполне понятно, что на территории Кубано-Черноморской ССР, имевшей вооруженную силу, должен был завязаться один из узлов военных и политических взаимоотношений РСФСР и капиталистического мира. Вскоре территория республики становится ареной

[1] През. Совнаркома.

деятельности агентов целого ряда капиталистических стран — в наличии Германии, за нею Англии и Франции. Интервенция империалистических государств страшной угрозой висела над маленькой, еще не окрепшей во всех отношениях, молодой Советской Республикой.

К маю 1918 г. Советская власть на местах, по станицам и селам, по существу только организовывалась: создавались местные Советы, оформлялись Отдельские Исполнительные Комитеты.

В качестве руководящих указаний по строительству на местах, Кубано-Черноморский ЦИК опубликовал постановления II съезда Советов, собрав их все в одну брошюру, представляющую из себя интереснейший материал для изучения первых шагов революционного строительства.

Кубано-Черноморский ЦИК был связан непосредственно с самими местами. Отдельские Исполнительные Комитеты не играли еще той роли, которую они должны были играть, как определенные инстанции Советской власти. Обыкновенно отдельский съезд Советов в это время не предшествовал областному съезду Советов, поэтому не было органической связи у ЦИК'а с Отдельскими Исполнительными Комитетами. В это время ЦИК загружен был на 60—70% делами городскими, в большей части своей мелкими. Последнее объясняется тем, что в городе Екатеринодаре стояли части Красной армии. В рядах армии в это время усиленно начал развиваться бандитизм, пышно расцветала анархия. Это приковывало внимание Кубано-Черноморского ЦИК'а именно к городу. ЦИК не мог уделить достаточного внимания местам, да и связь с местами была неудовлетворительна. Дело связи ЦИК старался наладить, для чего из отделов вызываются председатели исполкомов, заслушиваются их доклады, посылаются члены ЦИК'а в отделы. За короткий период времени были вызваны представители Армавира, Отрадной, Темрюка и др. Позже, наряду с разъездами членов ЦИК'а, стали выезжать инструктора Наркомвнудела, который к этому времени организовал у себя инструктаж.

Анархия, свившая себе гнезда в рядах армии, и главным образом в совершенно разложившихся украинских отрядах, захлестывала города, железные дороги и места. В руках бандитски настроенных отрядов было оружие и они подводили под рубрику контр-революции всех, кого бандит или грабитель хотел просто экспроприировать.

В борьбе с анархией ЦИК принимает ряд срочных мер, организует агитационно-пропагандистскую коллегию, посылает членов ЦИК'а для работы на места, усиливает ЧК (организованную перед этим по аналогии с центром, правда, тут при комиссариате внутренних дел, как его отдел) работниками и т. д.

В ряде черкесских аулов Кубани классовая борьба достигла высокого напряжения, были убийства вожаков черкесской бедноты.[1]

[1] Смотри Раенко-Туранский—„Адыгея до и после Октября", стр. 50, 27 г. Ростов н/Дону—Краснодар. 1927 год, 5 июля. (Продолж. см. на обор.).

14 мая 1918 г. Кубано-Черноморский ЦИК получил телеграмму от отдельского Лабинского Исполнительного Комитета о том, что местным гарнизоном, не подчинившимся распоряжениям местной власти, расстреляна группа неизвестных работников, по всем данным грузинских, ехавших на подпольную работу. Вскоре из Москвы поступила телеграмма на имя Кубано-Черноморского ЦИК'а следующего содержания:

— „...Срочно примите меры по освобождению арестованных Армавире грузинских работников".

ЦИК'ом немедленно были командированы представители в Армавир. Тут они установили следующее: железнодорожной охраной станции Армавир было замечено, что в одном из вагонов, направляющихся на Туапсе-Сочи, в трубах и вентиляторах были револьверы и офицерские погоны. Местная охранная команда железнодорожников, полагая, что едут контр-революционеры, произвела обыск, арестовала всех бывших в вагоне, забрала все и направила в гор. Армавир.

Об этом узнал начальник гарнизона гор. Армавира Молоканов.

Молоканов совершенно не считался с местной Советской властью. Бандит, бывший уголовный преступник, с кучкой подобравшихся приятелей бандитов, он не раз дезорганизовал управление городом. Арестованные попали в распоряжение Молоканова и были направлены в тюрьму. Советские органы, узнав о случившемся, стали обсуждать вопрос о судьбе арестованных и возможностях освобождения их из рук Молоканова. Отдельский Исполком, заслушав информацию об арестованных, постановил: немедленно запросить Москву о том, действительно ли арестованные были командированы. Председатель Отдельского Исполкома по делу арестованных говорил с председателем Терского Совнаркома Буачидзе, который в свою очередь обещал запросить Москву. Но судьбой арестованных распоряжался Молоканов и провокатор, член отдельского Исполнительного Комитета, поп Орлов.

Пустив провокацию, что Исполнительный Комитет и Городской Совет хотят освободить контр-революционеров, что доверять местной Советской власти нельзя, Молоканов со своей „ротой" устроил в тюрьме импровизированный суд над 38 арестованными. Суд из молокановских бандитов создал для подсудимых тягчайшие условия, их не опрашивали, не дали также возможности рассказать о себе, что они за люди, кем они командированы, с какой целью и куда, не смотря на то, что старший из грузинских работников просил слово для того, чтобы все это объяснить.

Суд торопливо постановил — расстрелять всех арестованных, как контр-революционеров.

„По ряду аулов, местная горская буржуазия и духовенство, в союзе с казачьим дворянством, пользуясь темнотой черкесского населения, организуют белые отряды. Провоцируя национальную войну, добиваются того, что черкесские отряды разгромляют крестьянские хутора, нападают на станицы, где грабят „иногородних".

„Под огромным конвоем все были направлены за город к Кубани. Так как это было в 3 часа дня, то следом шла огромная, достигшая 5—6 тыс. человек, толпа жителей Армавира. Временами толпа так близко надвигалась на арестованных, тесня конвой, что ему приходилось прибегать к помощи оружия и плеток. В один из таких моментов, одному из арестованных удалось шмыгнуть в толпу и скрыться“.[1]

Доставленные в „треугольник“, место, где впадает река Уруп в Кубань, грузинские работники были расстреляны залпами молокановской роты и огнем пулемета. Расстрел сопровождался не только криками со стороны расстреливаемых, но шумом и воем со стороны многолюдной толпы, выражавшей свое возмущение казнью. Немедленно после расстрела стали собираться рабочие митинги, требовавшие отчет от местной Советской власти, кого расстреляли, за что расстреляли и т. д. В Армавире началось большое противоанархическое движение. Вскоре ночью неизвестные, убив Молоканова, подтащили к Совету и тут бросили.

Акт произвола бандитов был лишним показателем того, как велики еще были силы анархо-бандитизма в республике, несмотря на огромную борьбу, которая велась с ним властью и всей здоровой молодой советской общественностью.

В мае 1918 г. пала Донская Советская Социалистическая Республика под ударами немецких интервенционистских войск и отрядов донской казачьей контр-революции. Немцы направили на Украину и Северный Кавказ большое количество своих регулярных войск. Хорошо вооруженные, с многочисленной артиллерией, сохранившие „немецкую“ дисциплину, эти войска гнали впереди себя целые толпы разложившихся бывших красногвардейских отрядов Украины и Крыма. Друг за другом, падали главные города и области Украины. Без труда немцы заняли Донскую Республику, заняли Ростов и подошли к Батайску, к границе Кубани. Такое положение не могло не обеспокоить Кубано-Черноморское Советское Правительство. Не имея точных сведений, какое количество немецких войск идет, но понимая, зачем немцы идут в эти края, Кубано-Черноморская власть решила защищаться. Все войска Красной Армии, которые были в это время в распоряжении Кубано-Черноморского Правительства, были двинуты к Батайску. С этого времени батайский фронт делается центральным моментом в жизни республики. Все остальное занимает во много раз меньше внимания, чем немецкий фронт. Из немецких документов мы теперь знаем, что Кубано-Черноморские работники не ошиблись: немцы двигались к донецкому углю, грозненской и бакинской нефти.[2] Кубано Черноморское Правительство повело среди населения широкую агитационную работу против немцев.

Вот выдержки из одного воззвания Кубано-Черноморского ЦИК'а:

[1] Восп. т. Азнарашвили. С.-К. Истпарт.
[2] Гофман—Война упущенных возможностей. Стр. 194.

—„... Товарищи трудящиеся, великий и грозный час испытаний настал для трудящихся масс Кубано-Черноморской Республики. В то время, когда наши революционные войска добивают последние остатки корниловских банд, в то время когда после упорной и победоносной борьбы с внутренней контр-революцией нам, истомленным в этой борьбе, уже улыбалась спокойная и мирная жизнь, когда мы, разоренные бесконечной войной и грабежами этих разбойничьих шаек, готовы были облегченно вздохнуть и приступить к творческому труду,— враги трудового народа (германская и украинская буржуазия) организуют поход против Кубано-Черноморской Советской Республики и намереваются железом и кровью заставить нас отказаться от тех великих завоеваний, какие удалось нам достигнуть благодаря сознательности и самоотверженной стойкости трудящихся в борьбе с внутренней контр-революцией.

Товарищи и братья. Много мы потеряли сил и крови в этой борьбе. Но мы достигли своей великой цели. Мы освободили родину и себя от вековых цепей рабства, позора и беспросветной политической тьмы, какими издавна окутали ее и нас охотники жить за чужим горбом.

... Берите землю, пашите, кто сколько может обработать руками своими, берите фабрики, заводы—становитесь за станки и работайте на них, как на своих, ибо все это ваше и нет ничего такого, чтобы не было вашим общим, братским достоянием...

... Возврата к прошлому нет, мы не отступим назад, ибо у нас одна дорога, в царство честного всеобщего святого труда, в царство социализма, в царство братства, равенства и любви.

Пусть погибнем мы все. Пусть погибнут все дети наши. Наша дорога одна.

Победа или смерть...

И вот Исполнительный Комитет Кубано-Черноморской Советской республики, избранный II съездом Кубани и Черноморья, обсудив совместно с фронтовым съездом создавшееся положение, постановил: создать Чрезвычайный Штаб Обороны Кубано-Черноморской Советской Республики и предоставить ему неограниченные полномочия по обороне Кубано-Черноморской Советской Республики...

... Всякое сопротивление и неисполнение приказаний Чрезвычайного Штаба Обороны будет считаться выступлением против Советской власти и будет пресекаться всеми имеющимися в распоряжении Чрезвычайного Штаба Обороны средствами.

Трудящиеся Кубани и Черноморья! Настал последний и решительный час борьбы с контр-революцией. Предоставьте же все силы и средства для обороны Кубано-Черноморской Республики от германо-украинских контрреволюционных банд“...

Трудовое население гор. Екатеринодара было взволновано нашествием немцев.

На следующий день солдаты, казаки и рабочие Екатеринодара собираются в городском саду, проходит импровизированный митинг и выносится постановление, характерное для митингов 1918 г.“...

—„... Все завоевания Рабоче-Крестьянской революции в опасности, а посему клянемся умереть, защищая свободу и социализм. Мы до глубины души возмущены провокаторской выходкой буржуазных агитаторов, пожелавших сорвать мобилизацию революционных сил и предупреждаем лакеев Николая кровавого, что мы, революционный народ сотрем их с лица земли, если они позволят в будущем шипеть и мешать нашему святому делу. Клянемся итти сами и послать наших детей, братьев, отцов и женихов на защиту нашей социалистической родины. А трусам шлем проклятье и клянемся это завещать нашему потомству.

Клянемся отдать жизнь и свое достояние за революцию. Да здравствует Совет Народных Комиссаров! Да здравствует Советская власть“...

Эта волна митингов по организации обороны пронеслась и по станицам, где также выносились безхитростные, простые, но полные революционного огня „героического периода русской революции“ постановления.

Кубано-Черноморский ЦИК перед лицом грозной внешней опасности, по представлению комиссара юстиции, постановляет амнистировать бело-зеленых и издает следующий приказ:

— „Принимая во внимание, что людям свойственно падать, грешить и раскаиваться, что в настоящий грозный и ответственный момент необходимо собрать воедино все живые силы нашей Советской Республики для серьезной и решительной борьбы с внешним врагом, на основании постановления Кубанского Чрезвычайного Штаба Обороны и с согласия главнокомандующего Автономова, объявляем амнистию всем гражданам, добровольно покинувшим партизанские отряды, борющиеся против Советской власти“...

Этот шаг ЦИК'а был попыткой ослабить все растущий уход середняцкого казачества в белогвардейские отряды, формировавшиеся в лесах, горах и камышах и то и дело нападавших на станицы и села.

Весь этот процесс мобилизации масс, для отпора немцам проходил между прочим и под знаком втягивания в борьбу широких мелко-буржуазных городских масс (интеллигенции в том числе), ибо несомненно, что угроза немецкого нашествия для такого Края, как Кубань, во время империалистической войны, непосредственно не пострадавшего, должна была всколыхнуть националистические элементы мелкой буржуазии, для которой борьба с немцами являлась продолжением войны за родину.

Таким образом, мы видели в этот момент своеобразное переплетение националистических настроений неопределенной мелко-буржуазной революционности, с той классовой пролетарской линией, которую пытались проводить Советские органы под идейным руководством большевистских организаций. Активная роль левых эсеров, находившихся в блоке с большевиками, большое количество на командных должностях в армии лиц, из бывших офицеров, которые потом изменили Советской власти и т. д., являются конкретным выражением этого сложного переплета сил и настроений основной социально-экономической базой которых являлось море крестьянско-казачьей стихии, в условиях по существу еще не проводившейся в станицах и селах пролетарской революции...[1]

Кубано-Черноморское Советское Правительство, готовя вооруженные силы для борьбы с немцами, пыталось в то же время договориться с немецким командованием о том, чтобы немцы в раойн Кубанской области не двигались. Первая схватка немецких войск и войск Кубано-Черноморской Республики у Батайска, когда немцы хотели переправиться через Дон и зайти частям Сорокина в тыл,

[1] Недаром для этого периода наиболее характерной фразой в постановлениях многочисленных массовых собраний и митингов непременно являлась „власть трудового народа, народная власть и т. д.“. Обращаем внимание также на только что приведенный приказ ЦИК'а о бело-зеленых — его стиль весьма показателен.

победу немцам не дала. Огромное количество убитых немецких солдат, похороненных в Нахичевани на „немецком кладбище“ и теперь еще свидетельствует о стойкости Красных частей Кубано-Черноморской С. С. Р. в тот момент. Не дали им победу и все дальнейшие бои; хотя это и не является свидетельством того, что если бы немцы подтянули силы и двинулись вперед, то они одержали бы победу, но эти неудачи показали, что те немецкие силы, какие стояли в это время под Батайском и в районе Ростова, не могли сбить красных войск Кубано-Черноморской республики, что последние представляли из себя более организованную силу, чем бежавшие без выстрела Украинские отряды. Это ободряюще подействовало на Советскую Кубань и усиливало революционные позиции Республики.

В то время, когда Кубано-Черноморское Советское Правительство отчаянно защищало каждую пядь земли от немцев, казачье правительство Филимонова с Радой, сидя в станице Мечетинской не дремлет, а входит с немцами в определенные торговые отношения и ведет линию на то, чтобы Кубань была занята немцами. Это косвенно подтверждают следующие выдержки из соглашения Рады с немецким командованием, найденного в делах Совета Кубанского Правительства:

> ...—„Для проведения указанного товарообмена, иператорская Германская портовая комендатура предосталяет потребное судовое помещение, не возлагая на другую сторону какие либо истекающие из всего дела расходы, насколько это касается судового помещения, принадлежащего портовой комендатуре.
>
> Расходы, вытекающие при использовании чужого судового помещения, обе стороны несут соразмерно принимаемой каждой стороной товаров.
>
> Из прибылей, получаемых от продажи доставленных товаро-обменом товаров, обе стороны получают по 50%, причем императорская Германская портовая комендатура все расходы по погрузке и выгрузке в Керчи и Поти, а также по доставке в Поти, согласно первого и второго пункта сего договора, принимает на себя, а товаро-обмен покроет все расходы по погрузке и выгрузке товаров в Тамани.
>
> ...Все, на основании сего договора между обеими сторонами происходящие сделки, подлежат особому письменному подтверждению обеих сторон, в котором должны быть помещены устно оговоренные условия“...[1]

Белые патриоты готовы были запродать „родную Кубань“, кому угодно, за какую угодно цену, лишь бы это дало возможность подавить революцию и вернуть старые порядки.

Чрезвычайный Штаб Обороны Республики призван был прежде всего превратить нестройные, недисциплинированные отряды Красной армии, созданные ранее, в „порядке импровизации“, в дисциплинированный военный кулак, держащийся не только на энтузиазме, но и на определенной элементарно военной организованности. Вскоре Чрезвычайный Штаб Обороны опубликовал следующий приказ:

---

[1] Кубанский архив, фонд Совета Куб. В-го П-ва.

— „Чрезвычайный Штаб Обороны Кубано-Черноморской Республики, созданный Областным Исполнительным Комитетом Республики из представителей от Областного Исполнительного Комитета, главного штаба 1-го фронтового съезда Кубанских Революционных войск, в минуты грозной опасности, со стороны надвигающихся германско-гайдамацких контр-революционных войск, приняв на себя тяжелую задачу обороны молодой Советской Республики, объявляет всем, что с момента издания настоящего приказа, вся полнота верховной власти по обороне республики принадлежит штабу и призывает всех объединиться вокруг него для отпора врагам и защиты власти. Для сего призываем:

Считать главнокомандующим всех войск, находящися на территории Кубано-Черноморской республики тов. Автономова, избранного на этот пост Областным Кубано-Черноморским съездом Советов, фронтовым съездом Кубанских революционных войск и утвержденного Советом Народных Комиссаров.

Помощником главнокомандующего считать начальника Главного Штаба тов. Мацилецкого.

Никаких отдельных выступлений помимо приказаний товарищей Автономова и Мацилецкого не производить.

Неустанно помнить о товариществе, революционной дисциплине и сознательно подчиняться ей.

Всем имеющим оружие, или вступить в ряды революционных войск, или сдать таковое в местные Исполнительные Комитеты для снаряжения добровольцев.

Всем начальникам отрядов, немедленно по получении настоящего. дать точные сведения о количестве войск, снарядов, патронов, обмундирования и прочего имущества, находящегося в их распоряжении.

Виновные в нарушении настоящего приказа будут рассматриваться, как контр-революционеры“...

Познакомившись с фронтом Штаб Обороны информировал президиум ЦИК‘а о положении в Красной армии. Оно было тяжелым. Армия была далеко не стройным организмом. Вопросы жизни и быта армии, а также оперативные и боевые работы разрешались митинговым порядком. Понятно, что тут была богатая почва для любой провокации. Перед ЦИК‘ом и Штабом Обороны стал вопрос, как выйти из создавшегося положения? И здесь власть правильно нащупала путь, по которому должна была итти работа по оздоровлению армии. Нужно было создать стойкий костяк. Таким костяком могли быть только части с сильным партийным составом. И ЦИК пошел по этому пути. Он предложил фракциям большевиков и левых эсеров из своих членов партии организовать отряды и двинуть их на фронт, надеясь, что эти отряды, составленные из членов партии, во главе с надежными партийными командирами, станут безусловно сильными военными единицами, и быстро обрастут большим количеством бойцов; в этих больших отрядах удастся ввести необходимую дисциплину и в конце-концов, посредством их провести оздоровление всей армии. Интересно привести постановление ЦИК‘а по этому поводу, как документ, в котором создание таких отрядов указывалось выполнением задачи централизации власти:

„Издать приказ об организации фракциями левых социал-революционеров и большевиков партийных боевых дружин из членов партий.

Партийным боевым дружинам влиться в Красную Армию для оказания боеспособности и дисциплинированности.

Подчинить все отряды местных Советов штабу.

Теперь же упразднить Военно-Революционные Комитеты и те военные секции, которые образовались переименованием в таковые из В. Р. К. в целом или частично, избрав новые.

Теперь же начать беспощадную борьбу с диктатурой на местах и работой безответственных лиц и организаций.

Безусловное подчинение Советам по инстанциям.

Повести энергичную агитацию без уклонения к анархизму и коммуне, заявив, что в коммуну идут добровольно.

Лиц, выступающих с анархическими речами преследовать, как подрывающих Советскую власть.

Принять решительные меры к изысканию средств на местах.

Теперь же начать пайковое довольствие семей мобилизованных.

Теперь же широко опубликовать постановление 2-го областного съеда и распоряжения ЦИК".

Сложность международной обстановки требовала не только крепко дисциплинированной армии, с централизованным управлением, но теперь уже нужно было и хорошее командование с большой военной подготовкой и практическим опытом. Красная Армия насчитывала в своих рядах десятки тысяч воинов. Она стояла лицом к лицу с немецкой армией, лучшей в мире по боеспособности, вот почему ЦИК не только организовал Чрезвычайный Штаб Обороны Республики, но и послал главкома Автономова к видным генералам, отдыхавшим на минеральных группах. Автономов должен был от имени ЦИК'а сговориться с генералами об их участии в борьбе с врагами республики. Из этой поездки красного главкома на поклон к генералам ничего не вышло. Генералы Рузский и Радко-Дмитриев отказались командовать красными против Деникина, а мелкий жулик Шкуро обманул. Приезд Автономова на группы с задачей привлечь военных спецов работать, произвел на военщину большое и „положительное" впечатление. Вот как этот момент описывал генерал Слащев в своих воспоминаниях:

„В конце апреля в Кисловодск прибыл Автономов. В это время я как-раз находился в лазарете под своей настоящей фамилией, а не бродил в горах. В лазарет пришло два вооруженных человека и потребовали, чтобы я пошел вместе с ними.

...Меня привели на вокзал в поезд Автономова и там же я застал и Шкуро. Автономов осведомился, действительно лиякомполка старой армии и академик генштаба. После моего утвердительного ответа, он заявил мне, что немцы стоят у границы Кавказа и, что сейчас надо бросить всякие разногласия и защищать родину, с этим же он обратился к Шкуро. Возражений не могло быть. Автономов подошел ко мне с точки зрения моей идеологии, под которой я был воспитан. Мы выехали в Ессентуки, где я еще застал генерала Радко-Дмитриева. Туда же прибыл Буачизде и Терский предсовнаркома. Речь Атономова на митинге сводилась к тому, что он говорил мне—он призывал казачество к борьбе с немцами и буквально заявил „Теперь не может быть ни красной, ни белой армии, а может быть только армия спасения родины". Что это было умышленное отклонение от большевизма, или он также был нетверд в классовой борьбе,—я не знаю, но на лиц, вроде меня, ничего

в то время не смысливших в борьбе классов и в глаза не видавших сочинений Ленина и Маркса — это произвело сильное впечатление. Тем не менее, зажиточное казачество очень резко отвечало Автономову, принося ему ряд жалоб на свои повседневные невзгоды — видимо классовые интересы проявлялись в них инстинктивно. Мне пришлось выступить и заявить, что все жалобы могут быть разрешены потом, а сейчас каждый русский должен итти в армию и защищать свою родину"...[1]

Но напряженность общей обстановки в это время усугублялась еще новым обстоятельством, освещение которого представляет громадный исторический интерес, как ярчайшей иллюстрации тех сложных, парадоксальных положений, которые переживали молодые республики, с одной стороны входившие в РСФСР и выполнявшие общие директивы центра, а с другой стороны, бывшие фактически почти самостоятельными государствами, имевшими свою „особую международную" обстановку.

Из Севастополя, стоянки Черноморского флота, переданного по Брестскому миру немцам, снимается большая часть флота и уходит из немецкого плена. Флот прибывает к берегам Кубано-Черноморской Республики, в порт Новороссийск.

Делегации матросов Черноморского флота одна за другой посещают ЦИК, просят принять Черноморский флот под Красное Знамя Кубано-Черноморской С. С. Р. и разрешить флоту вести борьбу с общим врагом, — немецкими империалистами.

Кубано-Черноморская Республика обстоятельствами была вынуждена, помимо воли своего правительства, вести вооруженную борьбу с немцами. Что ее Правительство могло ответить Черноморскому флоту, когда удовлетворение просьбы его означало нарушение Бреского договора, а следовательно неподчинение Республики Центральному Правительству? Черноморцы заверяли, что флот окажет армиям очень большую помощь. Начались беспрерывные заседания ЦИК'а республики с представителями Черноморского флота, с делегациями от Красной Армии и т. д. Докладчики от Черноморского флота убедительно доказывали необходимость принятия предложений, красочно расписывая всю ту силу, которую будет представлять Республика в борьбе с немцами, имея сухопутную армию и флот.

Они просили, клялись, плакали, а ЦИК не мог притти к твердому решению, и не знал, что делать.

В это время из центра шли телеграммы двумя путями — открытые — „флот вернуть в Севастополь", шифрованные — „флот пото-

---

[1] Восп. ген. Слащёва. Рукопись, стр. 7, С.-К. Истпарт.

Приведенное свидетельство Слащева очень важно для характеристики Автономова, как будущего авантюриста; как видим, его будущее выступление против Куб.-Черноморского ЦИК'а было не случайно и определялось не только личным самолюбием, но и его политической расплывчатой физиономией, отражавшей мелко-буржуазную националистическую стихию, бушевавшую в тот период под флагом Советской власти.

пить у берегов Черного моря". А ведь Кубано-Черноморская республика находилась в то время в состоянии войны с немцами и эту войну фактически вела.

Красная армия под Батайском бьется с немецкой армией. Какая тяжелая стояла дилема перед Правительством: раз идет война, то свои силы не уничтожают,— а значит, Черноморский флот надо принять и считать его флотом Кубано-Черноморской Советской Социалистической Республики, но принять флот, значит нарушить Брестский договор, а Кубано-Черноморская Социалистическая Республика ведь была частью РСФСР. Наконец, ЦИК придумал решение, которое, казалось ему, дает удачный выход из положения— и флот сохраняется, и Брестский договор не нарушается: нужно отделиться от РСФСР — вот выход.

К этому времени относится приезд французской миссии на Кубань. Она была недолго, но ее присутствие, несомненно, повлияло, к сожалению, на решение вопроса об отделении Кубано-Черноморской Республики от РСФСР. Вот, что мы находим в газете „Приморский Край" от 23-го июня 1918 г.:

> — „Утром прибыла французская миссия, которая имеет своей целью спасти ценности, принадлежавшие союзным державам"...

Эта самая миссия явилась в президиум Кубано-Черноморского ЦИК'а и внесла следующее предложение: —„флот немцам не возвращать, чтобы не подводить РСФСР под неприятные отношения с Германией из-за флота, отделиться от РСФСР, вести с немцами войну за свой страх и риск, владея своей армией и своим флотом и пользуясь мощной поддержкой французского народа"...

> — ...„Союзники не оставят Кубано-Черноморскую Республику своей помощью, будет прислано вооружение, будет дана денежная помощь теперь же. в дальнейшем, возможно, будет помощь войсками. Сейчас, пока что, миссия оставит в Новороссийском банке 40 миллионов рублей, в качестве первой помощи Кубано-Черноморской Республике".

В мае 1918 года, президиум Кубано-Черноморского ЦИК'а дает радиограмму:

> „Всем, всем, всем...
> Копия Ленину и Троцкому.
> Отныне Кубано-Черноморская Республика существует самостоятельно..."

Наконец, Гордиев узел разрублен и выход найден,— так казалось большинству ЦИК'а, но к этому времени приезжают работники из Центра на юг России и в частности в Екатеринодар. Приехал Шляпников, Вахромеев, и в их присутствии на беспрерывных заседаниях ЦИК'а опять разрешаются все те же вопросы о флоте, о войне с немцами.

Работники центра доказывали необходимость выполнения директивы—потопить флот. Матросы настаивали на старом решении. Когда ЦИК в категорической форме запросил у матросов, годен ли флот для немедленной борьбы с немцами, то выяснилось, что флот

сейчас к борьбе не годен, нет топлива, нужен ремонт и т. д. А работники центра все нажимали на необходимости немедленного выполнения директив, потому что срок немецкого ультиматума РСФСР истекал. Митинговал ЦИК, митинговал Екатеринодар, митинговали матросы флота, митинговали Красные войска. И вот, наконец, Кубано-Черноморский ЦИК, отменив „отделение“ от РСФСР, выносит новое постановление:

„ЦИК Кубано-Черноморской Республики, как орган власти части РСФСР, считает для себя обязательным подчиняться всем директивам Центрального Всероссийского Правительства.

Исходя из этих соображений, ЦИК не считает возможным по вопросам о флоте принимать те или другие решения, независимо от Центральной власти.

ЦИК предлагает члену Всероссийского Совдепа тов. Шляпникову немедленно осведомить Москву о создавшемся положении и просить отсрочки выполнения распоряжений о флоте.

Товарищам же морякам Черноморского флота по вопросу о судьбе флота ждать Раскольникова, который выехал в Новороссийск“.

Городской Совет Екатеринодара, дабы утихомирить сильно разыгравшиеся страсти населения и войск, выносит следующее постановление:

„Заслушав доклад о текущем моменте и полагая, что не назрели еще те условия, при наличии которых Советская власть могла бы успешно вести войну с мировым империализмом, Екатеринодарский Совет Народных Депутатов вполне одобряет политику Народных Комиссаров в вопросе о войне и мире.

Совет полагает, что по вопросу о судьбе Черноморского флота у Центрального правительства не было никакого другого выхода, как выполнение германского ультиматума, ибо неисполнение его повлекло бы за собою нашествие банд германского империализма на голодающую северную Россию. Совет вполне одобряет решение ЦИК Кубано-Черноморской Республики не противодействовать центру при решении вопроса, от которого зависит судьба всей Советской России.

Совет посылает братский привет товарищам морякам, предпочтившим потопление флота позорной его сдаче и выражает вместе с тем уверенность в том, что близок момент восстания пролетариата и крестьянства Западной Европы и торжество социалистической революции“.

Настроение в войсках было тяжелое. Решение не принять флот некоторые красноармейские части склонны были рассматривать, как контр-революцию чистой воды.

ЦИК принимает постановление о потоплении флота и приказывает матросам выполнить директивы центра.

Матросы удаляются, митингуют у себя на судах. Наступает последний акт великой Черноморской драмы. Напряженнейшее положение. Одна из самых трагических страниц великих жертв революции.

В ночь под 17 июня часть флота уходит в Севастополь, а вторая часть 17-го днем приготовилась умереть у берегов Кубано-Черноморской Советской Социалистической Республики.

Потопление Черноморского флота представляло собою потрясающую картину.

В наших руках имеются описания подготовки к потоплению флота самими участниками этой драмы. Вот одно из них:

„Первого мая флот прибыл к берегам Кубано-Черноморской Республики, он прибыл в Новороссийскую гавань с красными флагами. Прибыла эскадра в составе 19 военных судов, под командой адмирала Саблина. В эскадре были линейные корабли: Воля, Свободная Россия, эскадренные миноносцы: Дерзкий, Беспокойный, Пронзительный, Пылкий, Громкий, Поспешный, Керчь, Хаджи-Бей, Калиакрия, Федониси, Лейтенант Баранов, Лейтенант Шестаков. Миноносцы: Жаркий, Живой, Стремительный, Сметливый и Троян. После больших споров с Кубано-Черноморским ЦИК'ом и после директив Москвы, флот решено было затопить у берегов Новороссийска. Флот получил распоряжение открытое - вернуться к немцам и шифрованное — затопиться у берегов Новороссийска. Среди команды судов в течение нескольких дней шли жаркие споры. Какую из директив Правительства выполнить: не то затопиться, не то вернуться к немцам. Между матросами всех судов несколько раз проводились референдумы. Референдумы давали результаты приблизительно: 50% голосов за потопление, 50% голосов за возвращение. Сторонники потопления говорили, что флот нужно потопить, чтобы не сделать его орудием борьбы с молодой Советской властью, что директива потопить флот есть в данных условиях наиболее разумная. Сторонники того, чтобы флот не топить, говорили, что нельзя лишать Советскую власть такой огромной ценности, как военно-морской флот. Пройдут все невзгоды и этот флот будет служить нужную службу молодой Советской власти, нужно итти в плен к немцам и само будущее принесет пути освобождения, флот вернется к своему настоящему хозяину, к РСФСР...“ [1].

Армия, услышав о потоплении флота, была удручена, ее нормальное состояние ухудшилось. Нечего и говорить о том, что матросские части были просто подавлены этим актом. А тут еще развитию такого настроения способствовали союзники большевиков, левые эсеры, которые были категорически против потопления, так как это вытекало из общего отрицательного их отношения к Брестскому миру.

Потопление Черноморского флота было клином, который вошел в работу между этими фракциями и отодвигал их друг от друга все дальше и дальше.

К этому времени относится одна из больших авантюр на Северном Кавказе—автономовщина.[2]

---

[1] Мичман Михайловский — рапорт. С.-К. Истпарт.

... Медленно поворачиваясь, „Свободная Россия“ представляла из себя удручающую картину: лязг и звон (при полной окружающей тишине) падающих и переваливающихся на палубе и внутри корабля предметов, шлюпок, паровых котлов и т. д. Наиболее грандиозное впечатление произвело обстоятельство, что корабль переворачивался столь медленно, что было видно, как башни 12-тидюймовых орудий целиком, со страшным шумом и лязгом вываливались в воду. От начала крена до полного переворачивания корабля прошло 3 мин. и 42 сек. Из всех клинкетов и кингстонов все время били высокие фонтаны воды. Все потопление „Свободная Россия“ продолжалось 1 час 20 минут. Картина его гибели незабываема. Вся команда миноносца „Керчь“ стоит на верхней палубе и мрачно молча смотрит на переворачивающегося вверх килом гиганта. В публике, стоящей на берегу, слышен плач“.

[2] Авантюра Автономова была 3-й по счету на Кубани. Первая была авантюра Золотарева, в прошлом — уголовного бандита. Вторая — авантюра портного из села Гулькевичи — Никитенко. После авантюры Автономова, тяжелой по своим последствиям, Северный Кавказ пережил еще сорокинщину (расстрел командармом 11-й Сорокиным президиумов ЦИК'а Республики и Крайкома партии большевиков), позже кочубеевщину. Она была последним всплеском анархитствовавшей партизанщины того периода на Северном Кавказе.

Организация Чрезвычайного Штаба Обороны вызывалась, помимо указанных причин, тем, что высший комсостав армии, в лице Автономова, Сорокина и других, был не совсем надежен. Завоевав себе огромный авторитет в период первых схваток с кубанской контр-революцией, пользуясь у армии большим доверием, они были опасны для Советской власти. Нужно было Советскому Правительству взять во что бы то ни стало армию в свои большевистские руки. Эту линию и должен был выполнить Чрезвычайный Штаб Обороны. Но здесь встречалось большое затруднение: имеющийся командный состав не был подготовлен, чтобы руководить и вести такие большие военные операции, какие надвигались на Республику. Все командиры были в большинстве случаев или офицеры военного времени, или унтерофицеры бывшей старой царской армии, или просто незнакомые с военным делом. Военными спецами являлись среди них офицеры военного времени, каковыми были Автономов и Сорокин. Но вполне понятно, что большой военной подготовки у них не было и вопрос срочного разрешения больших военных проблем стоял перед ЦИК'ом, как вопрос, от решения которого зависела жизнь Советов в Крае.

Во всяком случае, коллектив в лице Штаба Обороны мог с задачей справиться лучше, чем один тогдашний высший комсостав. Штаб был создан, нужны были командующие высоко квалифицированные специалисты. По решению Чрезвычайного Штаба Обороны, Автономов ездил приглашать генерала Рузского и Радко-Дмитриева принять командование Советской армией Кубано-Черноморской Республики. Результаты этих переговоров нами освещены выше. Нужно было обходиться своими силама и Штаб развил лихорадочную работу по упорядочению армии. С течением времени, когда Штаб Обороны действительно стал забирать армию в свои руки, все больше и больше, главком Автономов, почувствовав, что власть над армией уходит из его рук, спохватился и начал стремиться локализовать возраставшее влияние Штаба. Вскоре между Автономовым, с одной стороны, и всеми членами Штаба—с другой, начались недоразумения из-за разграничения власти, которые быстро перешли в открытую ссору и в конфликт, выросший в восстание главкома против Советской власти. В авантюре Автономов попытался спровоцировать армию и втянуть разные ее части в борьбу друг с другом, но вскоре был разоблачен. Армия за ним не пошла. По распоряжению Автономова, Чрезвычайный Штаб Обороны и Кубано-Черноморский ЦИК были арестованы, и в это время с фронта были двинуты части на Екатеринодар для разгрома местных советских властей. ЦИК был освобожден рабочими и местным воинским гарнизоном, большая часть которого сразу стала за него. Вскоре и отдельные части армии начали отходить от Автономова, и последний был от командования ЦИК'ом отрешон. Вот что сказал тогда же Екатеринодарский гарнизон об авантюре Автономова на своем митинге:

„Принимая во внимание, что Кубано-Черноморской Советской Республике грозит величайшая опасность от немцев со стороны Ростова, турок со стороны Закавказья, Алексеевско-Филимоновских банд, бродящих внутри Республики, а также от нашей неорганизованности, недостаточности революционной дисциплины, считаем необходимым напрячь все силы, призвать трудящиеся массы к энергичной борьбе со всеми этими трудностями и установить строгую революционную, товарищескую дисциплину, подчиняясь только Советской власти и лицам, ею уполномоченным.

Принимая во внимание, что бывший главнокомандующий Автономов, смещенный 19-го мая Центральным Исполнительным Комитетом, не подчинился его распоряжению, издав приказ об аресте некоторых членов Чрезвыч. Штаба Обороны, объявил их провокаторами и германскими шпионами и угрожал пойти войной на Екатеринодар (оголив таким образом фронт) — заявляем, что все это направлено против Советской власти и граничит с актом величайшего предательства, каковое позволяли себе только Корнилов и Керенский, когда они на Красный Революционный Петроград с фронта двигали свои войска.

Мы выражаем полное доверие высшей Советской власти в Куб.-Черноморской Республике, Центральному Областному Исполнительному Комитету, а также считаем правильным постановление об отстранении Автономова от должности.

Для нас только распоряжения Советской власти и лиц, ею избранных, обязательны, священны“.

Особенно большую работу в дни автономовщины развил Екатеринодарский партийный комитет большевиков. Вот его воззвание, опубликованное в газетах, как один из первых актов протеста против авантюры:

„Товарищи, солдаты, казаки и рабочие! Кубано-Черноморской Советской Республике угрожает опасность, как со стороны германско-гайдамацких войск, так и со стороны властолюбивого командного состава Северо-Кавказской революционной армии — Автономова. Эти захватчики власти в последнее время совершенно перестали считаться с Советом, и даже, больше того, всячески стали противодействовать распоряжениям Совета.

Чтобы положить предел самочинным реквизициям и прочим бесчинствам, которые поощрял Автономов, а также призвать их к порядку, Совет неоднократно ставил им на вид, но они, решив стать своего рода царьками, не считались с Советом; тогда Совет, совместно с Чрезвычайным Штабом, по предложению Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета постановил устранить главкома от должности, но этот захватчик власти отказался подчиниться народной власти и объявил, что в Совете и штабе сидят предатели, шпионы, которые предают народ. Он призывает вас идти на Екатеринодар войной...

...Товарищи, фронтовики! Автономов вас обманывает, он лжет на Совет, но вы не верьте, не поддавайтесь гнусной клевете, пойдите в Совет сами или потребуйте себе на собрание членов Совета и членов вашего Комитета, выясните хорошенько сами и только тогда скажите свое слово. Автономов, оголяя фронты, ведет вас в Екатеринодар против трудового народа, но вы честные революционеры, вы борцы за свободу, раньше чем оставить фронт, пришлите ваших делегатов, которые совместно с представителями всех Екатеринодарских войсковых частей разберете это дело и убедитесь, что Автономов узурпатор и что ему не место среди честных защитников народной Советской власти...“

Екатеринодарский Горсовет выносит по поводу автономовщины следующее постановление:

„Вся власть Кубано-Черноморской Республики принадлежит только Областному Исполнительному Комитету, а на местах — местным Советам.

Никто из граждан и должностных лиц, какие бы они посты не занимали и кто бы они не были, не имеют право посягать на власть Советов и беспрекословно должны подчиняться постановлениям Советов.

Екатеринодарский Совет Р. К. С. и К. Д. заявляет категорический протест против самочинных реквизиций, конфискаций, арестов членов Советов и лиц, выдвинутых Советами, и прочих бесчинств, откуда бы они не исходили.

Екатеринодарский Совет также решительно протестует против авантюристических действий Автономова и Сорокина, которые поощряли указанные безобразия и совершенно не считались с Советами, как местными, так и областными...“

А вот решение вопроса об автономовской авантюре делегатов фронтовых частей, приехавших на совещание в гор. Краснодар:

„Обсудив вопрос о движении войск, о состоянии Екатеринодара, отданный Автономовым приказ местному гарнизону окружить помещение, где находятся представители Рабоче-Крестьянской Республики, об объявлении провокаторами членов Чрезвычайного Штаба, выбранных съездом 6-тимиллионного населения, а также приняв во внимание, что двухсмысленная политика и поведение Автономова связано с авантюрой и движением германских, гайдамацких и филимоновских банд на Кубано-Черноморскую Республику с целью предания политики рабочей и крестьянской революции, рабоче-крестьянское революционное собрание заявляет, что все честные борцы с честью и достоинством будут стоять до последнего момента на своем славном революционном посту, защищая вольную Кубань, ибо с падением ее падет вся РСФСР.

Организованно, сплоченно, крепко и стойко представители революционных войск, совместно с ЦИК'ом и Чрезвычайным Штабом, заявляют во всеуслышание, что революционный штык еще не заржавел для предателей, измен, с какой бы стороны они не шли.

Заседание одобряет действия ЦИК'а по вопросу об устранении Автономова и постановляет выделить комиссию для проверки действий Автономова до установления истины. Никакой поддержки встретить он не может, а в случае выяснения его преступности он объявляется предателем революции и вне закона, и одновременно с сим ЦИК'у вменяется в обязанность все революционные войска подчинить Советской власти, ударить в набат, что опасность велика, а потому все революционеры на стражу, за оружие, за Советскую власть—единственную выразительницу интересов трудовых масс, за социализм, равенство, братство и любовь...“

Видя, что Автономов пал, Сорокин—командующий юго-восточной армией и заместитель главкома—меняет позицию. Он прикидывается непричастным к авантюре главкома, возмущается Екатеринодарским парткомом, заявившим в своем воззвании, что „авантюристы Автономов и Сорокин“ должны получить нужный отпор, и просит Правительство Республики немедленно сказать свое мнение о нем. ЦИК, целиком разделяя мнение парткома, не мог по тактическим соображениям его подтвердить. Свалить одного Автономова ЦИК'у, хотя и с большим трудом, но удалось; свалить же сразу с Автономовым и Сорокина, имевшего в армии огромный авторитет, ЦИК не мог—такая попытка могла бы кончиться гибелью армии и Советской власти в Крае, и вот ЦИК, от имени своего и Чрезвычайного Штаба Обороны, выносит следующее постановление:

„Центральный Областной Исполнительный Комитет и Чрезвычайный Штаб Обороны Кубано-Черноморской Советской Республики заявляют, что они не разделяют точку зрения Екатеринодарского Комитета Российской коммунистической партии (большевиков), ставящего в своем воззвании товарища Сорокина на одну доску с предателем и изменником революции—Автономовым“.[1]

---

[1] Протокол ЦИК'а.

Несмотря на то, что игру в „маленького Наполеона“ Автономов явно проиграл, он все-таки решил продолжать борьбу, должности главкома не сдавал, и, собрав в Кущевке фронтовой съезд комсостава, провел на нем такое решение: „... Просить Центральную власть РСФСР оставить главкома Автономова, приказать Кубано-Черноморскому Советскому Правительству не вмешиваться в дела военные...“

Для ликвидации этого тяжелого конфликта был экстренно созван чрезвычайный 3-й съезд Советов Кубани и Черноморья, открывший свои работы 10-го июня (28-го мая).

На съезд прибыло около 900 делегатов. Социальный состав его несколько отличался от предыдущих съездов. Один делегат дал в воспоминаниях такую характеристику съезда:

„... Этот съезд был не чета предыдущим, те—серые в сравнении с этим. Тут больше народ чистый по одежде, крепкий по хозяйству и осторожный в выражениях. Тут много было станичной интеллигенции, учителей, медиков и бывших офицеров, а казак и крестьянин,—все больше хороший середняк...“ [1]

Данный состав съезда, явившийся несколько неожиданным для ЦИК'а и большевиков, обусловливался двумя основными причинами: уходом наиболее активного элемента из иногородней и казачей бедноты в отряды Красной армии, сражавшейся в это время на Батайском фронте с немцами, на Ставропольском — против добровольцев и т. д.— и повышением активности зажиточного середняцкого казачества и иногороднего кулачества, стремившегося на местах занять и подчинить своему влиянию органы власти, дабы не допустить развертывания классовой борьбы в станице.

Перед открытием съезда, члены ЦИК'а, оглядывая партер и ложи театра, забытые делегатами, среди которых был большой процентет кубанской интеллигенции и зажиточного казачества,—гадали: а что, если съезд станет активно против предложений большевиков?... И в культурных разговорах некоторыми делались предложения условиться заранее, что если съезд не пойдет за линией большевиков, то его надо будет распустить и создать новый. Этого делать не пришлось, т. к. съезд довольно дружно пошел за большевиками во всех основных вопросах, хотя в выступлениях отдельных делегатов и пробивались новые мотивы, сигнализировавшие наростание волны новых настроений и новых сдвигов в массах казачьего населения.

Нетрудно было понять, что эти „новые мотивы“ должны будут конкретно вылиться в противодействие со стороны зажиточных слоев станицы углублению революции на местах.

3-й Черноморский съезд Советов, зашлушав доклад об авантюре Автономова, вынес следующее решение:

... „Советская власть на Кубани создалась лишь недавно, ибо Кубани пришлось вынести всю тяжесть борьбы с калединской и корниловской контрреволюцией.

---

[1] Восп. тов. Сотниченко, делегата 3-го съезда от Баталпашинского отдела. С.-К. Истпарт.

Утвердившейся народной власти, наряду с работой по организации государственного строительства, приходилось в то же время вести почти беспрерывную борьбу с остатками контр-революционных банд и другими тайными и явными врагами Советской власти.

Работа ЦИК'а молодой республики не могла за это короткое время и в таких тяжелых условиях развернуться и укрепиться в достаточной мере.

Съезд выражает ЦИК'у полное доверие и одобрение за ту осторожность, с которой ему удалось разрешить тяжкий конфликт с Автономовым, отказавшимся подчиниться Советской власти. Выражая свое негодование и возмущение теми, кто осмелился оказать неповиновение Советской власти, съезд выражает одобрение ЦИК'у, сумевшему, несмотря на то, что он был кощунственно лишен свободы на несколько минут, сохранить самообладание и такт, предотвратить кровавое столкновение.

Съезд подтверждает приказ ЦИК'а об устранении Автономова от главнокомандования и на его место командующим назначает Калнина впредь до разрешения вопроса в центре о командовании.

Для выяснения всех обстоятельств дела, съезд образовывает верховную следственную комиссию, которая все материалы представит Центральной власти в Москву, для вынесения окончательного решения по этому делу.

По поводу мер, принятых ЦИК'ом для мобилизации в видах обороны от угрожающих вторжением на Кубань и Черноморье врагов социализма, народной власти, съезд предлагает продолжать самым энергичным образом начатую работу по мобилизации. Эту работу должен вести создавшийся комиссариат по военным делам Кубано-Черноморской Республики.

Со своей стороны, съезд находит нужным указать, что крепость армии зиждется на основе централизации и полагает организовать все мелкие отряды в баталионы, полки и дивизии.

Оценив всю важность боеспособности армии, ее снаряжения и продовольствия, съезд обращается ко всем организациям народной власти, ко всем гражданам Кубано-Черноморской Республики с горячим призывом работать не покладая рук, в целях предоставления армии всего необходимого.

По вопросу об организационной работе ЦИК'а с местными Советами, благодаря чему работа последних крайне затрудняется и много декретов не выполняется на местах исключительно по этим причинам, новый ЦИК должен поставить своей задачей срочную работу по укреплению Советской власти на местах, путем частой посылки туда своих представителей для инструктирования местных Советов"...

Таким образом, автономовщина была осуждена, главком был смещен и отослан в центр.

Как видим, съезд правильно связал с вопросом об осуждении автономовщины, во-первых, проблему борьбы с партизанщиной, путем централизации управления армией и превращения ее в стройный единообразно-сколоченный организм (—„полагает организовать все мелкие отряды в баталионы, полки и дивизии"), боеспособность которого в огромной степени зависит от регулярного снабжения его снаряжением и продовольствием, и, во-вторых, задачу ликвидации слабой связи ЦИК'а с местами, которые поэтому работают „самостийно и не выполняют многих директив, что, конечно, способствует созданию благоприятной почвы для развития партизанщины". Это момент, организация централизованного, единого руководства, для успешного преодоления всех препятствий, стоящих на пути выполнения очередных задач Советской власти,—явился по существу лейт-мотивом в работе съезда и нашел свое разрешение и в резолюции по текущему моменту, в которой была выдвинута новая задача слияния КЧР с соседними Республик. и образования единой Ю-Рус. Республ.

...„—Враги трудового народа, помещики и капиталисты, всеми силами воспротивились его победам, призвав себе на помощь иностранную буржуазию, добились того, что целые области Российской Советской Федеративной Республики оказались разобщенными друг от друга и оторванными от центра.

Для достижения окончательной победы над буржуазией и окончательного укрепления завоеваний социалистической революции и Советской власти, для организации спешной совместной борьбы с контр-революционными бандами, надвигающимися из Австрии, Турции и Германии, необходимо самое тесное объединение всех Советских республик между собой и самая тесная связь их с центром.

Отныне Кубано-Черноморская Советская Республика сливается с соседними Республиками в одну единую Советскую Социалистическую Республику и становится частью великой Российской Социалистической Федеративной Республики ..

...Предпринять немедленно практические шаги для объединения в одну Южно-Русскую Республику всех Республик юга:...“ [1]

Тут же, на съезде, лево-эсеровские „друзья“ бешено атаковали большевиков, обвиняя их в том, что заключение Брест-Литовского мира дало не укрепление, а ослабление Советской власти, что хозяйство страны пало и т. д., и т. п. На эти наветы и инсинуации по адресу большевиков, съезд ответил следующей резолюцией:

„Чрезвычайный съезд Советов и представителей войсковых частей Кубано-Черноморской Республики в вопросах войны и мира признает единственно правильной политику Совета Народных Комиссаров Российской Социалистической Советской Республики.

Чрезвычайный съезд Советов констатирует, что Кубано-Черноморская Советская республика находится в исключительных условиях в борьбе с контрреволюцией и, поэтому, должна напрячь все свои силы для подавления восставших банд и предотвращения вмешательства немецких и турецких белогвардейцев в нашу внутреннюю жизнь...

Разруха всего народного хозяйства страны. явившаяся в результате трех с половиной лет войны, требует прежде всего налажения хозяйственного аппарата, напряжения всех сил трудового народа над воссозданием производства и правильного распределения, для укрепления тем самым боевой нашей мощи.

Отсутствие хорошо организованной, дисциплинированной армии, недостаточная налаженность снабжения боевыми запасами, болезненная деморализация отдельных отрядов, а также еще недостаточное закрепление власти на местах, ставит очередной задачей Советской власти безотлагательно принять все меры для устранения вышеозначенных недостатков“...

Как известно, стержневым вопросом экономической политики центральной власти в этот момент был продовольственный вопрос: хлеба, хлеба и хлеба для пролетариата столиц, центрально-промышленного района и Красной армии,—вот основные директивы, которые неслись из Москвы на периферию. Понятно, что Северный Кавказ в деле снабжения продовольствием должен был сыграть огромную роль и 3-й съезд продовольственному вопросу уделил очень много внимания. Прежде всего, политическое значение хлебной проблемы было подчеркнуто в основной резолюции, принятой по текущему моменту, в которой беспрерывная помощь со стороны

[1] Эта директива не была реализована полностью, позже организовалась только Северо-Кавказская ССР.

юга северу связывается с реализацией задачи обратной поддержки севером Кубани оружием, финансами и промышленными изделиями:

—„Съезд полагает, что необходимо прежде всего, и главным образом, сохранить устойчивое положение власти в центре, и, зная, что там, на севере, положение Советской власти может пошатнуться только благодаря отсутствию хлеба, постановляет — принять все меры для оказания нашей помощи товарищам на севере усиленной доставкой хлеба.

С другой стороны, невозможна победа над контр-революцией здесь и укрепление власти Кубано-Черноморской Республики, без усиленной поддержки севера и Центральной власти финансами, оружием, обмундированием и планомерным снабжением Кубано-Черноморской Советской Республики необходимыми предметами производства севера.

Съезд выражает уверенность, что хлеборобная Кубань снабдит север по возможности достаточным количеством хлеба, а Совет Народных Комиссаров и трудовые коммуны севера сделают все, что могут, для помощи своим южным товарищам“...

На съезде зачитывается телеграмма Петроградской трудовой коммуны,[1] в которой пролетариат Красного Питера призывает кубанское крестьянство и казачество помочь „сердцу революции“ ликвидировать продовольственный кризис. Помимо декларации по этому вопросу, принятой в резолюции по текущему моменту, съезд выносит в дополнение особое постановление, в котором разрешение хлебного вопроса ставится на практические рельсы и предлагается система чрезвычайных мер по сбору хлеба:

„..Предписать всем отдельским и местным Советам принять самые энергичные меры, не останавливаясь перед принудительными мерами, к самому усиленному подвозу хлеба на ссыпные пункты.

Съезд предписывает ЦИК‘у немедленно реорганизовать Областной Продовольственный Комитет, который, состоя в большинстве своем из саботажников рабоче-крестьянской революции, тормозит дело снабжения хлебом голодающих губерний.

До реорганизации Областного Продовольственного Комитета, съезд разрешает Чрезвычайному Продовольственному Комитету юга России производить самостоятельные заготовки хлеба и отправки их в голодающие губернии.

Съезд предписывает всем Советам оказывать представителям Чрезвычайного Продовольственного Комитета полное содействие в их работе, а всем комиссарам и комендантам станций—неукоснительно выполнять все требования представителей Продовольственного Комитета...“

Съезд Советов, избрав Исполнительный Комитет, разъехался.[2]

---

[1] —„Горячий привет, от имени Петроградских рабочих, братьям казакам и крестьянам Кубано-Черноморской Республики. Товарищи, революция переживает продовольственный кризис. Красный Петроград без хлеба. Единственная наша надежда—это вы, братья казаки и крестьяне.

Если вы хотите, чтобы Красный Петроград и впредь имел возможность быть передовым борцом за социалистическую революцию, за освобождение всего человечества от гнета помещиков и капиталистов, не дайте умереть рабочим Красного Петрограда от голода. Мы твердо верим, что трудовое казачество и трудовое крестьянство сделают все для снабжения Петрограда хлебом...“

[2] В Исполком вошли большевики: Гайченец, Полуян Ян, Борисенко, Черный Вл., Кудрявцев, Силичев, Островская, Красников, Ивницкий, Марочкин, Соркин, Рубин, Швец, Тимченко, Волошин, Усагин, Монахов, Керемитчи, Акулов, Минаков, Ковалев, Циунчик, Зорько, Зазуля, Кравченко.

Левые эсеры: Лехно, Ковалев, Выгриянов, Вильямовский, Корнилов, Сердюк, Озеров, Журов, Рыло, Балис.

Картина положения на местах в это время была следующей. По всей Кубано-Черноморской Советской Социалистической Республике были организованы вместо атаманов и правлений—Советы. Совет считался законной властью. Были станицы, где казачество, руководимое кулацким элементом, контр-революционерами, категорически отказывалось признать Советы властью, несмотря на то, что большинство населения их властью признало. В таких станицах мероприятия Советской власти встречали противодействие. 3-й съезд Советов Таманского отдела дает материал, характеризующий эту борьбу в станице. Выступая с докладом на Отдельском Съезде, военный комиссар Таманского отдела говорил:

—„... Замечается несочувствие по отношению к Советской власти в некоторых станицах, делаются всяческие тормоза в работах Советской власти, и особенно в вопросах мобилизации...

В это время, на Кубани и Черноморьи проходила мобилизация в Красную армию. В станицах, где Советскую власть казачество не признавало, контр-революционными элементами мобилизация срывалась. Мобилизуемое казачество, вместо того, чтобы итти на фронт, скрывалось в лесах и горах, чтобы там, как говорили тогда, „пересидеть", а из него контр-революционеры начали формировать отряды для нападения на станицы и Советы.

Один из ораторов на 3-м Таманском съезде—Зимин, сообщал:

—„... В станице Полтавской на почве мобилизации произошел конфликт. Жители не хотят мобилизоваться. Они заявляют, что им надоела эта война. В станице Старо-Величковской Советскую власть признают, но по мибилизации итти не хотят, пока не получат оружия у себя на месте, в станице. А потом заявляют: мы все пойдем. В станице Поповичевской казаки колеблются произвести мобилизацию, т. к. их уже один раз обманули, отобрали шашки и кинжалы. В станице Васюринской такое же положение. В станице Ново-Джерелиевской во время митинга произошла стрельба между казаками и Советскими войсками. В станице Бриньковской шли бои между казаками и Советскими войсками, и когда докладчик поехал с командиром отряда, Рогачевым, он увидел, что она совершенно пуста; удалось выяснить, что мужское население, способное носить оружие, ушло с отрядом, а остальным Красный отряд приказал выбраться из станицы. В станице Привольной мы встретили некоторых жителей, которые сообщили, что только что Красные расстреляли четырех человек, идет ловля разбегающихся жителей, над которыми учиняются самосуды, расстреливают и топят в плавнях. За станицей был виден целый караван жителей со скарбом, которые бежали, сами не зная куда. Рогачевская конница догоняла этих жителей и артиллерийской стрельбой впереди удалось жителей вернуть. В станице Хоперской шел ужасный бой, где было очень много убитых с обеих сторон. Отряд станицы Приморско-Ахтарской расстрелял пленных казаков из пулемета и учинял самосуды. Черноморская батарея иначе не может ездить, как не обстрелять казачьих станиц..."

На этом же съезде выступал с докладом о деятельности своего отряда командир Рогачев, он отмежевался совершенно от таких фактов, какие были сообщены Зиминым, и съезд вынес постановление:

..—„Принимая во внимание объяснение на словах начальника Северо-Кавказского отряда Рогачева и члена Исполнительного Комитета Таманского отряда Зимина о том, что он, Рогачев, защищает интересы трудового народа и Советскую власть, съезд выражает Рогачеву доверие и предлагает возвратиться к своим прямым обязанностям...“

Именно в это время в станице Старо-Ниже-Стеблиевской был использован новый метод борьбы со стороны кулачества, сущность которого видна из приведенного доклада Зимина. Стали усиленно распространяться слухи о том, что отряд Рогачева—грабительский отряд. В ответ на это, Военный Комиссариат станицы выпускает следующее воззвание:

—„Комиссариат станицы Старо-Ниже-Стеблиевской имеет частные сведения о том, что в окрестных населенных пунктах циркулируют слухи, якобы революционный отряд тов. Рогачева во время последнего своего пребывания в станице производил грабежи и бесчинства над мирными жителями; на это Комиссариат станицы широко оповещает всех граждан населенных пунктов, где только ходят такие слухи, не верить и во всеуслышание заявляет, что это „ложь“, распространенная какими-то контр-революционерами, привыкшими подобного рода провокационными слухами вооружать граждан против установленной Советской власти и борцов за свободу, какими являются и отряд товарища Рогачева. При посещении станицы отрядом Рогачева, обошлось все мирно, и станица, в лице Совета Народных Депутатов, благодарила тов. Рогачева за теплые слова и человеческие отношения к мирным жителям. В свою очередь тов. Рогачев благодарил станицу за то, что она охотно шла на удовлетворение законных требований отряда и обещала поддерживать Советскую власть“.

Но это были только „первые ласточки“,—борьба в станице все усиливалась.

Контр-революционеры из рядов казачества вели провокационную работу. Агитация белых среди середняцкого казачества пользовалась большим успехом. Эмиссары Кубанской Рады, бродившей за Деникинской армией, вели усиленную пропаганду против Советской власти, запугивая казаков отобранием земель, контрибуциями, конфискациями и т. д. и т. д. И как бы в подтверждение этого некоторые отряды из Украины, совершенно не заинтересованные в жизни данной Республики, действительно занимались конфискациями и реквизициями.

Наконец, именно в данный период все участковые земли, земли кубанского дворянства в кубанской буржуазии разбираются иногородним населением, а в некоторых станицах юртовые казачьи земли начинают переделяться с таким расчетом, чтобы в юрте наделить и местных иногородних. Словом, начала проводиться подлинная аграрная революция, которая неизбежно должна была изменить соотношение классовых сил, более четко разведя их по ту и другую сторону баррикад. Земельный вопрос стал тем вопросом, вокруг которого и развертывалась классовая борьба по станицам. На нем контр-революция и развила бешеную агитацию и пожала крупные плоды. Казачество начинает усиленно организовываться в контр-революционные отряды, сбегает со станиц в горы, леса и камыши и начинает вести партизанскую войну против Советов.

Белые казаки жестоко расправлялись с красноармейцами, если те попадали в их руки. В ответ на это, красноармейские части громили восставшие казачьи станицы. Таким образом, быстро росли две враждебные силы,— контр-революционное крепкое казачество, тянувшее за собой середняков и казачья беднота и массы иногороднего населения, стоявшие за Советскую власть.

Причины, заставившие середняцкое казачество отвернуться от революции и пойти против нее, коренились в основном факте — началась пролетарская революция в станице. Но, несомненно, что неумелая тактика молодой Советской власти Края в особенности по отношению к середняцкому казачеству, которое тогда, как особая специфическая группа, почти не учитывалась, бандитизм и анархия в рядах Красной Армии и т. д. — сыграли тоже большую роль.

В воспоминаниях военного комиссара Баталпашинского отдела 1918 г. тов. Пономаренко, мы находим такое признание:

—„... Военное положение отдела усложнялось все больше и больше, на отдел наступали банды со всех сторон, с юго-востока наступал Шкуро, который численно очень и очень увеличился, с юго-запада наступал Васильев, с запада наступали какие-то „Вознесенские отряды“. Нужно было количество Красной Армии отдела увеличить. Мы объявили мобилизацию за 5 лет иногородних, в отношении казаков в приказе написали: „казаки же, могут являться добровольно только те из них, кто хочет защищать Советскую власть“. Понятно, что мобилизованные иногородние явились, были немедленно вооружены и направлены по частям, но вместе с мобилизованными иногородними стали являться довольно большими партиями и казаки; они являлись в полной форме, с лошадьми, с холодным оружием и не было у них только винтовок, огнестрельного оружия, которым мы вооружали всех посылаемых на фронт. Мы боялись этих приходивших к нам казаков, брали их на фронт небольшими частицами, старались распылить их среди крестьянских иногородних масс. Первое время это нам удавалось, но позже, когда казаков стало итти гораздо больше, мы не успевали распылять их небольшими частицами среди иногородних и у нас в лагерных помещениях были постоянные резервы казаков без огнестрельного оружия от 400—500 человек и свыше. Как нам быть с казаками. В нашей собственной среде не было единодушного мнения. Я помню такой случай, когда однажды с фронта снялись известные бандитские отряды Наглова и Казанцова и прибыли в Невинномысскую, где находился военный комиссариат. Узнав, что в казармах находится несколько сотен казаков, отряд потребовал немедленного роспуска этих казаков в станицы. Ими был собран митинг, и на этом митинге говорили в первую очередь командиры этого отряда Наглов, Казанцов и др., за ними и рядовые бойцы отряда, что казакам они не верят, что казаков на фронт посылать нельзя, что пусть себе идут домой, делать им тут нечего. В ультимативной форме митинг потребовал от военкомата роспуска казаков. Характерно, что они выразили недоверие моему заместителю тов. Тимофееву, Кубанскому казаку. Тов. Тимофеев, казак бедняк, дравшийся за Советскую власть, как за свою власть, был поражен и это на него подействовало таким образом, что мне стоило больших усилий удержать его от самоубийства. Согласно постановления митинга я должен был распустить отряд. Явился в казарму к казакам, казаки знали о происходившем митинге, знали и о том, как относится этот отряд к ним. Был собран тут же в казармах летучий митинг, на который пришли совершенно все казаки. Я начал говорить, что в виду того, что война почти кончается, что надобности в пополнении частей не имеется, они, казаки, должны итти по домам, мы их распускаем. Я видел сотни опущенных голов, сотни глаз, направленных на свои ноги. Казаки знали почему их распускают и по своему расценили этот шаг. Когда я кончил свою речь, из

рядов казаков выступил казак и попросил слова Не дать ему слова, мы не могли. Вот, что приблизительно он сказал: „Мы, казаки ряда станиц, отозвавшиеся на призыв Советской власти, военного комиссариата защищать Советскую власть, искренне пошли, чтобы стать ее защитниками. Другой власти у нас нет, и никакой другой власти мы не признаем; та власть, с которой борется трудовой народ, это власть богачей, это не наша власть но, вот когда мы пришли защищать свою Советскую власть, нам вдруг выносят недоверие, нам не верят, нас на фронт не посылают, нас боятся, нас одергивают, нас распускают назад в станицы. Вот, мы пойдем в станицу, что же мы там скажем? Ведь мы красные, мы были в рядах Красной Армии! Богатые станицы нас встретят враждебно, как красных, как же нам быть? Куда же нам итти? Итти в ряды белых? Мы не можем, красные нас прогнали, они силою толкают нас на сторону белых, они своими руками создают себе врагов, они хотят, чтобы мы стали для Советской власти врагами. У нас положение безвыходное, но, не смотря на это, врагами Советской власти мы не станем“... Разволновавшийся казак прервал свою речь и пошел в гущу казаков. Во время его речи, головы казаков поднялись, все слушали с напряженным вниманием, все были согласны с ним“...[1]

К этому прибавить нечего. Бедняцкое казачество, нелепой политикой анархиствовавших, бандитствовавших отрядов бросалось в объятия белых. Недаром же любая станица Дона, Кубани и Терека знает случаи, когда десятки и сотни молодых казаков, ранее защищавших Советскую власть, были на общем сходе станицы при вступлении белых выпороты стариками, посажены на лошадей и отправлены на фронт для защиты „Единой, Неделимой“ деникинской помещичьей России. Большую трагедию пережило бедняцкое и часть середняцкого казачества в это время. Иногородний кулак в борьбе за захват земли развил бешеную шовинистическую агитацию против казачества вообще, а местная Советская власть, по слабости партийных организаций и кадров пролетариата, положение исправить не могла.

А вот, еще иллюстрация того, как бедняцко-середняцкое казачество ставили в ряды белых. Хотя этот факт относится и к весне, но он характеризует „деятельность“, которая продолжалась и позже.

В Кавказской, на общем митинге станицы был поднят вопрос о том, чтобы из ближайших земель экономистов-тавричан, к станичному юрту прирезать некоторую площадь земли, ибо наделение иногородних землей из юрта станицы сильно уменьшило паевой надел. Было вынесено соответствующее постановление. Кем-то это постановление в искаженном виде было передано в ближайшее село иногородних — Гулькевичи, где председателем Ревкома был известный авантюрист Никитенко. Моментально собрав отряд до тысячи человек, вооруженный пулеметами и артиллерией, полученной от 39-й пехотной дивизии, Никитенко двинулся к ст. Кавказской. Не доходя до Кавказской 2—3 версты, Никитенко приказал открыть артиллерийскую стрельбу по станице. Ураганным огнем шести орудий никитенский отряд привел в ужас станицу. Жители метались, не зная, что делать, а Никитенко поливал станицу шрапнелью. Вскоре в станицу заскочила его кавалерия и на-

[1] Рукопись С.-К. Крайистпарт.

чались аресты казаков. Тут же за станицей, Никитенко творил „скорый“ суд, арестованные расстреливались. В это безобразие вынужден был вмешаться II съезд Советов Кубанской области. Никитенко был арестован и расстрелян, но такие операции проводились на Кубани не один раз и не одним отрядом.

Прохождение украинских бандитских разложившихся частей через казачьи станицы Дона, Кубани и Терека, частей, получивших от казаков название „Чертовой свадьбы“, также не могло не быть причиной, толкавшей часто казачество на выступление против Советов, ибо эти банды выдавали себя за Советские отряды, за Советскую власть.

Приведем картину прохождения „Чортовой свадьбы“ через станицу:

> —„... Весь отряд посажен в тачанки. В тачанках зачастую чистокровки лошади. В них сидят на коврах или поповских ризах по несколько накрашенных девок, около них стоят играющие граммофоны, тут же четверти с водкой, окорока, балалайки, кадушечки меда. К тачанкам привязаны бараны, медведи. Пьяная матросня выбивает в бубны, свистит, шумит, стреляет Лошади и тачанки перевязаны разноцветными лентами, тачанки засыпаны цветами. Бойцы в фантастических нарядах, вроде: казачья гвардейская черкеска, длинные брюки, шпоры на босых ногах, дамская шляпа на голове, или халамида попа, полстянка горца, плеть и шашка казака, домашние туфли станичной щеголихи и т. д. Эти свадьбы десятками тачанок двигались через станицы, нередко, одна за другой. Все живое в станицах старалось спрятаться при прохождении такого отряда, ибо эти отряды забирали все, что им нужно, не терпели никаких разговоров хозяев, стреляли в кого попало когда попало, а выходя из станицы, выпускали по паре лент из пулемета по оставляемой станице „на память“. Сидя в ямах, за плетнями, замаскированные и спрятанные казаки с ужасом наблюдали прохождение „Чортовой свадьбы“. Те обиды, какие чинились в станице этими свадьбами, вздымали на дыбы казачество“...

Анархия захлестывала область. ЦИК едва успевал ликвидировать крупных авантюристов. То появляется комендант города, назначенный без ведома ЦИК‘а, вроде Бронштейна, то появляется комиссар здравоохранения Чернобаев, то появляется особоуполномоченный какого нибудь Ревкома, вроде Макса Шнейдера. Какие то кучки захватывают партийный комитет, выкидывают дела и бумаги в окна на улицу, являются какие то отряды в бюро профессиональных союзов, и, арестовав всех, делают обыски, по улицам идут с музыкой шайки золотаревцев, без ведома власти где нибудь забирают буржуазию и объявляют ей о наложенной на нее каким нибудь отрядом контрибуции.

Необходимо дать характеристику соотношения классовых сил на Кубани к этому времени. В связи с декретом по земельному вопросу II-го съезда Советов, безземельное и малоземельное иногороднее население с большим напором землю брало; оно выставило от себя в качестве вооруженной силы Советской власти огромные отряды, куда вошли почти все, способные носить оружие. За Советскую власть боролся еще и иногородний кулак из „пришлых“. Он видел, что настанут времена, когда он не будет платить

больших арендных денег за землю, ее можно отнять у хозяев, а уж как сделать ее своей, как потом распорядиться, это будет видно дальше. И этот тип кулака защищал Советскую власть до поры, до времени.

Не совсем „нормальное“ отношение вооруженных отрядов, состоявших главным образом из иногородних, к казачьим частям, защищавшим Советскую власть, приводившее к тому, что часто последние расформировывались и вливались небольшими кучками в отряды иногородних, тяжело отзывалось на настроении части середняцкого и даже бедняцкого казачества. Кулачество повело активную борьбу против Советской власти, и, увлекая за собой массы казачества, готовило вооруженные силы, снабжая свои повстанческие, партизанские отряды в лесах, камышах и степях всем необходимым, начиная от вооружения и патронов и кончая одеждой и хлебом.

Основным ядром, вокруг которого организовалось контр-революционное казачество, руководителем всех партизанских отрядов, явилось казачье дворянство. Удельный вес рабочего класса в это время как то стерся, потонул. Слишком невелик количественно был рабочий класс на Кубани, его наличие ощущалось слабо. С большим трудом Коммунистической партии удавалось общее руководство сохранять за собой. Наступило тягчайшее время для жизни Советской власти в Крае. Партии социалистов-революционеров и меньшевиков в это время существовали легально, даже больше, они принимали участие в общественной жизни. Так, до июля месяца 1918 г. они принимали участие в работах Екатеринодарского Городского Совета. Они открыто обсуждали на своих партийных собраниях и на заседаниях Горсовета ошибки ЦИК‘а, ошибки Советской власти. Но, в целом, политика этих партий была политикой оппозиции. В это же время, колоссальную деятельность развили партии кадет и монархистов, объединившие свою работу. Они занимались устройством заговоров, раскидывая сеть их из центра по периферии. Из Северного Кавказа сеть перекидывали на Украину, на Волгу, в Сибирь. Головка заговора укрылась в недрах „Союза спасения Кубани“, который нелегально существовал в Екатеринодаре, а его филиалы были по всем городам Кубанской области. Его агенты в станицах вели агитацию и подготовку к вооруженному выступлению против Советской власти.

Таково было общее положение на Кубани к этому времени.

К середине 1918 г., как мы уже указывали, в казачьей станице и на селе Северного Кавказа, пролетарская революция уже началась,—отобрание и раздел имущества буржуазии, требование и получка „надела“ в юрте станицы, являлись выражением начала этого процесса. В моменты, когда зажиточные элементы пытались противодействовать, они имели дело с вооружонной рукой бедноты. Интересы бедноты блюли земельные комитеты и Советы и кое-где, в станицах даже начали организовываться Комбеды, без директив из центра.

Процесс развития пролетарской революции в деревне Края в основном шел по тому же пути, как и в центре России. Ленин так характеризует этот процесс в одной из своих речей:

—„... В стране, где пролетариату пришлось взять власть при помощи крестьянства, где пролетариату выпала роль агента мелко-буржуазной революции, наша революция, до организации Комитетов бедноты, т. е. до лета и даже осени 1918 г. была в значительной мере революцией буржуазной. Мы это сказать не боимся, мы так легко проделали Октябрьскую революцию потому, что крестьянство в целом шло с нами, оно шло против помещиков, оно видело, что здесь мы пойдем до конца. Мы осуществляли в виде законов то, что было напечатано в эсеровских газетах, то, что трусливая мелкая буржуазия обещала, но сделать не могла. Но, когда стали организовываться комитеты бедноты, с этого момента наша революция стала переходить в революцию пролетарскую. Перед нами стала задача, которую мы далеко еще не разрешили, но чрезвычайно важно то, что мы ее практически поставили“...[1].

На Кубани и Черноморьи, именно к данному моменту, революция стала подходить к разрешению этой „комбедовской задачи“, но ее реализация встретила здесь ряд препятствий, вытекавших из того сложного переплета социально-экономических сил, анализ которого мы давали еще в начале главы и который оказался на всем протяжении революции 1917-18 г. г.

Вопрос о комбедах в заседании президиума ЦИК‘а Кубано-Черноморской республики ставился не раз, но не получал разрешения. И вот, наконец, специально выделенная комиссия для проработки вопроса о Комбедах решила: „Комбеды на Кубани не вводить, ибо положение на местах таково, что Комбеды будут тут той каплей, какая окончательно поднимет против нас все казачество и середняков из иногородних“.[2]

Колебания и отход рядового казачества и мелкой буржуазии вообще от Советской власти, можно наблюдать в их отношении к партиям большевиков и лев. социалистов-революционеров. В те моменты, когда отход казаков от Советской власти был налицо, партия левых социалистов-революционеров количественно увеличилась. В 1918 г. на съезде, обыкновенно делегаты записывались в большевики и левые эсеры, ибо беспартийным быть почти никто не хотел. Обыкновенно, на съездах фракция большевиков была очень большой, зато в те времена, когда казачество не разделяло политики большевиков, на съездах оно записывалось во фракции левых социалистов-революционеров, ибо рядовое казачество понимало, что левые социалисты-революционеры, это нечто вроде оппозиции большевикам. Нельзя не вспомнить III-го съезда Советов Кубани. Это было время, когда бедняцко-середняцкое казачество по отношению к Советской власти начало колебаться и на этом съезде фракция левых социалистов-революционеров достигла 40% всего состава съезда, а в станицах в кампаниях по записи в члены пар-

[1] Собр. соч. т. 15, стр. 490, 491.

[2] Протоколы этой комиссии мы к сожалению не могли найти и приводим решение по памяти председателя комиссии.

тии, в этот период, левые социалисты-революционеры имеют огромнейший успех: так, в Баталпашинской, в августе месяце, кампания левых социалистов по записи в партию дала в течение 2-х дней около 150 с лишним человек, главным образом из интеллигенции и казачества. Мы видим, что процесс отхода мелкой буржуазии от революции в этот период проходит под прикрытием знамени лев. эсеров. В станице Славянской в течение недели записалось около 300 человек. Под розовым знаменем левых эсеров можно было на время укрыться от ударов революции и мелкая буржуазия это использовала.

К средине июня и началу июля общая обстановка усложнилась не только в Кубано-Черноморской, но и в соседних республиках и областях. В ряде мест шли беспрерывные бои и уже победа кое где склонялась на сторону контр-революции.[1]

Надо было в борьбе напрягать все силы, которыми располагали Советы, а для этого необходимо было твердое единое руководство и концентрация сил и не только в масштабе одной Республики, но и всего Северо-Кавказского Края, на территории которого контр-революция пыталась действовать единым фронтом, под одним руководством.

Кубано-Черноморский ЦИК идет по этому пути и с участием представителей центрального правительства (Орджоникидзе и др.) созывает на начало июня первый съезд Советов Северного Кавказа.[2]

---

[1] Первые же дни победы трудящихся над буржуазией, поставили перед победителями вопрос о немедленной экспроприации ценностей Банки были национализированы, сейфы пересмотрены, ценности конфискованы. Золото, серебро, бриллианты и проч. с мест передавались в хранилища Кубанской, а позже Кубано-Черноморской Республики. Работники ЦИК'а, чувствуя шаткость положения Советов на Северном Кавказе вообще, несколько раз ставили вопрос об эвакуации ценностей в центр, в Москву. В первых числах июня 1918 г. много ценностей было изъято из Екатеринодарских хранилищ, погружено в вагоны и под сильным конвоем, при руководстве самого комиссара финансов (т. Дунина) было направлено в Москву.

[2] Прот. ЦИК'а № 29 от 17 июля 1918 г. „Прик. правда“ № 62, от 26/VII-18 г.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

1. К ДОНСКОЙ ССР.

Съезд Советов Донской области.

(Первый Съезд Советов).

Довольно поместительный зал общества приказчиков к 8 час. вечера уже переполнен делегатами настолько, что многим приходится стоять. Съехалось и было на первом собрании не менее 500 чел., определяя на глаз. С небольшим опозданием президиум Областного Военно-Революционного Комитета открывает собрание. Тов. Подтелков предлагает официальное открытие съезда отложить на завтра до 2-х час. дня, а сегодняшнее собрание, назвав его частным, посвятить ознакомлению с событиями политического момента и с событиями, назревающими в Новочеркасске, а также предлагает выполнить техническую часть съезда — утверждение регламента съезда, обсуждение вопроса на какие секции надо съезду разбиться и пр.

Предложение тов. Подтелкова без прений принимается и частное совещание съезда открывается под председательством президиума Областного Военно-Рев. Комитета речью тов. Сырцова, получившего слово для доклада о текущем моменте.

Тов. Сырцов предваряет, что его доклад будет краток и коснется только наиболее важных сторон политической жизни. Охарактеризовав переворот февраля 1917 года, поставивший у власти буржуазию, разделившую потом власть с партиями оборонческо-соглашательского толка с меньшевиками и правыми эсерами, и переворот 25 октября, впервые и прочно поставивший у власти подлинное правительство крестьян, трудовых казаков и рабочих, чем осуществлены были начала народовластия, тов. Сырцов отметил особую роль в движении Донской области. В силу многих самобытных условий, она долгое время оставалась как бы в стороне от переживаемых Россией событий и только вот теперь, освободившись от физического и морального плана калединства, переживает и переворот февраля 1917 года, и октября 1918 г. Все это в чрезвычайной степени усложняет работу съезда и делает ее очень ответственной.

Останавливаясь, далее, на общих условиях текущего политического момента, тов. докладчик говорит, что борьба крестьян и рабочих с имущими классами здесь внутри страны окончилась почти полной победой трудового народа.

Сопротивление буржуазии сломлено. Земля передана и передается крестьянам. Вводится, и во многих местах, где Советская власть успела укрепиться, уже введен рабочий контроль. Многие из больших предприятий национализированы. Национализированы также и банки. Вообще весь аппарат старой буржуазной власти капитала над трудом разрушается, заменяясь новым, или берется под строгий рабочий контроль.

Реакция, имевшая место во многих местах страны, особенно на Дону и на Кубани, окончательно теряет под ногами почву и окончательно ликвидируется. Хотя и более медленно, но идут на убыль и националистические движения на окраинах, вдохновляемые социалистами-соглашателями совместно с национальной буржуазией окраин.

Но все это еще не конец. Борьба идет и должна идти,— говорит далее докладчик,—ибо на помощь нашей буржуазии, нашей контр-революции, спешат империалисты — захватчики других стран.

Германские империалисты, с запада занимая Украину и с севера занимая Финляндию, японские империалисты, с востока занимая Владивосток, объявили поход на Советскую власть России.

Принужденная тяжелыми экономическими условиями заключить мир с Германо-Австрией, Россия и Советская власть, в силу предательской политики Украинской Рады, подвергается в настоящий момент величайшей опасности.

Вопрос идет о смерти и жизни Советской власти, а значит о всех завоеваниях крестьян, казаков и рабочих.

Только дружной планомерной борьбой, только укреплением власти Советов на местах, можем мы,— заканчивает докладчик свою речь,— спасти наши завоевания от покушения международного капитала. Только вполне прочное положение Советской власти здесь на местах, в частности и на Дону, даст возможность нашим братьям—рабочим и трудящимся Германии, Франции, Австрии и Англии придти к нам на помощь. А эта помощь близка, об этом говорят все увеличивающиеся и расширяющиеся рабочие волнения в этих странах.

Заключительные слова тов. Сырцова: „Да здравствует полнота власти Советов“,—встречают общее одобрение и аплодисменты.

Затем для доклада о событиях в Новочеркасске получает слово тов. Ермилов. С напряженным вниманием, при полной тишине зала, выслушивают делегаты обстоятельный доклад т. Ермилова.

Докладчик начинает с того момента, когда по соображениям целесообразности и пользы дела Областной комитет должен был переехать из Новочеркасска в Ростов, где было больше товарищей, которых можно было привлечь к советской работе, на которую требовалось много людей.

Этот съезд повел к тому, что в Новочеркасске реакция подняла голову. Местные военные власти стали проявлять совершенно недопустимые тенденции.

Офицеры - партизаны Каледина стали выпускаться без разрешения Областного Военно-Рев. Комитета, а Богаевский,— товарищ атамана Донской области, Каледина, сдавшийся в плен советским войскам, получил возможность, уходя с гауптвахты, где он содержался арестованным — выступать на митингах с длиннейшими речами.

В этих речах Богаевский, как человек умелый и хитрый, не выступая прямо против советской власти, тем не менее вел свою политику критики Советской власти, долженствующую повести к умалению ее значения.

Пособниками Богаевского в этих его началах, к величайшему удивлению, оказался и Голубов, войсковой старшина, бывший до сих пор на стороне советских войск, и сам начальник их тов. Смирнов. На этих собраниях, где выступал Богаевский, жестокой критике подвергалась деятельность Областного комитета.

Когда Областной комитет, с целью ликвидировать это, отдал приказ доставить Богаевского в Ростов, то военные власти Новочеркасска не выполнили этого приказа и Областному комитету пришлось делегировать в Новочеркасск специальную комиссию из 5 лиц для выяснения дела и мирного улаживания инцидента.

Сообщение тов. Ермилова выслушивается с напряженным вниманием, равно как и разъяснение тов. Подтелкова, касающееся того же самого. В некоторых местах сообщения прерываются негодующими криками: „позор-позор“, со стороны делегатов, видимо, возмущенных поступками новочеркасских военных властей. Тов. Подтелков заканчивает свое сообщение тем, что Новочеркасский гарнизон по отношению ко всему происходящему в Новочеркасске раскололся, и только малая его часть идет за Голубовым и Смирновым, большая же часть стоит на почве Советской власти и идет за Областной Военно-Революционный Комитет.

Далее собрание переходит к обсуждению регламента Съезда, который и утверждается с небольшими поправками.

На этом и оканчивается заседание. Официальное открытие назначается на следующий день в 3 часа дня.

Открытие Съезда.

Из доклада мандатной комиссии выясняется, что прибыло 656 человек делегатов с решающим голосом и 103 с совещательным, а всего, следовательно, 759 делегатов.

Тов. Подтелков открывает Съезд, и под звуки оркестра, исполняющего марсельезу, все делегаты встают и долго несмолкаемыми криками „ура“ сопровож-

дают возглас т. Подтелкова „да здравствует власть Советов“. Затем приступают к выбору председателя Съезда, причем обл. советские партии сошлись на одном кандидате—тов. Ковалеве, казаке-большевике Донецкого округа, известного многим делегатам своей прежней деятельностью.

Почетными председателями избраны при громе аплодисментов: т.т. Ленин, Троцкий, Карл Либкнехт, Камков и Спиридонова и Фридрих-Адлер—(австр. интернационалист, социал-демократ). В президиум Съезда избраны по списку большевиков 10 чел.: т.т. Сырцов, Сенькевич, Власов, Зеленский, Ермилов, Турло, Крылов, Рожанский, Жук и Богуславский, за которых было подано 308 гол. и по списку лев. соц.-рев. 9 чел.: т.т. Дмитров, Корелин, Жирнов, Глазков, Штейнберг-Кривошлыков, Иванов, Кулаков и Герасименко, за которых было подано 285 голосов.

После приветственных речей выступает с обстоятельным докладом т. Подтелков о работе Областного комитета и сообщает дальнейшее развитие того инцидента, о котором он сообщал накануне.

Войска, посланные из Ростова в Новочеркасск для подавления восстания и ареста контр-революционеров, вступили туда без боя и заняли все правительственные учреждения. Начались аресты контр-революционеров. Казаки 27 и 10, а также других полков против Советской власти не выступали, арест Богаевского обеспечен.

Сообщение покрывается громом аплодисментов и Обл. ком. выражает собранию благодарность.

Затем Съезд разбивается на секции и приступает к деловой работе.

Общее впечатление от Обл. Съезда таково: Съезд будет безусловно деловым и сможет выполнить возложенную на него работу. То, что реакция еще не сломлена в Донском округе, поведет к тому, что спаяет делегатов друг с другом и сольет их в дружной совместной работе по укреплению на Дону Советской власти. На это можно надеяться из того, как единодушным протестом встречаются все сообщения о покушениях на Советскую власть, со стороны кого бы они не исходили“.[1]

Речь генерала Каледина (на Московском совещании).

„Выслушав сообщение временного правительства о тяжком положении Русского государства, казачество в лице представителей всех 12-ти казачьих войск: Донского, Кубанского, Терского, Оренбургского, Яицкого, Астраханского, Сибирского, Амурского, Забайкальского, Семиреченского, Енисейского и Уссурийского, стоящее на общенациональной государственной точке зрения, с глубокой скорбью отмечая ныне существующий в нашей внутренней государственной политике перевес частных классовых и партийных интересов над общими, приветствует решимость временного правительства освободиться наконец в деле государственного управления и строительства от давления партийных и классовых организаций, вместе с другими причинами приведшего страну на край гибели. (Аплодисменты справа).

Казачество, не знавшее крепостного права, искони свободное и независимое, пользовавшееся и раньше широким самоуправлением, всегда осуществлявшее в среде своей равенство и братство, не опьянело от свободы. Получив ее вновь, вернув то, что было отнято царями, казачество, крепкое здравым смыслом своим, проникнутое здоровым государственным началом, спокойно, с достоинством приняло свободу и сразу воплотило ее в жизнь, создавая в первые же дни революции демократически избранные войсковые правительства и сочетав свободу с порядком“.

---

[1] Известия Куб. Обл. Исполкома № 27, 17 апреля 1918 г.

Каледин выдерживает небольшую паузу и затем, подчеркивая каждое слово, говорит:

„Казачество с гордостью заявляет, что полки его не знали дезертиров (бурные аплодисменты справа и в части центра), что они сохранили свой крепкий строй и в этом крепком свободном строе защищают многострадальную отчизну и свободу. (Аплодисменты).

Служа верой и правдой новому строю, кровью своей запечатлев преданность порядку, спасению родины и армии, с полным презрением отбрасывая провокационные наветы, обвинения в реакции и контр-революции, казачество заявляет, что в минуты смертельной опасности для родины, когда многие войсковые части, покрыв себя позором, забыли о России, оно не сойдет со своего исторического пути служения родине с оружием в руках на полях битвы и внутри в борьбе с изменой и предательством. (Шумные аплодисменты).

Вместе с тем, казачество отмечает, что обвинение в контр-революционности было брошено именно после того... (генерал Каледин оборачивается к левой стороне и, смотря в упор на Н. С. Чхеидзе, И. Г. Церетели и других вождей демократии, продолжает), как казачьи полки, спасая революционное правительство, по призыву министров-социалистов 3-го июля вышли решительно как всегда, с оружием в руках для защиты государства от анархии и правительства. (Аплодисменты на всех скамьях).

Понимая революционность не в смысле братания с врагами, не в смысле самовольного оставления назначенных постов, неисполнения приказов, предъявления к правительству невыполнимых требований, преступного расхищения народного богатства, не в смысле полной необеспеченности личности и имущества граждан, грубого нарушения свободы слова, печати и собраний, казачество отбрасывает упреки в контр-революционности. Казачество не знает ни трусов, ни измены и стремится установить действительные гарантии свободы и порядка. С глубокой скорбью отмечая общее расстройство народного организма, расстройство в тылу и на фронте, развал дисциплины в войсках и отсутствие власти на местах, преступное разжигание вражды между классами, попустительства в деле расхищения государственной власти безответственным организациям как в центре, так и на местах, отмечая центробежное стремление групп и национальностей, грозное падение производительности труда, потрясение финансов, промышленности и транспорта, казачество призывает все живые силы страны к объединению, труду и самоотвержению во имя спасения родины и укрепления демократического республиканского строя. (Бурные аплодисменты на всех скамьях).

В глубоком убеждении, что в дни смертельной опасности для существования родины все должно быть принесено в жертву, казачество полагает, что сохранение родины, прежде всего, требует доведения войны до победного конца в полном единении с нашими союзниками. (Бурные аплодисменты в центре и справа. Демонстративно аплодирует Е. К. Брешко-Брешковская). Этому основному условию следует подчинить всю жизнь страны, а следовательно и всю деятельность временного правительства. Только при этом условии правительство встретит полную поддержку казачества. Пораженцам не должно быть места в правительстве. (Бурные аплодисменты справа. Шиканье слева. Все взоры устремлены на Чернова, низко склонившегося над столом).

Для спасения родины мы намечаем следующие главнейшие меры:

1. Армия должна быть вне политики. Полное запрещение митингов и собраний с их партийными борьбой и распрями.

2. Все советы и комитеты должны быть упразднены (сильное движение на левой стороне. Возгласы: „это контр-революция“) как в армии, так и в тылу, кроме полковых, ротных, сотенных и батарейных, при строгом ограничении их прав и обязанностей областью хозяйственных распорядков. (Караулов с места: „Совершенно правильно“).

3. Декларация прав солдата должна быть пересмотрена и дополнена декларацией его обязанностей. (Аплодисменты справа. Возгласы возмущения слева).

4. Дисциплина в армии должна быть поднята и укреплена самыми решительными мерами.

5. Тыл и фронт—единое целое, обеспечивающее боеспособность армии, и все меры, необходимые для укрепления дисциплины на фронте, должны быть применены и в тылу.

6. Дисциплинарные права начальствующих лиц должны быть восстановлены. (Аплодисменты справа).

7. Вождям армии должна быть восстановлена полная мощь.

8. В грозный час тяжких испытаний на фронте и полного развала от внутренней политической и экономической разрухи страну может спасти от окончательной гибели только действительно твердая власть, находящаяся в опытных и умелых руках лиц, не связанных узко-партийными групповыми программами (бурные аплодисменты справа), свободных от необходимости после каждого шага оглядываться на всевозможные комитеты и советы (сильное движение на левых, бурные аплодисменты справа) и отдающих себе ясный отчет в том, что источником суверенной государственной власти является воля всего народа, а не только отдельных групп и партий.

9. Власть должна быть едина в центре и на местах. Расхищению государственной власти центральными и местными комитетами и советами должен быть немедленно и резко поставлен предел. (Бурные аплодисменты на левой. Слышны возгласы: „Долой". „Контр-революционер". Шумные аплодисменты справа).

10. Россия должна быть единой. Всяким сепаратным стремлениям должен быть поставлен предел в самом зародыше.

11. В области государственного хозяйства необходимо: а) строжайшая экономия во всех областях государственной жизни, планомерно, строго и неумолимо проведенная до конца: безотлагательно привести в соответствие цены на предметы сельско-хозяйственной и фабрично-заводской промышленности; б) безотлагательно ввести заработные платы и прибыли предпринимателя; в) немедленно приступить к разработке и проведению в жизнь закона о трудовой повинности; г) принять самые строгие и действительные меры к прекращению подрыва производительности сельско-хозяйственной промышленности, чрезвычайно страдающей от самочинных действий отдельных лиц и всевозможных комитетов, нарушающих твердый порядок в землепользовании и в арендных пользованиях.

В заключение мы не можем не остановиться перед предстоящими государству величайш. событиями, на которые весь русский народ смотрит как на свою конечную надежду получить для нашей многострадальной родины прочные твердые основы новой государственной жизни. Мы говорим об учредительном собрании. Мы требуем, чтобы во всей подготовительной обстановке в течение самых выборов в учредительное собрание временное правительство приняло все меры, обеспечивающие правильность и закономерность выборов на всем пространстве земли Русской.

Мы полагаем, что местом созыва учредительного собрания должна быть Москва как по своему историческому значению и центральному положению, так и в интересах спокойной и планомерной работы учредительного собрания.

Мы обращаемся, наконец к временному правительству с призывом, чтобы в тяжкой борьбе, ведущейся Россией за свое существование, правительство использовало весь народ государства России в эти тяжкие дни—все, что может дать наша родина по части энергии, знания, опыта, таланта, честности, любви и преданности интересам отечества.

Время слов прошло. Терпение народа истощается,— нужно делать великое дело спасения родины".

---

2. К КУБАНСКОЙ ССР.

Протокол № 1[1]

заседания Кубанского Областного Исполнительного Комитета Советов К. К. Р. и С. Д. 5-го февраля 1918 г., г. Армавир.

Избраны председатель тов. Як. Полуян, тов. председателя Борисенко и Ив. Гайченец секретарей С. Быкова и Яковлеву и, утвердив таковой, президиум приступил к рассмотрению инструкции о правах и обязанностях советов, после чего постановил избрать следующие комиссии:

А. Финансовую: для распределения местного бюджета — в составе 3-х человек, в которую вошли товарищи Виордо, председателем и членами т. Макенко и Ткаченко, заместителями Гречухин, Лифарев и Руденко.

Б. Редакционную: в составе 3-х человек, члены ее Тапциев, Макеев и Долгополов—заместителем Черный.

В. Земельную комиссию: для точного учета земель (лесов, вод и др. угодий), а также распределения их для использования, в которую вошли члены Макеев, Бугрин, Майборода, кандидатами к ним -- Третьяков, Курочка и Горобец.

Г. Военную: для которой избранными оказались — Лифарев, Бугрин, Левишик, Гайченец и кооптирован т. Гуменный.

Тов. Полуян предлагает послать делегатов во второй Хоперский полк, стоящий в Невинномысской и предложить ему перейти в Армавир, как центр, предложение принимается и избираются для командировки 2 человека -- Лифарева и Борисенко. Предлагается также послать представителей в Баталпашинск для приглашения первого Хоперского полка и в Лабинскую для приглашения Лабинского полка—оба предложения принимаются, для командировки в Баталпашинск избраны Бугрий и Недоводьев, а Лабинскую—Засимов и Щека.

Заслушав заявление Кислицына о земельной комиссии, дела которой были так запутаны, что не было возможности сделать учет, постановили для расследования избрать следственную комиссию в составе 4-х человек, избраны были Тащиев, Ткаченко и Майборода, кооптирован тов. Хотиев.

Председатель (подписи нет).

печать. Секретарь

Продолжение заседания 5-го февраля 1918 г. Заседание возобновляется 6-го февраля 1918 г. в 11 час. утра.

Д. Хозяйственную комиссию: избрали из 3-х человек, в состав которой вошли Пузырев, Засилов, Долгополов.

Е. Комиссия управления: ведающая внутренними и внешними сношениями в области и технически объединяющая все остальные отделы. В комиссию избраны—Белоусов, Гречухин и Сапрыкин.

Ж. Комиссия труда: которая тесно связала рабочий вопрос с крестьянско-казачьим, и объединить профессиональные союзы, фабрично-заводские комитеты и крестьянские артели. В комиссию вошли Пузырев и Руденко, Козлов, Яковлева, Лавров.

---

[1] Редакция всюду сохранена подлинная.

З. Комиссия путей сообщения: была избрана из 3-х человек (с правом кооптации) Недоводьев, Романовский и Васильев.

И. Комиссия почт и телеграфа: комиссия избрана из 3-х человек—Виардо, Макеенко, Гайченец и заместитель Клименко.

Л. Комиссия народного просвещения: избрана из 3-х человек Борисенко, Козлов и Макеев.

М. Судебно-юридическую комиссию: вошли Тащиев, Шулика, Джулай.

Н. В врачебно-санитарную комиссию: избраны — Черный, Гречухин и Глебов.

О. В продовольственную комиссию: избрано 5 человек — Глебов, Елошин, Гриченко, Лавров и Васильев.

П. Комиссия Управления Общественным недвижимым имуществом: избрано 5 человек—Замота, Ливитин, Щерба, Приходько и Романовский.

Р. В комиссию народного хозяйства — Левитин, Гайченец, Козлов, Руденко и Курочка.

После выбора Комиссий решили выпустить воззвание к населению с призывом поддержать революционную армию фуражем и всяческим продовольствием, а также указать, что всякий идущий против крестьянско-казачье крестьянского рабочего правительства объявляются контр-революционером и немедленно арестовывается.

Председатель

Секретарь (Яковлева).

печать.

Верно.

Протокол № 3

заседания от 8-го февраля 1918 года.

В котором постановили:

1. Немедленно объявить себя правомочными.
2. Издать Лабинскому комиссару распоряжение немедленно арестовать офицеров 1-го Кубанского полка и захватить обоз, учесть имущество полка.
3. Сделать заем в 10 тыс. рублей в военно-революционном Комитете.
4. Поручили финансовой комиссии разработать проект национализации банков в Кубанской области.
5. Предложить финансовой комиссии разработать вопрос об изыскании средств, для нужд Кубанского Областного Исполнительного Комитета.
6. Предоставить право казначею Областного Исполнительного Комитета выдавать члену Исполнительного Комитета половину оклада содержания. Установить дежурство членов.

Протокол

экстренного заседания Исполнительного Комитета № 3 от 9-го февраля 1918 года.

1. Обсудив вопрос о прибывшем штабе 1 Кавказской казачьей дивизии, постановили:
2. Всех казаков, отобрав у них предварительно оружие, отпустить их домой, в виду их желания, офицеров же и их генералов—арестовать.

3. Все имущество оставить в распоряжении Областного Исполнительного Комитета.

4. Заседание Областного Исполнительного Комитета должно производиться по вторникам и пятницам.

Председатель

печать. Секретарь

Верно.

Протокол № 4

общего заседания Кубанского Областного Исполнительного Комитета 9-го февраля 1918 года.

1. Вниманию общего заседания был предложен доклад товарищей г. Петрограда, которые предложили создать Отдел снабжения сельско-хозяйственными машинами и орудиями.

2. Исполнительный Комитет решил послать делегатов в город Петроград для общей связи за инструкциями и просить людей для общей работы в области.

3. Прибывших из Петрограда товарищей принять для работы с правом решающего голоса.

4. Большинством голосов принято послать делегетов в г. Петроград в числе 2-х человек. Избранными оказались—Золотарев и Третьяков.

5. Обсудив вопрос по поводу ареста штаба первой Кавказской казачьей дивизии, постановили:— послать телеграмму в Екатеринодар с предупреждением находящимся в плену нашим товарищам дать максимальную свободу, а если будут поступать зверски, то с их офицерами и генералами будет сделано хуже.

6. Собранию предложено избрать агитационную комиссию из 3-х человек, в каковую вошли — Козлов, Яковлева, Курочкин, предложение принято единогласно.

7. Делегатам, пославшим в г. Петроград, назначено пятнадцать руб. в сутки.

Заседание объявляется закрытым.

Председатель

печать. Секретарь

Протокол

экстренного заседания Президиума Кубанского Областного Исполнительного Комитета 10-го февраля 1918 года.

Президиум Кубанского Областного Исполнительного Комитета, обсудив текущий момент нашел, что Кубанская область находится в опасном положении. Для спасения ее необходима продуктивная работа и живые силы, которых Областной Исполнительный Комитет имеет не в достаточном количестве, в виду чего

постановил:

Просить товарища Смирнова войти в Президиум Областного Исполнительного Комитета на правах равноправного члена Президиума.

Председатель (Борисенко).

Его товарищ — Гайченец.

печать. Секретарь (Быков, Яковлева).

Протокол № 5.

В своем очередном заседании 10-го февраля 1918 г. Областной Комитет совместно с Армавирским Военно-Революционным Комитетом и комиссаром станицы Лабинской

1. Постановил: для продуктивности работы для спасения Кубанского Края и во избежание двоевластия в городе Армавире — Армавирскому Военно-Революционному Комитету, который в то же время ведал гражданскими делами Армавира — слиться в Областной Исполнительный Комитет. Комиссии Армавирские — продовольственная, финансовая, хозяйственная и военная и другие — должны слиться с комиссиями Областного Исполнительного Комитета.

Объединение принято единогласно.

2. Газету „Новый мир", как агитирующую против Советской власти, признать контр-революционной и постановили закрыть.

3. Внеочередное заявление доктора военно-революционного лазарета Саченко — постановили: Завтра же врачебно-санитарная комиссия должна в 1 ч. дня собраться в лазарете для составления сметы расходов.

4. О заявлении профессионального союза. Прислуги постановили избрать Комиссию для расследования дела прислуги большой Московской и вообще. В комиссию вошли т. Курочкин, Пузырев, Тащиев, Луценко, Аникин, Каплунов.

5. Просьба Армавирского общества обложению армянскую буржуазию не подвергать — обсудили:

Постановили: Народная власть, власть советов, которая в настоящее время существует в Армавире — никаких привилегий, никаких исключений для той или другой нации демократия делать не может. Не интересы той или иной нации для нее дороги, а всего трудящегося народа без различия наций и закон, издаваемый ею — обязательный для всего живущего в пределах народного самоуправления. Исключение для какой нибудь нации — равносильно изменить принципам с.-демократии.

Председатель

Секретарь

печать.

Верно:

Протокол № 6

общего экстренного заседания членов Кубанского Областного Исполнительного Комитета 15-го февраля 1918 года.

Заслушав доклад т. т. Борисенко, Смирнова и Гайченец об угрожающем состоянии ст. Прочноокопской по отношению к Советской Власти, о подготовке к восстанию на Армавир, о приюте юнкеров, бежавших из г. Екатеринодара, о сношении со станицей Григориполисской — по делу защиты Филимонова, Быча и других.

Постановили:

Немедленно в ультимативной форме требовать от станицы Прочноокопской выдачи всего оружия, всех застрельщиков контр-революции, юнкеров и буржуа, временно нашедших в станицах приют, в противном случае решили вооруженной силой подавить контр-революцию и разоружить ст. Прочноокопскую. Если требования Прочноокопцами будут отвергнуты, то Президиуму Кубанского Исполнительного Совета, военно-революционному Штабу Области и военно-революционному комитету города Армавира—постановили: предоставить право действовать по

собственному усмотрению совместного совета этих органов. Президиуму поручаем выработать содержание ультимативного требования.

Экстренное заседание совета назначается на 2 часа дня.

Председатель Куб. Обл. Сов.

Председатель Воен.-Рев. Шт. Обл.

печать. Председатель Воен.-Рев. К-та г. Армавира.

Члены—секретарь Куб. Обл. Сов.

Верно:

Протокол № 7

экстренного заседания Исполнительного Комитета 15 февраля 1918 года в 3 часа дня.

Обсуждался ответ прочноокопцев на ультиматум Областного Исполнительного Комитета, в котором требования комитета положительно отвергнуты.

После кратких прений решили еще раз послать делегацию в ст. Прочноокопскую—довести до сведения населения требования Областного Исполнительного Комитета, предложить ему подействовать на свою администрацию, в противном случае предложить мирному нейтральному населению оставить станицу к 10 час. вечера.

Для переговоров были посланы Борисенко, Калашников, Яковлева и Смирнов.

Председатель

Секретарь

печать.

Верно:

Постановление

общего собрания жителей станицы Прочноокопской Кубанской области 15-го февраля 1918 г. в числе около 300 человек.

Председателем собрания единогласно избран Петр А. Уколов, его помощн.—Николай К. Степанов и секретарем—Ф. Ф. Родимкин и Ст. Я. Вихрянцева.

Председателем собранию был доложен и прочитан приказ № 1 Армавирского военно-революционного комитета—приказы № 1 и 2 Кубанского Областного Комитета Советов и ультиматут этих органов без числа и номера, в котором требуется:

пункт А:—сложить немедленно все находящееся у населения станицы оружие, а также находящиеся в складе пушки, пулеметы, ружья, патроны к ним, б) арестовать всех приютившихся в станице зачинщиков к.-революции и представить к 6-ти часам вечера 15-го февраля в г. Армавир и в) признать Советскую власть и создать немедленно таковую на месте, в противном случае по станице Прочноокопской будет открыта кононада и применены удушливые газы.

По обсуждении вышеизложенных вопросов всесторонне, общее собрание станицы Прочноокопской—постановило:

1. Ввиду того, что Кубанский Областной Исполнительный Комитет Советов г. Армавира и военно-революционный комитет г. Армавира благодаря ложным провокационным слухам поставлен в заблуждение о нашем якобы выступлении на Армавир и о контр-революционном настроении нашей станицы — то мы заявляем категорически, что приготовления к выступлению с нашей стороны на Армавир не могло быть и впредь такового быть не может, так как мы не желаем

пролития безвинно братской крови. Что же касается сложения оружия и отправки его в Армавир, то таковое в виду наступления чеченцев и горцев на Кубанскую область—как заявили члены Исполнительного Комитета — Калашников и Виадро, мы сложить пока не можем и держим его у себя не для того, чтобы наступать против Армавира и Советской власти, а для своей самозащиты от чеченцев.

2. В виду того, что у нас в ст. Прочноокопской зачинщиков к.-революции не было и нет, то вопрос об аресте таковых сам по себе отпадает.

3. Так как в настоящее время собрание жителей является малочисленным, то вопрос о признании Советской власти разрешить в данное время не можем.

Для командирования в г. Армавир, для вручения настоящего постановления Кубанскому Областному Исполнительному Комитету Советов и Военно-Революционному Комитету — избираем из своей среды Уполномоченных Куприяна Петровича Сильчева и Дмитрия Прокофьевича Петрова.

Настоящее постановление поручаем подписать президиуму настоящего собрания.

Председатель собрания (А. Уколов).

Товарищ его (Н. Степанов).

Секретари Родимкина и Вихлянцева.

Верно:

Протокол № 8

экстренного заседания Кубанского Исполнительного Комитета Советов 19-го февраля 1918 года, г. Армавир.

Вниманию собрания предложено послать 3-х делегатов на заседание Лабинского Отдельского Совета для переговора с делегатами станицы Убежинской и посылки их на неприятельский фронт станицы Прочноокопской.

Областной Комитет постановил:

Делегировать двух делегатов на заседание товарища Тащиева и Недоводьева.

Заседание объявлено закрытым.

Печать.

Председатель

Секретарь (Быков).

Верно:

Протокол № 9

экстренного заседания Кубанского Областного Исполнительного Комитета Советов 19-го февраля 1918 года г. Армавир.

Заслушав доклад председателя комитета т. Полуяна, что комиссия по приему оружия и отбора не в силах бороться с работой и что требуется доизбрать 3 человека, Областной Исполнительный Комитет постановляет:

Доизбрать членов в комиссию по отбору оружия 3 человека. Избранными оказались тов. Кича, Сапрыкин и Полстайнен.

В виду создавшегося тяжелого положения, надвигающегося со стороны станицы Прочноокопской—Областной Комитет постановил избрать из среды Комитета—штаб революционной армии из 3-х человек —избранными оказались: Гайченец, Гуменный, Полуян и к ним делегировать от Лабинского Совета и Военно-Революционного Комитета г. Армавира—по одному человеку.

Лицам, избранным в штаб—вручить всю полноту власти в военных действиях.

В виду того, что квартирн. комендант т. Баранов взял власть свыше положенного Областным комитетом, решить урезать права таковому.

Доизбрать следственную комиссию в помощь товар. Тащиеву—Козлова, Приходько. Предложение принято. Заседание объявлено закрытым

Председатель

Печать.

Секретарь

Протокол № 10

экстренного заседания Кубанского Областного Исполнительного Комитета Казачьих, кр. с. р. и г. депутатов от 21-го февраля 1918 года.

Заслушав доклад комиссара Армавирской тюрьмы о том, что местная тюрьма благодаря энергичной работе товарищей переполнена к.-революционерами и в дальнейшем не представляется никакой возможности помещать в названной тюрьме.

1. Обсудив вопрос Кубанский Областной Исполнительный Комитет постановил: из членов следственной комиссии Областного Исполнительного Комитета и совета народных депутатов Лабинского отдела выделить из них особую комиссию, которая должна немедленно приступить к расследованию арестованных. Предложение единогласно принято.

2. Согласно подданного сношения Советом народных депутатов Лабинского Отдела от 21 февраля 1918 года за №№ 607 и 608—об отпуске аванса в размере 30 тыс.—общее собрание Областного Исполнительного Комитета разрешило выдать авансом 30 тыс. руб.

3. Заслушав доклад председателя Полуяна и телеграмму ЦИК о тяжелых условиях мира, предложенного Германией, Кубанский Областной Исполнительный Комитет Советов—в своем экстренном заседании приступил к обсуждению более важных вопросов. После долгих прений - приняв большинством голосов резолюцию по текущему моменту.

(Резолюция не помещена).

4. После чего Областной Исполнительный Комитет Советов, согласно телеграммы ЦИК спешно приступил к выбору 6-ти делегатов пропорционально 3-х от партий, желающих вести оборонительную войну с германской буржуазией и не подписывать гнусные условия мира и Х-х от партии, желающих заключения условий позорного мира и не желающих вести священной национальной войны, для посылки на чрезвычайный съезд Советов в г. Москву на 12-е марта 1918 г.

Избранными оказались: Макеенко, Козлов, Калашников, партии желающих мира—Виардо, Ткаченко, Глебов, желающих оборонительную войну с германской буржуазией. Делегатам Областного Исполнительного Комитета назначены суточные в размере 25 руб. в сутки.

5) Заслушав доклад делегата Кавказского Отдела о том, что в Кавказском Отделе началась создаваться власть Советов и что на 25 февраля с. г. состоится бессословный съезд, на который Областной Исполнительный Комитет делегирует своего представителя тов. Гайченец и тов. Гуменного.

6. Всем членам Кубанского Областного Исполнительного Комитета делегируемых на Кубанской области—выдавать суточные по 15 руб.

Заседание закрыто.

Председатель Кубан. Обл. Исп. Комитета

Секретарь (Быков).

Печать.

Верно:

Протокол № 11

общего заседания Кубанского Областного Исполнительного Комитета Совета К. К. Р. С. и Г. Депутатов. 22 февраля 1918 года г. Армавир.

Вниманию собрания предложена повестка дня:

1. О вещах, отобранных у арестованных офицеров и оружии.
2. Об отпуске заимообразно аванса Баталпашинскому Военно-Революционному комитету.
3. О приказе, изданном Майкопским комиссариатом.
4. О Баталпашинском отделе и убийстве т. Макеева.
5. Вопросы, возникнувшие во время заседания.

Кубанский Областной Исполнительный Комитет переходит к обсуждению вопросов повестки дня:

1. Принимая во внимание общее собрание Кубанского Областного Исполнительного Комитета Советов, что все отобранные от арестованных офицеров вещи нажиты не их собственным трудом, а добытые на спине трудового казачества и крестьянства и что в настоящее (момент) время в Кубанской области идет гражданская война, где сражаются революционные войска против кадетской партии, теряя с каждым днем десятки человеческих жертв убитыми, ранеными, которые находятся на пользовании в лазаретах, у коих не имеется достаточного количества вещей, а) а потому общее собрание Кубанского Областного Исполнительного Комитета постановило—все отобранные у арестованных офицеров вещи, а также холодное и огнестрельное оружие—конфисковать. б) Те вещи, кои годны для употребления в лазаретах, согласно п. 1 сего же постановления – передать в распоряжение таковых. в) Деньги отобранные у арестованных офицеров конфискуются, выпущенным из заключения офицерам, не заподозренным в контр-революционном движении, или взятым каким-либо демократическим органом – имеют право на получение из отобранных у них денег не свыше 500 руб. г) Общему собранию преподано избрать комиссию для проверки конфискованного офицерского имущества. Предложение принято большинством голосов, избранными оказались товарищи Третьяков, Васильев и Сопрыгин, которые после поверки должны представить отчетность.

2. Согласно поданного заявления Баталпашинского Совета с просьбой об отпуске 2½ тысяч рублей для нужд Совета—общее собрание разрешило выдать заимообразно для нужд Совета.

3. Обсудив вопрос— общее собрание Кубанского Областного Исполнительного Совета—принимая во внимание, что если Комиссариат Майкопского Отдела нашел нужным произвести мобилизацию Майкопскому Отделу с 1900 г. по 1918 г. присяге на защиту Российской Советской Федеративной Республики постановил одобрить приказ по Майкопскому Отделу.

4. Всех арестованных офицеров, а также и граждан, заключенных в тюрьму— выпускать разрешено и если они не заподозрены в к.-революционном движении и с тем условием, если они работали в демократических организациях и имеют от таковых докутенты или за них поручится демократическая организация. Всех заподозренных в к. революционном выступлении не выпускать из тюрьмы до закрепления революции и Советской власти в России.

5. Доклад т. Бугрия о Баталпашинском съезде и убийстве т. Макеева. Ясно обрисовав картину бессословного съезда Баталпашинского отдела о движении контр-революционеров в первые дни заседания съезда, контр-революционеры проследовали за т. Макеевым и «   » февраля в 4 ч. утра был выведен из квартиры и выстрелом из револьвера тяжело ранен в рот, после чего он скончался. Память смерти т. Макеева Члены Областного Исполнительного Комитета во время заседания почтили вставаннем. Предложено также в память смерти Макеева носить траур в течение недели и послать телеграмму жене Макеева о своем соболезновании. Кроме того общее собрание Кубанского Областного Исполнительного Комитета совета постановило издать приказ по Кубанской области о изолировании

ст. Баталпашинской от жизни области—о переименовании Баталпашинского отдела в Отрадный, о вручении ультиматума о выдаче контр-революционеров и убийц т. Макеева офицеров Шевченко, Брянцева, Зеленского, Попытаева, казаков — братьев Поповых, Сидора, Александра, Василия, Романа, Ивана Бондарева, А. Фисенко, как подлежащих суду Областного военного трибунала. О посылке первого Кубанского революционного отряда в пределы станицы Баталпашинской.

6. В виду того, что член Кубанского Исполнительного Комитета Долгополов явился на заседание в нетрезвом виде постановлено сделать замечание Долгополову и впредь в нетрезвом виде не являться.

7 В виду нехорошего поведения во время заседания т. Руденко и нарушения тишины—общее собрание членов Областного Исполнительного Комитета постановило—лишить права голоса на заседания т. Руденко.

Заседание объявляется закрытым.

Председатель

Секретарь (Быков).

Печать.

Протокол № 12

заседания Кубанского Областного Исполнительного Комитета Советов К. К. Р. С. и Г. Депутатов—под председательством товарища Полуяна и секретаре Быкове от 23 февраля 1918 г.

Вниманию собрания предложена повестка дня:

1. О помощи семейству убитого т. Макеева.
2. О переезде в г. Екатеринодар.
3. Вопросы, возникнутые во время заседания.

Повестка дня единогласно принята.

1. По вопросу о помощи семейству т. Макеева, заслушав доклад т. Полуян о том, что семья павшего борца за свободы т. Макеева нуждается в материальной помощи и что дети и жена его остались на произвол судьбы — заседание Кубанского Областного Комитета нашло, что Макеев защитник трудового класса и получил смерть в борьбе за право от ярых контр-революционеров и семья его заслуживает не только единовременного пособия, но и не лишается равноправного пайка наравне с членами Областного Комитета—общее собрание постановило выдать единовременное пособие семье члена Областного Комитета т. Макеева в размере 100 р. и до окончания закрепления революции — выдавать ежемесячный пай содержания, причитающийся как члену Кубанского Областного Исполнительного Комитета.

2. По вопросу о переезде в Екатеринодар, получив сведения, что г. Екатеринодар осаждается революционными войками и в недалеком будущем будут свергнуты осиновые гнезда Филимоновского засилья—предложено штабу Военно-Революционного Комитета — немедленно передвинуться ближе к Екатеринодару с тою целью, чтобы при падении г. Екатеринодара немедленно приступить к созданию Советской Власти и установлению порядка. Предложение единогласно принято.

Внесено предложение поручить Президиуму немедленно выработать порядок дня для 2-го Кубанского съезда Советов, который должен отпечатан в газете «Кубанская Правда». Предложение принято единогласно.

3. Согласно просьбы делегатов ст. Ново-Платнировской о посылке делегатов в оную, для создания Советской власти—внесено предложение о посылке двух членов. Предложение принято: за — 25, против — 3. Внесены кандидаты — Замота Борисенко, Яковлева и Щерба. Избранными оказались: т. Щерба и Яковлева.

4. Вместо т. Гуменного — делегировать на Кавказский бессословный съезд т. Дьяченко и Гайченец.

5. Все расписки, выданные Областным Исполнительным Комитетом на конфискованные револьверы, отобранные у граждан и офицеров, а также вещи и и деньги свыше 500 руб.—сего числа т. е. 23-го февраля считать недействительными.

6 Согласно поданного заявления члена Кубанского Областного Исполнительного Комитета Левтшина о сложении с себя обязанностей члена комитета—общее собрание членов постановило уволить т. Левтшина.

Заседание закрыто в 12 час. ночи.

Председатель

Секретарь (Быков).

Печать

Верно:

Протокол № 13

заседания Кубанского Областного Исполнительного Комитета Совета К. К. Р. С. и Г. Депутатов Совета народных депутатов Лабинского отдела. 24-го февраля 1918 г. г. Армавир. Под председательством т. Полуяна и секрет. Быковым.

Повестка дня следующая:

1. О передвижении 1 и 2-го Кубанских революционных отрядов.
2. О посылке делегата за пулеметами в ст. Урупскую.
3. О грабежах и мародерстве.
4. О 1-м Лабинском полку.
5. Вопросы, могущие возникнуть во время заседания.

1. По вопросу о передвижении 1 и 2 Кубанского революционного отряда. Согласно полученной телеграммы от главнокомандующего Юго-Восточной армии—о посылке реальных сил и боевого снаряжения на станц. Тихорецкую, т. к. контр-революционные войска появляются в 20 верст. от штаба, принимая во внимание Областной Исполнительный Комитет — постановляет, в виду того, что опасность угрожает со стороны корниловского отряда — немедленно послать все имеющиеся в распоряжении комитета войска и боевые снаряжения в Тихорецкую.

2. По вопросу о посылке за пулеметами в ст. Урупскую. Заслушав доклад члена В. Р. К-та Т. Г. Армавира Т. Топчиева — о том. что в распоряжение ст. Урупской имеющиеся 16 пулеметов необходимо перевести в армию, где ощущается колоссальная нужда в таковых. Заседанием большинством голосов принято. Уполномочивает члена ВРК П. Армавира Топчия вести переговоры с Урупским Советом по возможности сколько дадут пулеметов для нужд Армии, которому предложено теперь же т. е. 24 февраля отправиться в ст. Урупскую для переговоров поскольку угрожает опасность ст. Урупской со стороны контр-революционного движения, часть оставить, а остальные представить в распоряжение полевого штаба 1 Кубанского революционного отряда.

3. По вопросу о грабежах и мародерстве. Заслушав доклад делегата хутора Капланова о том, что после падения станицы Прочноокопской и во время обыска солдатами контр-революционеров произошел грабеж у жителей хутора Капланова, не принимавших участия в контр-революционном выступлении.

4. По вопросу о 1-м Лабинском полку; заслушав доклад делегата 1-го Лабинского полка, что 1 Лабинский полк желает остаться нерасформированным, как революционная боевая единица—вопрос поставлен на обсуждение.

После высказавшихся ораторов оказалось, что 1-й Лабинский полк собран неизвестно по чьей инициативе и согласно какого распоряжения, каковое могло бы исходить от высшей инстанции и что инициаторы собрания полка явные контр-революционеры. Исходя из всего вопрос был поставлен на голосование, быть или не быть полку, при чем большинство голосов показало 1-й Лабинский полк немедленно расформировать.

5. Заслушав доклад т. председателя Борисенко о Юго-Кубанском союзе и кооперативов в г. Армавире, что члены названного союза не выдают субсидии, вложен. в банк лицам, прибывающим за получением таковых—вопрос оставить на обсуждение. После недолгих прений большинством голосов постановили избрать комиссию для ревизии Южно-Кубанского Банка. Избранными оказались товар. Курочка.

Заседание закрыто.

Печать. Председатель Верно: Секретарь

Протокол № 14

заседания Кубанского Областного Исполнительного Комитета Советов К. К. С. Р. Г. Депутатов под председательством т. Полуяна и секретаря Быковым от 25 февраля 1918 г.

Вниманию общего собрания предложен вопрос о передвижении 1-го Кубанского отряда по заявлению представителей 1-го Кубанского революционного отряда, что они желают сейчас же выступить против контр-революционного выступления в станице Вознесенской с тем условием. чтобы их немедленно довооружить.

Вопрос поставлен на обсуждение общего собрания.

С содокладом выступил т. Марченко, который сообщил, что в 1-м Кубанском революционном отряде отсутствует твердая организованность и весь отряд благодаря неорганизованности направлен стихийно, в который необходимо влить порядочных людей, которые могли бы поставить отряд на должное сознание.

Принимая во внимание общее собрание Кубанского Областного Исполнительного Комитета постановило: для внесения порядка и сознания необходимо избрать командующего 1 Кубанским революционным отрядом.

Внесены кандидаты т. Марченко и Борисенко.

Кандидатура т. Марченко большинством голосов поддерживается.

Таким образом т. Марченко назначен командующим 1 Кубанским Революционным отрядом, в помощь коему назначен т. Баранов и Лифарев, для общей связи вменяется в обязанность при окончательном вооружении отряда — немедленно отправиться с отрядом для борьбы с контр-революционерами в .ст. Вознесенскую, Баталпашинскую и др.

Заседание объявляется закрытым.

Печать Председатель Верно: Секретарь

Протокол № 15

экстренного заседания Кубанского Областного Исполнительного Комитета Советов 26-го февраля 1918 г. под председательством тов. Полуяна и секретаре Быкове.

Повестка дня следующая:

1. Просьба денег сел. Ново-Михайловского о выдаче им взаимообразно денег для нужд военно-революционного комитета.
2. Просьба раненого солдата о выдаче единовременной помощи его жене.
3. Доклад тов. Гуменного члена Кубанского Областного Исполнительного Комитета о посылке материал. обмундирован. войскам отряда Сорокина.

4. О выдаче жалованья караулу при Куб. Обл. Комитете.

5. О назначении ревизионной комиссии для проверки денежных сумм бывшего казначея Виардо.

Повестка дня поставлена на обсуждение. Вопросы не изменены и общим собранием единогласно приняты.

1. По вопросу о просьбе денег сел. Ново-Михайловского заслушан доклад делегата о том, что Михайловский военно-революционный комитет несет нужду в деньгах, на которые бы могли существовать, как члены его, а также и население сел. Ново-Михайловского, а потому просить отпустить им субсидию в сумме сколько найдет возможным Кубанский Областной Исполнительный Комитет Советов.

После прений выяснилось, что в селе Ново-Михайловском имеется в достаточном количестве хлеба, который можно реквизировать и продать куда найдет нужным военно-революционный комитет. За разрешением предложенного делегатам обратиться в Кубанский Областной продовольственный комитет, как поступить с хлебом.

Предложение поставлено на голосование. Большинством голосов постановление принято.

2. Согласно поданного заявления гражданкой Аксинией Скрыпровой о подаче единовременной помощи, т. к. муж ее тяжело ранен под Прочноокопском в бою. После высказавшихся нескольких ораторов, внесено предложение выдать ей единовременное пособие в размере 300 рублей (триста рублей), предложение принято.

3. Согласно заявления тов. Гуменного, что Юго-восточная армия нуждается как боевым, так и материала и снаряжения и что в областном комитете имеются конфискованные офицерские вещи, которые немедленно отправить в отряд Сапрыкина.

Принимая во внимание, общее собрание единогласно постановило — принять заявление товарища Гуменного.

4. По вопросу о выдаче караулу при Кубанском Обл. Исполнительном Комитете—постановили выдать каждому по 50 рублей единовременно.

5. О назначении ревизионной комиссии для поверки денежных сумм убывшего казначея тов. Виардо.

Докладчик казначей Долгополов указал, что у него в кассе нет (0) мелкой валюты.

Принимая во внимание, что мелкая валюта денег крайне необходима, как-то на выдачу жалованья членам Областного Исполнительного Комитета, а также и на другие мелкие расходы постановили: избрать комиссию для проверки денежных сумм, избранными оказались: т.т. Курочкин, Марченко и Левитин, коим вменено в обязанность вскрыть замок комнаты тов. Виардо—взять деньги, документы и поверить и передать казначею Доглополову — о проверке составить акт.

Председатель

Печать. Секретарь (Быков)

Верно:

Протокол № 16

общего заседания Кубанского Областного Исполнительного Комитета Советов — под председательством тов. Полуяна и секретаре Быкове — от 13-го марта 1918 года.

Вниманию собрания предложена повестка дня:

1. Приказ Золотарева.
2. Действие следственной комиссии.
3. О комиссарах и комиссариате.
4. Вопросы, могущие возникнуть во время заседания.

Повестка дня единогласно принята.

1. По вопросу о приказе Золотарева. Согласно поданного заявления делегатами станицы Бейсугской о том, что главнокомандующий фронтом Екатеринодар—

Кавказская Золотарев наложил контрибуцию на станицу в размере 500.000 р. и требует немедленно мобилизовать одну конную сотню и 4 пехотных, что станица Бейсугская выполнить не в состоянии — принимая во внимание общее собрание постановило оставить вопрос открытым и послать делегата для выяснения. Избран тов. Лиферев, которому предложено теперь же выехать в ставку.

2. Заслушав доклад председателя областной следственной комиссии, что следственная комиссия военно-революционного к-та г. Армавира без ведома областной следственной комиссии выпустила из тюрьмы контр-революционеров— как-то генерала Перепеловского и др., чем самым противоречит Областной организации, внося раздор и разруху по области и усугубляет еще обилием разного рода выпускников.

Принимая во внимание вышеизложенное общее собрание Кубанского Областного Исполнительного Комитета постановило — поручить следственной комиссии при Областном Исполнительном Комитете сделать расследование на основании какого законоположения армавирская следственная комиссия выпускает явных контр-революционеров.

3. По вопросу о комиссарах. Всем членам Областного Исполнительного Комитета избранным председателями какой-либо комиссии и имеющим у себя комиссарами—впредь не именоваться таковыми.

4. Узнав о том, что гарнизон станицы Невинномысской занялся самовольным разоружением проходящих эшелонов. признавая самочинное действие гарнизона ст. Невинномысской, постановила послать делегатов в ст. Невинномысскую с предложением, чтобы гарнизон впредь не занимался разоружением, а все уже отобранное оружие немедленно представить в распоряжение областного военного штаба—делегатом избран тов. Гречухин.

5. Заслушав заявление арестованных врачей Султанова, Любицкого-Захарова, что они (свое) дают согласие работать на благо революционной демократии — после долгих прений с подтверждением Областной следственной комиссии — оказалось, что врачи, насколько известно следственной комиссии, оказались контр-революционерами, а потому общее собрание постановило: просьбу врачей, заключенных в тюрьму—не удовлетворять.

6. Согласно просьбы советов народных депутатов Лабинского отдела о делегировании на обще-отдельский бессословный съезд Советов своих представителей от Областного И. К.— избранными оказались — большинством голосов — Тащиев, Бургин и Тучашвили.

7. Заслушав доклад делегата ст. Бесскорбной, делегированного в г. Армавир за получением от Юго-Кубанского банка союза кооперативов денег в сумме 50.000 р., каковую сумму члены названного банка категорически отказались выдать означенную сумму, ибо они вместе с советом праздновать не хотят, принимая во внимание общее собрание постановило теперь же написать предписание союзу кооперативов о выдаче делегату ст. Бесскорбной.

8. Доклад председателя Продовольственной комиссии при Областном Исполнительном комитете тов. Лаврова, который сообщил, что Областной Продовольственной Комиссией был делегирован член продовольств. ком. на станции Кавказская, Гулькевичи, Кубанская и др., где выяснилось следующее: ст. Кавказская, Гулькевичи и др. самовольно захватили закупленные старым продовольственным комитетом съестные продукты и припасы, как-то: рыбу, муку, сахар, некоторые принадлежат не отдельным населенным пунктам области, а всему населению области, чем самым они противоречат принципу демократии и краю, что и не в интересах всего трудового народа, принимая во внимание выше изложенное — общее собранне Обл. Исполн. Комитета после прений постановило: послать делегатов в вышеуказанные населенные пункты с наказом и просить от них письменное постановление — признают ли они власть Советов и декреты, изданные Советом Народных Комиссаров, и выражают ли рвение Областному Исполнительному Комитету Советов.

Заседание объявляется закрытым.

Председатель

печать.

Секретарь (Быков)

Протокол № 17

заседания Кубанского Областного Исполнительного Комитета Советов К. К. Р. С. и Г. Депутатов — под председательством тов. . .. . и секретаре Быкове — от 14 марта 1918 г.

Заслушав доклад и телеграмму, присланную из Усть-Лабы на имя Областного Исполнительного Комитета, что г. Екатеринодар взят революционными войсками — вниманию общего собрания Кубанского Исполнительного Комитета послать делегатов, для установления порядка, внесены кандидатуры — Полуян, Шавгенов, Дьяченко, Недоводьев, Кича — общее собрание кандидатуры принимает.

2. Общему собранию предложено в кратчайший срок, т. е. на 30 марта с. г., созвать 2-й Областной съезд Советов—предложение принято единогласно.

Также внесено поручить президиуму выработать порядок дня, который прочесть на следующем собрании—предложение принято.

Заседание объявляется закрытым.

Председатель

Печать.

Секретарь

Верно:

Протокол № 18

заседания Кубанского Областного Исполнительного Комитета Советов Каз. Кр. С. Р. и Г. Депутатов под председательством тов. Тучашвили и секретаре Быкове — 17-го марта 1918 года.

Порядок дня:

1. Просьба беженца тов. Ходудян.
2. Отъезд в гор. Екатеринодар.

Порядок дня принят единогласно.

1. По вопросу о просьбе помощи беженца Ходудян, заслушав просьбу тов. Ходудян, который просит о помоществовании ему в деньгах и бесплатном проезде по железной дороге до Ростов, т. к. он сам беженец из Тифлиса, гонимый реакционерами и контр-революционерами, принимая во внимание общее собрание постановило выдать ему денежное помоществование в размере 3-х сот (300) руб. и выдать бесплатный проезд по железной дороге до ст. Ростов.

2. По вопросу об отъезде в Екатеринодар. Согласно телеграммы, полученной из Екатеринодара. Телеграмма: Армавир Обл. М. К. квартиры готовы приезжайте немедленно все возьмите в Екатеринодар автомобили и несколько лошадей для перед Обл. К-та пред. Я. Полуян. Принимая во внимание общее собрание областного Исполнительного комитета постановило—немедленно выезжать в г. Екатеринодар—Внесено предложение — 30 офицеров брать или оставить в Армавире — вопрос поставлен на обсуждение.

1. Предложение секретаря Быкова, оставить следственную комиссию в Армавире, которая совместно с следственной комиссией Лабинского отдела производила дальнейшее расследование. Вещи и все офицерское имущество — передать в Совет народных... Лаб. отдела.

2. Внесено также предложение большинством членами всех офицеров взять в Екатеринодар и там продолжать дальнейшее следствие, забрать также и вещи.

Предложение поставлено на голосование. Большинством голосов принято второе предложение — всех офицеров забрать в Екатеринодар.

3. Тов. Быковым внесено предложение избрать ликвидационную комиссию для проверки отобранного имущества у проходящих эшелонов живого и мертвого инвентаря, переданному армавирскому военно-революционному комитету на хранение и потребовать также отчетность о проданном уже имуществе. В комиссию избраны три члена: Семенов, Церба и Третьяков.

Предложение единогласно принято.

4. Внесено предложение Вр. И. д. Пр. тов. Тучашвили — избрать заведывающего литературой — предложение большинством голосов принято. Внесены кандидатуры тов. Романовский и Яковлева — избранными оказался тов. Романовский.

Заседание объявлено закрытым.

Председатель

печать.

Секретарь (Быков).

Верно:

Протокол № 19

общего заседания Кубанского Областного Исполнительного Комитета Советов К. К. С. Р. и Г. Депутатов от 18-го марта 1918 г., под председательством Вр. Ид. т. Тучашвили и секретаре Быкове.

Вниманию собрания предложена повестка дня:

1. О диктатуре г. Армавира.
2. О доизбрании в следственную комиссию членов.
3. Просьба тяжело раненого солдата.

Порядок дня единогласно принят.

1. По вопросу выступил с докладом вр. ид. председателя тов. Тучашвили, который в своей речи подчеркнул следующее: Армавирский совет объявляет свою диктатуру. Продолжая речь, тов. Тучашвили указал на один из фактов, что Армавирский Совет без ведома Областного Исполнительного Комитета, а также и совета народных Депутатов Лабинского отдела — начал расхищать достояние трудящегося народа, все имущество, живой и мертвый инвентарь, оставленное имущество проходящими эшелонами на хранение — как-то: лошадей, хомуты, седла, повозки и проч. проч.

Видя картину Областной Исполнительный Комитет Советов неоднократно посылал делегатов с предупреждением, чтобы Армавирский Совет впредь не занимался расхищением народного достояния и просил дать ответность о том, сколько было продано имущества и на какую сумму, все деньги, вырученные от продажи — вложить в обще-государственный фонд.

На это Армавирский Совет в лице Председателя — отвечает, что „мы вас не знаем, что у нас,—все наше“. Народного достояния мы не признаем, несмотря на то, что Армавирский Совет и В. Р. К. г. Армавира расхитили миллионное достояние Российской Советской Федеративной Республики, в одно время и брал ревизионную комиссию из двух человек — и прислал сделать ревизию Кубанскому Областному Исполнительному Комитету. Ревизия и члены Ревизионной Комиссии Обл. Комитетом не были допущены. Областной комитет заявил протест ревизионной комиссии, т. к. ревизию Обл. Исполн. Ком. должен производить Кубанский Областной съезд Советов, также и Армавирский Совет и вр. К. г. Армавира—неоднократно пытался арестовать президиум Областного Комитета.

Принимая во внимание общее собрание, обсудив вопрос всестороннее - постановило: для того, чтобы урезать развивающиеся аппетиты Армавирскому Совету, который успел наложить свою лапу также на Областной „Скотоприем“ и „Салоприем“ и предотвратить анархию — вызвать несколько частей в г. Армавир для установления порядка. Для созыва частей делегировать тов. Курочко, Саморядова, Щерба и Елкина, которым поручено теперь же выехать.

2, По вопросу об арестованных внесено следующее предложение: состав следственной комиссии увеличить двумя членами, предложение единогласно принято, кандидатами выставлены тов. Яковлева. Семенов, Замота; избранными оказались – тов. Яковлева и Замота, следственному составу дан следующий наказ: впредь не освобождать из-под ареста никого, а в особенности офицеров, не имея на руках достаточных оснований от Советских революционных организаций, тут же было внесено председательствующим Тучашвили предложение об аресте освобожденных уже из-под ареста, если они не уезжали из г. Армавира. Предложение принято большинством против двух. Следственной комиссии поручается привести постановление о вторичном аресте освобожденных офицеров в исполнение.

3. Согласно поданного заявления тов. Филина, тяжело раненого под Прочноокопом, с оторванной рукой,—об удовлетворении его единовременным пособием, т. к. семья его находится в затруднительном состоянии — пропитании — принимая во внимание общее собрание постановило—как лучшему борцу за свободу, отпустить 500 рублей.

Заседание объявляется закрытым.

Председатель

Секретарь

печать.

Верно:

Протокол № 20

общего собрания Кубанского Областного Исполнительного Комитета Советов — под председательством вр. и. д. Тучашвили и секретаре Быкове, 20-го марта 1918 года.

Вниманию общего собрания предложена повестка дня:

1. О прибывших делегатах 1-го Кубанского полка.
2 О приглашении представителей от военно-революц. штабов.
3. Пересмотр кооптированных членов К-та и наемных служащих.

Повестка дня единогласно принята.

1. Доклад делегатов 1 Кубанского полка: в своей речи докладчик сообщил, что 1 Кубанский полк собрался для ликвидации полка, кроме того казаки, съехавшиеся в полк, просят отпустить арестованных офицеров на время—для потребования отчетности, а после чего они ручаются их отправить опять в тюрьму по достоинству, как видно из постановления наказов.

Принимая во внимание общее собрание Обл. Исполн. Комитета постановило: о выпуске офицеров на время для ликвидации полка обратиться непосредственно в штаб революционной армии ст. Ладожской, где находятся офицеры, а что касается удовлетворения казаков деньгами, не полученными за время службы, как то: кормовыми, за изношенные вещи, и т. п. казакам вменяется в обязанность представить список на удовлетворение казаков вышеуказанными деньгами. Для совместной работы, поверки денежных средств при ликвидации полка — постановлено избрать одного из представителя от Кубанского Областного Исполнительного Комитета - избранным большинством голосов тов. Саморядов, которому предложено теперь же выехать с делегатами в 1 Кубанский полк.

2. По вопросу о приглашении представителей от военно-революционных штабов и отдельских советов. Докладчик вр. ид. Тучашвили, который в своей речи подчеркнул, что в Кубанской области длится гражданская война, куда требуются с каждым днем живые силы, для дружной и плодотворной работы и скорейшего формирования революционных отрядов. Необходимо пригласить представителей от военно-революц. штабов и отдельских советов. Речь докладчика поддерживается

большинством голосов. Внесено предложение: пригласить для творческой работы в областной Комитет по 2 представителя от отдельских советов и по 1—от военно-революционных штабов. Предложение поставлено на голосование, подавляющим большинством предложение принято.

Оговорка: представители от штабов должны работать в обл. в. р. штабе по чисто стратегическим делам, а представители от Отделов должны работать в обл. к-те на благо трудящихся масс Кубанской области.

3. По вопросу о пересмотре кооптирован. и канцелярских служащих. Заслушав доклад т. председателя, что в областном Исполнительном комитете есть неблагонадежные работники, как на политических, а также и вообще работах—принимая во внимание общее собрание постановило: избрать поверочную комиссию для пересмотра деятельности служащих и кооптированных.

Избранными в комиссию оказались следующ.: Курочка, Белоусов, Сапрыкин, коим вменяется в обязанность после поверки—представить акт.

4. Всех членов Кубанского Областного Исполнительного Комитета Советов за самовольную отлучку--лишить жалованья за те дни, кои был в отлучке.

5. Всем членам Областного Исполнительного Комитета, у кого имеется лишнее оружие—немедленно сдать на хранение коменданту.

Председатель

Секретарь (Быков)

Печать.

Верно:

Протокол

1918 года 22 марта. Мы члены поверочной комиссии, действуя на основании общего постановления членов Областного Исполнительного Комитета от 20 сего марта—под председательством т. Курочкина, товарища его Белоусова и секретаря Сапрыкина — производили поверку наличного состава членов секции Областного Совета, кооптированных и канцеляристов, при чем оказалось:

Президиум: членов по списку 4, налицо 1, кооптированных 1—Марчихин с.-дем. больш., Тарасенко с.-рев., лев., служащий ?

Продовольственная комиссия: членов по списку 5, налицо 4, служащих 8, кооптированных 5: Рассумовский с.-дем. инт., националист— польский националист, Ковалев — соц.-революц.; неизвестны Туманов, Мокров и Чуюк — беспартийные.

Земельная комиссия: членов по списку 5, налицо 3, бухгалтер 1, пчеловод 1, монтер 1, конторщик 1, кооптированный 1—Тучашвили соц.-револ. максималист.

Финансовая комиссия: членов по списку 4. налицо 2, кооптированных нет.

Следственная комиссия: членов по списку 6, на лицо 4, кооптированных 1 — Пушатин — сочувств. лев. теч.

Медико-санитарная комиссия: членов по списку 3, налицо 1, кооптированных 1—соц.-рев. левый.

Культурно-просветительная комиссия: членов по списку 5. налицо нет.

Агитационная комиссия: членов по списку 3, налицо 2.

Справочное бюро: членов по списку 3, налицо 2, канцеляристов 2.

Председатель (подпись)

Товарищ его (подпись)

печать.

Секретарь (подпись)

Протокол № 21

заседания Кубанского Областного Исполнительного Комитета Советов К. К. С. и Г. Депутатов от 21 марта 1918 года под председательством вр. и. д. Председателя тов. Тучашвили и секретаре Быкове.

Порядок дня:
1. Доклад делегатов от горцев.
2. О продовольствии.
3. Финансовый вопрос.
4. Утверждение Лаб. и Район. продов. Управы.
5 Доклад делегатов из Петрограда.

Доклад представителя от горцев. Докладчик в своей речи обрисовал картину съездов горцев Баталпашинского отдела и что горцы единогласно признали власть Советов и выражают доверие Кубанскому Областному Исполнительному Комитету и просят также помощи, предостерегаясь от неожиданного нападения реакционеров со стороны станицы Баталпашинской. Общее собрание Областного Исполнительного Комитета Советов выразило благодарность трудящимся товарищам горцам и решило снабдить всевозможной литературой для распространения по аулам. Кроме того в одном из пунктов протокола, в котором горцы просят о переселении некоторых аулов ближе к другим – общее собрание ввиду важности вопросов отложило до созыва 2-го Кубанского съезда Советов.

2. Продовольственный финансовый вопрос оставить до следующего собрания за неимением законного кворума.

3. Утверждение Лабин. Продовольственной Управы — предложено передать на рассмотрение Президиума, предложение принято.

4. Доклад представителя из г. Петрограда Уполномочен. от воен. отдела по снабжению продовольствием военно-пленных, находящихся в Германии и др.

В кратких словах докладчик пояснил, что цель их приезда и вообще командировки—есть создание продовольственного отдела для снабжения русских пленных, находящихся в германском и австрийском плену, и работать в контакте с областным продовольственным комитетом для снабжения также Петрограда и других голодных губерний России.

Принимая во внимание общее собрание Областного Исполнительного К-та, заслушав доклад постановило — тов . . . . . . и . . . . принять в Областной Исполнительный Комитет с правом совещательного голоса для работы, кои будут касаться их интересов, а также нашей Обл. и других голодающих губерний, создания отдела проводольствия по снабжению русских пленных, находящихся в далеком плену в Германии и Австрии.

Заседание объявляется закрытым.

Председатель

Печать.

Секретарь (Быков).

Верно:

Протокол № 22

общего заседания Кубанского Областного Исполнительного Комитета Советов — 22 марта 1918 года — под председательством тов. Тучашвили и секретаре Быкове.

Вниманию собрания предложена повестка дня:

Повестка дня:
1. Доклад продовольственной комиссии.
2. Заявление партии социал.-револ. прав.
3. Текущие дела.

Порядок дня единогласно принят.

1. Заслушав доклад Областной продовольственной комиссии, что для того чтобы быстрее и плодотворнее шла работа, — необходимы средства, на которые она могла бы опираться. Принимая во внимание, общее собрание Областного Исполнительного Комитета постановило — отпустить на первое время продовольственной комиссии денег в сумме пятьдесят тысяч рублей (50.000 рублей).

2. Согласно поданного отношения Армавирского Совета партии социалистов-революционеров правых от 15/2 марта 1918 года за №...... с ходатайством об освобождении члена партии Прокофьева—арестованного общим собранием станицы Лабинской. Принимая во внимание, Обл. Исп. К-т советов не имеет никакого материала об аресте т. Прокофьева — постановил: комитету партии обратиться в станицу Лабинскую.

3. Согласно поданного заявления рабочим комитетом имени „Хуторок", что селение Ново-Кубанское заочно распорядилось продать из бароновского подвала „вино" для селения на каждый двор по 1 бутылке. Принимая во внимание общее собрание постановило: ввиду того, что селение «Хуторок», как культурное хозяйство, а не отдельных станиц и сел и что на продажу вина ограниченных прав не имеет - урезать развивающиеся аппетиты жителям селения Ново-Кубанского, посредством предписания, предупредив их не нарушать декреты, изданные Советом Народных Комиссаров.

4. Все отобранные у арестованных офицеров вещи конфисковать, согласно постановления Областного Исполнительного Комитета от 22 февраля с. г. за № 11, часть из них передать в лазареты и армию, а остальные продать с аукциона, вырученные же деньги от продажи обратить в обще-государственный фонд.

Для учета вещей назначить комиссию, внесены кандидатуры—Лавров, Шулико, Саморядов, Третьяков,—избранными оказались Саморядов, Лавров и Шулико.

Председатель

Секретарь (Быков).

Печать.

Верно:

Протокол № 23

заседания Кубанского Областного Исполнительного Комитета Советов—от 28 марта 1918 года под председательством т. Тучашвили и секретаре тов. Быкове.

Порядок дня:

1. Выборы кандидатов в чрез. след. комиссию.
2. О посылке делегатов в Москву, Петроград, Ростов, Новочеркасск, Таганрог.
3. Текущие дела.

Порядок дня единогласно принят.

1. Согласно постановления пленарного заседания Кубанского Областного Исполнительного Комитета Советов Народных Депутатов Лабинского Отдела и Армавирского Отдела—избрать чрезвычайную следственную комиссию по борьбе с контр-революцией, общее собрание приступило к выборам кандидатов—внесены следующие: Саморядов, Иванов, Тащиев, Семенов, Сапрыкин. из коих большинством голосов избранными оказались: Саморядов, Иванов и Сапрыкин.

2. Согласно того же постановления пленарного заседания приступили к выбору делегатов в Москву, Петроград, Ростов, Таганрог, Новочеркасск за получением оружия разного рода; в Ростов, Таганрог, Новочеркасск — избранными оказались т. Феодисенко, в Москву. Петроград—оказались избранными т. Тащиев и Марченко.

3. Согласно постановления Отрадного Отд. Совета от 20-го марта за № 3 и протокол № 8 — с просьбой об отпуске им для нужд отдела 50.000 рублей на содержание красного революционного отряда, удовлетворения казаков—принимая во внимание, собрание постановило: согласно просьбы Отрадного отдела отпустить пятьдесят тысяч рублей (50.000 р.).

4. Согласно поданного сношения Тифлисской почтово-телеграфной конторы от 20 февраля 1918 года за № 173 и надписи Тифлисского военно-революционного комитета от 22 февраля 1918 года за № 901 об отпуске денег на удовлетворение служащих почты за февраль месяц — взаимообразно — коих семьи в настоящее время находятся в самом затруднительном финансовом положении, кои обречены на голодную смерть -- принимая во внимание, общее собрание Областного Исполнительного Комитета постановило: выдать Тифлисской почтово-телеграфной конторе, согласно поданной требовательной ведомости в сумме 4.461 руб. (четыре тысячи четыреста шестьдесят один рубль шестьдесят две копейки)— взаимообразно.

Председатель

Секретарь (Быков).

Печать.

Верно:

Протокол № 24

общего собрания Кубанского Областного Исполнительного Комитета Совета от 24 марта 1918 года — под председательством тов. пред. Борисенко и секретаре Быкове.

Вниманию собрания предложена повестка дня:

1. О переезде в Екатеринодар.
2. О посылке делегатов в г. Ейск.

Повестка дня единогласно принимается,

1. О переезде в г. Екатеринодар, согласно полученной телеграммы из Екатеринодара — немедленно выехать.

Внесено предложение послать делегатов для расследования дел по линии железной дороги до Екатеринодара. Предложение принято — внесены кандидатуры тов. Белоусов и Марчихин—кандидаты единогласно приняты.

2. Согласно заявления членов Кубанского Областного Исполнительного Комитета тов. Макеенко и П. Замота в Ейском отделе собирают отдельские съезды— принимая во внимание общее собрание постановило: делегировать тов. Макеенко и т. Замота.

Председатель

Секретарь (Быков).

печать.

Верно:

Протокол № 25

общего заседания Кубанского Областного Исполнительного Комитета Советов—от 25 марта 1918 года под председательством тов. Борисенко и секретаре Быкове.

Вниманию собрания предложена повестка дня:

1. Об имении «Хуторок».
2. О казначее Долгополове.
3. Текущие дела.

1. Об имении «Хуторок». Заслушав доклад рабочих имения «Хуторок», что имение в настоящее время расхищается всеми темными массами и в особенности сел. Кубанским, где находятся богатства государства — принимая во внимание

общее собрание Областного Исполнительного Комитета пришло к заключению теперь же национализировать имение «Хуторок», как культурное хозяйство государства, теперь же назначить инструктора в Хуторок, избранным оказался тов. Вилистер.

2. Согласно просьбы казначея Кубанского Областного Исполнительного Комитета Долгополова об увольнении его от должности казначея, в виду неопытности и неспособности к работе по финансам — общее собрание просьбу тов. Долгополова удовлетворило. На место тов. Долгополова избирается большинством голосов товарищ Саморядов.

Внесено предложение избрать ревизионную комиссию для проверки денежных сумм бывшего казначея Долгополова и передачи Саморядову. Предложение принято. В комиссию избранными оказались тов. Саморядов, Тучашвили и Гайченец.

3. Просьба бывших служащих писцов и машинисток о том, что после того, как Областным Комитетом были рассчитаны, они остались совсем без всяких средств к жизни — и жить не на что — в городе царит полнейшая безработица. Принимая во внимание, общее собрание Областного Исполнительного Комитета обсудив вопрос постановило—удовлетворить бывших писцов и машинисток при Областном Исполнительном Комитете на март месяц с. г. в числе 7 человек — поименованных в приложенном при сем списке в сумме 1 600 рублей — тысяча шестьсот рублей шести человекам по 250 рублей, а одной доп. 100 рублей.

4. Согласно постановления Отдельского съезда Советов Лабинского Отдела об отпуске для нужд Лабинского Отдела 214.294 руб. 02 коп. (двести четырнадцать тысяч двести девяносто четыре руб. 02 коп).

В виду того, что Обл. Исполн. Комитет не располагает большой суммой отпустить для нужд Лабинского отдела двадцать тысяч руб. (20.000 рублей).

Председатель

Секретарь

печать.

Верно:

Протокол № 26

общего заседания Кубанского Областного Исполнительного Комитета Советов—от 26 марта 1918 года—под председательством тов. Борисенко и секретаре Быкове.

Вниманию собрания предложена повестка дня:

1. О переводе в Екатеринодар.
2. Доклад помощ. касп. 2-го Линейного полка.
3. Текущие дела.

Повестка дня единогласно принята.

1. О переводе в Екатеринодар. Внесено предложение сейчас же заняться погрузкой и к 6 часам вечера выехать. Назначить делегатов для назначения поезда. Избранными оказались Сешенев, Ковалевко.

2. Доклад помощ. кас. 2-го Линейного полка. Докладчик в речах пояснил, что он командирован к войсковому правительству для разрешения вопросов о расформировании идущих постов из Персии 2-го Лабинского и 3 Хоперского. Теперь же просит сделать распоряжение, где будут расформированы полки.

Вопрос поставлен на обсуждение—после прений внесены предложения.

1. Идущие полки должны из Персии разъехаться по отделам в распоряжение Отдельских советов, а штаб бригады должен расформироваться в г. Екатеринодаре. Предложение поставлено на голосование. Большинством голосов предложение принято.

Внесено предложение для встречи полков и агитации назначить делегатов в числе 2-х человек — предложение подавляющим большинством голосов принято.

Избранными делегатами оказались тов. Сапрыкин и Иванов, в помощь коим предложено комиссару Отрадного Отдела принять участие Названным делегатам теперь же отправиться в ст. Невинномысскую для встречи полков.

3. Согласно просьбы Областной продовольственной комиссии об отпуске им 150.000 руб. — (сто пятьдесят тысяч рублей) для ликвидации дел и оплаты маршрутных поездов, отправленных с хлебом в Москву и Петроград. Ввиду того, что в Областном Исполнительном Комитете нет больших сумм — разрешить выдать Обл. продовольственной комиссии 75.000 руб. (семьдесят пять тысяч рублей).

Председатель

Секретарь

печать.

Верно:

Протокол № 27

общего собрания Кубанского Областного Исполнительного Комитета Советов—от 28 марта 1918 года, под председательством тов. Борисенко и секретаре тов. Быкове.

Повестка дня:
1. О продовольствии и квартирах.
2. О выборах комендантов.
3. Вопросы, могущие возникнуть во время заседания.

Повестка дня единогласно принята.

1. По вопросу о продовольствии и квартирах. Докладчик—т. Лавров, который пояснил, что квартиры для Областного Комитета готовы, довольствия нет и что в данное время в Екатеринодаре продовольствие доставать слишком трудно, а поэтому необходимо добавить в хозяйственную комиссию двух человек—предложение принято. Избранными оказались товарищи Лефорев и Кича, в помощь бывшему тов. Долгополову, коим поручается снабжать довольствием, как членов Обл. К-та, так и делегатов. приб. на съезд.

2. По вопросу об избрании комендантов. Ввиду того, что в распоряжении Куб. Обл. К-та находятся войсковые квартиры, в коих необходимо произвести очистку для делегатов Областного съезда Советов — вопрос поставлен на обсуждение; после недолгого прения внесено предложение избрать в каждую квартиру коменданта и ему помощника. Внесены также кандидаты т. т. Белоусов, Кича, Недоводьев, Андреев, Романовский и Шишков. Предложение единогласно принято. Комендантами оказались Шишков, Белоусов, Недоводьев, Романовский, помощ. Кича, Андреев и Лавров.

Внесено предложение — всем комендантам разрешается брать деньги для уплачивания рабочим от казначея по мере возможности; расписки, полученные от рабочих — считать действительными — предложение большинством принято.

3. Согласно просьбы т. пред. Гайченец — о добавлении в комиссию по проверке денежных сумм у казначея одного члена. Избранным оказался т. Виардо.

Заседание закрыто.

Председатель

Секретарь

печать.

Верно:

Протокол № 28

общего заседания Кубанского Областного Исполнительного Комитета Советов от 28 марта 1918 года под председательством товарища Борисенко и секретаре тов. Быкове.

Повестка дня:

1. Доклад членов К-та, командированных в г. Екатеринодар.
2. Съезд и организационное бюро.
3. Доклад членов продовольственной комиссии.
4. Доклад членов квартирной комиссии.

Тов. Председателем был предложен собранию вопрос, ввиду отсутствия председателя Исполн. К-та тов. Полуяна — открывать ли собрание и выслушивать ли делегатов, посланных 14 марта из Армавира в Екатеринодар, или нет. Голосование решило вопрос в положительном смысле.

Первым сделал доклад делегат Дьяченко, заявивший, что тов. Полуян, находясь в г. Екатеринодаре, не имел связи с командированными делегатами и намеренно избегал всяких разговоров и объяснений с ними. Т. Полуян, войдя в соглашение с Екатеринодарскими организациями—приступил к назначению комиссаров и не стал считаться с делегатами, заявившими, что местные организации не имеют права на такие выборы и назначения комиссаров и что не мешало бы по этому вопросу войти в соглашение с Кубанским Областным Исполнительным Комитетом Советов, и что уже после того, когда т. Дьяченко заявил протест после такого поведения Полуян ему (Дьяченко) и его товарищам разрешено было присутствовать на их заседании с правом совещательного голоса.

В материальном положении делегатам жилось весьма неважно и т. Полуян не принимал никаких мер к его улучшению; на заявление делегатов о том, что они нуждаются в деньгах—тов. Полуян не обратил никакого внимания. Делегаты могли быть арестованы и тов. Полуян не позаботился бы о снабжении их мандатами. Однажды, на замечание тов. Дьяченко—что у нас есть Обл. Исполн. К-т тов. Полуян ответил, что совет существует только на бумаге, а людей работоспособных там нет.

Вторым сделал доклад тов. Недоводьев, подтвердивший такое же отношение к себе тов. Полуяна, который сейчас же по приезде в г. Екатеринодар—„ускользнул в какие то местные организации". Был момент, когда тов. Недоводьев, возмущенный отношением тов. Полуяна, решил предложить делегатам разъехаться, ибо в таких условиях работать невозможно было. Приглашенные как то на заседание какой-то местной организации в гостинице Губкина — делегаты услышали. что там шла речь о выборах комиссаров и тов. Полуян заявил, что Куб. Обл. Исполн. Комитета нет и они создадут новый. Делегаты с трудом были допущены на заседание и сидели там только с правом совещательного голоса.

На заданный делегатам вопрос — не знают ли они, в силу чего и на чем основываясь тов. Полуян решил создать орган на подобие Куб. Обл. Исполн. К-та — делегаты ответили. что мотивов и оснований т. Полуяна не знают. В заключение делегаты заявили, что они сами беспокоились о созыве 2-го Кубанского Областного съезда.

Тов. Полуян, отвечая делегатам заявил, что он приехал в г. Екатеринодар, нашел здесь полную растерянность населения и анархию. которыми пользовались люди, стремящиеся к власти и бравшие ее. Было уже здесь несколько комиссаров, военно-революционный комитет и т. д., но все же они были чрезвычайно шатки.

Первой необходимой задачей тов. Полуяна было создать какую-то организацию, которая была бы на высоте своего положения и при его участии был создан местный военно-революционный комитет, в который вошли и члены военно-революционного комитета Кубанского Областного Исполнительного Комитета Советов. С назначением комиссаров пришлось считаться, как уже с совершившимся фактом.

Тов. Полуян заявил, что считает настоящий состав Кубанского Областного Исполнительного Комитета недостаточно работоспособным. Он, Полуян, заявил

дальше, что по его именно инициативе и стараниям было предпринято все, что сделано в отношении созыва съезда. Потом, подчеркивая полную дезорганизованность во всем, он, т. Полуян, взялся наладить в Екатеринодаре печать и в этом отношении делал многое. Относительно того, что удовлетворяло их, полагает, что это вполне естественно, т. к. ему приходилось очень много работать и он был постоянно занят.

Тов. Полуяну был задан вопрос: А каким оттенком он заявлял, что Исполн. К-т мало работоспособный? На это тов. Полуян ответил, что именно так и сказано было, что К-т по его убеждению действительно мало работоспособный, только некоторые его члены подготовлены, что в состав Совета вошли некоторые члены, не подготовленные к политической и общественной работе, а всему Совету пришлось работать в условиях весьма неважных и от прошлого он, Совет, не получил никакого наследия. Совету пришлось основаться не в Екатеринодаре, где хотя чисто технические условия для работы были бы лучше, а в Армавире, где пришлось создавать вновь. Одним из членов Совета было заявлено, что странным и неожиданным кажется было появление без ведома съезда хозяина Кубани, организации. именующей себя Областной (местный революционный комитет), и все это сделано с согласия тов. Полуяна. Нужно узнать действия и деятельность этого органа и как самочинный упразднить и впредь не допускать их возникновения, т. к. это создает двоевластие и население, узнав об этом, безусловно не будет знать — где же истинная власть и кого нужно слушать. Голосованием решено было прекратить высказываться по этому вопросу.

После этого внесено было несколько предложений — принятыми из которых оказались следующие:

Сделать Объединенное заседание Куб. Обл. Исполн. К-та Советов. местного военно-револ. К-та, Екатеринодарского Совета Р. С. Депутатов Штабов и решить вопрос о единой власти до Областного съезда. Представителем собрания т. Полуян было внесено предложение поручить президиуму приготовить на завтра материал для объединенного заседания и на общем заседании к-та (назначенном раньше объединенного заседания) доложить о нем. Предложение было принято.

Поступило заявление тов. Виардо, что он лучше не может участвовать в дальнейших работах Исполнительного Комитета, т. к. считает что бесполезно создавать какую-либо власть до съезда, который должен быть на днях. К тов. Виардо присоединилась тов. Яковлева.

2. По созданию организационного бюро тов. Полуяном было внесено предложение о том, что к существующей же комиссии нужно добавить 2 человека. Предложение принято. По вопросу съезда было внесено предложение, что завтра же нужно разослать делегатов по станицам и оповестить население возможно шире о предстоящем съезде. Предложение принимается и постановлено уполномочить для этой цели т.т. Яковлеву, Семенова и Джулай.

Тов. Гайченец предложил собранию, ввиду того, что на 29-е марта в Майкопском отделе будет отдельский съезд, туда нужно телеграфировать — и таким образом все население отдела будет оповещено о созыве съезда. Предложение принято и решено то же самое сделать и по отношению Ейского Отдела. Телеграфировать поручено справочному бюро.

3. Поступило предложение о необходимости делегировать одного из членов Исп. К-та на Донской Обл. съезд. Решено предложение принять и делегировать т. Виардо. Т. Шишков доложил собранию, что на днях должны прибыть в Екатеринодар около 500 матросов Балтийского флота. По поводу увольнения или оставления служащих при Куб. Обл. Исполнительном Комитете машинисток — решено их уволить.

Доклады членов комиссии—продовольственной и квартирной—сняты с повески дня.

Председатель

Секретарь

печать.

Верно:

Протокол № 29

общего заседания Кубанского Областного Исполнительного Комитета Советов от 29-го марта 1918 года. Президиум — председатель т. Полуян, т.т. председателя — Гайченец и Борисенко и секретарь т. Быков.

Повестка дня:

1. О взаимоотношениях Кубанского Областного Совета и комиссариата г. Екатеринодара.
2. О приглашении 1-го Кавказского полка в Екатеринодар.
3. О докладах членов Совета на 2-м Кубанском Областном съезде.
4. Доклад т. Борисенко о Ливитине и т. Полуян о Никитенко.
5. Текущие дела.

1. По вопросу первому сделал краткий доклад тов. Борисенко. заявивший, что президиум решил на объединенном заседании — необходимо мирным путем разрешить вопрос об упразднении всех комиссаров гор. Екатеринодара. Нужно сперва выяснить их полномочия и потом, доведя до сведения объединенного собрания, что Кубанский Областной Комитет уже имеет комиссии по всем отраслям, поставить комиссаров в зависимость от этих комиссий или пригласить их для работ в Исполнительный Комитет, как кооптированных, если они согласятся на это. Решение президиума принято.

Высказавшийся член продовольственной комиссии Ковалев заявил, что он говорил сегодня с членом местного продовольственного комитета, который сообщил ему, что местный продовольственный комитет решил взять все продовольствие в области в свои руки до окончания Кубанского Областного съезда.

Председатель тов. Полуян внес предложение, что высшей властью в области на время съезда будут комиссии по различным отраслям, которые выделят из себя председателей или комиссаров. Предложение было голосовано и оказалось принятым.

2 По вопросу о приглашении в Екатеринодар 1-го Кавказского полка с бранью было доложено, что ввиду того, что еще не так далеко отсюда идет война с контр-революцией — в распоряжении комитета и съезда должна быть в наличности могущая понадобиться реальная сила, которой и явится названный полк. Поставленное на голосование заявление принимается и т. Гайченцу поручается переговорить по этому вопросу с полком и тов. Автономовым.

3. По вопросу о докладах членов Советов съезду решено доклады сделать председателям комиссий или кого уполномочат комиссии. На ряду с ними должны быть приглашены по различным вопросам докладчики со стороны, которые могли бы осветить тот или иной вопрос возможно шире и его положение не только в области, но и во всей России Тов. Председателя Борисенко было внесено предложение, что на предстоящем съезде доклады нужно делать в следующем порядке: сначала докладчики докладывают о работе бывшей, дают отчет о сделанном и потом уже о перспективах будущего того или иного вопроса и его разработке. Предложение принимается.

4. По вопросу о т. Левитине докладчиком выступил т. Борисенко, который заявил, что когда уехал бывший казначей т. Виардо на съезд в Москву, деньги не передал новому казначею т. Долгополову, и ввиду этого было решено избрать комиссию для вскрытия замка комнаты т. Виардо и для поверки денежных сумм, оставшихся у него. В состав избранной комиссии вошли: т. Курочкин, Леветин и Марченко, во время поверки денег тов. Левитиным было похищено 5.000; по выслушании было внесено предложение назначить комиссию, для разбора дела Левитина и на разбор дела пригласить самого Левитина. Предложение принято.

О т. Никитенко т. Полуян заявил, что последний только числится членом Исполнительного Комитета и не принимает никакого участия в его работах, и дальше, предложив принять во внимание телеграмму Новороссийского военно-революционного трибунала об аресте т. Никитенко, как провокатора, исключить его из списка Кубанского Областного Исполнительного Комитета Советов. Предложение принято.

5. Приняв во внимание просьбу казака Алексеева о выдаче ему 1.600 рублей. отобранных у него вместе с деньгами офицерскими—собрание решило деньги эти выдать Алексееву, а финансовой комиссии представить оправдательный документ.

Тов. Борисенко доложил собранию о рабочих по добыванию нефти имеющих дело с помещиками Макеевыми. Обменявшись мнениями собрание пришло к тому заключению, что это дело нужно передать председателю совета народного хозяйства—в г. Екатеринодаре, т. к. все подобные вопросы подлежат его ведению и компетенции.

Председатель

Секретарь

печать.

Верно:

Протокол № 30

объединенного заседания Кубанского Областного Исполнительного Комитета Советов, военно-революционного комитета г. Екатеринодара, местного совета Р. и С. Депутатов и штабов от 29-го марта 1918 года. Президиум—председатель Ивницкий, тов. председателя Волик и Золотарева, секретари Балис и Борисенко.

Повестка дня.
1. Вопрос о власти.
2. Доклад т. Дунина.
3. Текущие дела.

1. Тов. Волик было внесено заявление, что на заседании присутствуют уполномоченные от Городской думы. По мнению Волика их присутствие здесь излишне, т. к. дума распущена и не существует. Вопрос был поставлен на голосование и представительство членов думы не принято.

2. По вопросу о власти тов. Полуян довел до сведения собрания, что созданный в феврале с. г. Кубанский Областной Исполнительный Комитет в Армавире теперь переехал в Екатеринодар 28 марта с. г. В своем заседании Областной Исполнигельный Комитет решил войти в сношение со всеми местными организациями и решить вопрос о единой власти до Областного Съезда.

Тов. Борисенко кратко сообщил собранию о том, что как возник и работал Кубанский Областной Исполнительный Комитет. Докладчик дальше заявил, что после изгнания контр-революции из Екатеринодара, здесь образовалось несколько организаций, было назначено несколько комиссаров, которые именовались „областными“ на ряду с существующими областными организациями в г. Армавире. Такое положение давало впечатление двоевластия. Областной Исполнительный Комитет решил, чтоб всем организациям слиться, образовать комиссии, которым выдвинуть председателей и таким образом работать до областного съезда.

Звание комиссаров пока упразднить или они должны именоваться комиссарами районными или Екатеринодарскими, но не областными. Доклад вызвал много прений.

Потом собранию было внесено несколько предложений, из которых принятыми оказались следующие:

Кубанскому Областному Исполнительному Комитету Советов влиться в состав Объединенного Военно-Революционного Комитета гор. Екатеринодара; комиссары, назначенные военно-революционным комитетом, остаются на местах и продолжают работу, а всем комиссиям или членам комиссий, выделенным Куб. Обл. Исполн. К-том Советов, войти в Комиссариат.

3. По вопросу о всеобщей мобилизации в г. Екатеринодаре решено просить тов. Автономова завтра же создать приказ об отмене приказа т. Чистова, издавшего приказ о мобилизации, т. к. будет формироваться красная армия и на новых началах.

4. По вопросу заявления комиссара продовольствия тов. Коробка о сложении с него полномочий комиссара — решено выразить тов. Коробко доверие и просить остаться на своем посту.

5. На заявление тов. Старцева об увольнении его с должности Комиссара юстиции — собрание приняло следующее предложение: выразив тов. Старцеву доверие, военно-революционный комитет сожалеет по поводу его ухода и просит занять должность товарища комиссара.

6. Поступило предложение избрать комиссаром юстиции тов. Вегриянова. Предложение принято.

Доклад тов. Дунина снят с повестки дня.

Секретарь (Борисенко).

печать.

Верно:

Протокол № 31

общего заседания Кубанского Областного Исполнительного Комитета Советов от 30-го марта 1918 года. Председатель— тов Полуян, т. т. председателя Борисенко и Гайченец и секретарь тов. Быков.

Повестка дня:

1. Об объединенном заседании.
2. О заявлении казака Алексеева.
3. Об организации квартир и устройстве столовых для делегатов съезда.
4. О докладчиках на съезде.

1. О вчерашнем объединенном заседании сделал доклад тов. Борисенко. В конце доклада, принимая во внимание поведение тов. Полуяна на вчерашнем заседании тов. Борисенко сделал вопрос тов. Полуяну, как председателю Совета — известно ли ему, что местными организациями вопрос о положении, которое должен занять Областной Комитет по управлению областью, был предрешен?

Тов. Полуян ответил, что это ему неизвестно и речи т. Автономова и для него явились новостью и неожиданностью. Дальше тов. Борисенко заявил, что его взгляды на работы комитета и взгляды тов. Полуяна совершенно расходятся, а поэтому он слагает с себя полномочия товарища председателя.

Тов. Гайченец заявил собранию, что он тоже слагает с себя полномочия товарища председателя.

Вопрос об объединенном заседании и заявления об уходе обоих товарищей председателя — вызвал много прений. После этого собрание приняло следующее предложение т. т. Виардо и Яковлевой и резолюцию тов. Тащиева:

1. Напрячь все усилия к возможно полному созыву съезда.

2. Вчерашний инцидент считать исчерпанным, не вынося на обсуждение съезда, или коснуться его только косвенно. Президиуму остаться на своих местах.

3. Резолюция: „Областной Исполнительный Комитет в дни, когда хоз. Кубанской Области на днях должен разрешить все больные вопросы Края, не допускает мысли об уходе товарищей председателя Областного Исполнительного Комитета из президиума. Борьба за власть, дезорганизация и анархия, наблюдающиеся в г. Екатеринодаре в настоящее время, безусловная гибель всем завоеваниям революции и возрождение контр-революции. Считая, что уход т. т. президиума дезорганизует работу Кубанского Исполнительного Комитета — просить до съезда Советов всем членам Областного Исполнительного Комитета и членам президиума оставаться на своих местах и попрежнему нести свою работу. Относительно же слияния с так называемым „Областным военно-революционным комитетом“ и переходе комиссией Областного Исполнительного Комитета высказывается против впредь до решения вопроса о власти съездом советов.

2. Относительно заявления казака Алексеева о том, что он не удовлетворен кормовыми деньгами — собрание решило отклонять такие частые заявления и предложить на неудовлетворенных присылать списки, на основании которых они будут удовлетворены все сразу.

3. Собранию было заявлено, что для приезжающих на съезд делегатов еще не для всех найдены квартиры и оборудованы столовые. Собрание решило немедленно выделить комиссию, которая в спешном порядке должна заняться отысканием квартир, снабжением необходимой мебелью, устройством столовых и т. д. В состав комиссии вошли т. т. Лавров, Недоводьев, Кича, Шишков и Белоусов.

4. По вопросу о докладчиках — поступило предложение пересмотреть их. Предложение принято и утверждено собранием, докладчиками на Областной съезд, являются:

Отчет Областного Исполнительного Комитета — Полуян, Борисенко, Гайченец.

Организация власти — Полуян, Яковлева и Тащиев.

Докладчик от комиссии:

По земельному вопросу — Вегриян или Шульгин и Бугрий.

Продовольственный вопрос — Лавров, Коробко, Ковалев.

Финансовый вопрос — Виардо (содокладчик).

Текущий момент — Пузырев, Марчихин.

Организация социалистической армии — Саморядов, Иванов, Решель.

Народное просвещение — Борисенко, Виардо и Е. Полуян.

Вопрос о горцах — Шавгенов.

Поступило предложение написать регламент. Собрание решило уполномочить тов. Виардо написать регламент и подать его в президиум.

Председатель собрания

Секретарь (Борисенко П.)

печать.

Верно:

Протокол № 32

общего заседания 2-го Кубанского Областного Съезда от 1-го апреля 1918 года. Председатель тов. Полуян, товарищ председателя Борисенко и Гайченец, секретари Быков и Борисенко.

Повестка дня:

1. Открытие съезда.
2. Избрание президиума.

В 6 часов вечера съезд открыл тов. Полуян и приветствовал его от имени Кубанского Областного Исполнительного Комитета Советов.

Кратко сказав о тех условиях, в которых пришлось открыть съезд, т. Полуян дал характеристику политического положения Российской Федеративной Советской Республики и выразил надежду, что несмотря на временно - неважное положение конечная победа будет на стороне пролетариата, как у нас в России, так и в других странах, и порукой служит к тому уже начавшаяся борьба пролетариата с буржуазией в Румынии, Австрии и Германии. Еще раз приветствует делегацию, несмотря на снежные заносы и неважные пути сообщения все таки съехавшуюся на съезд, и думает, что они помогут разбить последние банды Корнилова и Филимонова.

От имени армий Северного Кавказа и с приветственным словом выступил главнокомандующий этими армиями тов. Автономов. Выразив радость, что мы дожили до этого счастливого момента, он указал, что момент этот куплен дорогой ценой, кровью и жизнью многих наших братьев и сыновей. Несмотря на это

ряды социалистической армии не редеют и она сильна, сильна духом и верит в свою победу. Она надеется, что когда здесь у нас будут разогнаны последние черные тучи, до сих пор заслонявшие трудовому народу яркий свет свободы и счастья, революционная армия пойдет разгонять эти тучи в другие места и к другим народам. Еще раз от лица армии, стоящей ныне в снегу и в воде и стойко борющейся с контр-революцией, он приветствует съезд — хозяина Кубанской области.

Тов. Полуян, огласив текст приветственной телеграммы, предложил послать ее в армию. Съезд предложение принял.

От имени местного комитета приветствует съезд тов. Вишнякова. Она предложила съезду почтить память товарищей вставанием, которые как лучшие борцы за свободу были взяты Филимоновым и расстреляны 8 марта. Память т. т. под звуки похоронного марша была почтена вставанием.

От имени Российской коммунистической партии (большевиков) приветствует съезд тов. Волик; он надеется, что момент наступления мирового господства социализма недалек.

От имени левых социалистов-революционеров приветствует съезд тов. Выгриянов. Указав на ту верную линию поведения, по которой идут левые соц.-рев. и т. большевики, он выражает уверенность в том, что скоро трудовая демократия перейдет из царства необходимости в царство свободы (по Марксу). Надеется, что съезд будет продолжать революционный путь.

От имени Новороссийского Совета Р. и С. Депутатов и Черноморской Республики приветствует съезд тов. Рубин. От имени горцев приветствует съезд Шовгенов, от Армавирского Совета рабочих депутатов приветствует тов. Тончиев. От Черноморско-Кубанского Военно-Революционного Комитета приветствует съезд тов. Тимофеев. От Нижегородского Совета Р. и С. Депутатов приветствует съезд тов. Сенцов. От Российской социал-демократической рабочей партии приветствует съезд тов. Барон. Он предложил съезду почтить память жерт самосуда Юшко, память их была почтена. От имени бывших заключенных Филимоновым приветствует съезд тов. Скворцов.

Поступило предложение ограничить запись ораторов и ограничить время для выражения приветствий. Предложение принято единогласно и время ораторов ограничено до 3-х минут.

От Кавказского военно-революционного комитета и краевого революционного совета—приветствует съезд тов. Одарюк. От имени Кавказского Отдельского Совета приветствует тов. Егоров. От Ставропольского Губернского Исполнительного Комитета приветствует съезд тов. Петрикин. От имени Крымского Военно-Революционного комитета приветствует съезд тов. Сорокин. От имени Кубанского Объединенного Военно-Революционного Комитета приветствует съезд тов. Автономов. От имени Отрадного отдела приветствует съезд тов. Гайченец и просит почтить вставанием память борца за свободу убитого в Баталпашинске тов. Макеева. Память почтена вставанием под звуки похоронного марша.

От имени 2-го Кубанского Революционного Отряда приветствует съезд тов. Борисенко. Решено прекратить слушание приветственных речей.

Съездом было постановлено послать приветственную телеграмму Совету Народных Комиссаров. Объявлен перерыв на 10 мин. Членом президиума было оглашено письмо уголовных заключенных Екатеринодарской тюрьмы.

Поступило предложение выпустить на свободу. Съезд решил оставить этот вопрос пока открытым.

В виду поступившего заявления мандатной комиссии, что ей нужно еще проверить 130 мандатов, являющихся сомнительными — съезд постановил отложить выборы президиума до завтрашнего дня

Постановлено доизбрать президиум и утвердить настоящий.

Председатель

печать.

Секретарь

Протокол № 33

заседания Кубанского Областного Исполнительного Комитета Советов К. Р. С. Т. и Г. Депутатов от 4-го апреля 1918 года под председательством тов. Гайченец и секретаря Быкова.

Повестка дня:
1. Кража денег у председателя земельной комиссии.
2. О членах комитета, относящихся к своим обязанностям недобросовестно.
3. О жалованьи на нетрудоспособность членов семьи.
4. Просьба тов. Виардо.
5. О довольствии членов Областного съезда.
6. Текущие дела.
7. Вопросы, могущие возникнуть во время заседания.
8. Действие тов. председателя Полуяна.

Внесено предложение вопрос о председателе т. Нолуян поставить первым — предложение большинством голосов принято.

1. Принимая во внимание, что тов. Полуян совсем покинул Областной комитет, состоя его председателем — общее собрание Областного комитета, находя действие его индиферентным и непонятным по отношению к комитету постановило выразить ему товарищеское порицание.

2. Кража денег у председателя земельной комиссии Бугрия; по вопросу внесено предложение — следственной комиссии принять самые энергичные меры и пригласить юристов для розыска. Предложение принято единогласно.

3. По вопросу о членах комитета, относящихся к своим обязанностям недобросовестно, тов. Борисенко заявил, что члены Областного комитета многие покинули прямые обязанности и до сего времени не являются на службу Принимая во внимание общее собрание найдя несправедливое действие товарищей постановило — выразить товарищеское порицание, кроме того и если впредь будут внесены кандидатами — категорически протестовать при голосовании и выборах в Областной комитет.

4. По вопросу о жалованьи на нетрудоспособных членов семьи. Внесено предложение тов. Гайченец — установить трудоспособность, норму возраста: если родителям 65 лет или более или имеют право на получение жалованья, а менее этого возраста и детей — всем членам вменяется в обязанность доставить удостоверение, согласно выраженного желания 1-м Кубанским Областным съездом Советов. Предложение принято единогласно.

5. Просьба тов. Виардо в виду болезненного состояния и расстройства всего организма — просит об увольнении в отпуск. Принимая во внимание, общее собрание постановило: разрешить отпуск тов. Виэрдо, кроме того выдать удостоверение о его честности и справедливости в работе.

6. О довольствии членов съезда. Принимая во внимание, что в Областном Исполнительном комитете истекают денежные средства, предложить делегатам съезда, у кого имеются свои средства, тот должен довольствоваться за суточные, выданные станичным советом. а у кого не имеются таковых — будет довольствоваться за счет Областного комитета.

7. Согласно поданного заявления тов. Белоусова о том, что семья его находится на его попечении — теперь же, когда он находится в Областном комитете, семья не может найти себе работы, для того чтобы иметь средсгва к жизни. на основании вышеизложенного — общее собрание Областного Исполнительного Комитета постановило выдать семье тов. Белоусова сто руб. (100 руб.).

8. Согласно поданного заявления служащих столовой при Областном Исполкоме — разрешение им иметь при буфете пиво, ситро и папиросы, внесено предложение пиво, ситро и т. д. продавать можно только под наблюдением хозяйственной комиссии при Областном комитете. Предложение единогласно принято, о чем объявить служащим.

9. Согласно поданного заявления теми же служащими об отпуске им аванса за две недели — общее собрание постановило выдать авансом в сумме...

10. Согласно выраженного желания Областного Исполнительного Комитета президиуму Областного Комитета разрешено подписывать на выдачу денег артельщику и др. не более 500 руб. Ввиду того, что на съезд прибыло большое количество делегатов, коих необходимо довольствовать и артельщику и вообще хозяйственной комиссии приходится затрачивать большую сумму, каковую они . . получат без разрешения Областного Исполнительного Комитета, а потому общее собрание Областного Исполнительного Комитета постановило — президиуму Областного комитета разрешается подписывать требование на получение денег на 3000 руб. (на три тысячи руб.)

Примечание. Все документы и требования, подписываемые президиумом, свыше 500 руб. до постановления считать правильным.

11. Согласно просьбы добровольческого отряда ст. Добровольской об отпуске тов. Ельшина, для командирования отрядом, как хорошего организатора. Принимая во внимание, Областной Исполнительный Комитет Советов постановил: уволить тов. Ельшина — не исключая из списков комитета и жалованья.

12. Внесено предложение избрать коменданта всеми квартирами, занимаемыми делегатами Областного съезда Советов — предложение принято большинством голосов. Избранным оказался тов. Белоусов.

13. Внесено также предложение избрать заведывающего хозяйством Областного Исполнительного Комитета — предложение принято. Избранным оказался т. Недоводьев.

Заседание объявляется закрытым.

Председатель

печать. Секретарь

Протокол № 34

общего заседания Кубанского Областного Исполнительного Комитета от 5-го апреля 1918 года под председательством тов. председателя Борисенко и секретаре Быкове.

Вниманию собрания предложена повестка дня:

1. Доклад продовольственного комитета о болезни тов. Щерба.
2. О казначее и размене денег.

1. По вопросу о продовольственном комитете. Докладчик тов. Васильев, который сообщил, что после отъезда в г. Екатеринодар Областного Исполнительного Комитета в г. Армавире остался там для ликвидации дел и продовольственного комитета тов. Щерба и два кооптированных члена Тухманов и Разумовский—при них осталась большая сумма денег; в настоящее время тов. Щерба тяжело болен и находится на излечении. Деньги и все дела остались на произвол судьбы.

Принимая во внимание, общее собрание Областного Исполнительного Комитета Советов — постановило: в экстренном порядке делегировать в г. Армавир для ликвидации дел и представления отчетности в Екатеринодар делегатом избран оказался товарищ Васильев, в помощь тов. Васильеву делегировать бухгалтера земельной комиссии тов. Альтерголит для точного учета и дел денежных сумм.

2. О казначее и размене денег.

Принимая во внимание, что у казначея Областного Исполнительного Комитета не имеется мелкой разменной валюты — делегировать также в г. Армавир — для размена в государственном банке чек в 50000 руб. (пятьдесят тысяч рублей) — избранным оказался тов. Ковалев.

3. Сделать распоряжение о размене также и в Екатеринодарском государственном банке несколько тысяч.

Заседание объявляется закрытым.

Председатель

печать. Секретарь (Быков).

Протокол № 35

общего заседания Кубанского Областного Исполнительного Комитета Советов от 8-го апреля 1918 года. Председатель т. Полуян, тов. председателя Борисенко и секретарь...

Повестка дня:

1. Текущие дела.

Разобрав заявление делегата ст. Бесскорбной — Малюга об оказании помощи ему, т. к. он был в дороге ограблен постановлено: в смысле продовольствия Малюге оказать помощь, в смысле денег — просьбу его отклонить.

2. О рассмотре заявления гр-ки г. Екатеринодара Марии Максимовны Рыбалка, в котором она просит выдать ей 5760 руб., отобранные у ее отца, убитого на ст. Ладожской. Исполнительный Комитет, приняв во внимание бедственное положение семейства Рыбалка — постановил: считать сумму 5760 руб. за семьей Рыбалка. Деньги 760 руб. выдать семье теперь же, а остальные 5000 руб. сдать в банк и в препроводительной бумаге указать, чтобы деньги выдавались согласно существующего декрета.

3. Согласно заявления тов. Полуяна о том, что т. Романовский взял у него 350 руб. и на просьбу Полуяна вернуть эти деньги — Романовский видимо вернуть не хотел, а также согласно заявления еще нескольких членов комитета, что т. Романовский и у них брал и деньги и вещи и не возвратил ничего этого, неизвестно куда скрылся — постановлено: сейчас же послать одного из членов Исполнительного комитета на квартиру Романовского и если там не окажется — установить наблюдение на вокзале, дабы предупредить отъезд Романовского. Меры розыска принять т. Гайченец.

4. Постановлсно избрать из своей среды двух членов, которые бы указывали дела, давали разъяснения и помогали бы в смысле чисто информационном контрольной комиссии, назначенной Областным съездом Избранными оказались т. т. Борисенко и Быков.

5. О продовольствии делегатов съезда — постановлено предложить хозяйственной комиссии сделать раскладку и объявить делегатам уплатить по 3 р. в сутки (или сколько найдет хозяйственная комиссия), т. к. Исполнительный комитет не располагает средствами, чтобы делегаты довольствовались бесплатно. Тех же товарищей, которые не были снабжены Советом суточными деньгами — довольствовать бесплатно.

6. По рассмотрении заявления Платнировского совета — относительно денежной помощи больнице — постановлено: предложить Платнировскому совету изыскать пока средства самому, а по получении средств Областным Исполнительным Комитетом помощь может быть оказана.

7. По вопросу об отпуске медикаментов Отрадному приемному покою постановлено, в виду отсутствия в распоряжении Областного Исполнительного Комитета медикаментов — направить эту просьбу в местный медико-санитарный комитет.

8. По вопросу о похищении у председателя земельной комиссии Бугрия 20-ти тысяч рублей, собранию было доложено, что документ на получение этих денег Бугрия подписан тов. Тучашвили и Быковым, в следственной комиссии имеется протокол показания Бугрия. Вынесено пожелание, чтобы были приняты все возможные меры к расследованию этого дела.

9. После разбора заявления т. Курочкина об уходе его из состава Областного Исполнительного Комитета и о поступлении его в армию т. Автономова — постановлено: просьба т Курочкина могла бы быть охотно уважена, если бы не имелась в виду ликвидация дел Областного Исполнительного Комитета. Все члены Областного Исполнительного Комитета должны принимать самое деятельное участие в работах Областного съезда, и никто из членов не имеет права уезжать до окончательной ликвидации всех дел Исполнительного Комитета.

10. Постановлено жене убитого в Баталпашинске т. Макеева выдать жалованье за два месяца и 1000 руб. единовременно.

11. По вопросу об арестованном в Армавире и содержащемся в тюрьме офицере Зеленском, за которым следственная комиссия не находит никаких улик, постановлено предложить следственной комиссии офицера Зеленского выпустить из тюрьмы.

Председатель

Секретарь

печать.

Верно:

Протокол № 36

общего заседания Кубанского Областного Исполнительного Комитета от 14 апреля 1918 года под председательством Борисенко и секретаре Быкове.

Повестка дня:
1. О членах комитета.
2. Заявление служащих.
3. Об удовлетворении жалованием членов комитета.
4. Текущие дела.

Повестка дня принята единогласно.

1. О членах комитета—ввиду того, что 2 Кубанского Областной Съезд Советов выделил новый состав Областного Исполнительного Комитета, а члены избранные 1-м Областным съездом увольняются от занимаемых должностей и старый состав комитета должен передать работу новому составу, вопрос поставлен на обсуждение. После прений оказалось, что часть членов областного комитета могут уехать теперь же, а секретари и председатели комиссий остаются для сдачи дел. Члены же комитета могут уехать по усмотрению настоящего собрания.

1. Земельной комиссии—отпущенным оказался—Калашников и Третьяков.
2. Продовольственной комиссии—Глебков и Васильев.
3. Следственной комиссии — Яковлева.
4. Санитарной — Семенов, Гречухин.
5. Справочное бюро — Сапрыкин.

2. Заявление служащих. Заслушав заявление служащих при Областном Исполнительном Комитете, что после увольнения всего состава старого Областного Исполнигельного Комитета они тоже лишаются места, как и по заявлению вновь избранных членов комитета.

Принимая во внимание, что служащие, ввиду царящих повсюду безработиц — остались без всяких средств к жизни — постановили: всех вольнонаемных служащих при Областном Комитете удовлетворить денежным довольствием за полтора месяца вперед—плюс к ним половину прослуженного апреля месяца, согласно декрета Совета Народных Комиссаров — из окладов жалованья „ “ рублей.

Примечание: Те служащие, кои могут теперь же поступить во вновь избранный комитет, и другую организацию — положенным денежным довольствием не будут удовлетворены, а если они уже получили—то можно отобрать обратно, или же сами должны сдать в обще-государственный фонд.

3. Об удовлетворении членов комитета жалованьем и выдаче им пособия. По заявлению членов Областного Исполнительного Комитета выяснилось, что за время пребывания их на службе при Областном Комитете земля осталась не вспахана—одним словом — члены Областного Исполнительного Комитета остались без всяких почти средств к жизни и просят также удовлетворить и их как и служащих комитета т. е. за $1^1/_2$ месяца вперед. Принимая во внимание общее собрание постановило — ввиду того, что Областной Исполнительный Комитет советов

не имеет декрета на удовлетворение членов комитета постановило: всем членам Областного Исполнительного Комитета выдать жалованье за 1/2 половину апреля месяца из оклада 250 рублей в месяц и за две недели вперед тоже из того же оклада.

4. По постановлению о выдаче членам Областного Комитета тов. Яковлева претендует, что членам комитета разрешено выдать за две недели вперед. мотивируя тем, что члены как борцы за идею большевизма и революции не должны равняться со служащими, которые кормятся наемным трудом.

5. Согласно поданного заявления секретаря Быкова, Саморядова и Марчихина—в коем они просят о выдаче им единовременного пособия для лечения—как больным туберкулезом легких, при чем после доклада просителей выяснилось, что тов. Быков одержим скоротечным туберкулезом, который развился более во время общественных работ в Областном Комитете. Принимая во внимание, общее собрание постановило: – ввиду того, что болезнь т. Быкова угрожает близкой смертью, и к тому же теперь необходимо лечение, отпустить единовременное пособие на один климатический сезон 900 рублей (девятьсот рублей), как не имеющему никаких средств. Просьбу товарища Саморядова и Марчихина — передать во вновь избранный Областной Комитет и просить об удовлетворении их просьбы в самом непродолжительном времени. как общественным работникам.

6. Заявление тов. Яковлевой о Левитине, т. Яковлева заявила, что на Областном съезде она за Левитина ничего не говорила, как это слышала со стороны членов, что Яковлева выпустила некрасивую фразу, которую занесли в протокол заседания съезда.

Для точного разъяснения и снятия копии с показания в протоколе съезда Яковлевой – назначить 2-х членов — избранными оказались т. т. Марчихин и Белоусов.

7. Заявление т. Аникина служ. в земельной комиссии—в заявлении т. Аникин просит удовлетворить его одинаковым окладом жалованья наравне со всеми служащими, т. к. председатель земельной комиссии т. Бугрий. ему не выдал жалованья сполна. Общее собрание постановило – служ. т. Ахина удовлетворить жалованьем наравне с остальными (членами) служащими, т. е. из оклада по 250 руб. в месяц.

8. Заявление караульной команды, в котором просят сообщить: будут ли они оставаться после отъезда старого состава Областного Исполнительного Комитета—или же тоже могут уехать — общее собрание постановило — караульная команда при Областном Комитете может выехать после ликвидации дел старого Областного Исполнительного Комитета.

Председатель

Секретарь

печать.

Верно:

3. К КУБАНО-ЧЕРНОМОРСКОЙ СССР.

Копия с копии.

Протокол № 1

заседания Кубанского Центрального Областного Исполнительного Комитета от 14 апреля 1918 года.

Слушали: 1. Выборы президиума.

Постановили: избрать президиум КЦОИК из пяти членов: председателя т. Якова Полуяна (б-к), товарищей председателя т.т. Гайченец (б-к) и Скворцова (лев. с. р.). Секретарями – К. Корнилова (лев. с. р.) и Вл. Черного (б-к).

Слушали: 2. Внеочередное заявление т. Волощук-Тимофеевой о состоянии санитарной части г. Екатеринодара и Екатеринодарских лазаретов.[1]

Постановили: а) Просить комиссара по санитарной части тов. Волощук остаться на своем месте впредь до избрания комиссара.

б) Уведомить т. Автономова об увольнении Чернобаева и лиц, причастных к этому делу от занимаемых мест.

в) Избрать в следственную комиссию для разбора дела о Чернобаеве — 3-х т.т. Воловика, Балиса и Виллямовского

г) Предоставить следственной комиссии право кооптации компетентных лиц.

д) Привлечь виновных к революционному суду.

е) Сейчас же отобрать от Чернобаева все документы, а его до окончания следствия арестовать.

Слушали: 3. О предоставлении члену Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета право решающего голоса.

Постановили: Предоставить члену ВЦИК право решающего голоса на заседаниях КЦОИК (за 19 гол. против 11 г.).

Слушали: 4. Доклад т. Кудрявцева о необходимости выдачи 10 мил. рублей революционным войскам.

Постановили: Делегировать 2-х членов К. Ц. О. И. К. в Майкопский отдел с ходатайством дать заимообразно денег до десяти миллионов рублей Избраны т.т. Швец и Кудрявцев.

Слушали: 5. Внеоочередное заявление т. Шестака. Тов. Шестак был делегирован съездом Советов в штаб для выяснения положения на фронте, но так как съезд разъехался, то т. Шестак просит разрешить вопрос, должен ли он оставаться на месте или в связи с роспуском съезда и его назначение отпадает

Постановили: Освободить т. Шестака от обязанностей, возложенных на него съездом.

Слушали: 6. О порядке и посещении заседаний К. Ц. О. И. К.

Постановили: Отметить небрежное отношение членов к посещению заседаний Кубанского Центрального Исполнительного Комитета. Вопрос об отсутствующих на данном заседании оставить открытым, поручив Президиуму спешно выработать регламент.

---

[1] Тов. О. Ф. Волощук-Тимофеева была назначена комиссаром Здравоохранения В.-Р. Комитетом и О. И. К. до 2 съезда Советов. В своем заявлении она рассказывала о беспоряд дезорганизац., вносимых в поруч. ей дело назначен. Автономовым и комиссаром Чернобаевым, и просила освобождения ее от должности.

Слушали: 7. О передаче дел Военно-Революционного Комитета.

Постановили: Решено, чтобы Военно-Революционный Комитет продолжал работать впредь до создания Комиссариатов Центрального Исполнительного Комитета.

Слушали: 8. О приказе Военного коменданта

Постановили: а) Объявление, изданное военным комендантом Сошенко и Чуприной отменить, и даты на право расстрела считать недействительными, а лиц, нарушающих настоящее постановление, предавать Военно-Революционному Суду.

б) Сместить Сошенко и Чуприну с должностей.

в) Настоящее привести в исполнение поручается Чрезвычайной комиссии из 5-ти лиц, избранных съездом.

Слушали: 9. О наименовании Областного Исполнительного Комитета.

Постановили: Исполнительный Комитет отныне именовать „Кубанский Центральный Областной Исполнительный Комитет".

Слушали: 10. Вопрос о Голубе.

Постановили: Вопрос откладывается на завтра.

Заседание закрывается в 12 часов ночи.

Подлинный подписали:

Председатель Я. Полуян.

Секретарь Вл. Черный.

печать. С копией верно:

Копия с копии.

Протокол № 2

заседания Кубанского Центрального Областного Исполнительного Комитета от 14 апреля 1918 года.

Заседание открывается председателем т. Яковом Полуяном в 9 часов 30 минут утра.

Слушали: 1. Сообщение Чрезвычайн. комиссии об исполнении постановления ЦИК о военном коменданте. Тов. Крючков доводит до сведения ЦИК, что Чрезвычайная комиссия по борьбе с контр-революцией и анархией, принимая меры к удалению военного коменданта Сошенко и секретаря Чуприна, встретила со стороны их препятствия и угрозы в том, что, если ЦИК что нибудь сделает по отношению к ним, то они пойдут в Революционную армию и обвинят ЦИК в контр-революционности. Присутствующие на заседании Сошенко и Чуприна дают объяснения, сознавая свою вину и ошибку.

Постановили: а) Разобрать дело поручается избранной 14 апреля следственной комиссии. Если следственная комиссия найдет подтверждение угроз Исп. Комитету со стороны Чуприны, арестовать его.

б) Выпустить приказ от ЦИК, составление которого поручается редакционной комиссии из четырех товарищей: Тащиева, Балиса, Баяна и Жорова.

Слушали: 2. Дело члена съезда Погибы.

Постановили: Задержанного по постановлению съезда члена съезда тов. Погиба, обвиняемого в контр-революционной пропаганде, передать в распоряжение следственной комиссии.

Слушали: 3. О назначении нового военного коменданта.

Постановили: Так как надобности в военном коменданте нет, ибо все дела его переданы помощнику комиссара юстиции Бронштейну, то назначенный Чрезвычайной комиссией т. Пурнов должен дела военного коменданта ликвидировать.

Заседание ЦИК прерывается в 10 ч. 15 м. утра для фракционных заседаний.

Слушали: 4. Внеочередное заявление т. Кудрявцева о том, что наши товарищи, взятые как заложники контр-революционерами, остались живы и потому нужно предпринять меры к сохранению их жизни.

Постановили: Произвести массовые аресты среди буржуазии в качестве заложников в гор. Екатеринодаре для обмена на наших товарищей и изыскивать средства к побегу товарищей из плена.

Слушали: 5. Выборы комиссаров. При 3-х воздержавшихся и одном против т. Гайченце, который заявил, что он голосует против кандидатуры Якова Полуяна на пост комиссара внутренних дел. Вопрос о предоставлении Комиссариата по национальным делам л. с.-рам остается открытым, а комиссариат по охране имущества Республики предоставлен левым с.-р.

Постановили: Распределить посты комиссаров между представителями фракции большевиков и левых с.-ров следующим образом:

1. Комиссар продовольствия—т. Коробкин (б-к).
2. „ военный — т. Швец (б-к).
3. „ нар.-хоз. — т Марочкин (б-к).
4. „ земельн. — т. Вилямовский (л. с.-р.).
5. „ труда — т. Ивницкий (б-к).
6. „ печати — т. Тащиев (б-к).
7. „ внутр. дел — т. Я. олуян (б-к).
8. „ финансов. — т. Дунин б-к).
9. „ просвещ. — т. Е. Полуян (б-к).
10. „ юстиции — т. Выгриянов (л. с.-р).
11. „ путей сообщ. — т. Сорокин (б-к).
12. „ призрения—т. Озеров (л. с.-р.).
13. „ врач.-санит. — т. Гуменный (б-к).
14. „ почт и телег. — т. Жоров (л. с.-р).
15. „ по нац. делам—т. Шовгенов (б-к) временно.

Слушали: 6. Назначение товарищей комиссаров.

Постановили: В каждой коллегии (комиссии), где комиссаром является представитель фракции б-ков, желательно, чтобы товарищем комиссара был представитель от левых с.-р. и наоборот.

Слушали: 7. Товарищ председателя от левых с.-р. Левые с.-р заявляют, что вместо т. Скворцова тов. председателем они выдвигают т. Балиса.

Постановили: Утвердить т. Балиса т. председателя К. Ц. О. И. К.

Слушали: 8. Вопрос об отпуске членам Исполнительного Комитета.

Постановили: Дать возможность нуждающимся в отпуске членам ЦИК воспользоваться отпуском.

Заседание закрыто в 2 ч. 20 м. дня, следующее заседание назначено в 6 ч. вечера.

Подлинный подписали:

Председатель КЦОИК Я. Полуян.

Секретарь КЦОИК Вл Черный.

С подлинным верно:

Копия верна.

Копия с копии.

Протокол № 3

вечернего заседания Кубанского Центрального Областного Исполнительного Комитета от 14 апреля 1918 года. Заседание открывается председателем Яковом Полуяном в 7 часов вечера.

Слушали: 1. О товарищах комиссаров.

Постановили: Комиссару совместно с комиссией по тому или иному ведомству предоставляется право намечать товарищей комиссара, которые утверждаются или отвергаются Центральным Областным Исполнительным Комитетом.

Слушали: 2. Внеочередное заявление т. Марочкина. Тов. Марочкин сообщает, что в комитет партии большевиков и бюро профессиональных союзов ворвались солдаты и, взламывая замки, производят обыски.

Постановили: Предложить членам чрезвычайной комиссии немедленно отправиться на место обысков с вооруженной силой и принять все меры к ликвидации обысков.

Слушали: 3. Выборы в комиссии КЦИОК.

Постановили: Установить, что комиссии составляются из членов ЦОИК, желающих работать в той или иной комиссии.

Слушали: 4. Информация Центрального Исполнительного Комитета т. Автономовым. Тов Автономов сообщает, что вследствие разгона корниловских банд, старающихся разбрестись по станицам, дело борьбы с контр-революцией на Кубани закончено, и поэтому армия т. Автономова передвигается на Терек.

Постановили: Информацию принять к сведению.

Слушали: 5. Внеоочередное заявлен. т. Марочкина. Тов. Марочкин заявляет, что со стороны Круглика движется отряд, которому готовы предоставить квартиры на Покровке, если это революционный отряд.

Постановили: Выяснение этого вопроса передается в штаб Главнокомандующего.

Слушали: 6. Замещение бежавших членов Центрального Исполнительного Комитета.

Постановили: Согласно постановления съезда, все члены Центрального Исполнительного Комитета, бежавшие из Екатеринодара, исключаются из состава Комитета, а на их место вступают кандидаты.

Слушали: 7. О помещении и столовой для членов ЦИК.

Постановили: Избрать хозяйственную комиссию, которая должна найти помещение и организовать столовую для членов ЦИК, в составе т. т. Воловик, Бакулин и Чуваев.

Слушали: 8. О повестках дня.

Постановили: Перед каждым заседанием ЦИК членам ЦИК должна рассылаться повестка дня, Президиумом это принимается к сведению.

Слушали: 9. Об управляющем делами Совнаркома.

Постановили: Большинством голосов на пост управляющего делами Совнаркома избран т. Борисенко.

Слушали: 10. О секретаре Совнаркома.

Постановили: Секретарь Кубанского Совета Народного Комиссариата должен быть избран самим Советом, а не Центральным Исполнительным Комитетом.

Слушали: 11. О декларации Кубанского Центрального Исполнительного Комитета.

Постановили: Издать и распространить декларацию Кубанского Центрального Областного Исполнительного Комитета, которую должны составить товарищи: Тащиев, Балис и Мальцев.

Слушали: 12. Об отпусках членам ЦИК.

Постановили: Тем членам Комитета, у которых есть крайняя нужда, разрешается уехать 10 апреля с разрешения президиума, которому они должны подать мотивированное заявление.

Слушали: 13. Сообщение т. Гайченца. Тов. Гайченец сообщает, что дело об обысках в партийном комитете и бюро профес. союзов улажено мирным путем. Но т. Вишнякова просит перевести товарищей солдат в другое помещение, так как ежедневно являются сотни товарищей рабочих.

Постановили: Просьбу удовлетворить, 1) поручив исполнение ее Екатеринодарскому Исполнительному Комитетт.

Слушали: 14. О казначее К. Ц. О. И. К.

Постановили: Казначеем Кубанского Центрального Областного И. К. избрать т. Бакулина.

Слушали: 15. Порядок заседаний ЦОИК.

Постановили: Установить, что пленарное заседание ЦИК происходит ежедневно с пяти часов вечера.

Слушали: 16. Вопрос о приеме дел от прежнего Областного Исполнительного Комитета.

Постановили: Завтра, т. е. 15 апреля, комиссии должны будут приступить к приему дел Исполнительного Областного Комитета прежнего созыва.

Слушали: 17. О комиссарах Народного Здравоохранения.

Постановили: 18 Этот вопрос перенести на 15 апреля.

Слушали: 18. Об организации комиссии.

Постановили: Организованы комиссии в составе:

1. Финансовая — Дмитриенко.
2. Продовольственная — Чуев, Кривенко и Прозов.
3. Военная — Гайченец, Швец, Волик и Автономов.
4. Труда — Липко, Тащиев.
5. Юридическая — Булатов, Рыло.
6. Земельная Ягода, Корнилов, Бугрий, Старченко.
7. Врачебно-Санитарная — Рыло, Богуславский.
8. Внутр. Дел — Сердюк и Прозоря.
9. Просвещения — Корнилов, Черный и Снип.
10. Призрения — Балис, Бояринцев и Липко.
11. Путей сообщения —
12. Народного хозяйства — Крючков, Середа, Старченко, Воловик.
13. Почт и телеграф. — Кириченко, Бояринцев, Фастовец.
14. Печати — Черный.
15. По охране имуществ — Кудрявцев.

Подлинный подписали:

Товарищ председателя КЦОИК Гайченец.

Секретарь КЦОИК Вл. Черный.

Печать.

С копией верно.

Копия с копии.

Протокол № 4

заседания Кубанского Центрального Областного Исполнительного Комитета 15 апреля 1918 года. Председательствует Я. Полуян. Заседание открыто в 7 час. вечера.

Слушали: 1. Экстренное заявлениет. Полуяна. Тов. Полуяном было заявлено, что несмотря на постановление съезда не реквизировать инструменты из войскового хора, реквизиция же производится.

Постановили: Написать распоряжение от имени Ц. О. И. К. о неприкосновенности инструментов войскового хора, ибо имущество хора есть достояние народа и не должно расхищаться.

Слушали: 2. О кворуме.

Постановили: По обсуждении этого вопроса вынесено решение, что все постановления настоящего малочисленного собрания законны.

Слушали: 3. Вопрос об урегулировании врачебно-санитарн. части. Докладчиком по вопросу от врачебно-санитарн. части выступает т. Богуславский, который сообщает, что арестованные находятся в тяжелых и даже невозможных санитарных условиях, Ленский и др., несмотря на предписание ЦИК, остаются на местах, занимаются реквизицией вина и продолжают мешать работать по улучшеиию санитарной части.

Постановили: Создать коллегию комиссариата Здравоохранения из 3 тов. Богуславский, Люшнов и Волощук-Тимофеева.

Слушали: 4. Внеочередное заявление т. Елены Полуян. Тов. Елена Полуян заявила, что в городе производится ружейная стрельба.

Постановили: Для выяснения причины стрельбы командировать товарищей Крючкова и Шестака.

Слушали: 5. Внеочередное заявление комиссара продовольствия т. Коробкина. Тов. Коробкин заявил, что происходит хищение кож на заводах.

Постановили: 1) Дать в распоряжение т. Середы[1] 30 чел. стражи для охраны кож.

2) Предоставить в распоряжение т. Середы 60 подвод для того, чтобы сконцентрировать кожи в вещевом складе.

3) Потребовать от Чистова[2] возвращения кож.

Слушали: 6. Вопрос об арестованных.

Постановили: Ввиду того, что среди арестованных есть много невинных и ввиду того, что они находятся в тяжелых санитарных условиях, выбрать из состава ЦИК следственную комиссию из трех т.т.: Марочкина, Крючкова и Мальцева для разбора дел арестованных.

б) Предоставить этой комиссии право освобождения невинных.

Слушали: 7. Вопрос об анархии во всех областях жизни. Тов. Пурнов был назначен для ликвидации комендантского управления. Из доклада выяснилось, что Сощенко своих обязанностей не сдает никому до тех пор, пока не поступит распоряжение от Золотарева, т. Пурнов в своем докладе подчеркивает, что происходит хищение золотых и серебряных вещей во дворце. Тов. Пурнову пришлось для объяснений поехать в штаб Золотарева, где он был свидетелем следующей картины: у т. Золотарева за столом заседала кампания из нескольких человек, где между прочим находились Сорокин, Ленский и Чернобаев. Кампания шумно проводила время за шампанским. Когда поднялся вопрос о ликвидации комендантского управления, то из речей, которые были произнесены подгулявшими политическими деятелями, т. Пурнов увидал, что во главе Городского Исполнительного Комитета Народных Депутатов, а также Центрального Областного Исполнительного Комитета, засели контр-революционеры и филимоновцы.

Постановили: Обсудив это внеочередное заявление ЦОИК постановил:

1) Обсудить этот вопрос о борьбе с анархией.

2) 16 апреля устроить митинг, на котором выяснить значение Советской власти и устроить праздник поднесения знамени Революционным войскам.

3) В 9 часов утра устроить совместное заседание Центрального Исполнительного Комитета с командн. составом.

4) Назначить комиссию совместно с Екатеринодарским Исполнительным Комитетом и поручить ей ведать делом расквартирования войск и снабжения их провиантом. Избранным оказался т. Кривенко.

5) Избрать редакционную комиссию и поручить ей выработать воззвание к населению и армии.

Слушали: 8. Вопрос о назначении комиссара по военным делам.

Постановили: На пост товарища комиссара по военным делам избрать т. Иванова,[3] поручив ему временное исполнение обязанностей комиссара по военным делам.

Слушали: 9. Вопрос о заголовке газеты „Известия“.

Постановили: Заголовок — „Известия Совета Раб. Кр. Солд. Городских Депутатов“ заменить следующим образом: „Известия Кубанского Центрального Исполнительного Областного Комитета Советов Народных Депутатов“.

Слушали: 10. Об освобождении от мобилизации служащих городских учреждений. Президиум докладывает: ввиду того, что служащие государственных учреждений, банков, кооперативов, железных дорог и т. д. насильно мобилизуются на общественные работы, вследствие чего эти учреждения не могут правильно функционировать, что несомненно должно вносить анархию, президиум без санкции ЦИК издал приказ по этому вопросу, № 2.

Постановили: Приказ, изданный президиумом ЦИК, утвердить.

[1] Тов. Середа — один из работников Комиссариата продовольствия.
[2] Тов. Чистов — командир одного из крупных отрядов.
[3] Тов. Иванов — левый с.-р.

Слушали: 11. Доклад хозяйственной комиссии. Тов. Воловик делает доклад о том, что сделано за день хозяйственной комиссией.

Постановили: Назначить заведующего, в ведении которого будет находиться все хозяйство, имущество и продовольствие. Заведующим назначить бывшего заведующего столовой т. Игуменова.

Подлинный подписали:

Председатель Куб. Цент Обл. Исп. Ком. Я. Полуян.

Секретарь КЦОИК Вл. Черный.

печать.

С копией верно:

Копия с копии.

Протокол № 5

заседания Кубанского Центрального Областного Исполнительного Комитета от 16 апреля 1918 г. Председательствует т. Я. Полуян. Заседание открыто в 8 час. 40 минут вечера.

Слушали: 1. О войсковом оркестре. От главнокомандующего т. Автономова поступила просьба отпустить из войскового оркестра в распоряжение Золотарева несколько музыкантов.

Постановили 1. Симфонического оркестра не трогать, а дать только лиц, играющих на духовых инструментах. Установить число лиц, играющих на духовых инструментах, уполномочить т. Ворорика.

Слушали: 2. Вопрос о ликвидации дел военно-революционного комитета. При ликвидации дел военно-революционного комитета некоторые лица потребуются для Исполнительного Комитета.

Постановили: 2. Предложить лицам, которые нужны будут для работ в военной комиссии при Центральном Исполнительном Комитете, оставаться на своих местах до окончательного сконструирования Военного Отдела, в ведение которого поступят все дела военно-революционного комитета и лица, работающие в этом комитете.

Слушали: 3. О комиссаре пристани Литриненко. Военным комендантом тов. Сощенко был назначен комиссаром пристани т. Литриненко.

Постановили: 3. Вопрос передать на рассмотрение комиссара путей сообщения т. Соркина.

Слушали: 4. Заявление владельцев биографов. Владельцы биографов предлагают заработок 19 и 20 апреля 1918 года пожертвовать в пользу революционных войск.[1]

Постановили: 4. Разрешить биографам 19 и 20 апреля работать до 9 часов вечера.

Слушали: 5. Доклад земельной комиссии. В заседании земельной комиссии при Кубанском Областном Исполнительном Комитете постановлено (протокол № 1):

I. Ввиду необходимости немедленного приступления к работе, постановили: наметить кандидатами т. т. Н. С. Бугрия, А. А. Старченко и секретарем кооптировать Д. М. Концевича и представить на утверждение Исполнительного Комитета.

II. Ввиду необходимости принятия экстренных мер по обслуживанию культурных имений в области и сбережения инвентаря, племенного скота и проч.,

---

[1] В связи с военным положением в городе и воспрещением движения по улицам, позже определенного часа биографы были закрыты.

командировать т. Горобца, как бывшего комиссара по наблюдению за этими имениями, для упорядочения дела, исходатайствовать перед Исполнительным Комитетом необходимый аванс и снабдить его необходимыми мандатами.

III. Ввиду спешности работ и приближения весенних сельско-хозяйственных работ постановили: пригласить на службу при комиссии: а) интруктором-механиком по сельско-хозяйственным машинам Никиту Степановича Попориченко; б) делопроизводителем Соломона Самойловича Люшкова; в) бухгалтером комиссии Михаила Николаевича Гогия и г) техником по поручению Петра Тимофеевича Орловского.

IV. Ввиду необходимости отпуска Старченко для сдачи дел по народному суду, постановили: разрешить тов. Старченко отпуск на 7 дней по 22 апреля включительно

V. Выслушав доклад т. Горовцева, постановили: а) по п. 1-му – если землевладелец будет обрабатывать землю сам, то отвести ему количество по трудовой норме, дать потребный инвентарь и зерно, а также и скот для обработки. Свиней отпустить в его распоряжение не более двух и птицы не более 20 штук. Мера временная; б) по п. 2-му—местным земельным комитетам; по п. в) не имеет права, по п. г) ввиду неимения средств и сокращения расходов подробно обследовать имения М И. Заболотного и породистый скот перевести в имение быш. бр. Николенко.

VI. Занятия в канцелярии производить с 9 до 2 и с 4 до 6 час. веч. Прием просителей по делам назначить с 9 час. до 2 час. дня. Дела и книги от прежней земельной комиссии принять

Постановили: 5. а) Выслушав изложенный доклад, Центр. Областной Исполнит. Комитет постановил: согласно протокола земельной комиссии за № 1, ходатайство этой комиссии удовлетворить и утвердить комиссариат в том составе, как это предполагает докладчик: тов. комиссара утвердить товарищей—Н. С. Бугрия и А. А. Старченко, секретарем Д. Н. Концевича.

б) Относительно аванса предложить тов. Виляморскому обратиться к т. Марочкину.

Слушали: 6. Вопрос о реквизиции извозчиков.

Постановили: 6 С вопросом о реквизиции извозчиков, согласно просьбы союза извозчиков, поручить разобраться 6. председателю военно-революционного комитета т. Бакулину.

Слушали: 7. Вопрос о комиссариате здравоохранения. Из доклада т. Богуславского выяснилось, что Чернобаев удален с занимаемого поста, но Ленский попрежнему остается на своем месте и продолжает тормозить врачебно-санитарное дело, творит бесчинства, явно подрывая своим поведением ту власть, за которую так долго боролись и проливали кровь.

Постановили: 7. а) Удалить Ленского приказом, как человека, явно вредного для революции и Советской власти, от занимаемого им поста.

б) Отобрать у него документы.

в) Самого Ленского арестовать.

г) Потребовать от т. Бронштейна объяснения причин, по которым не был произведен арест Чернобаева, человека тоже вредного для Революции и Советской власти.

Слушали: 8. Вопрос о создании комиссариата народного хозяйства. Комиссар народного хозяйства т. Марочкин предлагает ЦОИК утвердить в должностях тов. комиссара следующих лиц: товарищей Карпузи и Волорика, кандидатуры этих лиц Исполнительным Комитетом не были утверждены.

Постановили: 8. а) Утвердить.

б) Вопрос о предоставленни места тов. комиссара левым соц.-револ. оставить открытым.

Слушали: 9. О принятии дел военного комиссариата. Уполномоченный принять дела комендантства тов. Скворцов сообщил, что бумаги комендантом забраны все, но много осталось золотых и серебряных вещей и оружие, а также остались служащие.

Постановили: 9. Ценные вещи, золото и серебро передать в банк на хранение, оружие и другие вещи передать в военный отдел, а служащим предложить разойтись, так как комендантство упразднено.

Слушали: 10. Доклад комиссара народного призрения.

Постановили: 10. Просьбу комиссара призрения, изложенную в докладе его от 16 апреля 1918 г. за № 1, удовлетворить. (Доклад прилагается).

Слушали: 11. Вопрос об удовлетворении нужд пострадавших от войны.

Постановили: 11. Передать в комиссариат призрения.

Слушали: 12. Вопрос о пленарных заседаниях Исполнительного Комитета.

Постановили: 12. Мелкие дела, не требующие санкции пленарных заседаний Исполнительного Комитета, а также и экстренные вопросы, предоставить самостоятельному разрешению президиума.

Слушали: 13. Регламент.

Постановили: 13. Утвердить.

Слушали: 14. Доклад комиссара почт и телеграфа.

Постановили: 14. Утвердить заявление тов. Жорова в той части, где говорится о служащих, предложить обратиться к т. Руденко о помещении, приняв во внимание заявление т. Соркина относительно дома Акулова.

Слушали: 15. Заявление относительно разгрома винного погреба. Выяснилось, что в 2 часа ночи 16 апреля, по распоряжению Сорокина, как сообщили солдаты, был сбит замок винного погреба и произведен разгром вин, предназначенных для раненых.

Постановили: 15. Передать это дело Чрезвычайной следственной комиссии, которой поручить предпринять самые решительные меры.

Председатель Я. Полуян.

Секретарь Корнилов.

С копией верно:

Копия с копии.

Протокол № 6

заседания Кубанского Областного Центрального Исполнительного Комитета от 19 апреля 1918 г. Председательствующий — тов. председателя Балис. Заседание открывается в 7 час. 10 минут вечера.

Повестка дня:

1. Доклад военного комиссара.
2. Финансовый вопрос: а) о выпуске бон, б) об открытии кредита в Народном банке на имя Кубанского ЦИК.
3. О тов. комиссаре юстиции.
4. О ликвидации военно-революционного комитета: а) о членах бывшего в.-р. к-та и б) неоплаченные счета на имя в.-р. к-та.
5. О совете изучения и обследования Кубанской области.
6. О фронтовом съезде.
7. О ходатайстве союза печатников.
8. Пересмотр вопроса об отпуске духового оркестра.
9. Текущие дела: а) о перемоле зерна на мельницах; б) о запрещении вывоза духового оркестра из Екатеринодара; в) о продаже сахара в Гулькевичах; г) заслушание копии Пол. Сов. Народн. Комиссаров; д) утверждение инструкции комиссара Екатеринодарской пристани; е) просьба надзирателя Куб.-Черн. акц. упр. освободить и снять печати с помещения акц. управления; ж) о самочинных реквизициях в ауле Козет; з) просьба нач. почт.-тел. конторы об уплате 170 руб. в казначейство по § 20 за передачу телеграммы в марте; и) размер суточных инструкторам по организации Красной Армии; к) постановление станицы Имеретинской; л) заявление делегата станицы Афипской и м) о табаке и вывозе его из Екатеринодара.

Слушали: 1. Доклад военного комиссара. Во время доклада считать заседание закрытым для посторонних лиц. Тов. Иванов указывает на то положение, в котором находится в данный момент местные советские власти и предлагает проект организации Красной социалистической армии.

Постановили: 1. Проект принимается в целом с дополнениями.

1. Все воинские части, находящиеся на территории Кубанско-Черноморской Советской республики, поступают в ведение и распоряжение ЦИК под непосредственным наблюдением и руководством комиссара по военным делам.

2. Все воинские части, все оружие и вывозное имущество поступают на учет и в ведение Центрального Областного Исполнительного Комитета К-Ч. Советской республики.

3. Для упорядочения дела обороны К-Ч. советской республики при отделах создаются отделения мобилизационного штаба, работающие по инструкциям штата по мобилизации Красной армии.

4. Всем советам временно принять к руководству, что на местах должно быть вооруженных не более, как 2% общего числа жителей в станицах, а в городах — 4%.

5. Комиссару по военным делам срочно сформировать отряд из всех родов оружия, численностью до 6000 чел., в ведение Исполнительного Комитета и комиссара по военным делам.

6. Вменить в обязанность комиссару финансов срочно изыскать средства для военных надобностей к 25 апреля сто тысяч руб. и к 1 мая двести тысяч руб.

7. Все здания, годные для расквартирования войск, в нужных пределах поступают на учет и в ведение комиссара по военным делам.

8. Выпустить воззвание к населению, в котором призвать всех к содействию для установления прочного революционного порядка.

В состав комиссии по составлению воззвания к населению о Красной Армии избрать т. т. Тащиева и Крючкова.

9. Избрать делегацию от Исполнительного Комитета в Крым за получением оружия.

Поручить т. Иванову подыскать лиц, которых он найдет возможным уполномочить в качестве делегатов в Крым за оружием, и представить на утверждение президиума.

10. Предложить всем комиссарам и революционным организациям оказывать наибольшее содействие комиссару по военным делам и в выполнении его требований, связанных с упорядочением военного дела.

11. Организовать штаб обороны.

Слушали: 2. Доклад представителей фронтового съезда. Представители первого Петропавловского отряда обрисовывают картину разрыва их с отрядом Сорокина. Центральный Областной Исполнительный Комитет горячо приветствует резолюцию съезда фронтовиков, направленную против выдвинувшихся вождей революционной армии, дискредитирующих честных революционных борцов.

Постановили: 2. а) Издать декларацию от Кубанского ЦИК к населению, составить которую поручается т. т. Тащиеву, Балису и Крючкову.

б) Сделать доклад на фронтовом съезде о деятельности объединенного В.-р. К-та и Областного Исполнительного Комитета.

в) Сделать на фронтовом съезде доклад о действиях вождей и наклонностях бандитов и грабителей.

г) Просить 1-й Петропавловский отряд перейти в Екатеринодар для помощи Центральному Областному Исполнительному Комитету в борьбе с контр-революцией и анархией. Телеграмму 1-му Петропавловскому отряду поручить составить президиуму совместно с представителями этого отряда.

д) Вопрос о приглашении 2-го Северо-Кавказского полка оставить открытым.

е) Выпустить воззвание к населению, в котором необходимо обрисовать деятельность Сорокина, составление воззвания поручить товарищам Тащиеву и Крючкову.

ж) На фронтовом съезде просить товарищей в первую очередь обсуждать вопрос об анархии.

Слушали: 3. Выборы представителей на фронтовой съезд.

Постановили: 3. Послать на фронтовой съезд трех представителей, из которых один должен присутствовать постоянно на съезде с информационной

целью, а остальные выступают с докладами, не прерывая своих очередных работ. Избраны т. т. Ивницкий, Балис и Гайченец.

Следующие вопросы разрешаются при открытых дверях.

Слушали: 4. Финансовый вопрос.

Постановили: 4. Вопрос о выпуске бон откладывается на следующее заседание.

а) Поручается казначею т. Бакулину получить из банка по чеку, полученному от ликвидированного интендантства, семьсот двадцать семь тысяч руб.

б) Расследовать и разобрать все неоплаченные счета поручается комиссии, которая счета граждан г. Екатеринодара передаст Екатеринодарскому Совдепу, действительность остальных счетов проверяется комиссией.

Комиссию избрать из трех т. т., причем в нее должен войти представитель Екатеринодарского совдепа. От ЦИК избраны т. т. Вилямовский и Рыло.

в) По заявлению комиссара внутренних дел об ассигновании сумм постановлено временно ассигновать для расходов по комиссариату внутренних дел 2000 р.

Слушали: 5. Внеочередное заявление представителя увечных воинов.

Постановили: 5. а) Ходатайство союза увечных воинов о том, чтобы все продукты, находящиеся в распоряжении областного продовольственного комитета, отпускались, кроме местных продовольственных комитетов, областному союзу увечных воинов, который сам будет распределять продукты между своими местными союзами увечных воинов — удовлетворить полностью.

б) К отпущенным заимообразно союзу увечных воинов президиумом ЦИК двадцати тысячам руб. добавить остальные тридцать тысяч руб.

Слушали: 6. Внеочередное заявление комиссара по народному образованию.

Постановили: 6. а) Отпустить комиссариату народного просвещения пять тысяч руб. на нужды просвещения.

б) Для комиссариата народного просвещения предоставить дом Никифораки.

Слушали: 7. Заявление комиссара труда т. Ивницкого.

Постановили: 7. а) Ассигновать комиссару труда на нужды комиссариата десять тыс. рублей.

б) Представленных на утверждение Куб. Центр. Обл. Исп. Ком. товарищами комиссара труда т. т. Булатова (левый с.-р.) и Совяка (большевик) в должности утвердить.

в) По вопросу о требовании добавочной платы конференции чернорабочих комиссариату труда поручается снестить с центральной властью для разрешения вопроса об уплате добавок чернорабочим.

Слушали: 8. Заявление защитника интересов иностранных подданных. Товарищ защитник интересов иностранных подданных просит временно освободить его от обязанностей, возложенных на него тов. главнокомандующим Петроградского военного округа.

Постановили: 8. Передать дело комиссариату юстиции.

Слушали: 9. Заявление комиссара путей сообщения.

Постановили: 9. Поручить президиуму послать в Кавказский отдельский совет телеграмму с тем, чтобы советом были отозваны всякие комиссары с железнодорожных станций.

Слушали: 10. Заявление представителя союза печатников.

Постановили: 10. Счета, которые представлены Центр. Обл. Испол. Ком. за работу типографии, должны быть рассмотрены комиссией (Вилямовский и Рыло) и оплачены.

Все вопросы, намеченные к обсуждению по повестке дня, откладываются на следующее заседание, которое назначается на 21 апреля в 3 часа дня.

Заседание закрывается в 1 час 10 минут ночи.

Подлинный подписали:

Тов. пред. КЦИОК Балис.

Секретарь Вл. Черный.

С копией верно:

Копия с копии.

Протокол № 7

совместного заседания Центрального Областного Исполнительного Комитета и Исполнительного Комитета Екатеринодарского Совета рабочих, солдатских, крестьянских и горских депутатов 21 апреля 1918 года. Заседание открывает тов. Балис в 4 часа. 25 минут.

Слушали: 1. Вопрос о власти в Екатеринодаре и Кубанской Советской Республике.

Представители Екатеринодарского совдепа предлагают в связи с текущим моментом обсудить вопрос о власти.

Постановили: 1. Для обсуждения вопроса о власти, ввиду связи этого вопроса с чисто военными властями т. т. Марочкину и Луцкевичу, как представителям Кубанского Областного Исполнительного Комитета и Исполнительного Комитета Екатеринодарского совдепа, поручается вызвать на заседание т. т. Автономова и Сорокина. Возвратившиеся делегаты Марочкин и Крюков сообщили, что Автономова нет в штабе.

Слушали: 2. Внеочередное заявление комиссара народного просвещения. Тов. Полуян сообщает, что в епархиальное училище явились солдаты с мандатом Автономова и реквизируют, что попадается под руки.

Постановили: 2. Воспрепятствовать этой реквизиции и ликвидировать ее поручается Чрезвычайной комиссии по борьбе с контр-революцией и анархией, каковая комиссия и должна немедленно отправиться на место реквизиции.

Слушали: 3. Вопрос о самочинных реквизициях.

Постановили: 3. Ввиду того, что в городе происходят самочинные реквизиции:

1. Предложить т. Романенко[1] оставить в г. Екатеринодаре отряд для несения службы по охране г. Екатеринодара.

2. Поручить продовольственному отделу при Екатеринодарском совдепе ведать реквизициями, взяв предварительно на учет предметы, необходимые для армии.

3. Сообщить для сведения и исполнения командующим отрядами о постановлении Кубанского Центрального Исполнительного Комитета и местного совдепа.

Слушали: 4. Внеочередное заявление т. Полуян.

Постановили: 4. Ознакомившись с сообщением о назначении над Бронштейном следственной комиссии, ввиду имеющихся против него обвинений, решено: Бронштейн слагает полномочия тов. комиссара юстиции, а все дела арестованных, оружие, мандаты, документы и отряды находящиеся в распоряжении тов. комиссара юстиции, передать т. т. Гуменному, Б. Мальцеву и Выгриянову.

Для разбора дела назначить следственную комиссию, которая должна выяснить степень его виновности и в зависимости от этого подвергнуть соответствующему наказанию.

Слушали: 5. Внеочередное заявление т. Крючкова. Тов. Крючков был послан в епархиальное училище и остановил реквизицию по мандатам, выданным штабом революционных войск.

По расследованию этого вопроса на месте выяснилось, что реквизировались на ряду с одеялами детские юбочки и ботинки.

Постановили: 5. После объяснения т. Крючкова, вопрос считать исчерпанным.

Слушали: 6. Вопрос о приказе № 2. На основании приказа № 2 многие лица, у которых должен был произведен обыск, пользуясь удостоверениями, выданными по приказу № 2, избегают такового.

Постановили: 6. 1) Выдачу удостоверений прекратить.

---

[1] Тов. Романенко один из хороших дисциплинированных командиров, стоящий во главе отряда, ядром которого явился Варнавинский полк.

2) Издать новый приказ, который разъяснит, что лица, имеющие удостоверения, выданные на основании приказа № 2. могут подвергаться обыскам и арестам только товарищами, уполномоченными на это, или Кубанским Центральным Областным Исполнительным Комитетом.

Слушали: 7. Вопрос о выпуске бон. Управляющий банком тов. Сикорский предлагает вследствие угрозы денежного кризиса экстренно выпустить. в качестве средств обращения, боны.

Постановили: 7. а) Выпустить разменные знаки, ввиде бон, в пределах обеспечения наличными средствами.

б) Предоставить комиссару финансов право реквизиции необходимых для изготовления бон материалов.

в) Во время изготовления бон установить постоянную охрану около того помещения, в типографии которого будут печататься боны.

г) Расходы по изготовлению бон, исчисляющиеся приблизительно в тридцать пять тысяч рублей, покрывать взыскиваемыми за размен не более. как 10% отчислениями.

Ходатайство Темрюкского совета об отпуске ему средств для содержания Темрюкского революционного отряда снимается с очереди, вследствие выраженного т. Автономовым желания обрисовать военное положение и состояние, в котором находятся революционные бойцы.

Слушали: 8. Доклад главнокомандующего т. Автономова о военных делах. Тов. Автономов просит выяснить: а) отношение Куб. Обл. Исполн. К-та к командному составу, б) вопрос о правильной постановке регулярного снабжения революционных армий.

После речи т. Автономова, перед голосованием предложения о прекращении прений по докладу т. Автономова, был поставлен вопрос о предоставлении права решающего голоса представителям Екатеринодарского Исполнительного Комитета в разрешении вопросов, касающихся всей Кубанской республики. Голосование (11 чел. против 9) выяснило, что представители Екатеринодарского Исполнительного Комитета в решении областных вопросов принимать участие не могут. Все члены Екатеринод. Исполн. К-та покидают заседание.

Постановили: 8. По докладу т. Автономова принять следующее постановление:

а) Все дело продовольствия, реквизиций и снабжения армии находится в ведении и руководство над ними принадлежит исключительно Куб. Центр. Обл. Исполн. К-ту и организациям и лицам, им уполномоченным.

б) Вопрос о доверии командному составу разрешать только тогда, когда будут определенно ясно выяснены причины. заставившие командный состав поставить этот вопрос в порядке дня.

в) Принять все меры вплоть до посылки делегатов в центр для получения денег и ускорить выпуск местных бон.

г) На фронтовой съезд послать лучшие силы для постановления съезда в политическом и военном смысле на платформу Советской власти и проведения съезда с наилучшими результатами.

д) Право обысков и арестов принадлежит только Куб. Центр. Обл. Исполн. Комитету, лицам и организациям им, уполномоченным, а также и главнокомандующему войсками Северного Кавказа.

Слушали: 9. Внеочередное заявление т. Люшнова. Тов. Люшнов сообщает, что патрулями были задержаны члены Центр. Исполн. К-та и Исп. К-та Екатеринодарского совдепа и препровождены в штаб Сорокина.

Постановили: 9. Уполномочить т. Крючкова вместе с главнокомандующим т. Автономовым пойти в штаб, выяснить и урегулировать этот вопрос.

Слушали: 10. О пособии Темрюкскому совету.

Постановили: 10. Передать вопрос на разрешение президиума.

Слушали: 11. О Кубано-Черноморском военно-революционном комитете. В Новороссийске до настоящего времени существует К.-Ч. военно-революционный к-т, возглавляемый т. т. Тимофеевым и Рондо.

Постановили: 11. а) Послать телеграмму в Новороссийск от Куб. Центр. Обл. Исполн. Комитета, что никаких Куб.-Черн. револ. комитетов не существует, и разоблачить Родно, который именует себя представителем Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

б) Телеграфировать об этом всем советам.

Слушали: 12. Вопрос о задержании членов Центр. Обл. Исполн. Комитета. Делегированные для выяснения вопроса о задержании членов ЦИК т. т. Автономов и Крючков сообщили различные сведения по этому вопросу. После заявления т. Крючкова, что он сообщал только то, что слышал, а о чем т. Автономов, как раньше т. Крючков. принятый Сорокиным, говорил с Сорокиным. он не знает,—последний себя считает оскорбленным и покидает заседание.

ЦОИК делегирует т. Волика с просьбой возвратить т. Автономова.

Тов. Автономов заявляет, через т. Волика, что его уход не означает разрыва с ЦОИК, что работать он будет в контакте с комитетом попрежнему, сейчас же на заседании вместо себя просит присутствовать т. Иванова, так как сам взволнованным присутствовать не может; инциндент же просит разобрать и вынести решение по этому поводу.

Постановили: 12. Разобрав инцидент, ЦОИК считает происшедший случай недоразумением и, высказывая сожаление по поводу инцидента, выражает тов. Автономову полное доверие.

Слушали: 13. Заявление т. Волощук-Тимофеевой. Тов Волощук-Тимофеева заявила, что она работать не может, поэтому просит освободить ее от обязанностей члена коллегии комиссариата здравоохранения.

Постановили: 13. Просьбу об освобождении т. Волощук-Тимофеевой удовлетворить.

Подлиный подписали:

Председатель Я. Полуян.

Секретарь Вл. Черный.

печать.

С копией верно:

Копия с копии.

Протокол № 8

объединенного заседания Кубанского Центрального Областного Исполнительного Комитета и Исполнительного Комитета Екатеринодарского Совета рабочих, солдатских, казачьих, горских депутатов от 23 апреля 1918 г.

Слушали: 1. Вопрос об отпуске денег Темрюку.

Постановили: 1. Согласно просьбы граждан г. Темрюка, разрешить открыть кредит в сумме двадцати тысяч рублей.

Слушали: 2. Вопрос о налете на редакцию „Известия“ и о создавшемся положении конфликта.

Тов. Тащиев докладывает о том, что в редакцию „Известий“ являлась от Сорокина вооруженная сила, которая запретила выпускать газету „Известия“ и насильно заставила редакцию выпустить экстренный выпуск. Со стороны гр. Автономова и Сорокина явно обнаружено стремление к узурпации власти и созданию военной диктатуры, а также игнорирование Советской власти.

Постановили: 2. а) Послать делегатов в Центр и просить отобрать мандаты у Сорокина и Автономова.

б) Делегации, посылаемой в центр, дать наказ в том смысле, чтобы она изложила все то, что происходит здесь.

в) Для улаживания конфликта избрать комиссию, которой дать следующую инструкцию:

1) Комиссия по улажению конфликта должна заявить Сорокину и Автономову, что Центр. Исполн. Комитет считает вопрос о конфликте исчерпанным, если командный состав подчинится постановлениям Ц. И. Комитета по всем вопросам, за исключением вопросов чисто стратегических и оперативных.

2) Требовать, чтобы контрибуция, взысканная с буржуазии, была возвращена Центр. Обл. Испол. Комитету для распределения между войсками.

3) Если комиссия, выяснив вопрос, найдет, что Сорокин окажется в достаточной степени чистым, то ей предоставляется право выносить определенные, решительные резолюции.

Комиссию составить из двух представителей от Центр. Исполн. Комитета, одного от местного совета, одного от партии большевиков и двух от фронтового съезда.

От ЦИК избраны т. т. Кудрявцев и Виляморский. (Тов. Виляморский является представителем от партии левых с.-р.).

В этом же заседании от Исполнительного Комитета Совдепа представителем в комиссию избран т. Депиленко.

г) Издать экстренный выпуск, в котором указать, что все преступные действия и преступные приказы с Кубанским Центральным Исполнительным Комитетом не имеют и издаются без ведома Совета.

Слушали: 3. Внеочередное заявление представителей от раненых. Раненые просят об отпуске им обмундирования.

Постановили: 3. Поручить комиссару здравоохранения образовать комиссию, составленную по декрету Совета Народных Комиссаров[1], которая должна выяснить степень потери трудоспособности и через которую будут проходить все раненые и по требованиям ее выдаваться обмундирование по мере надобности.

Слушали: 4. Вопрос о представителе КЦОИК.

Постановили: 4. Временным представителем Центр. Обл. Исполн. Комитета избрать т. Марочкина.

Слушали: 5. О товарище комиссара путей сообщения.

Постановили: 5. Товарищем комиссара путей сообщения, по представлению тов. Соркина, утверждается т. Петр Дроздов.

Слушали: 6. Внеочередное заявление т. Руденко[2]

Постановили: 6. Заявление принимается к сведению и для разрешения передается в президиум.

Слушали: 7. Заявление т. Борисенко об отпуске.

Постановили: 7. Отпуск т. Борисенко разрешить.

Слушали: 8. Заявление комиссара народного просвещения.

Постановили: 8. Ввиду того, что дом Никифораки занят, комиссару народного просвещения разрешить подыскать другое помещение.

Решено все внеочередные заявления не принимать.

Заседание прервать до 5 час. вечера, когда при любом числе собравшихся ЦОИК собрание считается правомочным.

Подлинный подписали:

Тов. председателя КЦОИ Комитета Гайченец.

Секретарь Вл. Черный.

печать.

С копией верно:

---

[1] Совет Народных Комиссаров РСФСР.

[2] Сущность заявления т. Руденко в моей памяти не сохранилась. Вероятно, оно связано с делами Екатеринод. воен. отд., в котором он работал, или с организ. рев. трибунала, председ. которого и стал впоследствии. Вл. Ч.

Копия с копии.

Протокол № 9

объединенного заседания Кубанского Центрального Областного Исполнительного Комитета и Исполнительного Комитета Екатеринодарского Совета рабочих, солдатских, крестьянских, казачьих и городских депутатов 23 апреля 1918 года. Заседание открывается тов. Гайчинцем в 5 час. 20 мин. вечера.

Повестка дня:
1. Вопрос о борьбе с контр-революцией.
2. О призрении.
3. О печати.
4. Финансирование армии и снабжение армии.
5. Освобождение от караульной службы красноармейцев на две недели для обучения.

Слушали: 1. Вопрос о борьбе с контр-революцией.

Постановили: Существующей комиссии по борьбе с контр-революцией поручается в 3-хдневный срок выработать проект организации, конструкцию и план работы учреждающейся комиссии по борьбе с контр-революцией и сделать подробный доклад совместному заседанию Центрального Исполнительного Комитета и Екатеринодарского совдепа.

Слушали: 2. Доклад комиссара призрения т. Озерова.[1]

Постановили: а) Издать приказ о трехдневном сборе белья сверх четырех пар на члена семьи в пользу комиссариата призрения.

б) Все биографы и другие увеселительные заведения Кубанской Советской Республики со дня объявления настоящего декрета считаются собственностью Кубанской Советской Республики и временно передаются в ведение комиссариата призрения[2].

Слушали: 3. Внеочередное заявление комиссара финансов т. Дунина, который докладывает, что Шнейдер сегодня требовал реализовать чеки до пятисот тысяч рублей, а таких денег нет.

Постановили: Тов. Гуменному и комиссару финансов т. Дунину поручается отправиться немедленно к Автономову и уладить недоразумение.

Слушали: 4. Избрание постоянных представителей на фронтовой съезд.

Постановили: Для постоянного участия в работах фронтового съезда избираются т. Гришин и Скворцов.

Слушали: 5. Снабжение армии. Комиссар продовольствия доложил, что аппарат для приготовления обмундирования есть, но нет материалов. Материалы же затребованы из Ростова и Москвы, но ввиду затруднительности сообщения продукты не получены.

Постановили: а) Избрать комиссара по снабжению армии, которому поручается немедленно организовать комиссию, ведающую снабжением армии, предоставить право реквизиции с ведома Исполнительного Комитета, а право контроля над ними продовольственной комиссии.

б) На пост временного комиссара по снабжению армии избран т. Бакулин.

Слушали: 6. Доклад комиссии по улажению конфликта с командованием. Члены комиссии по улаживанию конфликта сообщают, что переговоры с Автономовым привели к полному соглашению, вследствие того, что т. Автономов признал некоторую ошибочность в выводах и заключениях. Комиссия совместно с т. Автономовым пришла к соглашению на условиях: Исполнительный Комитет печатает в „Известиях“ разъяснение о том, что в статьях, направленных против командного состава, имелись ввиду определенные лица, которые должны быть названы. Сорокин со своей стороны в „Известиях“ приносит печатное извинение

---

[1] Доклад касался отсутствия средств.

[2] Национализация биографов преследовала цели добычи средств для дела призрения.

перед Центральным Областным Исполнительным Комитетом и разъясняет, что его выпады в Листке, ничего общего с „Известиями“ Центрального Областного Исполнительного Комитета не имеющем, направлены не против Исполнительного Комитета.

Слушали: 7. Принятие контрибуции от Шнейдера.

Постановили: Для принятия в Центральный Областной Исполнительный Комитет денег, полученных от буржуазии, в виде контрибуции, уполномочиваются товарищи: Бакулин, Жоров, Меркулов и Пурнов.

Слушали: 8. Вопрос об освобождении красноармейцев от караулов для обучения.

Постановили: Поручить военному отделу (Екатеринодарскому Вл. Ч.) при помощи комиссариата по военным делам рассмотреть и немедленно разрешить самостоятельно вопрос о временном освобождении красноармейцев от несения караулов для обучения.

Слушали: 9. Финансирование армии.

Постановили: а) Издать следующий приказ:

Для нужд революционной армии устанавливается единовременный военный налог.

Налогу подлежит весь имущественный класс г. Екатеринодара.

Распределение налога должно быть организовано через местные квартальные комитеты.

Организация этого дела возлагается на совет объединенной промышленности и торговли, биржевой комитет, городскую комиссию центральный квартальный комитет и другие общественные организации под строгим контролем Екатеринодарского Совета Р. С. К. К. и Г. Депутатов.

Раскладочный список проверяется местным Исп. К-том, который выясняет, насколько правильно произведена раскладка и, если будут замечены злоупотребления, в смысле обложения неимущих и облегчения налогов на имущий класс, то производивших раскладку арестовать и дальнейшую работу заставить произвести в 24-часовой срок.

в) Разработка и приготовление доклада по изысканию средств для финансирования армии поручается комиссару финансов т. Дунину.

Слушали: 10. Об объявлении вне закона к.-р-ов правых с.-р. и меньшевиков, ушедших с Покровским.

Постановили: а) Объявить Адамовича, Сверчкова, Соколова и Асьминина, как изменников рабочего класса и контр-революционеров, и всех, выступающих активно или пассивно против Совввласти, вне закона.

б) Выпустить воззвание к населению, составление которого поручить Президиуму.

Заседание заканчивается в 11 часов 35 минут ночи

Подлинный подписали:

Тов. председателя Гайчинец.

Секретарь Вл. Черный.

Печать.

С копией верно:

Копия с копии.

Протокол № 10

пленарного заседания Кубанского Центрального Исполнительного Областного Комитета 26 апреля 1918 г.

Повестка дня:

1. Доклад представителей г. Новороссийска и вопрос о взаимоотношениях Кубанского Центрального Исполнительного Комитета с Главным Кубанско-Черноморским Военно- Революционным Комитетом.

2. Утверждение товарищей комиссара народного просвещения.
3. Армянские военные дружины
4. О правах иностранно-подданных.
5 Финансовый вопрос.
6. Продовольственный вопрос.
7. О служащих Центрального Исполнительного Комитета, комиссариатов и бывшего окружного суда.
8. Вопрос о жаловании членам Центрального Исполнительного Комитета.
9. Доклад комиссии по борьбе с контр-революцией.
10. Текущие дела

Слушали: О праве присутствовать на заседании.

Постановили: На заседании присутствуют члены Центрального Исполнительного Комитета, члены Екатеринодарского Исполнительного Комитета, представители г. Новороссийска и представители Абинского совдепа. Во время обсуждения вопроса пригласить представителей от штаба революционных войск Северного Кавказа, так как т. Автономов отсутствует.

Слушали: Доклад представителей г. Новороссийска. Представители поднимают и предлагают на обсуждение вопрос о том, — „кто хозяин на Кубани — Исполнительный ли Комитет или Автономов"?

Постановили: а) В воскресенье 28 апреля созвать экстренный съезд Кубанского Центрального Исполнительного Комитета, Черноморского Центрального Исполнительного Комитета, представителей Центрофлота, представителей главного штаба Северного Кавказа и представителей фронтового съезда.

б) До тех пор, пока созываемый съезд не разрешит кардинального вопроса об обороне Кубанско-Черноморской Республики, Кубанский Центральный Исполнительный Комитет, принося глубокую благодарность революционному отряду товарища Романенко за понесенные им труды в борьбе с контр-революцией и корниловщиной, просит не расходиться и оставаться на посту защиты Революции от контр-революции и империализма.

в) Поручить т. Иванову и Романенко спешно разработать общий проект о реорганизации армии и представить его на утверждение объединенного заседания 28 апреля.

Врем. председателя КЦОИК Марочкин.

Секретарь Вл. Черный.

С копией верно:

Копия с копии.

Протокол № 11

заседания Кубанского Центрального Областного Исполнительного Комитета Советов Народных Депутатов от 29 апреля 1918 года. Председательствует тов. Марочкин, открывающий заседание в 7 ч. 45 минут.

Слушали: 1. Доклад представителя Севастополя. Товарищи Колышко и Кузьмин освещают то серьезное и тяжелое положение, в котором находится Севастополь в связи с наступлением гайдамаков и немцев. На предыдущем заседании решено устроить сегодня соединенное заседание Центральных Комитетов Кубанской и Черноморской Республики.

Постановили: Вследствие того, что Центральный Исполнительный Комитет Черноморской Республики до сих пор не приехал в Екатеринодар и сведений о выезде также не имеется, Кубанский Центральный Исполнительный Комитет решил вопросы обороны и защиты от империалистов сейчас не обсуждать, а выслушать доклад представителя Центрального Исполнительного Комитета тов. Ткаченко.

Слушали: 2. Доклад представителя Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. Тов. Ткаченко кратко сообщает о том, что пролетариат Западной Европы просыпается и организуется для борьбы с капиталом и выражает от имени Всероссийкого ЦИК веру в конечную победу Революции и поражение международного империализма.

Постановили: Доклад принимается к сведению.

Слушали: 3. О выезде Черноморского Центрального Исполнительного Комитета и представителей Центрофлота.

Постановили: Вследствие того, что нет никаких данных о выезде Черноморского Центрального Исполнительного Комитета, решено немедленно снестись с Черноморским Центр. Исполнительным Комитетом и просить немедленно выехать в Екатеринодар для совместного обсуждения вопроса обороны.

Слушали: 4. Доклад главнокомандующего т. Автономова. Тов Автономов докладывает о поездке в Донскую Область, о положении на Дону и о военных делах на Кубани. Т.т. Балис и Ивницкий, выступавшие от фракции большевиков и левых с.-р., высказали различные до некоторой степени точки зрения, создавшееся чрезвычайно тяжелое военное положение.

Постановили: а) Вследствие чрезвычайного положения, создать штаб обороны Революции из представителей Кубанской и Черноморской республик

б) Для определения компетенции создаваемого штаба избрать специальную комиссию из 5-ти лиц, в составе т.т. Иванова, Ивницкого, Балиса, Автономова и Мациленкого.

Фронтовому съезду предоставляется право делегировать в комиссию одного представителя.

в) В целях немедленной и исправной доставки оружия и снаряжения из Москвы в Кубано-Черноморскую Республику, избрать делегацию в составе т. т. Швеца (б-к) и Скворцова (л. с.-р.).

г) Посылка делегации для установления свободного водного и железнодорожного пути от Москвы до Кубани откладывается.

Слушали: 5. Замещение мест уехавших членов Исполнительного Комитета кандидатами.

Постановили: Места уехавших в отпуск членов Исполнительного Комитета, и после истечения отпуска ничего не сообщивших о себе, замещаются кандидатами.

Слушали: 6. О ревизионной комиссии съезда.

Постановили: Вызвать ревизионную комиссию съезда для окончания работ и доклада Центр. Исполнит. К-ту о делах Исполнительного К-та прежнего состава.

Слушали: 7. Отпуск денег комиссариату призрения.

Постановили: Комиссару призрения отпустить сто тысяч рублей.

Подлинный подписали:

Врем. председатель Марочкин.

печать. Секретарь Вл. Черный.

С копией верно:

Копия с копии.

Протокол № 12

заседания Кубанского Центрального Исполнительного Комитета от 29-го апреля 1918 г. Назначенное в 5 час. вечера заседание открывается тов. Балис в 7 час.

Повестка дня:

1. Создание штаба обороны Революции.
2. Доклад чрезвычайной следственной комиссии.
3. Доклад комиссара путей сообщения.

Решено, что вопрос о создании штаба обороны Революции обсуждать при закрытых дверях. Право решающего голоса предоставляется двум представителям фронтового съезда.

Слушали: 1. Доклад комиссара путей сообщения. Тов. Соркин рассказывает ужасные факты насилия, чинимые всякими штабами, начальниками отрядов и комиссаром Медведевым, которого назначил Автономов, над железнодорожными и сообщает, что если не будут приняты решительные меры, через несколько дней железные дороги остановятся, так как все служащие покинут посты.

Постановили: а) Устранить назначенного Автономовым комиссара путей сообщения Медведева.

б Издать приказ, согласно которому объявляется, что все вагоны, паровозы находятся исключительно в ведении комиссара путей сообщения и лиц, им на то уполномоченных.

в) Избрать комиссию от Центрального Исполнительного Комитета, которая немедленно должен привести это постановление в исполнение и расследовать все преступления этого рода. В комиссию должны войти два представителя от фронтового съезда от штаба и один представитель от продовольственной комиссии. От Центрального О. И. Комитета избраны товарищи — Онипко (л. с.-р.) и Сердюк (л. с-р.).

Слушали: 4. Утверждение товарищей комиссара по военным делам.

Постановили. По предложению т. Иванова в должности товарищей комиссара по военным делам утверждены товарищи: Кудрявцев и . . . . . .

Слушали: 5 Доклад чрезвычайной комиссии по борьбе с контр-революцией.

Постановили: Функции чрезвычайной комиссии по борьбе с контр-революцией передаются, ввиду создания штаба обороны, имеющего целью борьбу с внутренним и внешним врагом, упомянутому штабу, существующая же комиссия ликвидируется.

Слушали: 6. Внеочередное заявление представителей фронтового създа.

Постановили: Ходатайство фронтового съезда об уплате членам съезда суточных передается на разрешение президиума Совета Народных Комиссаров.

Слушали: 7. О праздновании 1-го мая.

Постановили: Празднование 1-го мая совершается, согласно решения Екатеринодарского совдепа, и в нем принимает участие и Центральный Исполнительный Комитет.

Слушали: 8. Отмена постановления о комиссаре путей сообщения.

Постановили: Постановления, принятые по докладу комиссара путей сообщения, отменяются и передаются на рассмотрение чрезвычайного штаба обороны Революции.

Слушали: 9. О комиссариатах.

Постановили: а) Временным комиссаром по национальным делам избрать т. Балиса.

б) Комиссаром по охране имущества Республики избрать т. Воловика.

в) Согласно заявления т. Швеца освободить его от поста военного комиссара.

г) Постоянным военным комиссаром утвердить т. Иванова.

д) Членом коллегии здравоохранения утверждается т. Орлов.

Слушали: 10. О жаловании и суточных членам Исполнительного Комитета.

Постановили: Члены Ц. И. К., живущие в большом войсковом собрании, получают 300 руб. в месяц и стол с квартирой за счет Ц. И. К.

б) Члены Ц. И. К., живущие на своих квартирах со своим столом, получают 400 руб. в месяц

в) Члены Ц. И. К., командированные по делам Комитета, получают, кроме жалования 10 руб. суточных.

Слушали: 11. Внеочередное заявление т. Якова Полуяна. Бывший член Исполнительного Комитета Романовский растратил занятые у товарища Я. Полуяна 350 руб. и 1000 руб. у бывш казначея. Романовский сейчас арестован.

Постановили: До выяснения вопроса не взыскивать с т. Полуяна и с бывшего казначея 350 р. и 1000 р.; суммы же эти должны быть взысканы с Романовского

Слушали: 12. Ассигнование комиссару призрения[1].

[1] Комиссариат призрения был одним из самых тяжелых комиссариатов. Это было время ликвидации войны. Выдача пособий семьям мобилизованных, раненым, инвалидам и проч., благодаря гражданской войне, прекратилась. И теперь, при сов. власти этот комиссариат постоянно осаждался сотнями «просителей», требующих пособий. А в комиссариате, как и в Республике, денег было мало, или вовсе не бывало.

Постановили: а) Комиссару призрения отпустить сто тысяч рублей.

б В должности т. комиссара призрения утвердить товарищей Дьяковского и Липко.

Слушали: 13. О жаловании служащим Центрального Исполнительн. Комитета.

Постановили: Временно оплату производить президиуму по соглашению с представителями служащих и завед. канцеляриями.

Подлинный подписали:

Товарищ председателя КЦОИК Балис.

Секретарь Вл. Черный.

С копией верно:

Копия.

Протокол

13-го заседания Центрального Исполнительного Комитета 10 мая 1918 г. Председательствует т. Балис, Тов. Председателя Марочкин, секретарь тов. Борисенко.

Порядок дня:

1. Оплата счетов реквизированных имуществ (докл. т. Рыло).
2. Доклад Чрезвычайного Штаба Обороны.
3. Об открытии кредита ЦИК.
4. О президиуме Центрального Исполнительного Комитета.
5. О Комиссариатах: Народного Хозяйства, Торговли и Промышленности, Охраны Государственных Имуществ.
6. О товарищах комиссаров.
7. Финансовое положение города.
8. О работе в связи с провинцией.

Слушали: 1. Оплата счетов реквизированных имуществ.

Постановил: Заслушав доклад, Ц. И. К. постановил: образовать завтра же комиссию из представителей комиссариатов: земельного, продовольственного, внутренних дел. национальных дел и призрения.

Слушали: 2. Доклад Чрезвычайного Штаба Обороны.

Постановили: Заслушав доклад представителя Чрезвычайного Штаба Обороны т. Полуяна, Ц. И. К. постановил:

1. Издать приказ об организации фракциями левых соц.-рев. и большевиков из партийных членов боевых дружин.
2. На ответственных партийных работников возложить руководительство дружинами.
3. Партийным боевым дружинам влиться в Красную Армию для оказания боеспособности и дисциплинированности.
4. Подчинить все отряды местным советам.
5. Теперь же упразднить военно-революционные комитеты и те военные секции, которые образовались переименованием в таковые В. Р. К. в целом или частично, избрав новые.
6. Теперь же начать беспощадную борьбу с диктатурой на местах и работой безответственных лиц, групп, организаций.
7. Безусловное подчинение советов по инстанциям.
8. Повести энергичную агитацию без уклонения к анархизму и коммуне, заявив, что в коммуну идут добровольно.
9. Лиц, выступающих с анархическими речами, преследовать, как подрывавших советскую власть.

10. Принять решительные меры к изысканию средств на местах.
11. Теперь же начать пайковое довольствие семей мобилизованных.
12. Теперь же широко опубликовать постановление 2-го областного съезда и распоряжение Ц И. К.
13. Подтвердить приказ Чрезвычайного Штаба Обороны о мобилизации.

Слушали: 3. Об открытии кредита Ц. И. К.

Постановили: Заслушав доклад т. Бакулина о необходимости открытия кредита, Ц. И. К. постановил: открыть кредит на имя Ц. И. К. в сумме двадцати миллионов рублей

Слушали: 4. О президиуме Ц. И. К.

Постановили: Рассмотрев вопрос о президиуме Ц. И. К. постановил доизбрать членов президиума. Голосованием доизбраны: тов. председателя — тов. Борисенко, Секретарь — Онипко и Циунчик.

Слушали: 5. О комиссариатах: народного хозяйства, торговли и промышленности и охраны государственных имуществ.

Постановили: Заслушав доклад т. Воловик, ЦИК постановил:

1. Учредить комиссариат торговли и промышленности.
2. Утвердить положения, выставленные т. Воловиком по охране имуществ Республики.
3. Поручить Комиссару Совета Народного Хозяйства созвать городскую конференцию для подготовки материалов к съезду.
4. Признать необходимым скорейшую организацию Совета народного хозяйства, избрать для этого комиссию из представителей всех комиссариатов.

Слушали: 6. О товарище комиссара совета народного хозяйства.

Постановили: Утвердить тов. Лиманского.

Ввиду позднего времени, заседание закрыто.

Подлинный подписали:

Тов. председателя Куб. ЦИК'а Борисенко.

Секретарь Онипко.

С копией верно:

Копия с копии.

Протокол № 14

заседания Кубанского Областного Центрального Исполнительного Комитета от 14 мая 1918 г. Председательствовал Борисенко. Секретарь Онипко.

Слушали: 1. Утверждение тов. комиссаров.

Постановили: Товарищем комиссара труда, вместо отозванного т. Булатова, утвержден т. Гранкин.

Товарищем комиссара по снабжению армии утвержден т. Погосьянц

Товарищем комиссара по народному хозяйству утвержден, вместо уволенного по слабости здоровья т. Лиманского — т. Репсон.

Товарищем комиссара по народному просвещению утвержден т. Онипко.

Товарищем комиссара юстиции утвержден т. Рыло.

Товарищем комиссара земледелия утвержден т. Кобылянский.

Вопрос о товарище комиссара по охране народных имуществ остается открытым.

Слушали: 2 Доклад Комиссара Путей Сообщения.

Постановили: а) Издать особый приказ от ЦИК в дополнение к декрету Совета Народных Комиссаров о недопущении реквизиции зданий, материалов и всего имущества, принадлежащих железным дорогам.

б) Немедленно возбудить ходатайство перед центральной властью об ассигновании необходимых средств на приступ к работе по постройке линий железной дороги Екатеринодар-Алексеевский-Горячий Ключ и от Канеловской на север.

Слушали: 3. Доклад тов. представителя Баку.

Постановили: Утвердить схему инструкции особой комиссии при Исполнительном Комитете Кубано-Черноморской Республики по делам спасения и охраны города Баку в провинциальных ее положениях, передав окончательную ее разработку Президиуму Совета Народных Комиссаров, совместно с представителями бакинцами и комиссариатов: труда и народного хозяйства.

Слушали: 4. Доклад комиссариата здравоохранения.

Постановили: Вопрос считать открытым.

Слушали: 5. Внеочередной доклад представителей Чрезвычайного Штаба.

Постановили: Принять к сведению, имея в виду, что Чрезвычайный Штаб по Обороне выполняет распоряжения.

Подлинный подписали:

Председатель Борисенко:

С копией верно. Секретарь Онипко.

Копия с копии.

Протокол № 15.

Объединенного заседания Кубанского Центрального Областного Исполнительного Комитета и Черноморского Губернского Исполнительного Комитета Советов 19-го мая 1918 г.

Слушали: 1. Доклад Коробкина о событиях в Тихорецкой.

Докладчик подчеркивает, что в оперативном отношении штаб далеко не совершенно организован. следствием чего, как неизбежное последствие, были наши неудачи, как на внешнем, так и на внутреннем фронте.

В виду того, что вечером должны будут приехать Автономов, Сорокин и Гуменный,[1] отложить объединенное заседание до 7 час. вечера,

Постановили: Единогласно приняли: тов. Автономова отозвать от занимаемого им поста командующего войсками, отменив все мандаты, выданные им различным лицам.

Оперативную часть временно, впредь до назначения командующего, поручить Штабу Обороны.

Для успокоения войск выпустить воззвание.

Для составления воззвания избрать следующих лиц: Рубина, Балиса, Коробкина. Вилямовского. Островскую и Выгриянова.

Заседание закрыто в 1 час 20 минут дня.

Новое заседание открыто в 4 часа вечера.

Слушали: 2. Внеочередное заседание тов. Вилямовского об уплате посчетам за реквизицию.

Постановили: Временно утвердить постановление, внесенное тов. Вилямовским в письменной форме, об уплате по счетам за реквизиции с тем, чтобы организовать справедливое вознаграждение потерпевшим от борьбы с контр-революцией. Постановили:

1. Организовать постоянную особую комиссию по рассмотрению всех счетов и претензий по убыткам от гражданской войны, которая рассматривает и утверждает претензии. соблюдая очереди по мере поступления претензий и необходимости удовлетворения.

2. Оплачиваться и удовлетворяться должны лишь счета по реквизиции, при наличии надлежащих расписок, выданных реквизирующими или законными приемщиками

3. Претензии потерпевших от грабежа, самочинных реквизиций, от боев и других явлений, удовлетворяются лишь по актам, составленным советской властью за установлением фактов потерь и их цены понятыми служащими гражданами не менее пяти.

---

[1] Политический комиссар при Автономове, назначенный ЦОИК'ом.

4. В первую очередь удовлетворяются граждане бедняки и в суммах, безотлагательно необходимых для их трудовой жизни, но не более полторы тысячи рублей по каждой претензии . Факт бедности и нужды в вознаграждении удостоверяется местной советской властью через дознания.

5. Впредь до организации постоянной комиссии, выдача вознаграждений приостанавливается.

6. В виду случаев оплаты претензий малообоснованных и на местах не обследованных, поручить отдельной комиссии пересмотреть счета и претензии по оплаченным счетам, с правом привлечения лиц, виновных в создании дутых оценок и дутых претензий. При ограниченности средств удовлетворение претензий малообоснованных лишает возможности удовлетворить действительно пострадавших бедняков.

Слушали: 3. По предложению тов. Ян Полуяна обсуждается вопрос о создании Екатеринодарского отдельского совета.

Постановили: Предложить отдельскому съезду выделить из своей среды представителей и влитьв местный городской совет.

Слушали: 4. Выборы товарища комиссара по охране народных имуществ.

Постановили: Утвержден товарищем комиссара т. Ягода.

Слушали: 5. О реквизиции помещений для комиссариатов призрения и внутренних дел.

Постановили: Реквизировать дом Бабыча для комиссариата призрения и другой какой-либо дом для комиссариата внутренних дел.

Слушали: 6. О слиянии Исполнительных Комитетов Кубанской и Черноморской Республики.

Постановили: В виду того, что советской власти угрожает организованный враг со стороны германских, украинских капиталистов в виду того, что Новороссийская и Кубанская республики являются дополняющими одна другую, как в политическом, так и в экономическом отношении — все это побуждает к сплочению и объединению этих двух целых, к единству и согласованности действий, с одной стороны и сплочению в одно всех общественных сил двух этих советов — с другой стороны. Основываясь на всем этом, постановили: соединить в одну Кубано-Черноморскую Республику.

Слушали: 7. Практическое выполнение объединения. Доклад был сделан тов. Рубиным, который говорит о необходимости слияния двух комитетов кубанского и черноморекого в одно, таким путем: все представители Черноморской Республики в составе 15 человек вливаются в Кубанский Совет Народных Депутатов. Из этого совета выделяется Совет Комиссаров, а также из своей среды выделяет отдельных комиссаров.

Постановили: С 19 мая 1918 года считать единый Центральный Кубанско-Черноморский Исполнительный Комитет, соединив оба комитета воедино.

Постановлено сделать фракционное совещание и произвести выборы президиума.

После перерыва заседание открывается в 10 час 45 мин. вечера.

Слушали: 8. Вопрос о президиуме.

Постановили: В президиум вошли следующие представители: от партии большевиков-коммунистов председатель т. Борисенко, товарищ председателя тов. Худанин[1]. Секретарь тов. Циунчик, от партии левых соц.-револ. товарищ председателя тов. Балис, секретарь тов. Корнилов.

Слушали: 9. Вопрос об увольнении в отпуск тов. Ивницкого.

Постановили: Дать тов. Ивницкому двухнедельный отпуск.

Подлинный подписали:

Председатель Куб.-Чер. ЦИК Борисенко.

Секретарь Корнилов.

печать.

С копией верно.

[1] Александр Худанин был председателем новороссийской партийной организации большевиков, погиб в 1919 году в Крыму, будучи повешен белыми.

Копия с копии.

Протокол № 16

заседания (дневного) Центрального Исполнительного Комитета от 29 мая 1918 года.

Повестка дня:
1. О чрезвычайном штабе обороны.
2. О президиуме Центрального Исполнительного Комитета.
4. О военном заседании.

Слушали: 1. Внеочередное заявление представителя отряда бронированных поездов.

Постановили: Разъяснив об увольнении главнокомандующего Автономова и заявив отрядам, что они находятся в распоряжении Центрального Исполнительного Комитета, председатель преддожил отряду выступить по особому распоряжению ЦИК'а.

Слушали: 2. О разрешении обменить облигации.

Постановили: Принимая во внимание исключительное положение возвратившихся с фронта солдат, служащих при броневых поездах, ЦИК разрешил комиссару финансов разменять 1.500 рублей облигациями на мелкие монеты.

Слушали: 3. Внеочередное заявление тов. Бакулина о лабинском отдельском совете Войска Лабинского отдела, единодушно постановили, что Советскую власть будут защищать до последнего и будут исполнять распоряжения только Центрального Исполнительного Комитета.

Слушали: 4. О чрезвычайном штабе обороны.

Постановили: Выразить полное доверие чрезвычайному штабу обороны. Издать приказ, коим разъяснить провокационную работу Автономова, его распоряжения и телеграммы отпечатать в большом количестве, все материалы по конфликту с Автономовым, переговоры, ультиматумы, телеграммы распространить по войскам и станицам.

Слушали: 5. Об аресте членов ЦИК.

Постановили: Раз навсегда провозгласить неприкосновенность личности членов Исполнительного Комитета Советов и категорически протестовать против бесцеремонного ареста членов ЦИК'а.

Заседание прервано до 7 час. вечера.

Всему собранию предложено итти на военный митинг в городской сад

Подлинный подписали: Председатель Куб -Чер. ЦИКА Борисенко.

Секретарь Онипко. С подлинным верно:

Копия с копии.

Протокол № 17

вечернего заседания Кубано-Черноморского Центрального Исполнительного Комитета от 30 мая 1918 года.

Слушали: 1. Вопрос о совете комиссаров.

Постановили: Должности комиссаров распределить сдедующим образом: Комиссар финансов — тов. Тимченко (б-к), тов. комиссара — Дьяковский (л. с.-р.), внутренних дел — тов. Е Полуян (б-к), товарищ комиссара тов. Сердюк (л с.-р.). комиссар народного просвещения — К Полуян (б-к), товарищем комиссара — Корнилов (л. с.-р.), комиссаром труда — тов. Самарский (б-к), народного хозяйства — Волошин (б-к), путей сообщения — тов. Соркин (б-к), почт и телеграфов — тов. Жоров (л. с.-р.), земледелия — тов. Вилямовский (л. с.-р.), товарищем комиссара—Усагин, (б-к), национальных дел — тов. Балис (л. с.-р.), юстиции — тов Выгриянов (л. с.-р.), призрения — тов Озеров (л. с.-р.), врачебно-санитарн.— тов. Монахов (б-к), военный — тов. Толмачев (б-к).

Слушали: 2. Внеочередное заявление о снятии самозванного караула Дербентского полка на прямом проводе.

Постановили: Поручить тов. Я. Полуяну и Виляморскому снять караул Дербентского полка с прямого провода и поставить другой.

Слушали: 3. Вопрос о президиуме

Постановили: Председателем избрать тов. Рубин (б.-к), товарищами председателя: Балис (л. с.-р) и Борисенко (б-к), секретарями т. т. Онипко (л. с.-р.) и Цвибик.

Слушали: 4. Об издании приказа.

Постановили: Поручить комиссии из т. т. Марочкина и Лехно составить приказ от имени ЦИК'а, каковые товарищи должны немедленно приступить к обработке приказов.

Слушали: 5. Заявление товарищей, влившихся в ЦИК от Черноморской республики, об отпуске в гор. Новороссийск для сдачи дел.

Постановили: Разрешить отпуск всем членам ЦИК Черноморской республики на три дня, а тов. ком. по народному просвещению и комиссару финансов на одну неделю, в каковой срок они должны обратиться к своим сбязанностям

Слушали: 6. Заявление тов. Рубина о выдаче денег в сумме трех миллионов рублей Черноморской республике.

Постановили: Передать в Совнарком Кубанско-Черноморской Республики для разрешения в экстренном порядке.

Слушали: 7. Заявление товарища комиссара К. Полуяна о занятии здания, занимаемого комиссариатом народного просвещения для помещения контр-разведки.

Постановили: Оставить это помещение в ведении комиссариата народного просвещения.

Слушали: 8. Внеочередное заявление командира эшелонов, стоявших в Невинномысской.

Постановили: Предлагается обратиться к Чрезвычайному Штабу по вопросу о разгрузке эшелонов. Выполнить это постановление поручается тов. Денисову.

Слушали: 9. Внеочередное заявление комиссара по снабженю армии тов. Бакулина.

Постановили: Деньги на текущем счету комиссара снабжения Бакулина передать Чрезвычайному Штабу. Деньги с текущих счетов отдельных комиссариатов вообще выписывать не иначе, как по чекам, подписанным комиссаром и секретарем.

По чекам комиссариатов штаба выдавать не иначе, как за подписью начшаба, комисотдела штаба и делопроизводителя или секретаря.

Слушали: 10. О вступлении в должность вновь избранных комиссаров.

Постановили: До вступления в должность вновь избранных комиссаров прежние комиссары остаются при исполнении своих служебных обязанностей.

Подлинное подписали:

Председатель Куб.-Чер. ЦИК Рубин.

Секретарь Онипко.

С копией верно:

Копия с копии.

Протокол № 21

заседания Центрального Исполнительного Комитета Кубанско-Черноморской Советской Республики от 30 мая 1918 года. Председательствовал А. Рубин. Секретарь Онипко.

Слушали: 1. Доклад т. Гайченца о срочном вызове представителя военного комиссариата в ставку войск в Тихорецкую.

Постановили: Обсудив этот вопрос, постановлено: избрать военный комиссариат из трех лиц. Избранными оказались т. т. Гайченец, Озеров и Силичев, кандидатом к ним – Кудрявцев.

Избранным трем лицам выделить из своей среды двух делегатов для посылки в Тихорецкую.

Товарищ председателя фронта[1] должен войти в военный комиссариат.

Лицам, ранее работавшим в военном комиссариате, предложить продолжать свои работы в комиссариате до возвращения делегатов из Тихорецкой.

Слушали: 2. Порядок следующего дня.

Постановили: В 9 часов утра устроить фракционное заседание, по окончании заседания фракции открыть пленарное заседание Центрального Исполкома.

Слушали: 3. Внеочередное заявление об. . . .

Постановили: Открыть кредит Отделу снабжения при военном комиссариате в размере пяти миллионов рублей и предоставить право распоряжаться этой суммой, предупредив коммиссариат о том, что финансовое положение народного банка затруднительное.

Подлинный подписали:

Председатель Куб.-Чер. ЦИК А. Рубин.

Секретарь Онипко.

С копией верно:

Копия с копии.

Протокол № 22

заседания Центрального Исполнительного Комитета Кубано-Черноморской Советской Республики нового состава, избранного на III-м съезде Советов от 1-го июня 1918 года. Председательствовал А. Рубин. Секретарь Вл. Черный.

Слушали: 1. Избрание президиума.

Постановили: Утверждается президиум в следующем составе: председатель – А. Рубин (от коммунистов большевиков), товарищем председателя — Островская (от коммунистов-большевиков), т. Козлов (от левых с.-р.).

Секретарями — Вл. Черный (от коммунистов-большевиков) и Я. Онипенко (от левых с.-р).

Слушали: 2. Избрание комиссаров.

Постановили: Утверждены:

1. Комиссар внутренних дел — Я. Полуян (от коммунистов-большевиков), товарищем его — Сердюк (от левых с.-р.).
2. Комиссаром юстиции — т. Выгриянов (от левых с.-р.).
3. Комиссаром призрения — т. Рыло (от левых с.-р.)
4. Комиссаром земледелия —т. Вилямовский (от левых с.-р.), товарищем его— Усагин (от коммунистов-большевиков).
5. Комиссаром труда—т. Марочкин (от коммунистов-большевиков), второго товарища должна представить фракция левых с.-р.
6. Комиссаром финансов — т. Темченко (от коммунистов-большевиков).
7. Комиссаром национальных дел - т. Балис (от левых с.-р.).
8. Комиссаром продовольствия — т. Гришин (от коммунистов-большевиков).
9. Комиссаром народного просвещения—т. Борисенко (от коммунистов-большевиков), товарищем его — т. Корнилов (от левых с.-р.).
10. Комиссаром почты и телеграфов -- Жоров (от левых с.-р.).
11. Комиссаром здравоохранения — т. Монахов (от коммунистов-большевиков).
12. Комиссаром путей сообщения — т. Соркин (от коммунистов-большевиков).

Слушали: 3. О совете народного хозяйства и о комиссаре народного хозяйства.

---

[1] Очевидно речь идет о председателе общеармейского комитета. Постановление это не было осуществлено.

Постановили: Вопрос о разграничении фракций отдельных комиссариатов, президиума ЦИК и президиума Совнаркома перенести на обсуждение президиума ЦИК.

Согласно положения, выдвинутого фракцией коммунистов - большевиков на основании декрета, прочитанного в заседании, утверждается комиссаром народного хозяйства — т. Волошин (от коммунистов-большевиков).

Независимо от сконструирования президиумов ЦИК и Совнаркома, т. Волошин должен продолжать работу по народному хозяйству и вести организацию народного хозяйства.

Товарищем коммиссара народного хозяйства назначается тов. Введенский (от лев. с.-р.).

Слушали: 4. О комиссаре по охране имущества республики.

Постановили: Впредь до организации совета народного хозяйств, комиссариат по охране народных имуществ должен функционировать.

Слушали: 5. Об управляющем делами совета народных комиссаров.

Постановили: Управляющим делами совета народных комиссаров назначается тов. Акулов.

Слушали: 6. Об отпуске.

Постановили: Тов. председателя ЦИК тов. Козлову предоставить отпуск.

Товарищу Соборному и Монахову предоставить 4-хдневный отпуск. До возвращения т. Монахова при исполнении обязанностей комиссара здсавоохранения остается т. Богуславский. Тов. Темченко предоставить 3-хдневный отпуск.

Слушали: 7. Помощь военному комиссариату.

Постановили: В виду утомления членов военного комиссариата и недостатка их, в военный комиссариат командировать тов. Красникова, Минакова и Кереметчи.

Слушали: 8. О регламенте.

Постановили: Поручается президиуму выработать регламент и назначить время заседания ЦИК.

Слушали: 9. Организация комиссии по проверке счетов.

Постановили: Все счета по реквизиции и др. направлять в отдельские советы или же в отдел по охране имущества т. Шипулину.

Слушали: 10. Заявление новороссийских городских служащих.

Постановили: Заявление представителей нсвороссийских городских служащих и рабочих будет рассмотрено президиумом в первую очередь.

Представитель служащих, согласно своему обещанию, посылает в Новороссийск телеграмму об отсрочке назначенной забастовки.

Подлинный подписали:

Председатель А. Рубин.

Секретарь Вл. Черный.

Печать.

С копией верно:

Копия с копии.

Протокол №

совместного заседания Совета Народных Комиссаров и Президиума Центрального Исполнительного Комитета от 1-го июня 1918 года.

Присутствуют: Полуян Я., Волошин, Усагин, Рыло, Выгриянов, Вилямовский, Корнилов, Самарский, Островская, Рубин, Черный, Онипко, Акулов, Кудрявцев, Гайченец, Темченко, Гришин.

Заседание открывается в 10 час. вечера.

Председатель тов. Усагин, Секретарь тов. Акулов.

Порядок дня:

1. Конструкция и функции Совнаркома.
2. Конструкция и функции ЦИК.
3. Конструкция и функции президиума ЦИК.

Слушали: 1. После продолжительного обсуждения вопроса о конструкции и функции Совнаркома вынесли следующие решения.

1. Совет Народных Комиссаров выделяет председателя и 3-х товарищей из наиболее ответственных комиссаров при Совете Народных Комиссаров, 2 приглашенных секретаря (секретарь и его помощник). Этот президиум вместе с президиумом ЦИК может принимать решения в случаях, не терпящих отлагательства и невозможности созвать пленум.

2. Каждый комиссариат имеет один решающий голос на комиссариат, в случае отсутствия комиссара на заседании Совнаркома решающий голос имеет товарищ комиссара, в случае присутствия 2-х товарищей на заседании Совнаркома они сговариваются и имеют один решающий голос, в случае расхождения между ними — решающего голоса никто из них не имеет.

3. В президиум Совнаркома избираются: 1-й Я. Полуян, 2-й Балис и 3-й Темченко.

4. Председатель Центрального Исполнительного Комитета, а за отсутствием — товарищ председателя, имеет право решающего голоса на заседании Совнаркома

5. Каждый комиссар имеет право издавать те или иные приказы самостоятельно, не выходя из пределов общих указаний Совнаркома или Центрального Исполнительного Комитета по данному вопросу,

6 Указания Центральной власти проводятся в жизнь отдельными комиссарами и Совнаркомом самостоятельно.

7. Изменения в декреты Центральной власти в зависимости от местных условий вносятся только пленумом Центрального Исполнительного Комитета.

8. Служебные командировки комиссару разрешает только Совнарком. В экстренных случаях командировку разрешает президиум Совнаркома; в случае невозможности передать вопрос о командировке на разрешение президиума Совнаркома, комиссар, беря на себя ответственность, утверждает командировку сам Товарищу комиссара разрешает командировки комиссар.

9. Каждый комиссар может приглашать себе сотрудников из членов Центрального Исполнительного Комитета не более 2-х, остальные вольнонаемные специалисты или делегаты со съездов специалистов. В том и другом случае специалисты не пользуются правом решающего голоса в комиссариатах.

10. Заседание Совнаркома происходит два раза в неделю: в понедельник и четверг в семь часов. Кроме очередных заседаний могут иметь место экстренные в случаях, не терпящих отлагательства.

11. Временно заседания Совнаркома происходят в здании бывшего окружного суда в комнате № 31.

Слушали: 2. О функции и конструкции Центрального Исполнительного Комитета приняты следующие решения.

Постановили: 1. Центральный Исполнительный Комитет является органом законодательным, Совнарком — исполнительным.

2. Кворум Центрального Исполнительного Комитета устанавливается в 17 ч.

3. На заседаниях Центрального Исполнительного Комитета пользуются правом решающего голоса из комиссариатов только те, которые не выступают на данном заседании с докладом.

Слушали: О функциях президиума приняты следующие резолюции.

Постановили: Орган президиума Центрального Исполнительного Комитета — исполнительный, Центрального Исполнительного Комитета президиум Совнаркома создается для экстренного разрешения важных вопросов. Для обсуждения вопросов обще-государственного значения, не терпящих отлагательства, созывается объединенное заседание президиумов Центрального Исполнительного Комитета и Совнаркома, в случае невозможности созыва пленума Центрального Исполнительного Комитета.

Заседание закрывается в 1 час ночи.

С подлинным верно:

Председатель Акулов.

За секретаря (подпись).

С копией верно:

Копия с копии.

Протокол № 23

заседания Центрального Исполнительного Комитета Кубанско-Черноморской Республики от 2-го июня 1918 года. Председательствующий тов. А. Рубин. Секретарь Вл. Черный.

Повестка дня:

1. Утверждение регламента.
2. Доклад о совместном с Совнаркомом заседании.
3. Организационный вопрос.
4. Текущие дела.

Слушали: 1. Утверждение регламента.

Постановили: Регламент утверждается. Президиуму обсудить вопрос о посылке этого регламента в отдельские Советы, как инструкции.

Слушали: 2. Внеочередное заявление т. т. Корнилова и Циунчика. Сообщить что около гостиницы „Европа" собралась толпа, где говорят провокационные речи

Постановили: Просить тов. Циунчика отправиться в военный комиссариат осветить положение и принять все соответствующие меры.

Слушали: 3. Внеочередный доклад представителя военного комиссариата тов. Гайченца.

Постановили: а) Ассигновать сто пятьдесят тысяч руб. на покупку лошадей для артиллерийской бригады.

б) Из ассигнованных военному комиссариату пяти миллионов рублей немедленно отпустить сто пятьдесят тысяч рублей на покупку лошадей артиллерийской бригаде.

в) Издать приказ от ЦИК об избрании военного комиссариата, его полномочиях, назначениях и приказ распространить всем.

Организационный вопрос и доклад о совместном заседании Президиума и Совнаркома откладывается до следующего заседания.

Слушали: 4. Текущие дела о тов. Мединюке.

Постановили: Отправить делегата от комиссариата внутренних дел и потребовать от крымского Совдепа немедленной доставки со всем обвинительным материалом тов. Мединюка в Екатеринодар, возложив ответственность за безопасную доставку на ст. Крымскую в лице ее Совета.

Дело о станице Крымской для установления спокойной жизни и упрочения советской власти передается в комиссариат внутренних дел.

Слушали: 5. Утверждение тов. комиссара продовольствия.

Постановили: Товарищем комиссара продовольствия утверждается тов. Дунаевский.

Слушали: 6. Доклад политического комиссара Ростовского фронта Ткачева.

Тов. Ткачев, освещая положение на фронте, сообщает, что дело продовольствия и вооружения армии находится в печальном положении и потому просит ЦИК обратить на это серьезное внимание. Тов. Ткачев отмечает факт отсутствия инженерных частей, весьма необходимых для войны. Эвакуация раненых бойцов, несущих сознательно свои головы за Советскую власть, в возмутительных санитарных условиях. Тов. Ткачев просит наладить просветительное дело в армии, посылая туда возможно больше газет, всевозможной серьезной литературы и агитаторов.

В армии пришлось встречаться с особым типом контрабандистов, которые тайно продают всевозможные мануфактурные и продовольственные товары за большую цену.

Есть данные думать, что существует целая организация, сеть контрабандистов, которые обделывают свои делишки на всех узловых станциях — Армавир, Тихорецкая, Батайск, Кущевка, Кисляковка, Тимошевка и все эти пункты снабжаются из Екатеринодара.

Постановили: а) Выслушав доклад, ЦИК постановил: а) мобилизовать все силы для постановки дела наилучшей санитарии, снабжения и питания, для чего 3-го июня созвать экстренное заседание с соответствующими комиссарами выяснив—существуют ли учреждения Согор, для немедленного проведения в жизнь всех необходимых мероприятий.

б) Выпустить воззвания к жителям прифронтовой полосы о предоставлении квартир для лазаретов, к станицам — о снабжении фронта бельем, материалами, и зерном, к гражданам — о записи желающих помочь в организации питательных пунктов и постановке ухода за ранеными.

Слушали: 8. О борьбе с контр-революционной агитацией.

Постановили: Заслушав ряд сообщений о контр-революционной агитации, ЦИК постановляет организовать агитационно-пропагандистский отряд ЦИК, что поручает президиуму.

б) Вопрос о борьбе с контр-революцией и о чрезвычайной следственной комиссии обсудить совместно с Исполнительным Комитетом Екатеринодарского Совдепа.

Слушали: 9. Об издании приказа о прекращении травли против Сорокина.

Постановили: Телеграмму тов Козлова ЦИК разделяет и с нею согласен, что и опубликовать.[1]

Слушали: 10. Вопрос о беженцах.

Постановили: Поручить комиссариату призрения и комиссариату по земельным делам принять экстренные и энергичные меры.

Подлинный подписали:

Председатель Куб-Чер. ЦИК А. Рубин.

Секретарь ЦИК Вл. Черный.

С копией верно:

Копия с копии.

Протокол № 24

пленарного заседания Центрального Исполнительного Комитета Кубанско-Черноморской Советской Республики 4-го июня 1918 г. Председательствовал т. А. Рубин. Секретарь т. Вл. Черный.

Повестка дня:

1, Доклад тов. Швеца.

2. Декларации и предложение всем комиссарам вступить с программными речами в ЦИК.

3. Финансовая политика.

4. Контр-революция в Республике.

Слушали: Доклад тов. Швеца о поездке в Москву к Всероссийской Советской власти.

Постановили: а) Официально подтвердить Всероссийскому Совнаркому что мандаты, выданные на ЦИК Кубанско-Черноморской Советской Республики, не действительны и требования, предсгавляемые по этим мандатам, не подлежат удовлетворению.

б) Дать радио в центр, что Кукс агент Филимонова.

в) Вызвать из Тихорецкой т. Седина, ввиду того, что ЦИК неизвестна судьба т. Озерова и Силачева, выехавших в Тихорецкую несколько дней тому назад.

---

[1] Тов. Козлов, молодой питерский рабочий, был назначен К.-Ч. ЦИК комиссаром при Сорокине. В данной телеграмме он рисовал Сорокина, как храброго и преданного командира и всячески реабилитировал его.

г) Сообщить в центр в копии во все Отделы, что никакое вооружение, снаряжение, финансы и проч. не должно выдаваться никому для Кубанско-Черноморской Республики, кроме лиц, снабженных соответствующими мандатами от Центрального Исполнительного Комитета.

д) От имени ЦИК издать приказ по республике о том, чтобы никаких делегаций от отделов с какими бы то ни было поручениями в центр не посылалось.

Слушали: О контр революции в Республике.

Постановили: а) Немедленно реорганизовать агитационно-пропагандистскую коллегию, изъяв ее из комиссаритата внутренних дел, и передать в ЦИК. Во главе ее поставить членов ЦИК т. т. Зорьку и Лехно.

б) В виду очень сложного и серьезного положения в Майкопском отделе, послать в отдел политического комиссара — члена Центрального Исполнидельного Комитета — Швеца.

в) Президиуму ЦИК поручается собрать сведения о комиссии по борьбе с контр-революцией, пригласив для совещания комиссара юстиции тов. Выгриянова.

г) Все мероприятия, предпринятые президиумом по вопросу о борьбе с контрреволюцией, утверждаются.

д) Принципиально признается желательной поездка т. Балиса по горским аулам для улажения возникших недоразумений.

е) Назначить на всех бронированных поездах политических комиссаров из числа выдержанных членов партийных организаций.

Слушали: Декларация.

1. Хозяйство страны, полученное от самодержавия и войны, есть остатки — развалина, которые нужно восстановить и создать.

2. Средства отсутствуют, необходима экономия и бережность там, где излишняя щедрость не нужна.

3. Необходимо восстановление путей сообщения, ибо это нервы страны, без которых жизнь будет останавливаться на месте.

4. Непроглядную темноту народа, которая была выгодна самодержавию, нужно беспощадно рассеивать правильно поставленным и щедро снабженным народным просвещением.

5. С наблюдающейся безработицей предпринимается энергичная борьба путем распространения и урегулирования общественных работ, ибо Советская власть стоит не за развращающую благотворительность, а за честный труд.

6. Почта и телеграф должны быть поставлены на должную высоту, ибо это одно из сильнейших орудий борьбы с контр-революцией, путем рассеивания провокационных слухов.

7. Главнейшей задачей Советской власти Кубанско-Черноморской Республики является самая энергичная борьба с немецким нашествием.

8. Всеобщая трудовая повинность.

Постановили: Обсуждение декларации будет плодотворным только тогда, когда она будет представлена в письменном виде. Президиум должен разобрать декларацию и представить ее со всеми поправками на очередное заседание Центрального Исполнительного Комитета.

Слушали: Доклад о финансовой политике и налоге на пивоварение.

Постановили: Доклад о финансовой политике предварительно должен быть рассмотрен Советом народных Комиссаров, который, утвердив его, поручает комиссариату финансов представить на утверждение пленума ЦИК.

Слушали: О выражении протеста представителей съезда земельных комитетов Черноморской Республики против тов. Комиссара по земельным делам тов. Усагина.

Докладчик тов. Мармазинский доводит до сведения ЦИК, что между Черноморским земельным съездом и Усагиным произошел конфликт. По этому поводу т. Мармазинский заявляет, что съезд земельных комитетов Черноморской Республики против советов не выступал.

Постановили: Заслушав доклад представителей земельных комитетов Черноморской республики и обьяснения т. Усагина по поводу его конфликта со съездом, ЦИК принимает это к сведению и предлагает президиуму выработать соответствующую резолюцию, которую представить к следующему заседанию ЦИК.

Слушали: Заявление т. т. представителей фронтового съезда.

Постановили: Пригласить т. т. фронтовиков, выделенных 1-м фронтовым съездом, в качестве сотрудников в военный Комиссариат.

Слушали: Доклад членов Военного Комиссариата о поездке на фронт.

Тов. Силичев сообщает, что необходимо назначить, о чем просит и т. Кальнин, политического комиссара в его штабе. Выясняется, что тов. Снесарев—главный руководитель войск Северного Кавказа—уже приехал и вступает в исполнение своих обязанностей.

Очередной задачей является плановая организация военного дела и преобразование военного комиссариата в правильно оборудованный и действующий аппарат.

Оглашается приказ начальника штаба тов. Балабина, явно направленный против Советской России.

Постановили: Для образования военного комиссариата Кубанско-Черноморской Советской Республики ЦИК приглашает военным руководителем тов. Сосницкого и избирает в качестве двух политических комиссаров членов Центрального Исполнительного комитета — т. т. Силичева и Озерова.

Подлинный пописали:

Председатель Куб. Черн. ЦИК А. Рубин.

Секретарь ЦИК Вл. Черный.

Печать.

С копией верно:

Копия с копии

Протокол № 25

заседания Центрального Исполнительного Комитета Кубанско-Черноморской Советской Республики 6 июня 1918 года.

Заседание открывается в 7 час. вечера.

Слушали: Вопрос о продаже, праве торговле и перевозке табака.

Постановили: 1. Перевозка табака в листах в пределах всей Кубанско-Черноморской Республики допускается не иначе, как по провозным свидетельствам, выданным местным Акцизным надзором и удостоверяемым Советской властью на местах.

2. Вывоз табака за пределы Кубанско-Черноморской Республики без разрешения комиссариата финансов не допускается.

3. Крошенные табаки временно, впредь до особого распоряжения Центрального Исполнительного комитета, в виду отсутствия транспорта и тяжелого денежного положения табаководов, разрешается перевозить и продавать не иначе, как 320 р. за пуд. Твердая рыночная цена на развесной табак определяется не ниже 12-ти руб. за фунт.

4. Акцизный сбор вносится плантаторами вперед в ближайшее казначейство на основании квитанции о взносе местная власть выдает разрешения на вывоз; квитанция при этом отбирается и направляется в финансовый отдел Центрального Исполнительного Комитета. Разрешение на вывоз отбирается комендантами тех станций, куда табак привезен для продажи и вместо них выдаются особые ордера, дающие право на торговлю.

5. Неплантаторам никаких свидетельств не выдается, и в случае провоза ими крошенного табаку, таковой конфискуется.

6. Местным Совдепам вменяется в обязанность наблюдать за выполнением сих правил. Виновные в нарушении их подвергаются личному задержанию и преданию суду трибуналов.

Слушали: Доклад комиссара финансов о налоговом аппарате.

Постановили: Вопрос о реорганизации налогового аппарата передать на рассмотрение Совнаркома.

Слушали: Доклад комиссара финансов о положении в стране.

Тов. Волошин просит занести в протоколе сообщение тов. Балиса о том, что:

1. Несмотря на неоднократные просьбы т. Дунаевского об отпуске ему из Ростовских сумм в распоряжение Чекпрода 7.000.000 руб., он (Балис) отпуска не удовлетворял.

2. Что кредит Дунаевского был разрешен т. Ивницким, подписавшимся на ордере "За председателя".

3. Что секретарь ЦИК'а тов. Черный также, как и Балис, отказался подписать ордер.

Тов. Рубин просит занести в протокол сообщение т. Циунчика о том, что он (Циунчик) присутствовал при обсуждении вопроса о кредите Дунаевскому и был против разрешения этого кредита. Он (Циунчик) знает, что Балис ордера не подписывал. Тов. Дунаевский просит занести в протокол слова Балиса „Кто-то подписал ордер"...

Постановили: 1. Послать радио т. Орджоникидзе.

2. В случае неполучения финансового подкрепления, выпустить в обращение крупной купюры облигации „Займа Свободы", имеющиеся в банке в количестве 14.000.000 рублей по курсу 425 руб.

3. В случае чрезвычайной надобности в деньгах, взять 2.000.000 руб. на текущий счет ЦИК из продовольственных сумм, на что главный комиссар Чекпрода т. Дунаевский изъявляет согласие.

4. 3.000.000 руб, лежащие на текущем счету т. Коробкина и 1.000.000 руб. лежащие на текущем счету т. Дунаевского переписать на имя ЦИК.

Слушали: Доклад тот. Соборного о Батайской победе и событиях 4-го июля.

Постановили: Послать телеграмму всем войскам Ростовского фронта. Кальнину, Сорокину и Родионову.

Заслушав доклад приехавшего с фронта тов. Соборного о славном успехе советских войск под Ейском, ЦИК и Совет Народных Комиссаров, гордые победой товарищей, шлют горячий привет товарищам, бойцам вместе с их командирами Кальниным, Сорокиным, Родионовым. „Да здравствует Советская власть, да здравствует Социализм".

2. Написать воззвание фронтовикам с приветствием по поводу одержанной победы поручить Политическому отделу ЦИК.

3. Заслушав доклад тов. Соборного о том, что вследствие перегруженности дорог воинам приходится итти пешком, ЦИК предписывает немедленно принять меры для того, чтобы войска могли подвозиться к фронту настолько близко, насколько это является нужным по военным соображениям, для чего комиссару путей сообщения предлагается принять все меры к разгрузке железнодорожной линии от Каялы до Тихорецкой.

Слушали: Доклад о событиях в баку тов. Малыгина.

Тов. Гайченец просит внести в протокол отказ председательствующего тов. Лехно предоставить ему возможность высказаться в порядке ведения собрания.

Постановили: Доклад передать на рассмотрение и заключение Совнаркома.

Слушали: Доклад тов. Лехно о забастовке печатников, протестующих против закрытия „Проблеска" и „Искры".

Постановили: Именем ЦИК приказать печатникам продолжать работу. Если печатники откажутся от работы впредь, до разрешения печатания „Проблеска" и „Искры"

1. Оставить работать тех из печатников, которые на то согласны.
2. Привлечь к работе безработных печатников.
3. Саботажников же отчислить от занимаемых должностей.

Подлинный подписали:

Тов. председателя ЦИК Евг. Лехно.

Секретарь Вл. Черный.

Печать

С копией верно:

Копия с копии.

Протокол № 26

пленарного заседания Центрального Исполнительного Комитета от 8 июня 1918 года. Председатель А. Рубин, Секретарь Вл. Черный.

Повестка дня:
1. Доклад политического комиссара Юго-Восточной Армии.
2. О контрибуциях.
3. О выдаче финансов.
4. Счетно-контрольная коллегия.
5. Доклад президиума Центрального Исполнительного Комитета.
6. Текущие дела.

Слушали: Доклад политического комиссара Ростовского фронта тов. Козлова.

Тов. Козлов в начале своего доклада останавливается на личности тов. Сорокина и на той травле, которая до сих пор против него и затем переходит к изложению тех многообразных нужд, которые так сильно ощущаются на фронте и выражаются в отсутствии перевязочных средств и в особенности лошадей, фуража, недостатка обмундирования, белья, шинелей и пр. и медикаментов.

Тов. Козлов заявляет, что в силу необходимости приходится иногда прибегать к реквизициям.

Постановили: а) Заслушав доклад политического комиссара Ростовского фронта, ЦИК среди ряда других мер находит необходимым предложить комиссариату здравоохранения немедленно организовать поезд-чайную для разъезда по линии около фронта, чтобы утолять жажду людей, на много верст в степи лишенных воды, а также и с запасом воды для лошадей, падающих от жажды.

б) В ближайшее время созвать представителей интендантства для детальной разработки инструкции по упорядочению снабжения армии, реквизиции и пр.

Слушали: О документах на право хождения на улицах.

Постановили: а) Возможно скорее заготовить удостоверения-книжки с фотографическими карточками и снабдить ими всех членов ЦИК и Совета Народных Комиссаров.

б) Издать приказ об отмене всех мандатов, профильтровав всех предъявителей с оговоркой, что служащие различных комиссариатов должны получать соответствующие удостоверения от своих комиссаров.

Слушали: Членами президиума ЦИК доводится до сведения ЦИК изданный приказ № 20 о реквизициях и контрибуциях.

Постановили: Приказ № 20 о контрибуциях и реквизициях, уже изданный президиумом ЦИК, утверждается.

Слушали: О выдаче финансов.

Постановили: Все суммы по тем или иным сметам, кредитам и пр. должны быть выдаваемы, только будучи скреплены тремя подписями — председателя ЦИК, комиссара финансов и т Орджоникидзе или его уполномоченных, за исключением кредитов, открытых отдельным комиссариатам и отделам.

Слушали: Отчетно-контрольная коллегия.

Постановили: Признавая в принципе крайне желательным образование счетно-контрольной коллегии, поручить комиссару финансов немедленно в ближайшее время образовать ее и призвать к работе.

Слушали: Доклад президиума ЦИК о Майкопских нефтяных промыслах.

Постановили: До расследования специальной комиссией дела Майкопских рабочих и до созыва конференции, договор нефтяных рабочих с предпринимателями остается в силе.

Слушали: О телеграмме тов. Козлова.

Постановили: а) Послать в Сочи т Козлову телеграмму о том, что никакие сепаратные делегации в центр недопустимы, ибо они будут безрезультатны.

б) Предложить т. Козлову выехать в Екатеринодар.

в) Представить мотивированную смету о нуждах Сочинского округа.

Слушали: Текущие дела.

1. О Мирошниченко.
2. О созыве съезда Отрадного Отдела.
3. Доклад комиссара земледелия.
4. О казначее.

Постановили: 1. а) Полномочия, полученные Мирошниченко от 1-го фронтового съезда, несмотря на решение Холмского Совета (протокол № 16 от 1-го июля 1918 г.) аннулируются, ввиду очевидной его преступности, а также вследствие приговора Окружного Суда к 8-мимесячному заключению его в тюрьму.

б) Отобрать у него все мандаты.

в) Об этом решении довести до сведения Совета Народных Депутатов станицы Холмской.

2. Созвать съезд Советов Отрадного Отдела в Екатеринодаре на 19 июня для выяснения нужд Отрадного Отдела.

4. В состав Центрального Исполнительного Комитета единогласно кооптируется тов. Бакулин и избирается казначеем Центрального Исполнительного Комитета.

Подлинный подписали:

Тов. председателя ЦИК Лехно.

Секретарь ЦИК Вл. Черный.

Печать.

С копией верно:

ОГЛАВЛЕНИЕ.

